ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК

1976

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК 1976

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1978

9
Т 98

В сборник включены доклады, прочитанные на VII Тюркологической конференции (июнь 1975 г.), и ряд других материалов посвященных изучению турецкого языка, истории государства Сельджукидов и Османской империи, в том числе историографии, источниковедению и истории общественной мысли этих государств.

Т $\frac{10603\text{-}177}{013(02)\text{-}78}$ БЗ-75-1-77

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ИСТОРИЯ

Н. А. Айзенштейн

ОБ АНТИФЕОДАЛЬНОЙ ОППОЗИЦИИ ДЖЕЛЯЛЕДДИНА РУМИ

(по материалам «Житий» Ахмеда Эфляки)

Одним из первых в европейской науке, кто пытался, хотя бы пунктиром, набросать силуэт Джеляледдина Руми-человека, был, видимо, Иоганн Вольфгант Гёте [1].

Когда Гёте в комментариях к своему «Западно-восточному дивану» писал, что Руми «чувствует себя неуютно на сомнительной почве действительности», он имел в виду не только его философские воззрения, он видел великого старца, который парил где-то в мистических высях над грешной землей [2].

Суфий-аскет, «соловей созерцательной жизни» — подобное представление о Руми сохраняется почти до наших дней. Но оно идет не от современников Мевляны. Для многих его современников великий суфий, как его обычно называют, был великим эрудитом, страстным проповедником, яростным спорщиком, вольнодумцем, еретиком. Об этом говорят «Житие» [3] Ахмеда Эфляки и письма [4] Мевляны. Но со временем представление о вольнодумстве Руми было утрачено. Вот что пишет в «Очерке по истории турецкой литературы» В. Д. Смирнов: «...памятники древнейшей османской поэтической литературы состоят из назидательных душеспасительных размышлений в стиле... „Месневи" Джеляледдина Руми, которое сделалось образцом для последующих богомыслящих философов» [5]. Из этой скупой, не очень емкой характеристики выступает силуэт Джеляледдина Руми, смиренного, богомыслящего, каким его видели, вернее, хотели видеть на протяжении веков.

У подобных представлений оказалась большая сила инерции. Она дает себя чувствовать и в исследованиях европейских ученых не только XIX, но и XX столетия. Обыкновенного теолога видел в Руми Винфельд, «величайшим мистиком» именуют его Арберри и Никольсон. Успешную попытку «вернуть» Джеляледдина Руми «на землю» и привлечь внимание к мощному гуманистическому звучанию его творчества предприняли

советские ученые во главе с Е. Э. Бертельсом и И. С. Брагинским[6]. Последний в своих изысканиях впервые высказал мысль, что за мистицизмом Руми скрывается оппозиция ортодоксальному исламу. Эта идея была разработана таджикским ученым Н. Одиловым, который определил творчество Руми как эпоху в развитии вольнодумства на Ближнем и Среднем Востоке[7].

Давно уже стала хрестоматийной легенда о слепом старце Гомере, из-за которого спорили семь городов. Очевидно одно — Гомер принадлежит древней Элладе.

Но вот перед нами книги по истории средневековой персидской и турецкой литературы. И здесь мы видим одно и то же имя — Джеляледдин Руми (Мевляна). Иранцы называют его своим великим поэтом, турки — родоначальником турецкой литературы. И это соответствует исторической правде. Но сегодня о Джеляледдине Руми спорят, спорят иранцы и турки, арабы и афганцы. Какова же их аргументация? Арабы, например, основывают свои притязания на предании, согласно которому один из предков Руми ведет свой род от халифа Абу-Бекра. Аргументация афганцев строится на более реальном факте: Руми родился в г. Балхе, расположенном на территории афганского государства.

Конечно, принадлежность одного поэта двум или нескольким литературам для средних веков явление довольно ординарное. Но здесь мы имеем дело с более сложной историко-литературной ситуацией. Джеляледдин Руми родился в 1207 г. в Балхе, в Мавераннахре. Как человек и поэт, он унаследовал персидскую культурную и литературную традицию, и произведения его написаны на фарси. Но бо́льшую часть своей жизни Руми провел в Малой Азии, в Руме. И прозвище Руми, Румский навсегда связало его с историей и культурой этой страны.

Название «Рум» («Рим», Восточная Римская империя) идет от арабов. Так именовались в средние века малоазиатские владения Византии и одновременно — государство Сельджукидов в Малой Азии, Иконийский султанат.

Джеляледдин Руми жил и творил в государстве Сельджукидов Рума, наследниками которых и явились, как известно, турки-османы.

Попытку решить проблему национальной принадлежности Руми сделал в 1952 г. пакистанский ученый, проф. Хамидуллах Хан, который заявил: «Руми не принадлежит одному народу. Он принадлежит человечеству»[8]. Но, конечно, этот тезис, по-своему гибкий и убедительный, не погасил жарких дискуссий.

В сознании средневекового человека мы не найдем еще такого понятия, как конкретные исторические условия (оно придет позднее вместе с элементами историзма). Мы знаем, мусульманская география делила мир на «две страны»: страну пра-

воверных и страну неверных. На «удобство» такой формулы указывал в свое время К. Маркс[9]. Сегодня мы оперируем понятием типологического сходства государственной и общественной структуры стран Ближнего и Среднего Востока в эпоху средневековья, говорим о средневековой арабо-мусульманской культурной общности. Но это не снимает, конечно, вопроса о существовании «несходства». Убедительная иллюстрация этого — государство Сельджукидов Рума.

В XIII в. в Иконийском султанате уже определилась сословно-корпоративная общественная структура, четко обозначилась та феодальная лестница, которая составляет основу любого средневекового общества. Здесь проступили и характерные контуры восточной деспотии, которые окончательно оформятся затем в Османской империи (земля и люди — собственность султана). И здесь в эпоху, «когда церковь выступила в качестве наиболее полного синтеза и санкции феодального строя...»[10], господство богословия превращает догматы религии в моральные и политические аксиомы. Но есть в истории Иконийского султаната свои особые черты[11].

Сельджукиды Рума считались оплотом ислама на границе с Византией. Они вели религиозные войны с «неверными», сражались с крестоносцами. И вместе с тем в их государстве крепло мусульманско-христианское двоеверие, стирались грани между исламом и христианством. Одновременно давала себя чувствовать стихия старых домусульманских традиций и верований, особенно вдоль пограничной полосы, где располагались туркменские княжества. И, конечно, неповторимый духовный климат Иконийского султаната благоприятствовал процветанию всякого рода антимусульманских учений[12]. Основные причины подобной исторической ситуации можно свести к двум — внутренней и внешней. Первая — «великое смешение» языков, народов, религий и культур (местными языками наряду с тюркскими считались армянский и греческий, значительная часть населения говорила и по-персидски[13]), вторая — постоянные контакты с Византией, «война и мир».

После смерти султана Аляэддина Кей-Кубада I (он был отравлен своим сыном в 1237 г.) кончается «золотой век» Сельджукидов Рума, век завоевательных походов, оживления экономики, роста городов, сооружения крепостей, портов, расцвета культуры. Народные восстания, междоусобица, постоянное нарушение равновесия между сюзеренитетом и вассалитетом свидетельствуют, что страна идет к своему упадку. В 1243 г. в Анатолию вторгаются полчища монголов, сельджукские султаны становятся данниками монгольских ханов. Правда, они еще будут чеканить свои монеты до начала XIV в., но их власть станет совсем призрачной. А сельджукская знать будет либо откровен-

но прислуживать монголам, либо вести двойную игру, и вся тяжесть безвременья обрушится на народ.

Один ученый сказал о Мевляне: «Века украсили биографию Джеляледдина Руми фантастическими и легендарными чертами»[14]. С этим нельзя не согласиться, но известно и другое. «Фантастические черты» в жизнеописаниях Руми, многочисленные рассказы о его чудесах — непременное требование житийного жанра. И, видимо, лучшее из легендарных жизнеописаний Руми — «Житие», написанное Ахмедом Эфляки. Есть основание полагать, что именно эта книга и послужила основным источником для более поздних авторов, которые черпали из нее главным образом фантастические и легендарные рассказы.

Эфляки создавал свою книгу в течение 1318—1358 гг. Она была написана в г. Конья в эпоху монгольского владычества по указанию настоятеля обители мевлеви, внука Мевляны Улу-Арифа Челеби. Это сочинение в манере жития имело вполне конкретную религиозную, «пропагандистскую» функцию: привлечь внимание к монастырю мевлеви, поднять авторитет этого крупного духовного феодала[15]. Но житие — специфический жанр средневековой литературы с определенным соотношением «житийной» части и реального жизненного содержания. Именно на этом основывается его литературная функция.

В сочинении Эфляки, в многочисленных рассказах-эпизодах, которые в большинстве своем строятся как хадисы, с указанием передатчиков, воссоздаются и общественно-политическая атмосфера государства Сельджукидов Рума, и картины повседневной жизни столицы — Коньи. И даже в мистической шелухе рассказов о чудесах содержатся жемчужные зерна жизненной правды. Это дало основание акад. В. А. Гордлевскому рассматривать «Жития» Эфляки в качестве мемуаров[16]. Такое определение — это прежде всего признание исторической ценности, достоверности содержащихся в них материалов по истории, философии, литературе и искусству. Но едва ли не самым значительным и важным для исследователя-литературоведа представляется возможность воссоздать облик Руми-человека, живого, мыслящего, общественного человека. Ибо сочинение Эфляки сохранило для потомков не только идеальный образ святого. Здесь проступают и черты Джеляледдина Руми как вполне реальной личности, человека XIII в., века расцвета и упадка анатолийских сельджуков, века монгольского безвременья и социальных катаклизмов.

В своей статье мы поставили перед собой задачу очень скромную,— следуя за автором «Жития», попытаться показать антифеодальную оппозицию Руми, прежде всего в связи с его человеческой, социальной практикой, насколько это возможно в рамках небольшого этюда.

Джеляледдин Руми — фигура очень сложная, противоречивая. Суфий Руми и человек Джеляледдин Руми нередко спорят. Суфий Руми презирает земное существование. Но он живет в реальном мире. Глава семейства, у которого были жена, дети, а потом внуки, были мюриды и, наконец, все страждущее население Коньи, он постоянно ощущает свою связь с окружающим его миром, с реальной жизнью, больше того, проявляет к ним интерес.

Как рассказывает Эфляки, Руми не остается равнодушным к тому, что мы сегодня называем социальной несправедливостью,— к человеческому горю. Он проявляет участие ко всем, независимо от положения в обществе и вероисповедания. Его многочисленные письма и записки, адресованные главным образом великому везиру Перване, содержат просьбы о заступничестве за людей страдающих или обиженных, чаще всего за бедняков [17]. Да, это не был «соловей созерцательной жизни», как назвал его А. Крымский. Мевляна боролся за свой нравственный идеал, за человека, за победу добра над злом, вел ожесточенную полемику со своими противниками. В статье «Особенности гуманизма Мевляны» Сади Ырмак говорит о борьбе Руми против религиозного фанатизма: «Если вспомнить, что в Конье... существовали 64 медресе, и в этих медресе преподносилось классическое, узкое понимание религии, и что Мевляну страшно критиковали и даже почитали за кяфира (еретика), то величие этой борьбы становится еще более очевидным» [18].

Руми живет в трудный, жестокий XIII век. Насилие и гнет, чинимые султаном, его наибами, эмирами, беями, междоусобица, смута, социальные потрясения и массовое уничтожение людей, связанные с монгольским нашествием,— все это укрепляло в людях мысль о близком конце мира, рождало настроения безысходности, отчаяния, трагизма. И Руми осознает свою миссию не только в том, чтобы наставить людей на путь «спасения». Он осознает себя и учителем, наставником, который должен помочь людям в их земных делах. А для этого нужно определить свою жизненную позицию, выработать новую концепцию жизни, ориентированную на реального человека. Подобную потребность ощутил и современник Мевляны на Западе, крупнейший представитель христианской философии Фома Аквинский. И у него рядом с высказываниями о «бренности» земного существования, об «истинном» бытии появляется призыв вмешаться в земную жизнь [19]. Это знамение века. А у Руми в томе V «Месневи» мы найдем такие слова: «Суфий должен уметь жить в условиях своего времени». Но к новой концепции жизни Мевляна и Фома Аквинский приходят с разных позиций: Аквинат — как представитель ортодоксального богословия, Руми — как вольнодумец.

Один ученый сказал о Мевлене: «Века украсили биографию А. Гёльпынарлы, говорит: «Он ступил на землю. Его ноги стоят на земле, его глаза открыты»[20].

Да, глаза у Руми раскрыты настолько, чтобы увидеть все несовершенство окружающего его реального мира и высказать свое недовольство им. В обществе, где царят насилие и произвол, Руми видит арену непрерывной борьбы добра и зла. С этической оценкой — добро и зло — он соотносит и свое представление о верхах и низах общества. Для средневекового сознания это обычная работа. Для него добро и зло сопричастны всему сущему. В каждом явлении, факте, событии — во вселенной, в обществе, в человеке — проявляется извечная борьба добра и зла. Но какова их природа? Поиски ответа на этот вопрос, толкование природы добра и зла проходят через идейную, религиозную борьбу всего средневековья. На этой почве сталкиваются ортодоксальное богословие и свободомыслие, вольнодумство. Уже первые мусульманские секты ставят вопрос о божественном предопределении и свободной воле человека. В христианской религии необходимость ответить на вопрос, откуда берется в мире зло, вызвала к жизни даже новый жанр религиозно-философской литературы — так называемую теодицею. С широким распространением антифеодальных движений на Востоке и на Западе проблема добра и зла все заметнее перемещается на уровень социума. Эта тенденция отражена во взглядах и жизненной практике и Фомы Аквинского и Джеляледдина Руми.

Суфий Руми всех людей подразделял на две группы: претендующих на превосходство и подавляющих свое «я»[21]. Но эта классификация, идущая от ранних суфиев, являлась внесоциальной. А верхи и низы в Иконийском султанате были той социальной реальностью, в которой Руми жил. Верхи — это султан, феодальная знать, богатые люди. Низы — это главным образом городской люд, ремесленники, крестьяне.

Посещая меджлисы султана и вельмож, Мевляна не мог не заметить, что феодальный этикет воздвигал между верхами и низами достаточно высокие барьеры. Но Джеляледдин Руми умел их преодолевать. Как рассказывает Эфляки, приглашенный к великому везиру Перване, Руми долго стоял у дворца этого сановника, он ждал своих мюридов. Иначе слуги не пропустили бы во дворец его друзей — простолюдинов.

Конья времен Руми была большим, богатым городом со своеобразной архитектурой. Наблюдая жизнь этой средневековой столицы, Мевляна довольно ясно представлял себе и промежуточные звенья от низов к верхам. Ведь феодальная иерархия отнюдь не сводилась к проблемам этикета, нравственно-этическим нормам феодального общества. Она проступала во всем, даже и во внешнем облике сельджукской столицы. И од-

нажды в разговоре с сыном Бахаэддином Веледом Мевляна указал ему на это: «Бахаэддин, посмотри на город Конью. Сколько здесь тысяч домов, особняков, дворцов эмиров, вельмож, знатных людей. Дома торговцев — выше и просторнее домов ремесленников. Особняки эмиров — выше и богаче домов торговцев. А султанские дворцы... в сотни раз величественнее и роскошнее всех этих жилищ»[22].

Верхи и низы... Понятия «верх» и «низ» применительно к социуму восходят к пространственным представлениям «небеса» и «земля». И у средневекового человека «верх» ассоциируется с представлением о благородстве, чистоте, добре. «Низ» осмысляется как неблагородство, грязь, зло. Отсюда и характерное противопоставление: благородные — неблагородные, привилегированные — непривилегированные, верхи и низы общества[23].

Обращая свои взоры к «верхам», Руми не видел в них ничего такого, что ставило бы их выше других людей. Напротив, в сановниках, в вельможах и у самого султана он находил гордыню, алчность, корысть, зависть, жестокость — то, что он определял словом «хырс». Эта категория в этическом учении Руми имела собирательное значение нравственной порчи, низменных страстей. А низы — это бедняки. У них не было «мирского добра». Но у них была совесть, и они были нравственно чище верхов. Низы добывали свой хлеб в поте лица. А труд, по представлению Джеляледдина Руми,— непременное условие совершенствования человека. И потому его влекло к низам. Но Руми не рассматривал простых людей как людей совершенных. В записке, адресованной великому везиру Перване, Мевляна пишет: «Если бы мои мюриды были людьми хорошими, я сам стал бы их мюридом»[24]. Это был ответ на постоянные поношения его мюридов. Однако он был убежден: все совершенные люди вышли из низов. И из их среды он охотно брал себе учеников.

Если верхи были для Руми олицетворением зла, то в низах он видел доброе начало. Подобное толкование Руми верхов и низов общества — очевидное переосмысление нормативных средневековых понятий, того, что идеологически подпирает всю сословно-корпоративную структуру феодального общества. И это позиция социальных низов, которую называют обычно плебейской оппозицией феодализму. Автор «Жития» Ахмед Эфляки зафиксировал эту социальную позицию великого суфия в ряде впечатляющих эпизодов. Однажды на большом меджлисе, рассказывает Эфляки, эмир Кемальеддин произнес такие слова: «Мюриды Мевляны... все из низших слоев да из ремесленников. Если есть где-нибудь какой-то портной, бакалейщик, так он тут же их принимает в друзья». Мевляна в тот день был в

экстазе, он кружился в дервишской пляске. Но вдруг он закричал страшным голосом, так, что все лишились чувств: «Эй ты, чья сестра — блудница! Разве наш Мансур не был халладжем— чесальщиком хлопка? А шейх Абу Бекр Бухари не был ткачом, а другой совершенный человек не был стекольщиком? И что ты такое мелешь?...» [25].

Конечно, городские низы доставляли феодальной знати много забот: народные движения, мятежи начинались обычно отсюда. И мюриды Мевляны вызывали к себе не только неприязнь, но и ненависть у придворной знати, светских и духовных феодалов. Если нельзя было расправиться с самим Мевляной — его популярность была беспредельна, то с мюридами... «Мюридов Мавляны нужно убить» — так выразил официальную точку зрения один сановник, имея в виду прежде всего мюридов-бедняков. Когда Джеляледдину Руми передали эти слова, они не вызвали у него гнева, напротив, он рассмеялся и сказал: «А интересно, сумеют ли они это сделать?» Уж очень много бедного люда были мюридами Мевляны. А он сам? Разве он не хотел быть бедняком, жить в нищете? Ведь в бедности, в отсутствии «мирского добра» Руми видит состояние, угодное богу. Он искренне радуется, когда в его собственном доме нет никакой еды. Вкусивший бедности, факир был, по его представлениям, своего рода избранником. Но вместе с тем в его мировосприятии появляется и нечто новое — осознание бедности как социального зла.

Однажды к Мевляне, рассказывает Эфляки, явился какой-то человек и сказал: «Я бедняк, и у меня за душой нет ничего». Видя, что Мевляна погружен в свои молитвы, он вытащил из-под его ног коврик и ушел. Его поймали, когда он продавал коврик на базаре, и привели к Мевляне. А Мевляна рассудил: «Он поступил так по причине необходимости. И это не грешно. Надо у него купить этот коврик». Подобное толкование поступка бедняка вызывает одобрение и у самого Эфляки. Он по-своему его комментирует: «Какая превосходная мудрость...» [26]. И это редкий случай авторской оценки.

Очень важное место в концепции жизни Руми занимает труд. Мевляна был не только врагом феодального этикета, но и врагом привилегий, которые обеспечивало феодальной верхушке сословно-корпоративное общество. Он не признавал за власть имущими права на праздность, бездеятельную жизнь. И очень не любил, когда мешали работать ему. Потому что за его беседами, поучениями, назиданиями стояло целеполагание. Это было творчество поэта, деятельность, труд учителя — так осознавал он свою миссию на земле. И когда Руми работал, он отказывал в беседе, поучении всем, даже самому султану.

Однажды Мевляна, рассказывал шейх Нефисэддин, прогу-

ливался во дворике своего медресе. Мюриды стоя, в ожидании поучений, благоговейно созерцали лицо своего учителя. Потом он приказал закрыть ворота. Неожиданно Мевляну пришли навестить султан Изздин со своими везирами и наибами. Мевляна вошел в одну из келий и спрятался. Он повелел сказать: «Пусть они себя не утруждают». После этого султан и его свита повернулись и ушли. Но один из приближенных султана не ушел. Он стал с силой колотить в дверь. Один из дервишей хотел открыть, Мевляна ему не позволил. Он сам встал и спросил: «Кто стучит в дверь посвященных?» Это был эмир Алем. Он вошел, отвесил поклон и предстал перед Мевляной. Тогда тот обратился к нему и спросил, знает ли он такой-то стих из Корана. После того, как эмир Алем прочел стих, Мевляна ему сказал: «Вот видишь, бог говорит: у меня нет ни отца, ни матери, ни детей, ни жены... А сейчас время работать, выполнять свои обязанности...» Когда эмир Алем ушел, мюридов поверг страх. «Что с нами будет?» — сокрушались они. Видя это, Мевляна сказал: «Нет, нет нечего бояться. Мне захотелось, чтобы наш эмир Челеби не заделался совсем лентяем»[27]. Ведь праздность Мевляна рассматривал как тяжкий грех. Он был убежден: каждый человек должен трудиться — и вельможи и султан. И поэтому поучения Руми сильным мира сего чаще всего сводились к наставлению «заниматься своими делами и нуждами народа».

После смерти султана Аляэддина, личности действительно выдающейся, Руми больше не находил среди сельджукских султанов своего идеала «просвещенного», «справедливого» правителя. Он судил трезво и строго. Султан, все его окружение и вообще все власть имущие и богатые заслуживали, по мнению Руми, самой высокой кары, возмездия за зло, чинимое народу. А сельджукские султаны посещали Мевляну часто, окруженные пышной свитой, или приходили в одиночку, смиренно испрашивая советов и наставлений.

«Султан ислама Изздин Кайкавус пришел навестить Мевляну. Мевляна не оказал ему должного внимания»,— рассказывает Эфляки. Султан ислама проявил рабское самоуничижение и попросил: «Пусть Хазрет Мевляна даст мне наставление». Мевляна ответил: «Ну, какое я могу дать тебе наставление? Тебе приказано быть пастухом, а ты ведешь себя как волк. Тебе поручили быть стражем, а ты грабишь. Всемогущий сделал тебя султаном, а ты действуешь по наущению дьявола». Как пишет Эфляки: «Султан ушел от Мевляны раскаявшимся, весь в слезах».

Это слово Мевляны к султану очень примечательно как проявление исключительной смелости этого человека. Одновременно можно отметить и другое. В беседе с султаном Мевляна как

бы следует кораническому толкованию зла. По Корану, как известно, именно шейтан Иблис в ответе за зло в человеке, зло на земле. Но Руми, как это видно из других его высказываний, отвергает самостоятельное существование злого начала. Добро и зло существуют во взаимодействии. «Покажи мне что-нибудь хорошее, в чем бы не было плохого. Покажи мне что-нибудь плохое, в чем бы не было хорошего»,— говорит Руми. Такое же диалектическое понимание добра и зла он относит и к человеку. Добро и зло есть в человеке в силу двойственности его природы. Он — полуангел и полуживотное. Но человек наделен свободной волей и несет ответственность за свои поступки. Как мы видим, Руми отрицает предопределение, и в этом одно из его главных расхождений с официальным исламом. Руми признает то, что мы сегодня называем категорией причинности (за которой в конечном счете скрывается бог). «Мирское добро — смертельный яд... все дерутся друг с другом во имя этих денег. Эти деньги убивают и уничтожают весь народ» — эти слова Руми произносил почти с омерзением [28].

Ранние суфии обрушивались на правителей, на феодальную знать, богатых людей в своей борьбе за «чистоту» ислама, отсюда и идет их отрицательное отношение к богатству, собственности. Так, в мистифицированной форме находили выход антифеодальные настроения в раннем средневековье. И Руми считает богатство, деньги помехой на пути «спасения» отдельного человека. Но в них он видит уже и нечто большее — причину зла на земле. Он говорит о «бедствиях, которые несет серебро». Нет, к богатству и деньгам Руми не был равнодушен — он их ненавидел, даже боялся. Он не только отвергал подношения сановников и богатых людей. Однажды он велел выбросить в канаву шесть кошельков с серебром — подношение самого султана. Это был серебряный дождь...

Эфляки пишет: как-то раз к Мевляне с миссией от великого везира Перване явился шейх Шерафеддин с несколькими эмирами. Один из приближенных Мевляны, ходжа Меджеддин Мераги, вбежал в зал, где Мевляна беседовал с друзьями, один из мюридов играл на лютне. Ходжа Меджеддин сказал: «Оставь лютню, не играй! Знатные господа оказывают Мевляне честь своим посещением». Когда визит был окончен, знатный гость приказал, чтобы ходже Меджеддину выдали 2 тыс. динаров на приобретение обуви для всей братии. Ходжа Меджеддин доложил об этом Мевляне. Мевляна сказал: «Пусть эти деньги и те мертвецы с холодными глазами, которые приходили сюда, провалятся сквозь землю. Ты так быстро влетел в дверь, что я подумал: явился пророк или Гавриил Эмин спустился. Мы заняты своими делами. Кто хочет — приходит, кто хочет — уходит. Что ты так волнуешься?» [29].

В другой миниатюре презрение Мевляны к тем, у кого есть добро, деньги, обрисовано не менее убедительно. И это довольно натуралистическая оценка.

Однажды ходжа Меджеддин привел к Мевляне одного богатого человека, который хотел с ним повидаться. Мевляна встал и отправился туда, где совершали омовение. Он задерживался. Ходжа Меджеддин пошел за Мевляной, чтобы узнать, в чем дело. Он увидел его сидящим в углу. Ходжа Меджеддин склонился перед Мевляной и сказал: «Хюдавендигяр, что ты делаешь?» Мевляна ответил: «Вдыхать вонючий запах этой лужи во сто раз лучше, чем беседовать с богачами у которых воняет душа. Ибо после беседы с сильными мира сего и богатыми людьми на светлые сердца находит порча, и они чернеют»[30].

Может встать, однако, такой вопрос: разве сам Мевляна не был богат? Разве обитель мевлеви не была одним из самых влиятельных духовных феодалов? Нет, Руми не был богат, он умер в долгах. И история монастыря ордена мевлеви начинается, собственно, после его смерти.

Как мы видим, обычная человеческая практика Руми, его взаимоотношения с другими людьми, представителями верхов и низов общества,— красноречивое свидетельство его тесных контактов с миром, свидетельство его социально-нравственных конфликтов с обществом. В свой трудный век Руми живет, как никто другой, возвышаясь над своей эпохой. И если помнить о строгой регламентации всего жизненного уклада средневековья, о его морально-этических нормах, то подобная человеческая практика Мевляны дает основание говорить о социальном протесте, об антифеодальной оппозиции румского старца. И это не просто возвращение к оппозиции ранних суфиев. Это осознанная, теоретически осмысленная оппозиция человека и мыслителя. Потому что взаимопроникновение, взаимосвязь между социальной практикой Руми и его религиозно-этической системой совершенно очевидны. Это две сферы деятельности — духовная и социальная — одной личности (что не исключает, конечно, известных расхождений между ними). Данный тезис представляется нам принципиально важным. Он снимает кажущееся противоречие между практическим мировосприятием Руми и его религиозно-этической системой.

Сельджукским сановникам и богатым людям, привыкшим к панегирикам придворных поэтов, к раболепству духовенства, такая жизненная позиция Мевляны казалась непонятной, противоестественной, подозрительной. «Нынешние шейхи и богословы со свечой ищут расположения эмиров и умирают во имя его. Так почему же Мевляна бежит от нас, словно житель рая из ада, будто птица из силка?» — удивленно вопрошал великий везир Перване[31]. Разве могли великий везир, временщик

Перване, да и сам султан и все его окружение понять, что для Мевляны не существовало феодального этикета, который со всей строгостью расставлял людей на общественной лестнице, согласно их рангу? Могли ли они понять, что главным для него были высокая нравственность, человеческие добродетели, т. е. сама человеческая личность, независимо от ее места в обществе? Разве могли они понять, что в своем отношении к человеку этот великий вольнодумец обогнал свое время?

[1] С творчеством Джеляледдина Руми Гёте имел возможность познакомиться в 1816 г. (см.: И. Гёте. Собрание сочинений в 13 томах. Т. 1. М., 1933).

[2] Y .V. Gëethe. West-östlicher Divan. Lpz., 1943, c. 190.

[3] Ahmet Eflâkî. Ariflerin menkibeleri. Cilt 1. İstanbul, 1953.

[4] Mevlâna Celaleddin. Mektuplar. İstanbul, 1963.

[5] В. Д. Смирнов. Очерк по истории турецкой литературы. М., 1912, с. 35.

[6] Е. Э. Бертельс. Суфизм и суфийская литература. М., 1965; И. С. Брагинский. Из истории таджикской поэзии. М., 1951; он же, 12 миниатюр. М., 1968.

[7] Н. Одилов. Мировоззрение Джалалиддина Руми. Душ., 1974.

[8] C. Ulunay. Mevlâna ve papa.— A. Özattila. Hak aşığı Mevlâna Celaleddin. 4-cü baskı. İstanbul, c. 351.

[9] См.: К. Маркс. Объявление войны. — К истории возникновения Восточного вопроса.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 10, с. 167.

[10] Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 7, с. 361.

[11] J.-P. Roux. La Turquie. P., 1953.

[12] В. А. Гордлевский. Государство сельджуков Малой Азии. Избранные сочинения. Т. 1. М., 1960.

[13] A. Ateş. VI—VIII (XII—XIV) asırlarda Anadoluda yazılmış farsça eserler.— «Türkiyat mecmuası». Cilt 7—8. Güz 2, 1945.

[14] Я. Рипка. История персидско-таджикской литературы. М., 1971, с. 234.

[15] M. F. Köprülü. Anadoluda selcuklar tarihinin yerli kaynakları.— «Belleten». 1943. Cilt 7, № 27.

[16] В. А. Гордлевский. Государство сельджуков Малой Азии, с. 193.

[17] Mevlâna Celaleddin. Mektuplar.

[18] S. Irmak. Mevlâna hümanizminin özellikleri.— Uluslar arası Mevlâna semineri. Ankara, 1974, c. 106.

[19] Ю. Боргош. Фома Аквинский. М., 1975.

[20] A. Gölpinarlı. Mevlâna. Hayatı, sanatı, eserleri. İstanbul, 1954, c. 35.

[21] Ahmet Eflâkî. Ariflerin menkibeleri, c. 166.

[22] Там же, с. 258.

[23] И. Я. Гуревич. Категории средневековой культуры. М., 1973, с. 70.

[24] Ahmet Eflâkî. Ariflerin menkibeleri, c. 137.

[25] Там же, с. 162.

[26] Там же, с. 406.

[27] Там же, с. 280.

[28] Там же, с. 420.

[29] Там же, с. 260.

[30] Там же, с. 282.

[31] Там же, с. 270.

Г. З. Анчабадзе

ЭВЛИЯ ЧЕЛЕБИ О ЗАКУБАНСКИХ НОГАЙЦАХ

Выдающийся турецкий путешественник Эвлия Челеби (1611 — ок. 1680) занимает особое место среди других турецких историков и путешественников XVII в. Его десятитомное сочинение «Сеяхат-наме» («Книга путешествия») является интересным источником для изучения социально-экономической, политической и культурной жизни многих стран.

Эвлия Челеби родился в Стамбуле в семье главного придворного ювелира (куюмджубаши) Мехмеда Зилли и получил хорошее для своего времени образование. Путешествовать Эвлия начал в 1640 г. и, находясь на государственной службе, провел в странствиях почти 40 лет. Участвовал он в походах полководцев и крымских ханов, был членом посольств и чиновником для особых поручений, ездил по мусульманским святым местам и таким образом объехал почти всю Османскую империю, страны Восточной и Центральной Европы, Кавказ, Ближний Восток и Северо-Восточную Африку.

Во время своих путешествий Эвлия Челеби, отличаясь большой наблюдательностью, вел дневники, куда заносил все интересное, с его точки зрения. Эти дневники составили главную и важнейшую часть его сочинения. Кроме того, Эвлия Челеби широко пользовался историческими и географическими трудами других авторов, документальными, эпиграфическими, нумизматическими и фольклорными материалами. Он сообщает огромное количество сведений о жизни виденных им стран и народов, и в том числе народов нашей страны.

Как известно, в середине XVII в. значительную часть обширных степей, протянувшихся от устья Дуная до Каспийского моря, населяли многочисленные кочевые племена ногайцев. Естественно, что Эвлия Челеби, который несколько раз побывал здесь и обстоятельно описал эти края, сообщает о них много интересных сведений, тем более что в то время ногайские улусы представляли значительную военную силу и принимали

активное участие в политической жизни России, Украины, Крыма и Северного Кавказа.

В рамках одной небольшой статьи, разумеется, невозможно рассмотреть весь обширный материал о разных ногайских племенах, который содержится в «Сеяхат-наме». Ограничимся лишь разбором сведений Эвлия Челеби о ногайцах Северо-Западного Кавказа, у которых он побывал дважды. В первый раз весной 1666 г., когда Эвлия сопровождал крымского хана Мехмеда Гирея IV (в 1641—1644 и 1654—1666 гг.), прошел вместе с ним весь Северный Кавказ от Черного до Каспийского моря, а во второй раз — зимой 1666/67 г., когда он пробирался из Азова в Крым через земли Северо-Западного Кавказа. Описания этих путешествий Эвлия Челеби содержатся в томах 7 и 8 его сочинения.

В первой половине XVII в. ногайцы населяли большую часть северокавказских степей, однако продвижение с востока многочисленных и воинственных калмыков заставило многие ногайские племена бросить свои земли и переместиться в предгорные районы Северного Кавказа. Эвлия Челеби так описывает это событие: «В 1045 г. (1642 г.), когда мы захватили Азовскую крепость, на реке Алты-су (у восточного побережья Азовского моря.— *Г. А.*) жили и кочевали Улу-ногай, Гечи-ногай, Урумит-ногай, Сандак-ногай, Яман садак-ногай, Деви-эли, Новруз-эли, Чобан-эли, Арсланбек-эли и [еще] несколько десятков других ногайских родов и племен... Но затем из-за страха перед калмыками [бежали] за реку Кубань и в Хейхатскую степь больше не выходят»[1].

По словам Эвлия Челеби, пришедшие на Кубань ногайцы «побратались» с черкесскими племенами и расселились по их земле. Например, на территории черкесов-шефаке, в окрестностях Анапы, обосновалось многочисленное ногайское племя Чобан-эли. Оно насчитывало 10 тыс. кибиток и могло выставить 20 тыс. вооруженных всадников[2].

На левом берегу нижнего течения Кубани, среди племени хэтукайцев, поселились новрузские ногайцы. Это храброе племя состояло из 6 тыс. кибиток и имело 10 тыс. конных воинов[3].

Ногайцы племени Деви-эли, как сообщает турецкий путешественник, одно время были подданными русских царей, но после появления калмыков бежали и расселились на землях западноадыгских племен — темиргоевцев и адемиевцев. Они могли выставить 8 тыс. воинов[4] (в т. 8 «Сеяхат-наме» говорится — 5 тыс.[5]).

Выходцами из Русского государства, по сведениям Эвлия, были и арсланбековские ногайцы. Это племя вначале кочевало за Волгой, но затем переправилось на ее правобережье и после ряда столкновений с калмыками было оттеснено в районы Пред-

кавказья, где ногайцы обратились за помощью к кабардинцам. Кабардинские князья, вступив в союз с арсланбековцами, поселили их (12 тыс. воинов с семьями) в долине Б. Зеленчука[6].

Главным занятием ногайцев в данный период было скотоводство. Европейские авторы XVI—XVII вв. характеризуют их как кочевых скотоводов, совершенно не знавших хлебопашества. Например, английский путешественник Дженкинсон, посетивший ногайцев в 1558 г., писал, что они «скотоводы и имеют большое количество скота, который составляет главное их богатство... Разводят преимущественно лошадей. Едят конину, пьют кобылье молоко. Они ничего не сеют и не жнут»[7].

По словам итальянского автора XVII в. Джовани Лукка, «[ногайцы] народ кочевой. Их равнины представляют обширные, хорошие пастбища. Очень много водится у них скота»[8]. Аналогичные сведения о ногайцах сообщаются и в других источниках (Какаш и Тектандер, Тавернье, Олеарий, русские источники и др.).

Скотоводство занимало ведущую роль и в экономике закубанских ногайцев. Однако, по сведениям Эвлия Челеби, они уже не являлись чистыми кочевниками, а вели полуоседлый образ жизни, сочетая со скотоводством земледелие, хотя скотоводство продолжало занимать ведущую роль в их хозяйстве. Бóльшую часть времени ногайцы проводили среди «гор, долин, овец и... скота»[9] и лишь зимой возвращались к своим поселениям. Эвлия пишет, что закубанские ногайцы владели большим количеством коров, буйволов, коней, овец, верблюдов и другого скота. Многочисленностью своих стад особенно выделялись племена Деви-эли и Чобан-эли. Эвлия отмечает, что ни одно татарское племя не имело столько скота, сколько имели они[10].

Большое значение придавалось коневодству. Ведь ногайцы, подобно другим номадам, были народом наездников и их войско состояло главным образом из конницы. Кроме того, ногайцы конское мясо употребляли в пищу, а кумыс был их любимым напитком. Среди соседних народов ногайские лошади пользовались большим спросом. Например, известно, что в XVI в. только в Москве ежегодно продавалось до 50 тыс. лошадей ногайской породы[11]. Коней ногайцы, как правило, не впрягали в повозки. В качестве тягловой силы они больше использовали верблюдов и быков[12]. Верблюды у них, по сообщению Эвлия, были в основном двугорбые. Это подтверждает и Олеарий[13].

Как было уже отмечено, закубанские ногайцы во второй половине XVII в. вели полуоседлый образ жизни. Феодальная знать (беи и мирзы) имела крепости и каменные дома. Вокруг крепостей были раскинуты посевные поля[14]. Сеяли пшеницу и просо[15]; ногайцы, поселившиеся в Черкесии, все более и более переходили к земледелию и оседлости.

В источниках XVII в. почти нет никаких данных о развитии ремесла у ногайских племен. «Сеяхат-наме» также не сообщает ничего нового по этому вопросу. Оно и понятно: пастушеская жизнь ногайцев не способствовала широкому развитию ремесла. Бо́льшую часть необходимых им предметов ногайцы получали от соседних народов в обмен на скот и продукты скотоводства. Что же касается домашнего производства, то оно, конечно, существовало и включало в основном обработку кожи, шитье одежды, обуви, изготовление конского снаряжения и других бытовых предметов.

Главным торговым партнером ногайцев было Русское государство, но северокавказские ногайцы, разумеется, были тесно связаны и с местными горцами, причем не только торговали с ними, но и пользовались для торговых целей их территорией, в частности черноморскими гаванями. Например, Эвлия Челеби пишет, что, когда в Анапу приходили иностранные купеческие суда, представители многих абхазских, черкесских и ногайских племен выходили им навстречу и выносили для обмена масло, мед и другие продукты [16]. К сожалению, турецкий путешественник ничего не пишет о том, что брали взамен у купцов ногайцы, но для уточнения этого вопроса вспомним описание сочинской гавани. Эвлия подробно перечисляет товары, доставлявшиеся иностранными судами (оружие, изделия из железа, ткани, одежда, соль и др.) [17]. Вероятно, и в Анапу поступал такой же товар.

«Сеяхат-наме» содержит также определенные сведения о социально-политическом строе закубанских ногайцев. Эвлия Челеби упоминает крупных феодалов, возглавлявших отдельные племена. Он их называет беями и мирзами (Чобан-мирза, Арслан-бей, Новруз-мирза). По имени владетеля часто именовалось и все племя. Вассалы крупных феодалов также именовались мирзами [18]. Ногайская знать владела большим количеством пленных, которых покупали или захватывали в грабительских набегах [19].

Несмотря на то что после переселения в Черкесию ногайцы постепенно стали переходить к оседлости, элементы кочевничества сохранялись у них еще долго. Например, во время путешествия Эвлия Челеби каменные дома имелись, как уже отмечалось, только у знати, а простой народ по-прежнему проводил круглый год в кочевых юртах (кибитках), которые Эвлия описывает следующим образом: «[Ногайские] шатры сделаны, как и туркменские, из войлока, внутри напоминают клетки. Их прикрепляют ремнями к деревянному [остову]... и связанную таким образом клетку быстро можно поставить на землю. Шатры эти сделаны очень искусно. В верхней части у них имеется отверстие, через которое входит свет, а зимой выходит дым от очага.

Во время переезда с места на место эти шатры ставятся на верблюжьи арбы, на которых и возвышаются как купола»[20].

Это сообщение, приведенное в «Сеяхат-наме», довольно точно совпадает с описаниями ногайской кибитки в записях Дженкинсона, Д'Асколи, Дж. Лукка, Олеария, Тавернье и других авторов XVI—XVII вв. Для примера можно привести сообщение Олеария: ногайцы «живут в избах, которые круглы... сплетены из тростника или камыша и похожи на корзины... сверху они покрыты войлоком, в середине которого оставлено отверстие для дыма... Летом у них нет постоянного местопребывания в каком-либо месте; они меняют и перемещают свое местопребывание всякий раз, как им приходится искать для скота свежих и хороших пастбищ. Тогда они ставят свои избы на высокие телеги, которые всегда стоят возле них, и перекочевывают с женщинами, детьми и домашним скарбом»[21].

Как сообщает Эвлия Челеби, если закубанские ногайцы теплые месяцы года по-прежнему проводили среди «гор и долин», то зимой они жили уже в постоянных поселениях, которые представляли собой резиденции ногайских князей и были хорошо укреплены.

Дж. Лукка, описывая поселения северокавказских ногайцев, отмечал, что они «обносят свое становище тыном, боясь, чтобы стада не подвергались какому-либо несчастью, не было расхищений дикими зверями или черкесами, а также перекопскими татарами»[22].

Эвлия Челеби называет такие поселения «крепостями». В «Сеяхат-наме» есть описания крепостей племен Чобан-эли (Кале-и Чобан, Шангери)[23], новрузцев (Новруз-керман, Акупс-керман)[24] и арсланбековцев (Керман-Арсланбек, Шад-керман)[25]. Согласно описаниям турецкого путешественника, все эти крепости были в целом однотипными. По углам они имели деревянные башни, связанные между собой деревянными же стенами или прочным частоколом. На башнях иногда устанавливались небольшие пушки. Кроме того, крепости опоясывались наполненными водой рвами, через которые были проложены понтонные мосты. В этих укреплениях стояли прочные, крытые тростником каменные дома знати и иногда небольшие мечети. Простой народ, пришедший на зимовку, проживал в своих кибитках.

В ногайских укреплениях не было ни бань, ни торговых рядов и лавок, ни постоялых дворов[26].

В сочинении Эвлия Челеби встречается также описание физического облика ногайцев (подчеркиваются черты монголоидности в их антропологическом типе) и их одежды. Верхнюю одежду ногайцы шили из овчины. Голову покрывали колпаками из лисьего или барашкового меха. Мужская одежда была преиму-

щественно красного или белого цвета. Ногайские женщины носили бараньи шубы и шелковые халаты, обувались в желтые сапожки[27].

В «Сеяхат-наме» описывается также и вооружение ногайцев. Оно состояло только из сабли, лука, стрел и плети. Причем женщины так же садились на коней, как и мужчины, и вешали на пояс сабли и колчаны[28].

Эвлия Челеби, конечно, не совсем прав, когда пишет, что у ногайцев не было иного оружия, кроме сабли и лука. Из источников XVII в. известно, в частности, что ногайцы получали от русских пищали, порох, шлемы, панцири. Но привозного оружия было сравнительно мало, и оно попадало главным образом в руки знати, простые же воины обычно не имели иного оружия, кроме сабли и лука со стрелами.

Важность сведений Эвлия Челеби о ногайцах еще более возрастает в связи с тем, что его сочинение является самым ранним источником, где упомянут и кратко описан ногайский язык. Турецкий путешественник совершенно справедливо отмечает, что язык ногайцев хотя и похож на татарский, но тем не менее имеет свои особенности[29]. Для примера в «Сеяхат-наме» приводится до 40 ногайских слов и коротких предложений с соответствующим турецким переводом. Кроме того, записаны две небольшие ногайские песни[30].

Таким образом, в сочинении Эвлия Челеби «Сеяхат-наме» можно найти много важных сведений, отображающих различные аспекты жизни ногайцев Северо-Западного Кавказа второй половины XVII в. К сожалению, в нашей историографии эти сведения использованы далеко не полностью, так как научный перевод соответствующих мест «Сеяхат-наме» еще не опубликован. А между тем сообщения Эвлия Челеби не только подтверждают, но и в значительной степени дополняют данные других источников (русских, западноевропейских, турецких и др.) о ногайцах Закубанья. Эти сведения дают ответ на многие вопросы, которые могут возникнуть у исследователя, изучающего историю ногайского народа, и в частности кавказских ногайцев.

[1] Эвлия Челеби. Сеяхат-наме. Т. 8. Стамбул, 1928, с. 8 (на тур. яз.) (далее — Сеяхат-наме).

[2] Сеяхат-наме. Т. 7. Стамбул, 1928, с. 708 (на тур. яз.).

[3] Там же, с. 731.

[4] Там же, с. 749.

[5] Сеяхат-наме. Т. 8, с. 15.

[6] Сеяхат-наме. Т. 7, с. 757.

[7] Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Пер. с англ. Ю. В. Готье. М., 1937, с. 170.

[8] Жан де Люк. Описание перекопских и ногайских татар, черкесов,

мингрелов и грузин.— «Записки Одесского общества истории и древностей». Т. 11. 1879, с. 486.

[9] Сеяхат-наме. Т. 7, с. 709.

[10] Там же, с. 710; Сеяхат-наме. Т. 8, с. 15.

[11] Е. П. Алексеева. Очерки по экономике и культуре народов Черкесии в XVI—XVII веках. Черкесск, 1957, с. 61.

[12] Сеяхат-наме. Т. 7, с. 710.

[13] З. А. Ловягин. Адам Олеарий. Кн. 3—4. СПб., 1906, с. 403.

[14] Сеяхат-наме. Т. 7, с. 710.

[15] Там же, с. 709, 710.

[16] Сеяхат-наме. Т. 2. Стамбул, 1897, с. 112 (на тур. яз.).

[17] Там же, с. 105.

[18] Сеяхат-наме. Т. 7, с. 708, 731, 758 и др.

[19] Там же, с. 710.

[20] Там же, с. 709.

[21] Цит. по: З. А. Ловягин. Адам Олеарий, с. 403.

[22] Жан де Люк. Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин, с. 486.

[23] Сеяхат-наме. Т. 7, с. 709.

[24] Там же, с. 732, 733.

[25] Там же, с. 757—759.

[26] Там же, с. 730.

[27] Там же, с. 711.

[28] Там же.

[29] Там же.

[30] Там же, с. 712.

Р. А. Гусейнов

ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ ЗАКАВКАЗЬЯ XI—XII вв.

Медиевисты давно обратили внимание на важность так называемого сельджукского движения для понимания средневековой истории мусульманского и восточнохристианского мира. В частности, изучение истории Закавказья [1] подтверждает справедливость этого тезиса. Действительно, в течение XI—XII вв. произошли заметные изменения в социально-экономической, политической, этнической и интеллектуальной жизни Азербайджана, Армении и Грузии, связанные в первую очередь с эволюцией местных феодальных обществ и в определенной степени совпавшие с историей огузских и ряда других тюркских племен, которые оказались объединенными для завоевательного и миграционного движения из Средней Азии (частью из Дешт-и Кипчака) на запад. Во главе этого потока стояли султаны из рода Сельджука; по имени родоначальника завоеватели и мигранты стали известны как *сельджуки*, а само движение и период — как сельджукские. В. В. Бартольду принадлежит мысль о том, что благодаря образованию державы Сельджукидов (1038—1157) огузы приобрели «для мусульманского мира (теперь можно добавить — и для восточнохристианского.— *Р. Г.*) такое значение, какого не имел в средние века ни один из других турецких народов» [2]. Вместе с тем следует подчеркнуть, что для Закавказья сельджукское движение не стало фактором, оказавшим решающее влияние на его внутреннее развитие. Оно осталось преимущественно явлением внешнего плана, в определенной степени воздействовавшим на общие моменты эволюции феодальных обществ Азербайджана, Армении и Грузии. В свою очередь, проблема Закавказья также была сложным вопросом в истории государств Сельджукидов, да и сами завоеватели и мигранты испытали гораздо большее влияние, чем это представляется.

Находясь на раннефеодальной ступени развития, сельджуки немало восприняли у других народов. Одновременно шел об-

ратный процесс: они сумели оказать определенное влияние на жизнь местного населения. Это явление взаимообогащения не случайное, и оно служит подтверждением существования зоны контакта и синтезного развития там, где сельджуки соприкоснулись с мусульманским и восточнохристианским миром. Вот почему в целом судьбы автохтонов переплелись с сельджуками, деятельность которых в известном смысле стала частью местной и мировой истории средних веков. И поэтому к истории сельджуков и Закавказья можно отнести вывод Н. В. Пигулевской о том, что «общественное развитие происходило в постоянной зависимости от связей и взаимных столкновений между оседлым населением давно сложившихся государств и кочевыми племенами пустыни, спорадически наступавшими на них» [3].

Каждая страна Закавказья имела свои особенности исторического развития. В известном смысле Азербайджан, Армения и Грузия были разнохарактерными по некоторым социально-экономическим, политическим, этническим и иным признакам. Но различия лишь подчеркивают то общее, что было им свойственно. Особенности носили вторичный характер, нередко они являлись приемлемой конкретной формой проявления общих закономерностей. Исторический процесс был един. Общее объясняется не столько взаимовлиянием или однотипным внешним воздействием, сколько сходными условиями хозяйственно-производительной деятельности, сложившейся в рамках одной общественно-экономической формации, имеющей общие закономерности развития; определенную роль играло также относительное единство географических условий. Поэтому понять историю Закавказья XI—XII вв. как часть истории СССР и всемирной истории можно лишь при изучении диалектического взаимодействия объективного процесса (общее) и субъективных факторов (особенное). Конкретные условия накладывают специфический налет на ход исторического процесса, что позволяет отличать историю одного народа от истории другого. Но особенное и общее тесно связаны и взаимозависимы. «Синхроническое единство мировой истории должно мыслиться не как унификация с отстранением на задний план особенностей и колоссального перепада уровней экономического развития разных стран, а как взаимосвязь всего этого многообразия» [4]. Поэтому хотя и трудно, но важно найти истинное соотношение между общим и особенным, так как только на этом пути возможно установить место каждой страны в процессе исторического развития, выяснить то, что отличает их друг от друга, а также что сближает их судьбы, роднит историю.

Рассмотрение же взаимоотношений сельджуков и Закавказья как части истории СССР и мировой истории помогает показать, что история этого региона неотделима от процесса, в который

наряду с Азербайджаном, Арменией и Грузией были вовлечены многие страны Востока и Запада. Поэтому история периода требует своего воспроизведения как неразделимого комплекса явлений, в основе которых лежат общие закономерности, связанные с конкретными их носителями — субъектами исторического процесса. Ибо если уже в дофеодальный период локальная история в известной степени была связана с событиями внешнего характера, то тем более это верно для феодального периода, в частности для XI—XII вв., когда вследствие ряда обстоятельств пришли в движение новые силы внутреннего и внешнего порядка и их развитие происходило во взаимодействии. Поэтому история, сохраняя локальный характер, одновременно выходит за рамки одной страны или региона. Вот почему, как бы ни была обособлена, специфична история каждой закавказской страны, она находилась в определенной связи и зависимости от явлений, характерных для Востока и Запада в XI—XII вв.; каждый историк знает, что обособленной страны не существует; история одной страны немыслима [5]. Как внешняя, так и внутренняя политика государства, его хозяйственное и культурное развитие теснейшим образом связаны с соседними странами [6]. Невозможно обособить историю одной страны от широкой исторической среды, в которую она органически включена: «Кто пишет историю страны, фактически в огромной степени разумеет под ней историю государства, а история государства не может и не должна быть абстрагирована от тех отношений, в каких оно находилось со своим населением и с властями вне данных государственных границ» [7].

Вот почему существует потребность в историографическом обзоре, который, не претендуя на библиографическую полноту, что, собственно, не является самоцелью, тем не менее позволит продемонстрировать позитивные достижения, а также основные тенденции современной историографии истории Закавказья XI—XII вв. и вместе с тем показать ее сильные и выявить слабые стороны и наметить направление дальнейших исследований. Настоящий обзор касается трех аспектов — социально-экономического, политического и этнического, так или иначе связанных с сельджукским движением. Он состоит из двух разделов.

Первый — посвящен основным публикациям. Заметное место принадлежит исследованиям В. В. Бартольда, который, в частности, обратил внимание на узловые проблемы средневековой истории тюркских народов. В цикле его трудов — «Иран», «Историко-географический обзор Ирана», «Краткий обзор истории Азербайджана», «Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира», «Турецкий эпос и Кавказ» — рассмотрена история средневековых Азербайджана и Дагестана. Исследования В. В. Бартольда позволяют узнать много ценного по

экономической, этнической, социальной, военной, политической истории XI—XII вв. Важны также обстоятельные экскурсы по истории различных средневековых терминов.

Основные же работы в области исследования истории Закавказья XI—XII вв. принадлежат почти исключительно советским медиевистам. Дело в том, что хотя разработка этого периода начата давно, однако только за годы Советской власти она приняла систематический и подлинно научный характер. Опираясь на марксистскую методологию, советские ученые внесли существенный вклад в исследование периода. При этом основное внимание уделяется непосредственным производителям материальных благ — народу, истинному творцу истории. Поэтому изучаются не только политические сюжеты, но разрабатываются также проблемы государственного и общественного строя, эволюция феодальных и земельных институтов, формы эксплуатации крестьян и ремесленников и другие социально-экономические, этнические и иные аспекты. Медиевистов Азербайджана, Армении и Грузии, занимающихся историей этих стран в XI—XII вв., роднит одно немаловажное обстоятельство: исторический процесс рассматривается в тесной связи с сельджуками, что вполне оправданно, хотя и накладывает порой своеобразный отпечаток на трактовку ряда положений. Они в основном правильно определили соотношение внутренних и внешних факторов в местной истории и в целом объективно оценили взаимоотношения сельджуков со странами Закавказья.

Исследование социально-экономической истории показало, что местное население подпало под двойной феодальный гнет, возросла норма его эксплуатации, что создало условия для возникновения, а в ряде случаев для дальнейшего укрепления крепостной зависимости. Облегчение налогового бремени в период завоеваний Сельджукидов вскоре сменилось увеличением экономического гнета: возросли ординарные и экстраординарные налоги, поборы и повинности. Вместе с тем следует отметить, что даже переход завоевателей от режима военной оккупации к упорядоченному управлению захваченными территориями не улучшил положения непосредственных производителей. Но этот переход объективно способствовал подъему экономики.

Феодальное устройство переживало трансформацию. Появилась новая группа феодалов из числа пришлой военно-кочевой знати, которая составила часть местного класса эксплуататоров. Этот момент, как и сам завоевательный процесс, привел к известному перераспределению земельного фонда и определенным изменениям в поземельных отношениях, почти не затронувшим, правда, частной земельной собственности, которая не утратила тенденции к дальнейшему развитию. Произошли перемены в системе сюзеренитета и вассалитета; в частности, на монете мест-

ных государств появились имена султанов Сельджукидов, местные династии были обязаны определенными взносами в султанскую казну, которые легли дополнительным экономическим бременем на плечи непосредственных производителей. Появились новые феодальные учреждения, среди которых важное значение имели институт атабеков и военно-феодальный институт уджей. Это был период полного развития феодальной собственности наряду с развитием феодальной иерархии.

Разработка политической истории показала, что установление владычества Сельджукидов в Закавказье относится к рубежу 70—80-х годов XI в., что среди новых государств большое значение для Азербайджана, Армении и Грузии имели держава великих султанов, Конийский и Иракский султанаты, тюркские эмираты и государство атабеков Ильдегизидов, с которыми сосуществовали и находились в определенных отношениях местные политические системы, в первую очередь Ширванское государство и Грузинское царство.

Работы в области этнической истории позволяют говорить о том, что в XI—XII вв. часть населения Закавказья пережила основной этап языковой тюркизации.

В целом изучение истории Закавказья XI—XII вв. показало, что эти столетия являются одним из этапов поступательной и непрерывной эволюции местных феодальных обществ, бывших составными частями мировой феодальной системы. Азербайджан, Армения и Грузия в своем развитии прошли основные ступени формирования, присущие другим странам. Отмеченные положения рассмотрены и обоснованы в сводных обобщающих трудах по истории Азербайджана, Армении и Грузии[8], а также в специальных исследованиях.

Монографическая публикация, где затронут комплекс вопросов истории Азербайджана XI—XII вв., принадлежит И. П. Бекзади[9]. В основе его исследования, которое носит главным образом источниковедческий характер, лежит сочинение Равенди (XII в.), сведения которого сопоставлены с другими нарративными памятниками. Рассмотрены завоевательный процесс и временное владычество Сельджукидов, социально-экономическое состояние страны. И. П. Бекзади дал характеристику основных классов периода. Он считает, что земля, как правило, была собственностью феодала, говорит о составе класса феодалов, отмечая среди них крупных, средних и мелких. Крестьянство также не было однородным по своему составу, основную массу составляли безземельные и не имевшие орудий производства, а также крестьяне-издольщики, арендовавшие участки на определенных условиях. Среди основных форм землевладения отмечены икта, мюльк и вакф. Дана также характеристика системы обложения.

Исследование Н. Н. Шенгелия является итоговой публикацией по истории Грузии XI в. в связи с сельджуками [10]. Автор предваряет свою работу источниковедческим и историографическим обзором. Он прослеживает политическую историю державы Сельджукидов и деятельность грузинских Багратидов в XI в. Основное внимание уделено особенностям временного сельджукского господства в Грузии — «Диди туркоба» («Великая туретчина»), в частности присутствию в стране завоевателей, их набегам на различные области и грабежам, на процесс массового оседания тюркских племен (что отмечено и другими исследованиями [11]). Положение было усугублено усилением сепаратистских тенденций крупных грузинских феодалов. В достаточной степени показаны сельджукское государственное устройство, организация управления, а также феодальное дробление государства Сельджукидов в конце XI в. и значение этого события для Грузии. В целом работа исполнена в обычных для грузинской историографии традициях. Основная ценность ее в том, что автор рассмотрел различные аспекты взаимоотношений Сельджукидов и Грузии, в которых играли роль как внешние, так и внутренние факторы. Хотя центр тяжести исследования находится в области политической истории, тем не менее Н. Н. Шенгелия правильно подметил, что даже в условиях иноземного давления в Грузии развивались экономика и культура.

М. М. Бердзенишвили принадлежит работа, в которой рассмотрен комплекс вопросов истории Грузии XI—XII вв. [12]. Последняя по времени публикация того же плана вышла из-под пера М. Д. Лордкипанидзе [13]. В ней учтены основные достижения грузинских медиевистов, которые зиждутся на грузинских источниках и литературе. Автор рассмотрел социально-экономическое состояние, государственный строй и культуру Грузии периода, когда грузинские Багратиды сперва признали сюзеренитет Сельджукидов, затем, выгодно использовав политическую ситуацию в Передней Азии, в том числе в Закавказье, сумели превратить свое царство в значительное восточнохристианское государство. В этой публикации имеется ряд принципиальных погрешностей, о которых будет сказано дальше [14].

Публикация Ш. А. Месхиа посвящена важному военно-политическому событию в истории Грузии первой четверти XII в.— Дидгорской битве [15]. Среди значительных последствий этой битвы — окончательное изгнание сельджукских захватчиков из пределов страны, а также присоединение Тбилиси, который был превращен в столицу Грузинского царства. Автор дал обзор источников и литературы, охарактеризовал положение страны. В работе имеются неточные толкования некоторых внешнеполитических явлений, о чем будет сказано ниже.

В армянской историографии пока нет специальной публика-

ции по истории Армении XI—XII вв.[16]. В какой-то мере ее отсутствие компенсируется работами о Киликийском княжестве, которое считается продолжением армянской средневековой государственности[17]. Вместе с тем армянские специалисты уделяют большое внимание социально-экономической истории периода[18]. Немало внимания тем же сюжетам уделяют и грузинские историки[19].

Серия исследований посвящена средневековым городам Азербайджана[20], Армении[21] и Грузии[22]. На богатом материале археологии, с привлечением данных письменных источников показано, что в XI и особенно в XII в. в странах Закавказья существовал феодальный город в полном смысле этого понятия. Он являлся центром экономической, политической и культурной жизни. Городское ремесло было уже глубоко дифференцированным, оно представлено почти всеми известными тогда отраслями[23]. Городские ремесленники производили качественные изделия, пользовавшиеся спросом не только на внутреннем, но и внешнем рынке. Разработки подтвердили, что крупнейшие города Закавказья, бывшие важными звеньями ремесленно-торговой системы XI—XII вв., по своей значимости, а также по численности населения не уступали наиболее известным городам средневековья.

Следует специально отметить публикации В. М. Бейлиса, которые касаются малоразработанных сюжетов, связанных с азербайджанским городом XI—XII вв.[24]. Его работы тем более ценны, что построены на материале весьма важного источника местного происхождения, автор которого был очевидцем описанного. Вместе с тем цикл исследований В. М. Бейлиса подтверждает: для Азербайджана в XI—XII вв. характерны доминирование денежной формы феодальной ренты, расцвет феодального города, Ширванское государство переживало политический подъем, расширилась сфера распространения частной феодальной собственности на землю, кочевое население не было типичным для страны, бывшей зоной традиционного, многовекового, культурного и многоотраслевого оседлого земледелия.

Работы по нумизматике подтвердили активную экономическую жизнь в странах Закавказья, являвшихся составными частями экономической системы средневекового феодального сообщества[25]. Нумизматический материал свидетельствует о доминировании денежной формы феодальной ренты, о широком развитии товарного производства, товарно-денежных отношений, денежного хозяйства, а также о том, что XI—XII века были этапом в развитии монетного чекана Закавказья. При этом особенность заключалась в том, что если основу денежной системы по-прежнему составляло золото, то основой денежного обращения стала медная монета, ибо это был период так на-

зываемого серебряного кризиса, охватившего не только Закавказье, но и значительные регионы Востока и Запада.

Ряд сюжетов истории Азербайджана XI—XII вв. освещен М. Х. Шарифли[26]. Он затронул вопросы экономического и социального положения страны, изложил материал об огузо-сельджукских вторжениях, описал азербайджанские феодальные государства. Дальнейшей разработкой истории периода в связи с сельджуками можно считать наряду с исследованием И. П. Бекзади работу Р. А. Гусейнова, построенную на данных сирийских источников[27]. Автор останавливается на вопросах завоевания Азербайджана Сельджукидами, социально-экономических и идеологических сюжетах из истории атабеков Ильдегизидов.

Р. А. Гусейнову принадлежит также первое исследование по истории Закавказья в связи с сельджуками[28]. На основе данных различных групп письменных памятников и материальной культуры предпринята попытка установить общее и особенное в развитии Азербайджана, Армении и Грузии в XI—XII вв., выявить закономерности, присущие восточному феодализму в Закавказье и связанные с объективной эволюцией общественно-экономических отношений. Показано место Закавказья в феодальном сообществе в период, когда произошли заметные перемены во многих областях жизни местного населения.

В ряде работ рассмотрены взаимоотношения стран Закавказья с государствами, появившимися в XI—XII вв. Среди них наибольшее значение для судеб региона имели в XI в. держава Сельджукидов, а в XII в.— Конийский и Иракский султанаты, государство атабеков Ильдегизидов и эмираты Данишмендидов, Мангуджакидов, Зангидов, Артукидов и Бектимуридов. Обращено внимание на то, что Ильдегизиды полновластно распоряжались в государстве иракских сельджукидов и принимали деятельное участие в военно-политической жизни как Закавказья, так и вообще Передней Азии[29]. С Ильдегизидами же связана история Ахарского меликства, правители которого признавали себя вассалами этих могущественных атабеков[30]. Рассмотрена также история отдельных закавказских владений; часть из них была упразднена Сельджукидами, а другая — оставлена на вассальных условиях[31].

Внимание исследователей стала весьма привлекать история отношений государств Закавказья между собой и с соседями[32]. Эта область разработок сравнительно нова; отчасти этим, а значит, недостаточной изученностью темы и материала можно объяснить не всегда верные заключения. Например, о том, что будто во второй половине XI в. Грузии приходилось одной бороться против сельджукского нашествия, ибо Азербайджан и Армения уже были захвачены Сельджукидами. Но теперь можно считать доказанным, что страны Закавказья были подчинены сельджу-

ками на рубеже 70—80-х годов XI в.[33]. Скорее следовало акцентировать внимание на том, что Багратидам в первой половине XI в. приходилось бороться против Византийской империи, которая, поглотив значительную часть Армении, пыталась установить свою гегемонию над Грузинским царством и проникнуть в Азербайджан. В том же, что касается характера взаимоотношений Ширванского государства с Грузинским царством в XII в., азербайджанские историки пришли к заключению, что они были паритетными, и это находит свое подтверждение в политической и экономической жизни. Более важны и правильны другие итоги: удалось показать, что в борьбе за объединение Грузии династии Багратидов пришлось больше и упорнее бороться с собственными феодалами, нежели с внешней опасностью, ибо часть этих феодалов ориентировалась на Византийскую империю, а часть выступала против создания единого грузинского государства.

В некоторых исследованиях прослежено, как в XI в. Византия осуществляла свои захватнические планы в Закавказье, как она подрывала местные политические системы, лишала их возможности противостоять сельджукской опасности, что впоследствии привело саму Византийскую империю к военному краху. В частности, Византия до середины XI в. завоевала почти всю Армению, приобретшую независимость от Аббасидского халифата, и установила здесь тяжелый налоговый гнет, а также преследовала монофизитов и местных феодалов. В результате в стране была уничтожена организованная сила, способная противостоять Сельджукидам[34]. Об этом свидетельствуют, например, неоднократные и почти беспрепятственные набеги огузов на Армению[35].

Не остался вне поля зрения аспект взаимоотношений Сельджукидов с Византийской империей, ибо они имели определенные негативные последствия для Закавказья[36]. Хорошо известно, что разгром армии Романа IV Диогена при Манцикерте в 1071 г. войском великого султана Алп-Арслана привел к установлению на рубеже 70—80-х годов XI в. временного владычества Сельджукидов в Азербайджане, Армении и Грузии. После этой даты можно говорить о тесном переплетении судеб Закавказья с державой Сельджукидов, а через нее — с феодальной системой Передней Азии и Юго-Восточной Европы.

В определенной степени разработаны вопросы военного дела[37], благодаря чему удалось показать роль и значение для XI—XII вв. сельджукской военной организации, а также кипчаков в реорганизованной военной системе Грузинского царства.

Языковая тюркизация некоторых частей Закавказья в связи с тюркским потоком XI—XII вв. также стала объектом внимания[38]. Удалось установить, что важную роль в этом процессе

тюркоязычные племена начали играть только после образования государств Сельджукидов и других тюркских династий.

Зарубежные медиевисты сравнительно мало касаются сюжетов, связанных с Закавказьем XI—XII вв. и сельджуками. Среди них следует отметить В. Ф. Минорского, который интерпретировал важные сведения источников по этнографии, расселению, племенному составу, миграциям тюрок, а также по социально-экономической и политической истории периода[39]. Он дал свое решение ряда неясных положений истории Закавказья, которые, правда, не всегда согласуются с достижениями советской медиевистики. В итоговом исследовании по истории Ирана на большом фактическом материале и на основе предшествующих публикаций рассмотрен комплекс вопросов XI—XII вв.[40]. Не все они освещены равномерно, что, возможно, является следствием недостаточной полноты или изученности материала. Так, весьма мало внимания уделено государству атабеков Ильдегизидов, хотя оно сыграло важную роль в истории Ирана.

Второй раздел обзора посвящен ряду сюжетов истории Закавказья XI—XII вв., которые пока не нашли правильного решения в современной советской и зарубежной историографии. Причины тут различны. В одних случаях сказались тенденции локальной историографии, проявляющиеся в преемственности традиционных взглядов, принимаемых за постулат; в других — последствия незнания комплекса данных разных групп источников различного происхождения (не только письменных, но также данных материальной культуры) и существующих публикаций; в третьих — результат абстрагирования от экономических и политических реалий периода. В итоге появляются своеобразные взгляды и интерпретации некоторых положений социально-экономической, политической и этнической истории.

Одним из принципиальных является вопрос о характере экономической жизни Закавказья в XII в. Е. А. Пахомов считает, что «время с XII и до начала XIII в. было периодом экономического упадка... для всего Азербайджана и окружающих стран», что наблюдается падение товарообмена и происходит поворот к замкнутому натуральному хозяйству[41].

Возможно, что тезис о замкнутом натуральном характере экономики навеян натуральным характером самой феодальной ренты, а не хозяйства непосредственных производителей и феодалов. Ибо и в период доминирования денежной формы феодальной ренты условия хозяйствования в подавляющем большинстве случаев возмещаются и воспроизводятся прямо из валовой продукции крестьянского хозяйства, без содействия рынка. В деньги превращается не весь крестьянский продукт, а лишь та его часть, которая составляет ренту. Собственно, в сумме феодальная экономика считается натуральной даже при

полном господстве денежной ренты, ибо большая часть земледельческой продукции по-прежнему не попадает на рынок (личное потребление, воспроизводство) [42]. Поэтому «товарное производство и товарное обращение могут иметь место и тогда, когда подавляющая масса продуктов предназначается непосредственно для собственного потребления...» [43].

Против натурализации экономики в Закавказье в XII — начале XIII в. свидетельствует расцвет именно в этот период значительного числа феодальных городов Азербайджана, Армении и Грузии, бывших центрами в первую очередь экономической жизни [44], что следует связать с развитием рыночных отношений, с нарастанием удельного веса денежной формы феодальной ренты. А доминирование последней предполагает более значительное развитие ремесла (бывшего занятием городского населения), торговли, вообще товарного производства, а вместе с ним и денежного обращения [45]. Эти черты экономической эволюции были присущи Закавказью XII — начала XIII в. Возможно, это одна из особенностей периода восточного феодализма.

Дальнейшим развитием тезиса о натуральном якобы характере экономики Закавказья являются положения, высказанные А. П. Новосельцевым. Он полагает, что с появлением в этом регионе сельджуков здесь исчезла большая часть прежних местных землевладельцев и что в XI—XII вв. тут все определеннее проступают черты кочевых форм хозяйства [46]. Это заключение отнесено в первую очередь к Азербайджану. Таким образом, по мнению автора, местное многовековое оседлое земледельческое хозяйство было значительно потеснено пришлым кочевым или же в лучшем случае местные землевладельцы в большинстве случаев заменены пришлой военно-кочевой знатью.

Подобное же заключение, но уже относительно Грузии, бытует в грузинской литературе [47].

Конкретные исследования показывают, что следует говорить лишь о частичном обновлении класса местных феодалов за счет пришлой военно-кочевой знати, о сохранении местного этноса, о временном застое в местной экономике, носившей принципиально оседлый земледельческий характер. Ни в коем случае нет оснований говорить о возобладании кочевых форм хозяйства в Закавказье, тем более сам автор считает, что развитие производительных сил зависит от комплекса условий, и прежде всего от природной и внешнесоциальной среды: «Говоря о первой, нельзя забывать, что в докапиталистических формациях человек неизмеримо больше зависел от природной среды *и именно она в основном определяла и типы хозяйства, и направление его развития* (курсив наш.— *Р. Г.*)» [48]. Раз дело обстоит так, почему А. П. Новосельцев полагает, что многовековые традиции оседлого земледельческого образа жизни местного населения

Закавказья должны уступить кочевым формам хозяйства? Правильным является иное заключение, сформулированное Н. В. Пигулевской: «Общественное развитие происходило в постоянной зависимости от связей и взаимных столкновений между оседлым населением давно сложившихся государств и кочевыми племенами пустыни, спорадически наступавшими на них»[49]. Кстати, А. П. Новосельцев приводит известное высказывание К. Маркса о возможности сосуществования оседлых и кочевых обществ на Востоке[50], т. е. о своеобразном симбиозе кочевой и оседлой форм хозяйств, а не об обязательном поглощении или подавлении одного другим. Можно напомнить и другое определение Ф. Энгельса: «Каждый раз, когда завоевателем является менее культурный народ, нарушается, как само собой понятно, ход экономического развития и подвергается уничтожению масса производительных сил. Но при длительном завоевании менее культурный завоеватель вынужден в громадном большинстве случаев приспособиться к более высокому „хозяйственному положению" завоеванной страны в том виде, каким она оказывается после завоевания...»[51]. Должно ли было Закавказье в XI—XII вв. стать исключением из этого правила? Если да, тогда трудно объяснить расцвет экономики Закавказья[52].

Некоторые кавказоведы считают, что сельджукское завоевание отсрочило завершение процесса закрепощения крестьян и это будто является показателем застоя в социальном развитии феодальных Армении и Грузии[53]. А. П. Новосельцев считает, что в XI—XII вв. в Передней Азии, а значит, и в ее составной части — Закавказье процесс феодализации в отличие от Западной Европы того же времени не был завершен, ибо в те столетия здесь сохранялся рабовладельческий уклад и неоднократно прерывался процесс оформления крестьянства в единое феодально-зависимое сословие[54].

В связи с этим следует напомнить, что для Азербайджана пока нет сведений, происходило ли там закрепощение земледельцев в XI—XII вв.[55]. В Армении этот процесс носил локальный характер[56]. Вместе с тем, насколько известно, юридически крепостных в Закавказье домонгольского времени не было[57]. В целом же период XI—XII вв. можно считать переходным этапом, когда свободное крестьянство сходит на нет. А относительно позднее установление крепостничества (или его юридическое оформление) не оказало существенного влияния на экономическую, политическую, культурную и даже социальную историю Закавказья. Это одна из особенностей восточного феодализма. Для сравнения можно напомнить, что, хотя в Западной Европе XI—XII вв. существовало юридически оформленное крепостничество, она во всех отношениях отставала в своем развитии от Востока. В домонгольское время здесь не было не-

обходимости в закрепощении, ибо земельные отношения, как и вообще феодальные, имели свою специфику, что не могло не отразиться на характере процесса феодализации и оформления крестьянства в единое феодально-зависимое сословие. И можно ли считать незавершенным процесс феодализации для региона, где в отличие от Западной Европы фиксирована непрерывность и преемственность эволюции города, раньше наступает период товарно-денежных отношений и развитого денежного хозяйства, где доминирует денежная форма феодальной ренты, что свидетельствует о подъеме экономики?[58]. К тому же Закавказье было той самой зоной контакта и синтезного развития, где новое переплеталось и рождалось в сплаве со старым, местное — с привнесенным извне. И это особенность местного, если не вообще восточного феодализма.

Здесь же следует заметить следующее. А. П. Новосельцев пишет, что в его работах[59] выявляются общие для Закавказья закономерности и особенности сложного и трудного для анализа процесса становления и укрепления феодализма[60]. Но в данном случае его отправным пунктом служит вывод о недоразвитости феодализма в этом регионе в сравнении с его «классической» формой в Западной Европе. Таким образом, восточному феодализму с его особенностями и отличиями от западноевропейского вновь отказано в праве на существование, т. е. налицо возврат к европоцентрической теории. В качестве контраргумента достаточно сослаться на исследования Н. И. Конрада, считавшего, что если и сравнивать, то при этом следует отталкиваться от восточного феодализма, который старше, и только в таком случае можно выявить общее и особенное в феодальный период[61], а вместе с тем и типологию эволюции феодализма. Действительно, в феодальном развитии Запада и Востока при наличии единства самой феодальной формации во всех ее разновидностях имелись черты, которые свидетельствуют о преимущественном и более «рациональном» развитии средневекового Востока по сравнению со средневековым Западом, что позволяет говорить об особенностях восточной феодальной системы и характерной для нее совокупности явлений, определяемых понятием «восточный феодализм». Да и сам А. П. Новосельцев приходит к заключению, что «процесс сложения феодализма в странах Передней Азии шел иными путями и не был непосредственно связан с кризисом рабовладельческого строя, который привел к гибели античную цивилизацию на Западе. Культура народов Ближнего Востока IV—XIII вв. явилась как бы мостом, связавшим античную цивилизацию с возникшей на ее развалинах новой, европейской культурой. В этом одна из исторических заслуг народов Ближнего Востока, в том числе и закавказских»[62].

Для некоторых авторов характерно утверждение, что сель-

джукское нашествие и завоевание привело к огромному численному уменьшению местного населения и создало угрозу его физического истребления, изменения этнического состава стран Закавказья[63]. Уместно обратить внимание на следующее. Даже в Армении, которая более других в Закавказье пострадала от сельджукских набегов, грабежей и нашествий, а до того — в не меньшей степени от неоднократных вторжений и избиений, учиненных Византийской империей, местное население не исчезло, не утратило своего языка и этнического облика. Точно так же в Азербайджане: хотя здесь произошла смена языка автохтонов, это не привело к смене этноса.

Трудно также согласиться с мнением, что в результате сельджукского нашествия и завоевания исчезли местные феодалы-землевладельцы, которых заменили пришлые тюркские эмиры[64], вернее сказать, об определенном обновлении состава местных феодалов за счет пришлой военно-кочевой знати, следствием чего было известное перераспределение земельных владений. В действительности в Грузии остались в основном грузинские феодалы, в Азербайджане — азербайджанские, точно так же в Армении — преимущественно армянские, хотя именно из этой страны Византийская империя насильно депортировала местных феодалов в свои владения, где наделяла их землей. Вместе с тем надо подчеркнуть, что в проведении своей политики в Закавказье Сельджукиды опирались на местные династии и феодалов, хотя права их были урезаны. В этом одна из особенностей системы управления на местах при Сельджукидах.

М. Х. Шарифли пришел к выводам, не согласующимся с реалиями XI—XII вв. В частности, он считает, что «бывший до того (т. е. до середины XII в.— *Р. Г.*) наместником иракских Сельджукидов в Азербайджане Шамс ад-дин Ильдегиз, а затем его преемники в результате борьбы с Сельджукидами добились независимости Азербайджана»[65]. В действительности же атабеки Ильдегизиды, создавшие собственное государство, в состав которого входила значительная часть Азербайджана, а также Ирана и Армении, являлись вместе с тем фактическими руководителями Иракского султаната Сельджукидов. Борьба между Ильдегизидами и этими Сельджукидами происходила за власть в Иракском государстве, за влияние на Закавказье и другие регионы Передней Азии[66].

М. Х. Шарифли считает, что Ильдегизиды в борьбе с внешней опасностью вступили в союз с Грузинским царством[67]. В подтверждение своего тезиса он ссылается на сообщение источника о женитьбе атабека Абу Бекра на грузинской принцессе. Но источники отмечают, что этот Ильдегизид, правивший в 1191—1210 гг., породнился с грузинскими Багратидами только для того, чтобы приостановить набеги грузинских феодалов на

свои владения[68]. Вместе с тем надо подчеркнуть, что только благодаря Шамс ад-дину Ильдегизу (1136—1172) и его преемникам Джахан-Пехлевану (1172—1186) и Кызыл-Арслану (1186—1191) была приостановлена в XII в. экспансия грузинских царей в Азербайджан[69].

А. П. Новосельцев полагает, что после сражения при Манцикерте в 1071 г., в котором Византийская империя потерпела поражение от державы Сельджукидов, зона Ширвана стала одним из центров армянской политической и культурной жизни[70]. Известно, что центром развития армянской государственности в XI в. стала Киликия[71].

Еще в первой половине XIX в. появился тезис о подчинении или же вассальной зависимости Ширванского государства от Грузинского царства в течение почти всего XII в.[72]. С тех пор это положение повторено в ряде работ, которые можно разделить на две группы. Одни базируются почти исключительно на данных грузинских источников[73], другие — на литературе[74].

В специальной литературе существует и другая точка зрения, сторонники которой, исходя из экономических и политических реалий периода, считают, что ширвано-грузинские отношения носили паритетный характер и были добрососедскими, дружественными, родственными и союзническими.

Действительно, ширвано-грузинские отношения в XII в. нельзя рассматривать изолированно от общей военно-политической обстановки в Передней Азии, в которой доминирующую роль играли Конийский и Иракский султанаты Сельджукидов, крупные эмираты и государство атабеков Ильдегизидов. Надо также помнить о значении в Тбилиси, столице Грузинского царства, местного мусульманского элемента и его влиянии не только на городское управление, но, что важнее, на экономическую жизнь. Это было время, когда Византийская империя переживала упадок, Киликийское княжество еще набиралось сил, крестоносцы были заняты своими собственными делами. Поэтому грузинские цари должны были вести осторожную политику, чтобы не раздражать сильных соседей-иноверцев. Вот почему они шли на сближение со странами мусульманского Востока. Это — заключение исследователей[75], которое базируется на данных различных источников[76].

Следует отметить ту важную роль, которую играли в истории XII в. атабеки Ильдегизиды, не только сумевшие воспрепятствовать грузинской экспансии в пределах Закавказья, но и вмешивавшиеся во внутренние дела Грузинского царства и отнявшие у него ряд территорий. Эти выводы исследователей[77] также базируются на данных различных источников[78].

Что касается экономической стороны вопроса, то нумизматический материал свидетельствует, что грузинская монета XII в.

«снабжалась преимущественно арабскими надписями; грузинской легенде уделялось самое незначительное место»[79]. Наиболее важная причина этого явления заключалась в стремлении сохранить свое место в экономической системе Закавказья и Передней Азии, где доминировал мусульманский политический и экономический элемент. Не случайно уже В. В. Бартольд пришел к заключению, что христианская Грузия входила в состав мусульманской Азии если не в политическом, то в экономическом и культурном отношении[80]. Это его положение было подтверждено и развито последующими исследователями[81], в том числе грузинскими[82].

Поэтому в сложившихся условиях Ширванское государство было единственным, с кем Грузинское царство, учитывая к тому же предшествующие позитивные традиции, имело возможность поддерживать паритетные отношения, а также рассчитывать на его помощь, содействие и поддержку. Ширван был фактически единственным для Грузии коммуникабельным государством в XII в.

Несостоятельны исторические карты, на которых без фактического обоснования западные территории Азербайджана — до Шамахи, Гянджи, Барды и на юг до Аракса — включены в состав Грузинского царства XII — начала XIII в.[83]. В связи с этим следует отметить публикацию М. М. Бердзенишвили, в которой автор, как и составители карт, считает, что Западный Ширван входил в состав владений Багратидов, а восточная граница Грузинского царства проходила по линии Шамаха — Гянджа, достигая места слияния Куры и Аракса[84]. Ошибочность подобных заключений доказывается как позитивным характером ширвано-грузинских отношений в XII в., так и ролью атабеков Ильдегизидов в истории этого столетия.

Большое внимание истории стран Закавказья XI—XII вв. уделяют иранские и особенно турецкие медиевисты, в публикациях которых в наиболее резкой форме проступает методологическая ограниченность буржуазной историографии. Для иранских историков характерно отрицание истории средневековых государств и этноса Азербайджана. Наиболее рельефно эти тенденции проступают в работе М. М. Мортазави, посвященной месту и роли Азербайджана в истории иранского государства[85], а также у А. Кесреви Табризи, который рассматривает судьбы азербайджанцев в средние века с панираниcтских и шовинистических позиций[86]. То же самое характерно для Исторического атласа Ирана, где на карте сельджукского периода Азербайджан представлен как объект исторического процесса[87]. Таким образом, иранская историография отрицает существование на территории Азербайджана государств ширваншахов Кесранидов, атабеков Ильдегизидов и ряда других. В связи с этим сле-

дует напомнить, что в XI—XII вв. не было никакого иранского политического образования, а территория Ирана входила в состав государств, созданных пришлыми феодалами: сперва это держава Сельджукидов и Карманский султанат Сельджукидов, затем — Иракский султанат Сельджукидов и государство атабеков Ильдегизидов. Причем, если в XI в. в истории Ирана и его многоязычного населения важную роль сыграли Сельджукиды, то в XII в.— Ильдегизиды, которые включили в состав своих владений и сферы влияния Западный Иран. Иными словами, в XI—XII вв. сам Иран был объектом исторического процесса и его судьбы оказались тесно связаны и зависимы от тех государств, что были созданы неиранскими (тюркскими) династиями. Поэтому закономерен вывод о том, что в период развитого и позднего средневековья Иран зависел от хода событий в Азербайджане, а не наоборот; причем с 1000 по 1295 г., с небольшими перерывами, судьбы Ирана находились в руках сменявших друг друга неиранских (тюркских) династий [88].

Для турецких медиевистов исследование периода имеет не только конкретный исторический, но также политический характер. Они рассматривают события XI—XII вв., в первую очередь исходя из трактовки истории современной Турецкой Республики, которую считают последним по времени этапом непрерывного, начиная с раннего средневековья, преемственного и последовательного развития «единой» тюркской государственности. Поэтому турецкая историография уделяет этому периоду большое внимание, и вот почему для нее Закавказье не субъект, а лишь объект исторического процесса в XI—XII вв. По той же причине турецкие исследователи стремятся искусственно, эклектически связать судьбы тех, кто ныне говорит на языках тюркской группы (а в некоторых случаях и нетюркской группы), с перманентно «единым» во все времена, по их представлениям, тюркоязычным миром, который будто к тому же искони непрерывно развивался на одной и той же территории — в Туране,— сплошной полосой пролегающей от Средиземного моря до Тихого океана. Иными словами, они прокламируют идею о существовании в прошлом и в настоящее время «единого» тюркского народа с неделимой историей, культурой, языком, идеологией и этногенетическим происхождением, но живущего ныне, в силу исторически сложившихся условий, в различных государствах.

М. А. Кёймен в исследовании, посвященном политической истории державы Сельджукидов [89], пытается доказать тезис о том, что наиболее значительное государство на мусульманском средневековом Востоке было создано тюрками. Отсюда вытекает другое положение: тюрки издревле пребывали на той территории, на которой их застает история, хотя хорошо известны

неоднократные миграции тюркских племен с востока на запад. Для Закавказья, во всяком случае, не вызывает сомнений, что тюрки на его территории — пришлый элемент. Это доказывается социально-экономической и политической историей стран региона, многовековым развитием культуры, а также, что весьма важно, этнической и языковой историей автохтонов. Это заключение относится ко всем странам Закавказья, на чью историю и территорию до сих пор претендуют некоторые турецкие историки. Исследованиями советских кавказоведов установлено и доказано, что подобные притязания лишены какого-либо реального основания [90].

М. А. Кёймен даже не упоминает атабеков Ильдегизидов, хотя они сыграли значительную роль в истории не только Закавказья, но вообще Передней Азии. Это подтверждается, в частности, таким важным событием периода, как трансформация Иракского султаната Сельджукидов (с которым в XII в. были связаны судьбы Закавказья и в котором Ильдегизиды в 1160—1191 гг. были полноправными руководителями) в Азербайджанский султанат. О значении этих атабеков свидетельствуют также характерные изменения в их титулатуре и тамге [91]; то, что они были единственной династией атабеков, созданной не с целью управления собственным доменом, а для руководства Иракским султанатом Сельджукидов [92], который они фактически превратили в собственное государство. Точно так же не случайно, что с Ильдегизидами и Закавказьем связаны метаморфозы, пережитые одним из важнейших феодальных институтов периода — системой атабеков [93]. Можно еще напомнить, что монета Ильдегизидов имела хождение как на территории всего Закавказья, так и за его пределами [94].

О. Туран в специальной публикации по поводу «идей мирового господства» у средневековых тюрок [95] пытается обосновать тезис, что уже у тюркских племен эпохи орхонских надписей (V—VII вв.) существовала эта идея, которая крепла и постепенно овладевала умами тюрок и превратилась в реальность в XI—XII вв., т. е. с созданием державы Сельджукидов. Впоследствии ни один народ не играл заметной роли в истории, ибо, заключает О. Туран, господство было исключительным правом тюрок. Положения, высказанные этим автором, не новы; они являются повторением того, что говорили З. Гекалп и другие сторонники пантюркизма и пантуранизма.

Более детально свои мысли О. Туран изложил в другой специальной публикации об истории развития у тюрок идеи о мировом господстве [96]. При этом большое внимание уделено обоснованию «национального, идеологического и гуманистического принципов» концепции тюркского мирового господства. Но тезис о том, будто тюркские племена со времени своего появления

на исторической арене в раннем средневековье стали играть всемирно-историческую роль и что у них извечно существовала идея мирового господства, антинаучен и антиисторичен. В частности, разработка сельджукской проблемы показала, что, хотя огузы известны были уже в VII в., их историческая роль выявилась позднее — в XI—XII вв., когда они приняли участие в завоевательном и миграционном движении под руководством Сельджукидов. Только тогда они оказали заметное воздействие на судьбы различных регионов Азии и Европы, в том числе Закавказья.

В связи с Закавказьем следует указать, что до XI в. тюрки не играли здесь решающей роли, а также подчеркнуть, что их влияние на судьбы местного населения достаточно отчетливо прослеживается только в языке. Историческая антропология не подтверждает отклонений от оптимального антропологического типа автохтонов Закавказья независимо от тюркских или иных наслоений. Вместе с тем должно обратить внимание на то, что смена языка не означала смены этноса: автохтоны Закавказья не утратили своей многовековой прямой и непрерывной линии антропологической, исторической и культурной эволюции[97].

Таким образом, можно констатировать, что в течение XI—XII вв. страны Закавказья прошли те же основные этапы эволюции восточного феодализма, что были присущи в эти столетия другим регионам. Закавказье было вовлечено в общий поток социально-экономического, политического и интеллектуального развития средневекового сообщества и являлось составной частью мировой феодальной системы.

В заключение несколько слов о направлениях ближайших разработок истории Закавказья XI—XII вв. Сейчас общими усилиями советских кавказоведов создается коллективный итоговый труд по истории Закавказья с древнейших времен до наших дней. Медиевисты своими дальнейшими исследованиями могут способствовать успеху этого научного предприятия. В частности, ныне имеются условия для создания библиографии сельджукского периода, обобщающей итоговой работы по истории Закавказья XI—XII вв., а также по истории Иракского султаната Сельджукидов, государства атабеков Ильдегизидов, эмирата шахарменов. Следует обсудить возможность создания единых исторических карт Закавказья периода, разработки общих вопросов истории торговых связей, культурных взаимоотношений. Возможны рассмотрение истории отношений между Закавказьем и Конийским султанатом Сельджукидов, тюркскими эмиратами, а также более подробное исследование различных аспектов социально-экономической, политической, этнической и культурной истории, с тем чтобы выявить то общее, что было присуще странам и народам Закавказья в XI—XII вв.

[1] Историко-географический термин *Закавказье* используется в настоящем обзоре для обозначения не только территории нынешних Азербайджанской, Армянской и Грузинской ССР, но также тех сопредельных земель, которые составляли в XI—XII вв. соответственно с каждой из них единое целое.

[2] В. В. Бартольд. Очерк истории туркменского народа.— Сочинения. Т. 2. Ч. 1. М., 1963, с. 574.

[3] Н. В. Пигулевская. Арабы у границ Византии и Ирана в IV—VI вв. М.—Л., 1964, с. 4.

[4] Б. В. Поршнев. Мыслима ли история одной страны? — Историческая наука и некоторые проблемы современности. Статьи и обсуждения. М., 1969, с. 304.

[5] Там же, с. 301.

[6] А. В. Гулыга. Эстетика истории. М., 1974, с. 70.

[7] Б. В. Поршнев. Мыслима ли история одной страны?, с. 308.

[8] История Азербайджана. Т. 1. Баку, 1958; Н. А. Бердзенишвили и др. История Грузии. Т. 1. Тб., 1962; История армянского народа. Ч. 1. Ер., 1951.

[9] И. П. Бекзади. Сочинение Равенди «Рахат ас-Судур ва Айет ас-Сурур» как исторический источник. Баку, 1963 (на азерб. яз.); см. также его же работы: Автореф. канд. дисс. (под тем же названием). Баку, 1961; О положении крестьян Азербайджана в XI—XII вв. (на азерб. яз., резюме на рус. яз.).— «Доклады АН Азерб. ССР». 1959, т. 15, № 4; Виды частной земельной собственности и налогов в Азербайджане XI—XII вв. (на азерб. яз., резюме на рус. яз.).— «Известия АН Азерб. ССР. Серия обществ. наук». 1959, № 4.

[10] Н. Н. Шенгелия. Сельджуки и Грузия в XI в. Тб., 1968 (на груз. яз., резюме на рус. и англ. яз.). См. также: К. С. Кекелидзе. Социально-политическое и культурное состояние Грузии в эпоху Руставели.— Шота Руставели и его время (сборник). М., 1939.

[11] См., например: М. Д. Лордкипанидзе. История Грузии XI — начала XIII в. (Научно-популярный очерк). Тб., 1974, с. 12.

[12] М. М. Бердзенишвили. История Грузии в XI—XII вв. Тб., 1970 (на груз. яз.). См. также: Ш. А. Месхиа. Из истории государственного строя Грузии в XI—XIII вв. (на груз. яз.).— Труды ТГУ. Т. 125. Серия историч. наук. Кн. VI, 1968; П. М. Мурадян. К хронологии некоторых событий в Грузии и Армении XII в.— «Вестник Матенадарана». 1969, № 9.

[13] М. Д. Лордкипанидзе. История Грузии XI — начала XIII вв. (там же см. новую литературу по социально-экономической и политической истории периода, опубликованную в Грузии). См. также ее работы: Из истории Тбилисского эмирата (на груз. яз., резюме на рус. яз.).— «Мимомхилвели». Т. 2. Тб., 1951; К вопросу об объединении феодальной Грузии (на груз. яз., резюме на рус. яз.).— Труды Института истории АН Груз. ССР. Т. 1, 1955; Придворные чиновные люди грузинской феодальной монархии (на груз. яз., резюме на рус. яз.).— «Материалы по истории Грузии и Кавказа». Вып. 32, 1955. Политическое объединение феодальной Грузии (на груз. яз.). Тб., 1963; Эпоха Руставели. Тб., 1966; Из истории социального развития в Грузии XII в. (на груз. яз., резюме на рус. яз.).— Грузия в эпоху Руставели (сборник). Тб., 1966.

[14] Т. Г. Папуашвили принадлежит исследование, где рассмотрены некоторые вопросы истории XI—XII вв. Автор включает в состав Эрети, которую причисляет к грузинским землям, западные территории исторической Кавказской Албании, но не оговаривает этого, хотя история Албании принадлежит истории Азербайджана [см. работы Т. Г. Папуашвили: Вопросы истории Эрети. Очерки по социально-экономической и политической истории. С древнейших времен до первой четверти XII в. Тб., 1970 (на груз. яз.); Автореф. докт. дисс. (под тем же названием). Тб., 1971; Из политической истории Эрети IX—XII вв. (на груз. яз.).— «Вестник Отделения обществ. наук АН Груз. ССР». 1967, № 4].

[15] Ш. А. Месхиа. Дидгорская битва. Тб., 1974 (эта же работа опубликована на груз. яз. в 1972 г.).

[16] Следует отметить публикацию Б. А. Улубабяна о Хаченском княжестве, небольшом государстве, существовавшем на территории Азербайджана и принадлежащем его истории, хотя автор не счел нужным отметить это [Б. А. Улубабян. Истоки Хаченского княжества (на арм. яз., резюме на рус. яз.).— «Вестник Ереванского университета. Обществ. науки». 1972, № 2].

[17] См.: Г. Г. Микаелян. История Киликийского армянского государства. Ер., 1952; А. Г. Сукиасян. История Киликийского армянского государства и права (XI—XIV вв.). Ер., 1969.

[18] С. Е. Акопян. История армянского крестьянства (IV—XIII вв.). Автореф. докт. дисс. Ер., 1952; С. П. Погосян. Закрепощение крестьянства и крестьянские движения в Армении в IX—XIII вв. Ер., 1956 (на арм. яз., резюме на рус. яз.); он же. Автореф. докт. дисс. (под тем же названием). Ер., 1955; Б. Аракелян. Уровень социально-экономического развития Армении в IX—XIII вв. и вопрос Возрождения (на арм. яз.).— «Известия АН Арм. ССР. Обществ. науки». 1956, № 5; Р. М. Бартикян. О значении завещания Евстафия Воилы (1059 г.) для изучения истории Армении и Грузии в эпоху византийского владычества.— XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М., 1960; Л. О. Бабаян. К вопросу о закрепощении крестьян в Армении домонгольского периода. Ер., 1961.

[19] В. Д. Дондуа. К социально-экономической жизни средневековой Грузии по Анийской надписи (1218 г.) Епифания.— Академия наук СССР — академику Н. Я. Марру (сборник). М.—Л., 1935; Очерки из истории крестьянства феодальной Грузии. Ч. 1. Тб., 1967 (на груз. яз.); И. И. Сургуладзе. История государства и права Грузии. Тб., 1968; З. П. Ратиани. Социальный строй Грузии XII—XIV вв. Тб., 1970 (на груз. яз.).

[20] И. М. Джафарзаде. Историко-археологический очерк Старой Гянджи. Баку, 1949; М. М. Альтман. Исторический очерк города Гянджи. Баку, 1949; С. Б. Ашурбейли. Очерк истории средневекового Баку (VIII—начало XIX в.). Баку, 1964; Р. А. Мамедов. Из истории Нахчевана X—XII вв. (на азерб. яз.).— «Материалы по истории Азербайджана». Т. 6, 1963; он же. Очерки истории города Нахчевана в период средневековья. Автореф. канд. дисс. Баку, 1965; Г. М. Ахмедов. Средневековый город Байлакан (Историко-археологическое исследование). Автореф. докт. дисс. Баку, 1972.

[21] Н. Я. Марр. Ани. Книжная история города и раскопки на месте городища. Л.—М., 1934; К. Г. Кафадарян. Город Двин и его раскопки. I. Ер., 1952; Я. А. Манандян. О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен. Изд. 2-е. Ер., 1954; Б. Н. Аракелян. Города Армении в IX—XIII вв. Автореф. докт. дисс. Ер., 1954.

[22] Л. А. Чилашвили. Город Рустави (историко-археологический очерк). Тб., 1958 (на груз. яз.); он же. Города в феодальной Грузии. Автореф. докт. дисс. Тб., 1967; он же. Города феодальной Грузии. Тб., 1970 (на груз. яз., резюме на рус. яз.); Ш. А. Месхиа. Города и городской строй феодальной Грузии XVII—XVIII вв. Тб., 1959.

[23] В. А. Абрамян. Ремесла в Армении IV—XVIII вв. Ер., 1956 (на арм. яз., резюме на рус. яз.); Л. Хачикян. Уровень и степень развития ремесел в Армении в X—XIV вв. (на арм. яз.).— «Известия АН Арм. ССР. Обществ. науки». 1958, № 3; Ф. А. Ибрагимов. Металлообрабатывающее ремесло в средневековых городах Азербайджана в IX—XIII вв. Автореф. канд. дисс. Баку, 1969.

[24] См. работы В. М. Бейлиса: Масуд ибн Намдар и городское население Байлакана.— «Известия АН Азерб. ССР. Серия истории, философии и права». 1966, № 3; Из наблюдений над текстом и терминологией Сборника рассказов, стихов и писем Масуда ибн Намдара (ок. 1111).— Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник. 1968. М., 1970; Из наблюдений над текстом Масуда ибн Намдара.— Там же. Еже-

годник. 1970. М., 1974; Масуд ибн Намдар. Сборник рассказов, писем и стихов. Факсимиле текста, предисловие и указатели В. М. Бейлиса. М., 1970; Сочинения Масуда ибн Намдара как источник по истории Аррана и Ширвана начала XII в. и памятник средневековой арабской литературы. Автореф. докт. дисс. Баку, 1975.

[25] Е. А. Пахомов. Монеты Грузии. Тб., 1970; он же. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. 1—9. Баку, 1926—1966; он же. Монетное обращение Азербайджана в XII и начале XIII в.— «Труды Госуд. исторического музея». Вып. 26, 1957; Н. Н. Коиава. Денежное обращение Грузии в эпоху Руставели.— Руставели (сборник). Тб., 1938; А. А. Быков. Грузинские монеты XII—XIII вв.— Памятники эпохи Руставели (сборник). Л., 1938; А. В. Рагимов. Клад ильдегизидских монет XII—XIII вв.— «Доклады АН Азерб. ССР». Т. 10, 1954, № 3; Д. Г. Капанадзе. Грузинская нумизматика. М., 1955; И. Л. Джалагания. Два клада сельджукских монет.— «Советская археология». 1958, № 2; Х. А. Мушегян. Денежное обращение Двина по нумизматическим данным. Ер., 1962; он же. Денежное обращение Армении в IX—XIV вв. (на арм. яз., резюме на рус. яз.).— «Историко-филологический журнал АН Арм. ССР». 1971, № 4; В. В. Кропоткин. Клады византийских монет на территории СССР. М., 1962; М. А. Сейфеддини. Монетное дело в Азербайджане в XII — первой половине XV в. Автореф. докт. дисс. Баку, 1970; Р. А. Гусейнов. Из истории денежного обращения в Передней Азии в XI—XII вв.— «Нумизматика и эпиграфика». Т. 9, 1971.

[26] См. работы М. Х. Шарифли: Из истории города Шамахи (на азерб. яз.).— «Известия Азерб. ФАН СССР». 1944, № 8; Относительно «Эльдегеза» (на азерб. яз.).— «Труды Азерб. Госпединститута им. В. И. Ленина». Т. 1, 1946; Азербайджан в IX—XII вв. (на азерб. яз., резюме на рус. яз.).— «Труды Института истории АН Азерб. ССР». Т. 12, 1957; Феодальные государства Азербайджана второй половины IX—XI в. Автореф. докт. дисс. Баку, 1963. См. также его раздел в книге: История Азербайджана. Т. 1, с. 128—169.

[27] См. работы Р. А. Гусейнова: Сирийские источники XII—XIII вв. об Азербайджане. Баку, 1960; «Хроника» Михаила Сирийца.— «Палестинский сборник». Вып. 5, 1960; Роль и значение сирийских источников для изучения истории народов Кавказа.— «Доклады АН Азерб. ССР». Т. 18, № 7, 1962; Сирийские источники по истории Закавказья X—XIV вв.— «Историко-филологический журнал АН Арм. ССР». 1974, № 2.

[28] Р. А. Гусейнов. Сельджуки и Закавказье. Автореф. докт. дисс. Баку, 1969; он же. К истории тюрок XI—XII вв.— «Труды Института истории АН Азерб. ССР». Т. 12, 1957.

[29] К. И. Чайкин. Ильдегизиды, Аксонкориды и Мангуджакиды.— Хакани—Низами—Руставели (сборник). М.—Л., 1935; Р. А. Гусейнов. Иракские Сельджукиды, Ильдегизиды и Закавказье. — «Палестинский сборник». Вып. 21, 1970.

[30] И. П. Петрушевский. Бешкениды—Пиштегиниды, грузинские мелики Ахара в XII — начале XIII в.— Материалы по истории Грузии и Кавказа. Т. 7, 1937. П. А. Топуриа. Материалы к истории грузинской династии Бешкенидов (на груз. яз., резюме на рус. яз.).— Вопросы истории Ближнего Востока (сборник). Тб., 1963 (в данном случае я не касаюсь спорного утверждения о грузинском происхождении мусульманской династии меликов Ахара); М. Х. Шарифли. Ахарские мелики Бишкиниды (на азерб. яз., рус. резюме).— «Доклады АН Азерб. ССР». Т. 26, № 5, 1970.

[31] Дж. Ибрагимов. К истории государства ширваншахов в Азербайджане (1027—1382) (на азерб. яз., резюме на рус. яз.).— «Ученые записки Азерб. университета им. С. М. Кирова. История и философия». 1964, № 4; 1966, № 3; М. Х. Шарифли. Нахчиваншахство (на азерб. яз., резюме на рус. яз.).— «Известия АН Азерб. ССР. Серия истории, философии и права».

1966, № 4; М. А. Сейфеддини. Некоторые сведения об азербайджанском государстве Аксункуридов.— «Эпиграфика Востока». Т. 21, 1972.

[32] В. Копалиани. Из истории грузино-византийских политических взаимоотношений в первой половине XI в. (на груз. яз., резюме на рус. яз.).— Труды ТГУ. Т. 77. Серия исторических наук, 1959; он же. Отношения Грузии с крестоносцами и Византией (на рубеже XI—XII вв.) (на груз. яз.).— Труды ТГУ. Т. 125. Серия исторических наук. Кн. VI, 1968; он же. Из истории внешних политических взаимоотношений Грузии. Вторая половина XI в. (на груз. яз., рус. резюме).— Труды ТГУ. Т. 127. Серия исторических наук, 1968; он же. Политические взаимоотношения Византии и Грузии (70-е годы X в.— 20-е годы XII в.). Автореф. докт. дисс. Тб., 1971; Р. М. Бартикян. К истории взаимоотношений между Византией и Киликийским армянским государством в конце XII в. — «Византийский временник». Т. 17, 1960; Н. Ш. Асатиани. Грузино-ширванские политические отношения в XII в. Статья 1. Первая половина XII в. (на груз. яз.).— Труды ТГУ. Т. 125. Серия исторических наук. Кн. 6, 1968; Д. К. Степнадзе. Политические взаимоотношения Грузии с Азербайджаном на рубеже XII—XIII вв. (на груз. яз., резюме на рус. яз.).— Вопросы истории феодальной Грузии (сборник). Кн. 1. Тб., 1970; он же. Политические взаимоотношения Грузии с народами Кавказа в XII в. Автореф. канд. дисс. Тб., 1970; он же. К внешней политике Грузии XII в.— Исторический сборник. Т. 3. Тб., 1970; З. В. Анчабадзе, М. В. Цинцадзе. Грузия и народы Северного Кавказа в XII — начале XIII вв. (на груз. яз., резюме на рус. яз.).— Грузия в эпоху Руставели (сборник); О. Г. Жужунадзе. Из истории взаимоотношений Грузии с Россией в XII в. (на груз. яз., резюме на рус. яз.).— Там же; А. И. Шавхелашвили. Из истории взаимоотношений между грузинским и чечено-ингушскими народами. Грозный, 1963; М. Д. Лордкипанидзе. Из истории грузино-армянских отношений (на груз. яз., резюме на рус. яз.).— Труды ТГУ. Т. 125. Серия историч. наук. Кн. 6, 1968; В. Д. Дондуа. К истории грузино-византийских политических взаимоотношений (XI в.).— Исторические изыскания. Т. 1. Тб., 1967.

[33] Р. А. Гусейнов. Последствия сражения при Манцикерте (1071 г.) для Закавказья.— «Византийский временник». Т. 29, 1968.

[34] Р. М. Бартикян. Завоевание Армении Византийской империей (на арм. яз., рус. резюме).— «Историко-филологический журнал АН Арм. ССР». 1970, № 2; С. Т. Еремян. Присоединение северо-западных областей Армении к Византии в XI в.— «Вестник обществ. наук АН Арм. ССР». 1971, № 3; В. А. Арутюнова. Из истории северо-восточных пограничных областей Византийской империи в XI в.— «Историко-филологический журнал АН Арм. ССР». 1972, № 1; она же. «Ивер» в византийских источниках XI в.— «Вестник Матенадарана». Т. 11, 1973; В. С. Шандровская. К истории армяно-византийских отношений XII в. (по данным сфрагистики).— «Вестник обществ. наук АН Арм. ССР». 1974, № 4.

[35] С. Г. Агаджанов и К. Н. Юзбашян. К истории тюркских набегов на Армению.— «Палестинский сборник». Вып. 13, 1965.

[36] В. А. Гордлевский. Государство Сельджукидов Малой Азии. М.—Л., 1941; Р. А. Гусейнов. Из истории взаимоотношений Византии с сельджуками.— «Палестинский сборник». Вып. 23, 1971.

[37] К. А. Чхатарайшвили. Воины-иноземцы в грузинском войске XII в. (на груз. яз., рус. резюме).— «Грузия в эпоху Руставели»; Ш. А. Месхиа. Дидгорская битва; Р. А. Гусейнов. Сельджукская военная организация.— «Палестинский сборник». Вып. 17, 1967; он же. Тюркское Гош! в сирийском источнике.— «Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР». 1965, № 86.

[38] А. Демирчизаде. Огузо-кипчакские элементы в азербайджанском языке (на азерб. яз.).— Труды Института языкознания АН Азерб. ССР. Т. 1, 1947; В. Л. Гукасян. Взаимоотношения азербайджанского и удинского язы-

ков. Автореф. докт. дисс. Баку, 1973; он же. Удинско-азербайджанско-русский словарь. Баку, 1974; Р. А. Гусейнов. Тюркские этнические группы XI—XII вв. в Закавказье.— «Тюркологический сборник. 1972». М., 1973.

[39] См. работы В. Ф. Минорского (V. Minorsky): История Ширвана и Дербенда X—XI вв. М., 1963; Studies in Caucasian History. I. New Light on the Shaddadids of Ganja. II. The Shaddadids of Ani. III. Prehistory of Saladin. L., 1953; A History of Sharvan and Darband in the 10th—11th Centuries. Cambridge, 1958; Iranica Twenty Articles. Tehran, 1964.

[40] The Cambridge History of Iran. Vol. 5. The Saljuk and Mongol Periods. Cambridge, 1968.

[41] Е. А. Пахомов. Башни-мавзолеи в Барде и их надписи.— «Труды Азерб. ФАН СССР. Историч. серия». Т. 25, 1936, с. 83; он же. Монетное обращение Азербайджана в XII и начале XIII в., с. 90.

[42] Б. Ф. Поршнев. Феодализм и народные массы. М., 1964, с. 113 и сл.

[43] К. Маркс. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 23, с. 180.

[44] См. работы, указанные в прим. 20, 21, 22, 25.

[45] См.: К. Маркс. Капитал. Критика политической экономии. Т. 3.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 25. Ч. 2, с. 361.

[46] А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972, с. 124; А. П. Новосельцев. Пути развития и особенности феодальной формации в странах Закавказья (Опыт сравнительно-исторического исследования). Автореф. докт. дисс. М., 1973, с. 8—9, 29—30, 38.

[47] М. Д. Лордкипанидзе. История Грузии XI — начала XIII вв. с. 25, 85; Ш. А. Месхиа. Дидгорская битва, с. 54.

[48] А. П. Новосельцев и др. Пути развития феодализма, с. 18.

[49] Н. В. Пигулевская. Арабы у границ Византии и Ирана в IV—VI вв., с. 4.

[50] Маркс—Энгельсу в Манчестер.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 28, с. 214.

[51] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Диалектика природы.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 20, с. 188.

[52] Здесь же отметим, что М. Д. Лордкипанидзе считает, что «преобладание натуральной ренты знаменует вступление в стадию развитых феодальных отношений, а денежная рента превалирует в эпоху распада феодальной формации», хотя далее она констатирует, что «в XI—XII вв. в Грузии в большом количестве чеканилась собственная монета — серебряная и медная. Эта монета имела хождение как внутри страны, так и за ее пределами. Есть основание полагать, что в Грузии того времени чеканилась и золотая монета, причем в роли денег выступали и слитки золота... В этот период в Грузии в большом количестве, обращалась и иностранная монета (византийская) и мусульманских государств» (М. Д. Лордкипанидзе. История Грузии XI—начала XIII в., с. 25, 45).

Для чего же такая монетная масса находилась в обращении, если, по автору, доминирует натуральная форма феодальной ренты?

Следует упомянуть также заключение Ш. А. Месхиа, что «установление господства тюрок-сельджуков в Грузии и вообще в Закавказье означало существенное изменение социального и экономического строя этих стран, не только упадок их, но и возвращение к патриархальному скотоводству и семейному рабству» (Ш. А. Месхиа. Дидгорская битва, с. 54).

Полагают, что излишняя категоричность такого суждения опровергается хорошо известным экономическим развитием Грузии в XI—XII вв.

Во всяком случае, исследования азербайджанских историков подтверждают, что в XI—XII вв. в Азербайджане по-прежнему определяющим типом экономики было многоотраслевое оседлое земледельческое хозяйство [Т. А. Бунятов. История земледелия и скотоводства в Азербайджане (с

древнейших времен до XIII в. н. э.). Автореф. докт. дисс. Баку, 1968; он же. Из истории развития земледелия в Азербайджане. Баку, 1964; он же. Очерки археологии Азербайджана. Баку, 1960].

Надо полагать, что нет оснований сомневаться в том, что основой экономической жизни стран Закавказья в XI—XII вв. было земледелие, ремесленное производство и горно-пастбищное сезонное скотоводство. Азербайджан, Армения и Грузия издревле славились как зоны культурного земледелия, скотоводства, виноградарства и виноделия, пчеловодства, льноводства, рисоводства, садоводства, шелководства, хлопководства, рыболовства. Издавна были известны также природные богатства этих стран: нефть, драгоценные камни, благородные и цветные металлы, строительный камень и соль. На этой базе расцветало ремесло. Все эти отрасли известны в странах Закавказья доныне.

[53] С. Е. Акопян. История армянского крестьянства, с. 12; Л. О. Бабаян. К вопросу о закрепощении крестьян в Армении домонгольского периода, с. 4, 6; С. П. Погосян. Закрепощение крестьянства и крестьянские движения в Армении, с. 31, 33—38; М. К. Думбадзе. Историческая действительность Грузии и Шота Руставели (на груз. яз., рус. резюме).— Грузия в эпоху Руставели, с. 294; М. Д. Лордкипанидзе. Из истории социального развития в Грузии XII в., с. 295; Ш. А. Месхиа. Дидгорская битва, с. 54.

[54] А. П. Новосельцев и др. Пути развития феодализма, с. 99—100.

[55] И. П. Петрушевский. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX вв. Л., 1949, с. 250; он же. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV вв. М.—Л., 1960, с. 324 и сл.

[56] Б. М. Арутюнян. Социально-экономическое положение крестьян в Армении XII в. по Судебнику Мхитара Гоша.— «Вопросы истории». 1952, № 8, с. 55.

[57] Армянский судебник Мхитара Гоша. Ер., 1954, с. 150, 155, ст. 3, 14; И. П. Петрушевский. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV вв., с. 325—326; он же. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX вв., с. 250.

[58] В конечном итоге, что является определяющим: форма или сущность поземельных и личных отношений? Вероятно, второе — суть этих отношений; хотя они и не имели завершенной, «классической», европейской формы, тем не менее свидетельствуют, что в XI—XII вв. более была развита в социально-экономическом отношении Передняя Азия.

[59] См. работы А. П. Новосельцева (в соавторстве): Пути развития феодализма; Пути развития и особенности феодальной формации в странах Закавказья; Раннесредневековая культура народов Закавказья. — «Вопросы истории». 1973, № 6; Некоторые вопросы историографии древней и раннесредневековой истории народов Закавказья.— «История СССР». 1974, № 1 (в соавторстве). Итоги и задачи изучения истории древнейших государств нашей страны.— «История СССР». 1974, № 2.

[60] А. П. Новосельцев и др. Пути развития феодализма, с. 9 и сл.; он же. Пути развития и особенности феодальной формации в странах Закавказья, с. 3 и сл.

[61] Н. И. Конрад. Запад и Восток. Статьи. М., 1972 (особенно с. 77—102).

[62] А. П. Новосельцев. Раннесредневековая культура народов Закавказья, с. 115.

В рецензии на книгу «Пути развития феодализма», одним из авторов которой является А. П. Новосельцев, точно подмечено, что «при всем многообразии путей формирования и особенностей развития феодальных отношений существует единство самой формации во всех ее разновидностях. Это важно отметить, потому что за последние годы под впечатлением раскрывающегося

на современном этапе развития науки многообразия конкретных форм, в которых происходило развитие общественно-экономических формаций, отдельные историки даже поставили под сомнение сам принцип выделения рубежей формации» (А. М. Сахаров. Рецензия на книгу: А. П. Новосельцев и др. Пути развития феодализма.— «Вопросы истории». 1973, № 5, с. 160).

[63] Н. А. Бердзенишвили и др. История Грузии. Ч. 1; История армянского народа. Ч. 1; М. Д. Лордкипанидзе. История Грузии XI — начала XIII вв., с. 13. 86, 197; Ш. А. Месхиа. Дидгорская битва, с. 37.

[64] Н. Н. Шенгелия. Сельджуки и Грузия в XI в., с. 382; М. Д. Лордкипанидзе. История Грузии XI — начала XIII вв., с. 85.

[65] М. Х. Шарифли. Азербайджан в IX—XII вв., с. 74—75. См. также: История Азербайджана. Т. 1, с. 142.

[66] См. работы Р. А. Гусейнова: Сельджуки и Закавказье, с. 12—13; Институт атабеков.— «Палестинский сборник». Вып. 15, 1966, с. 189—190; Иракские Сельджукиды, Ильдегизиды и Закавказье (здесь же указаны источники); Султан и халиф.— «Палестинский сборник». Вып. 19, 1969, с. 136—137 (здесь же указаны источники); Титулатура и тамга Ильдегизидов.— «Советская тюркология». 1970, № 4, с. 87—93.

[67] М. Х. Шарифли. Азербайджан в IX—XII вв., с. 80.

[68] Recueil des historiens des Croisades. Historiens orientaux. T. 1. P., 1872, c. 83; T. 2/1, 1877, c. 91, 102.

[69] V. Minorsky. Caucasica. I. Caucasica in the «History of Mayyafarikin».— «Bulletin of The School of Oriental and African Studies» (BSOAS). 1948, vol. 12/4, c. 28; H. N. Orkun. Türk tarihi. Cilt 3. Ankara, 1946, c. 94; W. E. D. Allen. A History of the Georgian People. L., 1932, c. 102.

[70] А. П. Новосельцев и др. Пути развития феодализма, с. 47.

[71] Г. Г. Микаелян. История Киликийского армянского государства; А. Г. Сукиасян. История Киликийского армянского государства и права.

[72] B. Dorn. Beiträge zur Geschichte des Kaukasischen Länder und Völkers aus morgenländischen Quellen. SPb., 1907, c. 531.

[73] Е. А. Пахомов. Монеты Грузии, с. 72; он же. Краткий курс истории Азербайджана (на правах рукописи). Баку, 1923, с. 33, 47; он же. Пайтакаран — Байлакан — Оренкала.— «Материалы и исследования по археологии СССР». 1959, № 67, с. 26 (правда, в некоторых своих публикациях Е. А. Пахомов писал, что «Грузия и Ширван находились в дружеских взаимоотношениях». См.: Е. А. Пахомов. Краткий курс истории Азербайджана, с. 16, 31; он же. О Дербендском княжестве XII—XIII вв. — «Известия Азерб. Гос. НИИ. Историко-этнографич. и археологич. отделение». 1930, т. 1/2, с. 7; он же. Твердыня Ширвана эпохи Низами.— Низами. Сборник 1. Баку, 1940, с. 73—74); Н. Ш. Асатиани. Грузино-ширванские отношения в XII в., с. 1 и сл.; М. Д. Лордкипанидзе. История Грузии XI — начала XIII вв., с. 46 и сл.; Ш. А. Месхиа. Дидгорская битва, с. 66 и сл.

[74] В. В. Бартольд. Сочинения. Т. 2. Ч. 1, с. 692, 877 (правда, в одной из своих работ В. В. Бартольд пришел к заключению, что во второй половине XII в. существовал союз между ширваншахами и грузинскими царями.— Там же, с. 779); В. Ф. Минорский. История Ширвана и Дербенда X—XI вв., с. 178—180 (там же, на с. 180—186, В. Ф. Минорский говорит о равноправных взаимоотношениях Ширвана и Грузии); Очерки истории СССР. Период феодализма. Ч. 1. М., 1953, с. 565—566, 574, 577, 578, 658; История СССР. Серия 1. Т. 1. М., 1966, с. 414; Н. А. Бердзенишвили и др. История Грузии. Ч. 1, с. 164—165, 192, 203; А. П. Новосельцев и др. Пути развития феодализма, с. 47; W. E. D. Allen. A History of the Georgian People, c. 100, 106—107.

[75] В. М. Сысоев. Краткий очерк истории Азербайджана. Баку, 1925, с. 62; К. И. Чайкин. Из грузино-иранских связей.— Руставели (сборник). Тб., 1938, с. 122; История Азербайджана Т. 1, с. 141—142; А. А. Ализаде.

От ответственного редактора.— В. Ф. Минорский. История Ширвана и Дербенда X—XI вв., с. 8—12; Очерки истории СССР. Период феодализма. Ч. 1, с. 654; В. Н. Левиатов. Эпоха Низами.— Низами. Сборник 1, с. 45; Д. Г. Капанадзе. Грузинская нумизматика, с. 58; О. Л. Вильчевский. Ода Хакани грузинскому царю Димитрию I.— Исследования по истории культуры народов Востока. Сборник в честь академика И. А. Орбели. М.—Л., 1960, с. 56—60; З. М. Буниятов. Грузия и Ширван в первой половине XII в.— Грузия в эпоху Руставели, с. 282; Р. А. Гусейнов. Сельджуки и Закавказье, с. 12; М. Д. Лордкипанидзе. История Грузии XI — начала XIII вв., с. 115, 122.

[76] Ф. Жордания. Хроника абхазских царей. Тифлис, 1903, с. 10; H. T. Amedroz. Three Arabic mss. on the «History of the city of Mayyafarihin.— «Journal of the royal Asiatic Society». 1902, с. 791; Recueil des historiens des Croisades. Historiens orientaux. T. 1, с. 572; Barhebraei Gregorii. Chronicon Syriacum. Ed. P. Bedjan. P., 1890, с. 327—328; V. Minorsky. Caucasica. I, с. 29, 32—34.

[77] Р. А. Гусейнов. Сельджуки и Закавказье, с. 12—13; он же. Иракские Сельджукиды, Ильдегизиды и Закавказье, с. 185—188; W. E. D. Allen. A History of the Georgian People, с. 102; V. Minorsky. Caucasica. I, с. 28; H. N. Orkun. Türk tarihi. Cilt 3, с. 94.

[78] Рашид ад-дин. Джами ат-таварих. Т. 1. Кн. 2. Пер. О. И. Смирновой. М.—Л., 1952, с. 83; Всеобщая история Вардана. Пер. Н. О. Эмина. М., 1861, с. 156; История и восхваление венценосцев. Пер. К. С. Кекелидзе. Тб., 1954, с. 20—21, 24—25, 41, 55—56; Н. Д. Миклухо-Маклай. Географическое сочинение XIII в. на персидском языке.— «Ученые записки Института востоковедения АН СССР». Т. 9, 1954, с. 207—208; Киракос Гандзакеци. История. Пер. Т. И. Тер-Григорьяна. Баку, 1946, с. 93—94; Recueil des historiens des Croisades. Historiens orientaux. T. 1. с. 526—527; T. 2/1, с. 33—34; Sadruddin el-Hüseyni. Ahbar üd-Devlet is-Selçükiyye. Çeviren: N. Lügal. Ankara, 1943, с. 110—114; C. J. F. Dowsett. The «Albanian chronicle» of Mxitar Goş.— BSOAS. 1958, vol. 31/3, с. 490; Barhebraei Gregorii. Chronicon Syriacum, с. 327—328; Histoire de la Géorgie. Dépuis l'antiquité jusqu'au XIX e siècle, p. 1. Trad. par M. F. Brosset. SPb., 1849, с. 395.

[79] Д. Г. Капанадзе. Грузинская нумизматика, с. 58—62, 64—65; см. также: Е. А. Пахомов. Монеты Грузии, с. 75 и сл.; А. А. Быков. Грузинские монеты XII—XIII вв., с. 78—81; D. M. Lang. Studies in the Numismatic History of Georgia in Transcaucasia. N. Y., 1955, с. 20, 21, 23—24, 26.

[80] В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана.— Сочинения. Т. 2. Ч. 1, с. 255.

[81] К. И. Чайкин. Из грузино-иранских связей, с. 22; Р. А. Гусейнов. Сельджуки и Закавказье, с. 20; он же. Из истории денежного обращения в Передней Азии в XI—XII вв., с. 106, 107—110.

[82] Н. Н. Шенгелия. Сельджуки и Грузия в XI в., с. 362, 363; Ш. А. Месхиа. Города и городской строй феодальной Грузии, с. 44, 60; он же. Дидгорская битва, с. 58, 59; К. С. Кекелидзе. Социально-политическое и культурное состояние Грузии в эпоху Руставели.— Шота Руставели и его время (сборник). М., 1939, с. 133; М. Д. Лордкипанидзе. История Грузии XI — начала XIII вв., с. 12.

[83] С. Т. Еремян. Атлас к «Истории армянского народа». Ч. 1. Ер., 1952; Карты к «Очеркам истории СССР. Период феодализма». М., 1953; Атлас Грузинской ССР. Тб.—М., 1964; М. Д. Лордкипанидзе. История Грузии XI — начала XIII вв. (карта между с. 160—161).

[84] М. М. Бердзенишвили. Границы Грузинского государства в начале XIII в. (на груз. яз., рус. резюме).— Грузия в эпоху Руставели (сборник), с. 296—297, карта на с. 53.

[85] M. M. Mortazavi. Le rôle de l'Azerbaidjan au course de XXV siècles d'histoire de l'empire d'Iran. Tabris, 1971.

[86] A. Kasravi Tabrizi. Shahriyaran-e Gomnam. Tehran, 1307.

[87] Historical Atlas of Iran. Issued on the Occasion of the 2500th Anniversary of the Persian Empire. Tehran, 1971.

[88] A. Bausani. The Persians from Earliest days to the Twentieth Century. L., 1971, c. 129—130. См. также: B. Spuler. Le rôle des turcs dans l'histoire de l'Iran (XIéme—XIIIéme siècles).— Problemi attuali di scienza e di cultura. Atti del convegno internazionale sul tema: La Persia nel medio evo (Roma, 31 marzo — 5 aprile 1970). Roma, 1971.

[89] M. A. Köymen. Büyük selçuklu imparatorluğu tarihi. Cilt 2. Ikinci imparatorluk devri. Ankara, 1954; он же. Selçuklu devri türk tarihi. Ankara, 1963.

[90] История Азербайджана. Т. 1; История армянского народа. Ч. 1; Н. А. Бердзенишвили и др. История Грузии. Т. 1; Материалы Семинара по проблеме происхождения и формирования азербайджанского народа. Баку, 1965—1966; К. Алиев. Кавказская Албания (I в. до н. э.— I в. н. э.). Баку, 1974; В. Л. Гукасян. Взаимоотношения азербайджанского и удинского языков; он же. Удинско-азербайджанско-русский словарь; Р. А. Гусейнов. Тюркские этнические группы XI—XII вв. в Закавказье; М. К. Зулалян. Вопросы древней и средневековой истории Армении в освещении современной турецкой историографии. Ер., 1970 (вместе с тем отметим, что не со всеми положениями М. К. Зулаляна по истории Азербайджана возможно согласиться).

В связи со сказанным вызывают недоумение публикации А. А. Ализаде и К. Алиева, которые считают, что Азербайджан издревле, чуть ли не изначально, был заселен тюркоязычным этносом (А. А. Ализаде. О произведении и родном языке Мухаммеда Ибн-е Хиндушаха Нахчивани. — «Известия АН Азерб. ССР. Серия истории, философии и права». 1973, № 3; Р. Юзбашев, К. Алиев, Ш. Саадиев. Географические названия Азербайджана (очерки). Баку, 1972, с. 80—82, 84, 86—87, 89, 98).

[91] Р. А. Гусейнов. Титулатура и тамга Ильдегизидов.

[92] Р. А. Гусейнов. Иракские Сельджукиды, Ильдегизиды и Закавказье.

[93] Р. А. Гусейнов. Институт атабеков.

[94] Е. А. Пахомов. Монеты Грузии; он же. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. 1—9; Д. Г. Капанадзе. Грузинская нумизматика; Х. А. Мушегян. Денежное обращение Двина по нумизматическим данным; он же. Денежное обращение Армении в IX—XIV вв.; Р. А. Гусейнов. Из истории денежного обращения в Передней Азии в XI—XII вв.

[95] O. Turan. The Ideal World Domination Among the Medieval Tursk.— «Studia Islamica». 1955, vol. 4.

[96] O. Turan. Türk cihan hâkimiyeti mefküresi tarihi. Türk dünya nizamının millî, islâmi ve insânî esasları. Cilt 1—2. Istanbul, 1969.

[97] Р. А. Гусейнов. Тюркские этнические группы XI—XII вв. в Закавказье.

В связи с этим следует отметить исследование Д. Е. Еремеева [Этногенез турок (происхождение и основные этапы этнической истории). М., 1971], в котором показана научная несостоятельность исторических, антропологических, лингвистических (отождествляемых с расовым признаком) и культурных обоснований турецких ученых правого лагеря, проповедующих в своих трудах крайний национализм.

Дж. Джалил

ВЛИЯНИЕ ИДЕОЛОГИИ ТУРЕЦКОГО РЕФОРМАТОРСКОГО ДВИЖЕНИЯ НА РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ КУРДОВ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

(на примере газеты «Курдистан»)

В истории издания газеты «Курдистан» можно выделить три основных периода: 1) каирский (1898 г.), когда ее издавал Микдат Мидхат Бадрхан [1]; 2) женевско-лондонский (1898—1908 гг.), когда газетой руководил Абдуррахман Бадрхан; 3) стамбульский (после младотурецкой революции 1908 г.), когда газета легально издавалась под редакцией Сурея Бадрхана.

Первым издателем и редактором газеты «Курдистан», как отмечено выше, был Микдат Мидхат Бадрхан, курд, эмигрировавший из Турции в Египет. В этот период газета не представляла какую-либо определенную политическую организацию или общество. Ее появление было результатом личной инициативы издателя, хорошо понимавшего общественное и просветительское значение печати в жизни народа. Правда, до этого отдельными интеллигентами, оппозиционно настроенными к султанскому режиму, выпускались за границей небольшие листовки и прокламации, призывавшие курдский народ к объединению и борьбе за свои права, однако остро ощущалась необходимость основания курдского периодического органа, вокруг которого могли бы сгруппироваться все политические единомышленники курдского движения. Микдат Мидхат Бадрхан, разделявший либеральные взгляды турецких политических эмигрантов в Египте, очень скоро сплотил вокруг газеты небольшую группу своих политических единомышленников. Ему удалось издать всего пять номеров газеты.

«Курдистан» с перерывами выходил вплоть до первой мировой войны [2]. Это была газета небольшого формата, на четырех полосах, тираж 2 тыс. экземпляров, на курдском и турецком языках. Под заголовком газеты сообщалось, что она будет выходить два раза в месяц. Однако по ряду причин газета изда-

валась нерегулярно. Тексты на курдском языке публиковались на диалекте курманджи района Джезире Бота, откуда был выходцем сам редактор. На этом диалекте говорила бо́льшая часть курдского народа.

Номера газеты из Каира в Курдистан доставлялись через Сирию и тайно распространялись среди населения, главным образом южных районов Курдистана. Часть выпуска распространялась в Европе среди курдских эмигрантов и тех европейцев-востоковедов, которые интересовались курдской литературой и языком.

В период издания газеты в Каире она имела либеральное направление, преследовала сугубо просветительские цели — распространение грамотности среди курдов и повышение их культурного развития. В приложении на французском языке к первому номеру газеты ее редактор Микдат Мидхат Бадрхан писал: «Основав эту газету, я задался целью развить любовь к учебе у людей моей национальности, поощрять народ в ознакомлении с современной цивилизацией и прогрессом, со своей же литературой... Находясь в Египте, я хочу видеть в Курдистане порядок и мечтаю с помощью этой газеты издали служить интересам моего народа, его счастью и повышению культурного уровня моих сородичей».

В первом номере излагалась будущая программа издания: освещать международные события, открытия в науке, торговые вопросы, рассказывать об образовательной сети в других странах и пр. Почти весь номер занимала статья ее редактора. Она была написана таким образом, чтобы читатель в пропаганде просвещения и науки не видел противоречия догмам шариата. Каждое программное положение автор статьи подкреплял соответствующими изречениями из Корана или высказываниями пророка. Используя изречения Корана, Микдат Мидхат Бадрхан стремился совместить религию с требованиями века, находясь при этом под влиянием младотурецких реформистов. Однако, в отличие от младотурецких реформистов он не смог на страницах газеты широко и смело осветить социально-демократические и общественные взгляды буржуазного Запада. Тут заметно сказалась «правоверность» Микдата Бадрхана. Прогресс и наука, по его взглядам, необходимы для противоборства христианскому Западу, ради спасения родины от экспансии европейских стран. Тем не менее «приверженность» Микдата Бадрхана мусульманству не могла скрыть его националистические взгляды. Он считал, что благодаря всестороннему образованию и науке курды смогут стать полноправными хозяевами своей судьбы, сами хозяйничать на своей земле[3]. Важно заметить также, что редактор для будущего курдского народа важным фактором считал улучшение армяно-курдских взаимоотношений.

Казалось, редактор, страстно защищавший интересы мусульманского мира, должен был бы с той же недоброжелательностью относиться и к армянам — «христианским» соседям курдов, однако здесь он проявлял трезвый подход. Он не скрывал пагубности межнациональной розни для двух народов. Уже в третьем номере «Курдистана» Микдат Бадрхан оценивал «это положение как недоброе» и обещал в последующих номерах более основательно осветить этот вопрос.

В Дамаске, где основную часть курдского населения составляли чернорабочие, приехавшие на заработки из разных районов Курдистана, газета «Курдистан» пользовалась большой популярностью. Номера газеты вслух читали для больших групп неграмотных курдов-грузчиков [4].

Отклики читателей по поводу издания первого курдского печатного органа и выдвинутых в нем вопросов свидетельствовали об актуальности и своевременности его появления. Многие не скрывали, что их уже давно тревожило и беспокоило отсутствие среди курдов печати на родном языке [5].

Читатели требовали от газеты освещения самых насущных вопросов политической и социально-экономической жизни, необходимости стать путеводителем в их тяжелой жизни, быть организатором и главным советником. В этом плане представляет интерес письмо Саида Тахера Ботани, полученное редакцией газеты из Аданы. Письмо было написано от имени 15 тыс. курдских грузчиков города [6].

Микдат Бадрхан в Каире имел контакты с курдскими студентами, обучавшимися в местных учебных заведениях, в частности со студентами известного Каирского университета «Ал-Азхар», большинство которых были выходцами из городов Сулеймание и Киркук [7].

В первых пяти номерах «Курдистана» статьи, как правило, публиковались анонимно. Изучение стиля этих статей и материалов дает возможность установить, что все они (за исключением отдельных небольших писем) принадлежали перу редактора газеты — Микдата Бадрхана.

Статьи, опубликованные в первых пяти номерах «Курдистана», свидетельствовали, что у Микдата Бадрхана еще не было четкой и последовательной программы действий.

Как в первом, так и в последующих четырех номерах «Курдистана», вышедших под редакцией Микдата Бадрхана, сознательно умалчивались вопросы, которые могли бы задеть султана Абдул Хамида II. Этим редактор газеты, по-видимому, стремился обеспечить беспрепятственный доступ газеты в страну. Однако поступавшие в редакцию сообщения говорили о повсеместном преследовании пропагандистов газеты. По утверждению одного из современников, каждого курда, в руках кото-

рого обнаружили бы номер «Курдистана», ожидало суровое наказание[8]. Микдат Бадрхан все это объяснял лишь самоуправством чиновников и потому в ответ на такие письма советовал курдам обо всем этом написать султану. Сам он специальной статьей обратился к Абдул Хамиду II, веря в его благосклонность к курдским чаяниям. Политическая недальновидность редактора скоро привела его к разочарованию, а шантаж и преследования заставили Микдата Бадрхана отказаться от издания газеты.

Новое содержание «Курдистан» приобрел после перевода его издания из Каира и Женеву. Редактором газеты стал брат Микдата Бадрхана — Абдуррахман Бадрхан, до эмиграции занимавший в Стамбуле пост президента департамента министерства просвещения. Перебравшись в Европу, он присоединился к противникам султана. Абдул Хамид II через свою агентуру безуспешно пытался заманить его обратно в страну. В 1900 г. турецкий суд заочно приговорил Абдуррахмана к пожизненному заключению, лишив его всех прав на имущество и наследство.

В Европе Абдуррахман примкнул к децентралистскому крылу младотурок. Сотрудничая с оппозиционными абдулхамидовскому режиму армянскими, младотурецкими и другими организациями, он использовал для пропаганды курдского вопроса их органы печати. Со своими статьями Абдуррахман выступал на страницах газеты «Османлы», журнала «Дрошак» и др. Через тайных армянских эмиссаров пересылал в Курдистан листовки и прокламации, призывавшие курдов пробудиться от дурманящего сна. Одна из этих прокламаций полностью была помещена в армянском оппозиционном журнале «Дрошак»[9]. В востоковедческих кругах Европы хорошо знали Абдуррахмана. Он оказывал деятельную помощь таким известным курдоведам, как М. Гартман и Г. Макаш, в их исследованиях по подготовке к изданию памятников курдской культуры[10].

Широкий фронт деятельности антисултанской оппозиции в Европе, непосредственное влияние европейской буржуазно-демократической мысли положительно отразились на политических и общественных воззрениях Абдуррахмана и были отражены в идейной направленности газеты «Курдистан». В Женеве «Курдистан» продолжал выходить два раза в месяц, объем и формат газеты оставались прежними. Однако вскоре нарушилась периодичность его выхода, а тираж доходил до 200 экземпляров. В последующие годы редакция газеты вынуждена была часто менять свое местопребывание: Лондон, Фолкстон, опять Женева, Каир. В этом не последнюю роль сыграли преследования султанских агентов и материальные затруднения, которые испытывал редактор[11].

Второй этап деятельности газеты «Курдистан», как нам кажется, следует рассматривать в тесной связи идеологической и политической деятельности газеты «Османлы», когда редактором последней стал Сабахеддин. В декабре 1899 г. отец принца Сабахеддина, Дамад Махмуд-паша, со своими сыновьями эмигрирует из Турции в Европу. Сабахеддин с июня 1900 г. в Лондоне становится редактором «Османлы», а затем с 15 сентября он руководит этой газетой в Фолкстоне, что по времени совпадает и с изданием «Курдистана» в этих городах. Главное направление газеты «Османлы» под влиянием взглядов принца Сабахеддина заключалось в пропаганде идей «децентрализации» Османской империи. В борьбе с деспотическим режимом он считал важным фактором «необходимость тесных контактов, причем на началах равенства, с теми антиправительственными организациями, которые были созданы в нетурецкой и немусульманской среде» [12].

Именно эта линия газеты «Османлы» создала благодатную почву для тесного сотрудничества редактора «Курдистана» с младотурецким органом. По свидетельству журнала «Про Армениа», Абдуррахман одновременно был активным сотрудником газеты «Османлы» [13].

Коллекция номеров «Курдистана», сохранившаяся в Марбургской библиотеке, прерывается 31-м номером, т. е. номером, где дается подробное описание хода I младотурецкого конгресса. Известно, что после этого конгресса младотурецкое движение раскололось. От младотурок отошли представители нетурецких национальных меньшинств, высказавшиеся за расширение прав местной администрации, с чем не были согласны младотурки. В результате раскола произошли и серьезные перемены в печатных изданиях младотурок [14]. В статье о работе I конгресса Абдуррахман не скрывал свои симпатии к сторонникам «децентрализации».

«Курдистан» печатался в типографиях младотурецких организаций, оппозиционных турецким властям. Армянский журнал «Анаит» свидетельствует, что многие статьи в «Курдистане» по просьбе турецких журналистов-младотурок печатались на турецком языке [15]. Кроме того, редактор сам был заинтересован, чтобы содержание многих важных статей было доступно не только курдским читателям, но и всей турецкой эмиграции.

Пропаганда идей просвещения, столь широко отразившаяся в первых номерах газеты, занимала значительное место и во всех последующих ее номерах. Уже в 1900 г., суммируя основные аспекты пропаганды «Курдистана», «Анаит» важным звеном в деятельности газеты выделял вопрос просвещения: «Действительно, передовая статья почти каждого номера „Курдистана" являлась поучением о важности и нужности образования,

потрясающим призывом к курдскому обществу духовно прильнуть и усердно овладеть им»[16].

Однако идея просвещения не была самоцелью. Оно рассматривалось как средство подготовки к политической борьбе против отсталости курдов, причину которой Абдуррахман видел в политике национального подавления, проводившейся султаном.

О национальном порабощении курдов постоянно подчеркивалось на страницах газеты «Курдистан». Единственной причиной невежества курдов, считала газета, является турецкое правительство, которому выгодно держать их в таком состоянии[17].

Возможность национального развития «Курдистан» видел в вооруженной борьбе за независимость, в случае если будут исчерпаны все попытки добиться этого мирным путем. В виде примера достижения своих прав на просвещение газета приводила борьбу арнаутов.

Во взглядах Абдуррахмана о путях ликвидации злоупотребления и деспотии в стране нет четко выраженной программы. Так, он советовал курдам направлять лично султану петиции с требованием, чтобы Абдул Хамид II наказал порочных чиновников[18]. Абдуррахман не понимал, что именно султан являлся в Турции душителем всего прогрессивного.

Постепенно либеральные взгляды Абдуррахмана уступили место более радикальным. Острие критики Абдуррахмана все больше и больше обращалось против султана. В отдельных статьях «Курдистан» изобличал Абдул Хамида II как главного преступника[19]. Однако, выступая в статьях против власти Абдул Хамида II, Абдуррахман не призывал народ к свержению монархии, деспотической формы правления. Его критика была направлена против личности Абдул Хамида II. По мнению редактора «Курдистана», нужен новый, «правоверный» султан[20].

«Курдистан» большое место уделял статьям, посвященным внутриполитическим вопросам Османской империи. Особенно резкой критике подверглась пагубная система управления страной, подробно описывались коррупция, казнокрадство в государственном аппарате. Общественная жизнь, отравленная абдулхамидовским шпионажем и недоверием между людьми, описывалась в статье «Стамбул». Усиление реакции и попрание всех норм законности автор статьи объяснял страхом султана перед народным негодованием, перед усиливавшимся недовольством масс. «Ежедневно усиливается террор правительства,— писал он.— Народ больше терпеть не может. Нет дня, чтобы нескольких людей не арестовывали или не отправляли в ссылку. Нет дома или семьи, которая не пострадала. Никто не уве-

рен, что то же самое не случится и с ним. Султан в такой обстановке, вместо того чтобы править справедливо, в страхе за себя резко усиливает террор. При малейшем подозрении человека заключают в тюрьму без суда и следствия»[21].

Изобличению гнилости и продажности бюрократического аппарата страны была посвящена другая статья газеты, где изложение велось образно и доступным для простых читателей языком. «Падишах,— писала газета,— берет у везира взятку в двадцать-тридцать тысяч золотых монет, чтобы назначить его на пост главного везира — садразама. Затем садразам, в свою очередь, берет несколько тысяч золотых монет у других, чтобы назначить их везирами. Потом какой-нибудь паша дает садразаму тысячу золотом и назначается, скажем, вали в Диярбакыре. А этот вали, чтобы вернуть себе деньги, которые он отдал, должен, в свою очередь, взять взятку. Кто больше даст взятку, становится мутасаррифом. Этому мутасаррифу, в свою очередь, кто больше даст, станет каймакамом. А уже каймакам эти деньги должен вымогать у бедных курдов»[22].

На страницах «Курдистана» находили освещение и вопросы эксплуатации курдского народа. Так, автор одной статьи использовал пример крестьянина Махмуда, выходца из Джезире. В статье охарактеризованы способы сбора налогов — источников наживы и обогащения для налогосборщиков, детально разбирался пример разорения хозяйства курдского крестьянина. При этом автор статьи предупреждал курдов из класса имущих о возможности разделить ими такую же участь. Здесь он подменял классовую сущность вопроса национальной, закрывая глаза на то, что курдские феодалы были такие же эксплуататоры, как и турецкие чиновники. Подобная позиция становится понятной, если учесть, что издатель газеты и ее корреспонденты были выходцами из феодальных семей. Они социально и классово не дифференцировали национальную общность курдов, представляя ее как единое целое, где все в равной степени угнетались и эксплуатировались султаном и его правительством. Отсюда понятно и другое выступление газеты, когда автор одной статьи всех богатых и бедных курдов предупреждал об опасности потерять свои земли в Курдистане, если они не объединятся и будут терпеть гнет турецких чиновников[23].

Газета значительное место отводила пропаганде патриотических идей в народе. Этому вопросу была посвящена статья «Страна и родина». После разъяснения понятий «страна» и «родина» автор родиной курдов называл Курдистан и сравнивал страну с раненым телом, которое никто не лечит[24].

«Курдистан» придерживался в основном общих с младотурецкими идеологами идей о единстве страны, неделимости ее территории. Даже в тех случаях, когда газета призывала курд-

ский народ к восстанию, она ни разу четко и ясно не говорила о создании отдельного национального государства. Позиция редактора «Курдистана» проистекала из его идеологических концепций, находившихся под влиянием идеологии младотурок, в особенности под влиянием идей газеты «Османлы»[25]. Отголоски влияния идей османизма, которые так ревностно пропагандировались «османистами», в «Курдистане» проявлялись главным образом в вопросе об угрожающей опасности со стороны «христианского Запада и России», с которыми в преступном сговоре якобы находился Абдул Хамид II. Как пример неспособности султана защитить интересы народов Османской империи и ее целостность в «Курдистане» указывалось на критский конфликт.

Большое место на страницах «Курдистана» занимали статьи и материалы об усилении политического влияния и экономической экспансии европейских держав в Турции. Указывая на экономическое закабаление европейцами народов Османской империи, «Курдистан» акцентировал политические последствия этого влияния. В газете была опубликована специальная статья о роли европейских миссионеров в Курдистане. В качестве главного обвинения в адрес миссионеров указывались их раскольническая деятельность в Османской империи, стремление разъединить и посеять недоверие между народами империи. Устранение всех политических и экономических бед, нависших над страной, «Курдистан» видел в восстановлении в стране конституционных порядков. Конституция как основа правопорядка, отмечала газета, должна установить гарантию ответственности перед законом. «Когда в стране будет восстановлена конституция, тогда весь народ будет уверен в своих правах, исчезнет тирания султана и его чиновников, миссионеры не сумеют нанести ущерб народу, даже иностранные государства не будут вмешиваться в наши торговые дела»[26].

Абдуррахман был сторонником конституционной монархии, требовавшим восстановления конституции 1876 г. Многие страницы «Курдистан» отводил освещению жизни и деятельности Мидхат-паши — создателя турецкой конституции[27]. Конституцию 1876 г. автор рассматривал как гарантию безопасности имущества и личности в стране.

В вопросе государственного строя будущей Турции Абдуррахман, на наш взгляд, не пошел дальше позиции «новых османов». Известно, что уже в начале XX в. в младотурецком движении на этот счет существовали две разные позиции: Ахмед-Риза и его приверженцы в восстановлении конституции видели спасение родины от всех бедствий и недугов, а принц Сабахеддин и его крыло считали, что восстановление конституции само собой ничего не изменит, если не произойдут коренные изменения в

социальной структуре общества [28]. В воззрениях Абдуррахмана не было четкого определения его позиции в вопросе о важности восстановления конституции для общества.

В газете получил определенное освещение и армянский вопрос. При этом газета указывала, что и армяне и курды находятся в одинаковом положении, оба народа порабощены, а потому у них одна цель — борьба против деспотии и реакции турецкого султана [29].

Газета порицала тех курдских глав аширетов, которые в угоду интересам правительства участвовали в притеснении мирного армянского населения: «Вы из-за своего невежества убиваете армян, в то время как они борются за справедливость. Вместо того чтобы защищать их, поддержать, вы их убиваете. Они такие же порабощенные, как и вы. Ваше поведение преступно и заслуживает осуждения. Курды должны сообща с армянами изгнать тех чиновников, которых присылает султан» [30].

Если в этих статьях не было прямого обвинения в адрес главного преступника межнациональной вражды — султана Абдул Хамида II, а указывалось лишь на бесчинствующих чиновников, то в последующих номерах прямо отмечалось: «Абдул Хамид говорит, что армяне ваши враги. Это вводит вас в заблуждение. Разве вы не знаете, что армяне не могут быть вашими врагами? Ваш враг сам султан» [31].

Газета пропагандировала опыт борьбы армянских патриотов за свои права. Авторы статей, указывая на это, стремились укрепить у курдов понимание общности и единства цели двух народов. Залог успеха «Курдистан» видел в объединении их усилий: «Если бы курды и армяне объединились, чиновники не осмеливались бы бесчинствовать в Курдистане» [32].

Вопрос армяно-курдского союза находил живой отклик среди читателей «Курдистана». Редакция газеты получала письма от курдских читателей, поддерживавших идею объединения армян и курдов в борьбе с тираном. В газете была опубликована статья Молла Салеха из Джезире, в которой автор с возмущением говорил о политике султана держать курдское население в нищете и отсталости [33]. Интересно отметить, что издатели газеты справедливо считали виновником организованных зверств против армян политику европейских держав [34].

Из-за отсутствия полного комплекта «Курдистана» трудно сказать о его периодичности до младотурецкой революции. Сохранившийся 31-й номер газеты относится к февралю 1902 г. Новый этап издания «Курдистана» начался с 1908 г. После младотурецкой революции вместе с другими органами, находившимися в эмиграции, свое издание в Стамбул переводит и газета «Курдистан». По свидетельству В. Никитина, редактором газеты в этот период был Сурея Бадрхан. В 1909 г. издание

газеты прекратилось вплоть до первой мировой войны, когда она снова возобновила свою работу в Каире[35].

О характере и содержании «Курдистана» в последний период его издания трудно судить, поскольку его номера все еще остаются недоступными.

«Курдистан» сыграл заметную роль в пропаганде курдской литературы. Важное место на своих страницах газета отводила публикации лучших произведений курдской словесности. Начиная со второго номера в газете печаталась поэма курдского классика XVIII в. Ахмеда Хани «Мам у Зин», вызвавшая большой интерес как курдских читателей, так и европейских ученых[36].

Печатались в «Курдистане» и патриотические стихи известного курдского поэта-просветителя Хаджи Кадри Кои, отрывки из исторического сочинения Шараф-хана Битлиси «Шараф-наме».

Периодически публиковались отрывки биографий курдских исторических личностей. В частности, были напечатаны статьи о деятелях из семьи Бадрханов, о Салах-эддине Эюби и др. Газета откликалась отдельными статьями по поводу кончины (1902 г.) Исхака Сюкути и Хаджи Кадри Кои.

Важно заметить, что издатели газеты в равной степени считали нужным использовать оба диалекта курдского языка: сорани и курманджи. Еще в третьем номере «Курдистана» Микдат Бадрхан с гордостью отмечал важное значение творчества двух курдских классиков — Ахмеда Хани и Хаджи Кадри Кои, писавших на разных диалектах,— для курдской литературы и культуры. Весьма примечательно в этом отношении стихотворное высказывание самого Хаджи Кадри Кои о значении творчества Ахмеда Хани для курдского народа[37]. Судя по письмам, печатавшимся на страницах «Курдистана», Ахмед Хани постепенно приобрел большой авторитет в широких кругах читателей. Корреспонденция, получаемая газетой, была обширной — из Мосула, Джезире, Дамаска, Сулеймании, Мардина, Аданы и других мест, в ней излагалось положение народа и выражался гневный протест против произвола и анархии.

Материалы «Курдистана» свидетельствуют о том, что развитие курдского движения протекало в русле общей борьбы всех прогрессивных сил Османской империи. Однако первенец курдской прессы — газета «Курдистан» появилась не в самом Курдистане, а за его пределами, так как в Курдистане в силу царивших там политических и общественных условий это абсолютно исключалось. Деятельность издателей газеты, первых курдских просветителей, протекала в атмосфере активных действий турецких, армянских и арабских деятелей буржуазно-демократического движения.

«Курдистан» сыграл важную роль в формировании идеологии курдского национального движения, в пробуждении курдских масс к борьбе против тирании и деспотии, против режима турецкого султана. Газета представляла собой вполне сформировавшийся орган печати, с определенным идеологическим направлением. Она заложила основу национальной курдской прессы.

«Курдистан», первоначально будучи газетой умеренной, со временем стал более радикальным, что объяснялось общим развитием турецкого буржуазно-демократического движения в эмиграции и усилением в нем радикальных тенденций.

[1] В 1965 г. в библиотеке г. Марбурга (ФРГ) курдский ученый Кемал Фуад обнаружил ряд номеров газеты «Курдистан», которые в 1972 г. ксеротипом были переизданы в Багдаде (Кафилат ас-сахафат эль-Курдия 1898—1908.— «Ат-Тахи»).

До недавнего времени сведения о газете «Курдистан» приводились неточно. В особенности это свойственно литературе на английском языке (C. J. Edmonds. Kurds, Turks and Arabs. L., 1957, с. 58; S. S. Gavan. Kurdistan, Divided Nation of the Middle East. L., 1958, с. 15; W. G. Elphinston. The Kurdish Question.— «Journal of the British. inst. of Intern. Affairs». 1946, vol. 22, с. 94).

Есть ошибки фактического характера также у некоторых историков Ирака (см.: Мухаммад Амин Заки. Хуласат ат-тарих ал-Курд ва Курдистан. Каир, 1936, с. 370; Ала ад-Дин Саджади. Мижуи адаби курди. Багдад, 1956, с. 551).

[2] Ала ад-Дин Саджади. Мижуи адаби курди, с. 552.

[3] «Курдистан», № 2 (араб. шрифт).

[4] «Курдистан», № 3.

[5] «Курдистан», № 5.

[6] Там же.

[7] «Курдистан», № 1.

[8] M. Hartmann. Zur kurdischen Literatur.— «Wiener zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes». Bd 12. [Wien], 1898, с. 112.

[9] «Дрошак», 1901, июнь, № 4, с. 67 (на арм. яз.).

[10] H. Makas. Kurdische Studien. Heidelberg, 1900, с. 19.

[11] W. G. Elphinston. The Kurdish Question, с. 94.

[12] А. Д. Желтяков. Печать в общественно-политической и культурной жизни Турции. М., 1972, с. 265.

[13] «Pro Armenia», 1900, № 4, 10 januari, с. 31.

[14] А. Д. Желтяков. Печать в общественно-политической и культурной жизни Турции, с. 267.

[15] «Анаит», 1900, № 4—5, с. 138 (на арм. яз.).

[16] Там же.

[17] Там же, с. 139.

[18] «Курдистан», 1899, № 13.

[19] «Курдистан», 1900, № 21.

[20] «Курдистан», 1899, № 16.

[21] «Курдистан», 1900, № 21.

[22] «Курдистан», 1899, № 11.

[23] Там же.

[24] «Курдистан», 1898, № 9.

[25] См.: А. Д. Желтяков. Печать в общественно-политической и культурной жизни Турции, с. 261.

[26] «Курдистан», 1902, № 30.
[27] «Курдистан», 1900, № 25.
[28] См.: Ю. А. Петросян. Младотурецкое движение. М., 1971, с. 265—257.
[29] «Курдистан», 1898, № 7.
[30] «Курдистан», 1899, № 11.
[31] «Курдистан», 1901, № 27.
[32] «Курдистан», 1899, № 13.
[33] «Курдистан», 1899, № 14.
[34] «Курдистан», 1901, № 29.
[35] В. Никитин. Курды. М., 1964, с. 290.
[36] M. Hartmann. Zur Kurdischen Literatur, с. 112.
[37] «Курдистан», 1898, № 3.

Н. А. Дулина

ОТНОШЕНИЕ МУСТАФЫ РЕШИД-ПАШИ К ПРОБЛЕМЕ СТАТУСА ХРИСТИАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

Реформы танзимата так называемого первого периода (1839—1856) усилили внутренние противоречия в Османской империи и привнесли двойственность в систему государственных и общественных институтов. Причина этого явления состояла в том, что деятели танзимата во главе с Мустафой Решид-пашой хотели упрочить внутреннее положение в государстве путем внедрения целого ряда буржуазных институтов, заимствованных на Западе, не разрушая при этом основ феодального строя. Реформы привели к тому, что наряду с новыми институтами продолжали существовать старые, традиционные. Например, нововведения в экономике (свобода торговли, учреждение банков, строительство новых промышленных предприятий капиталистического типа) уживались с традиционным налогообложением, государственной собственностью на землю, а также с презрением к экономической деятельности со стороны правящего класса; провозглашенное равенство всех подданных султана перед законом предполагало, по мысли реформаторов, господство правящей нации; наряду с новым уголовным уложением сохранил значение шариат; светские учебные заведения существовали одновременно с медресе, которые продолжали воспитывать традиционно мыслящих мусульман. Причиной такой осторожной политики деятелей танзимата явилось то, что более последовательные преобразования предполагали бы уничтожение теократического характера государственной власти и феодального строя. К. Маркс так писал об этом: «...возможно ли уравнять в правах перед кораном правоверного и гяура, мусульманина и райю? Это непременно означало бы на деле — заменить коран новым гражданским кодексом, другими словами означало бы — разрушить структуру турецкого общества и создать на ее развалинах новый порядок вещей» [1]. «Для последовательных и более решительных преобразований,— отмечает американский ис-

торик Р. Х. Дэвисон,—нужно было бы уничтожить все общество»[2].

Однако даже в существовавших конкретных исторических условиях реформы танзимата могли бы быть более последовательными. Недостаточность проводившихся преобразований обнаруживается особенно очевидно в некоторых областях, в том числе и в сфере «национальной политики».

В 1856 г. основоположник танзимата Мустафа Решид-паша выступил с резкой критикой высочайшего султанского указа 1856 г. (хатт-и-хумайюна), расширявшего права христианского населения Османской империи. Он заявил, что в утверждении равенства между мусульманами и христианами излишне спешат, что осуществление этого принципа требует времени и отсутствия иностранного давления. Он считал также, что упоминание хатта в Парижском договоре являлось политической ошибкой и было несовместимо с независимостью государства; хатт, по словам Мустафы Решид-паши, открыл путь иностранному вмешательству[3]. То, что хатт сделал вмешательство правилом, отмечают почти все исследователи[4].

Анализ заявления Мустафы Решид-паши, сделанного в 1856 г., Гюльханейского хатта 1839 г. и некоторых других документов показывает, что принцип равенства, провозглашенный в 1839 г., деятелями танзимата понимался ограниченно, а именно как равное право всех подданных на безопасность жизни, чести и имущества, которое гарантировалось законом и обеспечивалось признанием в новых судах свидетельств мусульман наравне со свидетельствами немусульман (что противоречило шариату). Теоретически равенство должно было проявиться и в допуске немусульман в ряды регулярной армии. Покоренное население, которое по закону шариата должно было находиться под защитой победителей-мусульман, получало право носить оружие и служить бок о бок с мусульманами. Во вновь создаваемые местные меджлисы наряду с членами-мусульманами входили и немусульмане (первые преобладали). Но нигде в турецких документах 1839—1856 гг. не упоминалось право немусульман управлять государством наравне с мусульманами и занимать высшие должности в государственном аппарате Османской империи.

Критикуя хатт 1856 г., Мустафа Решид-паша, как отмечалось, горячо возражал против европейского вмешательства во внутренние дела государства.

Западноевропейские державы, стремившиеся не дать России повода для покровительства православному населению Османской империи, стали оказывать энергичное давление на Порту с намерением ускорить осуществление реформ танзимата уже в 30-е годы XIX в.[5].

Постепенно, начиная с 1841 г., давление стало усиливаться и

принимать форму бесцеремонного вмешательства во внутренние дела государства. Это вызывало противодействие и протесты не только мусульманского населения, но и султанского правительства. Поэтому политика западноевропейских держав в этом вопросе имела эффект, прямо противоположный задуманному: она препятствовала осуществлению реформ и приводила к ослаблению государства[6]. Многие сановники Порты, считая, что причиной оскорбительной деятельности европейских представителей являются реформы, утвердились в мысли, что реформы вредны вообще.

Усилению европейского давления в 1841—1856 гг. способствовали и внешние и внутренние причины. Среди них : 1) очевидное проявление внутренней слабости султанской Турции в период турецко-египетского конфликта (1831—1841); 2) усиление взаимного соперничества великих держав в Османской империи, в особенности же соперничества западноевропейских держав с Россией; 3) Крымская война, которую Турция вела в союзе с западноевропейскими державами; 4) провозглашение султанского хатта о реформах 1839 г., которые проводились недостаточно, порою не осуществлялись совсем и потому были поводом для вмешательства; 5) рост национально-освободительного движения покоренных народов и обращения христианского населения с жалобами на неисполнение реформ к представителям европейских держав; 6) возможно, что в какой-то мере усилению вмешательства способствовали и обращения Мустафы Решид-паши в 1839 и 1841 гг. к министру иностранных дел Англии Г. Пальмерстону и канцлеру Австрии К. В. Л. Меттерниху с просьбой оказать давление на султана, чтобы ускорить осуществление реформ (об этом будет речь ниже).

Противодействие Порты иностранному давлению проявилось уже в 1841 г. Министр иностранных дел Османской империи Рифаат-паша заявил тогда представителям европейских держав: «Мы охотно принимаем советы извне, но возражаем против всякого вмешательства в наши внутренние дела»[7]. Однако совершенно положить конец попыткам давления Порта не могла, так как нуждалась во внешнеполитической поддержке европейских держав. Поэтому она была вынуждена в значительной степени с этим давлением мириться и удовлетворять хотя бы внешне требования своих европейских союзников, касавшиеся прав христианского населения.

Некоторые посольские донесения Мустафы Решид-паши из Парижа в 1842—1845 гг.[8] и свидетельства его современников[9] показывают, что в 40—50-е годы Мустафа Решид-паша пытался бороться с нежелательной европейской инициативой в турецких делах, и иногда небезуспешно. Например, из его донесений известно, что Порта поручила ему, когда он был послом во Фран-

ции, добиться смещения французского консула в Багдаде, так как последний вмешивался в дела местного управления. В беседе с министром иностранных дел Ф. Гизо Мустафа Решид-паша просил его послать напоминания всем консулам о недопустимости подобных действий. Будучи великим везиром в 1856 г., он успешно отклонял нежелательную инициативу европейских агентов, касавшуюся внутренних турецких дел. Хотя, как упоминалось, положить совершенно конец этому явлению Порта не осмеливалась.

Однако два документа свидетельствуют о том, что в 1839 и 1841 гг. Мустафа Рашид-паша, как упоминалось, просил Пальмерстона и Меттерниха оказать давление на султана. Документы, названные издателями меморандумом и мемуарами, опубликованы в известном исследовании английского историка Бэйли[10] и в статье болгарского историка Н. Милева[11]. Эти документы: протокол беседы Пальмерстона с Решид-пашой 12 августа 1839 г. и послание Мустафы Решид-паши Меттерниху, переданное им через австрийского посла Штюрмера в марте 1841 г., за две недели до своей отставки. В них шла речь о намерении Мустафы Решид-паши улучшить положение христианского населения. Для этого он был готов к определенным жертвам, считая, что они будут временными, а достигнутый успех — постоянным.

В беседе с Пальмерстоном Мустафа Решид-паша заявил, что цель реформ, которые он собирается осуществить,— утверждение права на жизнь и счастье, т. е. провозглашение таких законов, которые предотвратили бы казни невинных людей и конфискацию их имущества, а также ввели бы гласные суды. Такие законы, сказал он, послужат действенной почвой улучшения положения христианских подданных Османской империи. Но так как при молодом султане Абдул Меджиде I возможно противодействие реформам со стороны сановников, то Мустафа Решид-паша просил, чтобы европейские правительства обратились к Порте с советами принять соответствующие законы, а если советы не помогут, то предлагал угрожать султанскому правительству неповиновением пашей, отпадением Валахии, Молдовы и Сербии, прекращением своей помощи и дружбы. Он считал, что молодой возраст султана позволяет это сделать, так как перечисленные указания будут полезны народу.

В марте 1841 г. в памятной записке Меттерниху Мустафа Решид снова обратился за помощью к европейским державам в деле осуществления реформ. Очевидно, полтора года, прошедшие со дня опубликования Гюльханейского хатта, принесли не много изменений, так как Мустафа Решид-паша написал Меттерниху, что турецкий государственный механизм, все пружины которого неисправны, нуждается в реорганизации. Мустафа

Решид-паша сообщил ему о своих дальнейших планах в деле преобразований, но главная цель его обращения — добиться европейской помощи.

Н. Милев, опубликовавший документ, заметил, что в нем прослеживается признание в собственной слабости — самом большом несчастье новаторов Турции, обусловленном наличием широкой внутренней оппозиции. Решид думал о возможности провала, заметил Милев [12].

Мустафа Решид-паша рассчитывал, что Австрия и Англия, проявившие свою заинтересованность в сохранении целостности Османской империи в период турецко-египетского конфликта, и в дальнейшем будут стремиться поддерживать принцип «равновесия сил» в Европе, условием которого было существование Османской империи как плацдарма против России. «Независимость Турции является необходимым условием проблемы политического равновесия в Европе,— писал Мустафа Решид-паша.— Но если Османская империя не укрепит свою внутреннюю организацию, то это приведет ее к гибели и, в свою очередь, может повлечь за собой всеобщую войну... Балканские народы все более просвещаются, имеют перед собой примеры привилегированных провинций — Валахии, Молдовы и Сербии [13]. Могут ли они подчиняться режиму тирании и терпеть унижения? И что может противопоставить этому Османская империя? Может ли невежественная нация диктовать свои законы нации организованной и просвещенной?» [14]. Исходя из этих соображений, Мустафа Решид-паша сделал вывод, что с покоренными народами нужно установить другие связи. Н. Милев отмечал, что Мустафа Решид в этот период относился к проблеме внутреннего положения покоренных народов лояльно. Интерес держав к судьбам райи не вызывал у него никакого беспокойства. Напротив, он считал, что вмешательство европейских держав с целью помощи в проведении преобразований необходимо. В памятной записке Меттерниху Мустафа Решид-паша предлагал осуществить в Османской империи следующие меры: 1) усилить новыми законами статьи Гюльханейского хатта о неприкосновенности жизни, имущества и чести; 2) уничтожить харадж, так как он отвращает от Порты сердца христианских подданных, и ввести равноправие всех наций; 3) установить твердые налоги и удовлетворительные способы их взимания, особенно предупредить все притеснения; 4) определить расходы на армию и администрацию в соответствии с нуждами и географическим положением страны; 5) пригласить иностранцев в качестве финансовых советников; 6) учредить школы, чтобы Порта не нуждалась в услугах иностранцев, а подданные не коснели в невежестве и фанатизме.

Среди перечисленных предложений обращает на себя вни-

мание то, что введение равноправия связано с уничтожением хараджа. Как известно, в 1839 г. Гюльханейский хатт провозгласил равенство всех подданных перед законом, независимо от вероисповедания. Реформаторы, как отмечалось, вкладывали в понятие «равенства» ограниченный смысл, подразумевая при этом сохранение господства мусульман. Предложение Мустафы Решид-паши отменить харадж, который платило только немусульманское население, было еще одним шагом к установлению действительного равенства. Программа, предложенная Мустафой Решид-пашой в 1841 г., была несколько шире, чем программа Гюльханейского хатта (условиями уничтожения хараджа, учреждения школ, приглашения европейских финансовых советников), но в основном она повторяла содержание хатта 1839 г. Мустафа Решид, беспокоясь за судьбу реформ и будущность Османской империи, вновь предполагал обратиться к законодательству как средству их внедрения. Но, понимая, что только законодательства недостаточно, он предложил созвать европейскую конференцию по вопросам проведения реформ в Османской империи, на которой должны были присутствовать и два компетентных турецких делегата. В случае если бы Порта стала возражать против выдвинутых им реформ и созыва конференции, то Мустафа Решид просил, как и в беседе с Пальмерстоном, угрожать ей разделом империи (отпадением Молдовы, Валахии, Сербии). Правда, он написал, что дело, очевидно, не зайдет так далеко и что Порта легко примет его предложения, за исключением отмены хараджа, которая противоречила шариату. Но в данном случае он надеялся на помощь султана, который, услышав о разделе Османской империи, поспешит уступить. Кроме того, Мустафа Решид считал необходимым, чтобы в течение 8—10 лет дипломаты великих держав в Стамбуле считали своей обязанностью наблюдать за всеми внутренними делами Османской империи. Чтобы утвердить свое влияние, они по предложению Мустафы Решид-паши должны были иметь каждый одно или два военных судна в Босфоре.

«Это была уже не помощь,— отметил Н. Милев,— а контроль Европы, которого требовал основатель нового режима, чтобы гарантировать жизнь своему детищу» [15].

Мустафа Решид заметил в памятной записке Меттерниху, что если реформы не будут реализованы, то Османской империи грозят неисчислимые беды и великие державы будут ответственны перед богом за продолжение страданий многочисленного населения Османской империи.

«Увлеченный величием цели, которую он себе поставил, Мустафа Решид слишком полагался на чувство долга великих держав по отношению к Османской империи и на их помощь... он хотел ограничить деспотизм султана только силою» [16].

Содержание обращений Мустафы Решид-паши к Пальмерстону и Меттерниху свидетельствует о том, что ликвидация неравенства между мусульманами и христианами представлялась Мустафе Решид-паше легкодостижимой; он предполагал, что христианские подданные султана ограничатся и удовлетворятся предоставленными им правами при условии сохранения верховной власти в руках господствующей нации. Ему казалось достаточным повторное (после Гюльханейского хатта) провозглашение законов и контроля европейских послов за их применением, усиленного несколькими судами в проливе Босфор.

Зная, какое длительное и сильное сопротивление вызвали впоследствии реформы танзимата среди всех слоев османского общества, можно с уверенностью утверждать, что европейский контроль в той форме, которую предполагал Мустафа Решид, вряд ли был бы возможен. Ничего, кроме возмущения мусульманского населения европейским вмешательством и своим правительством, допустившим его, эта мера не могла вызвать.

О причинах изменения отношения Мустафы Решид-паши к вмешательству европейских держав в течение 1841—1856 гг. говорилось выше. Но была еще одна серьезная причина, заставившая его выступить с резкой критикой хатта 1856 г. и заявить, что в утверждении равенства между христианами и мусульманами излишне спешат. Хатт 1856 г. теоретически предусматривал участие немусульманского населения в управлении государством: принятие на государственную и военную службу всех подданных империи, участие представителей немусульманского населения в работе высшего законодательного органа — Высшего совета юстиции.

Такие широкие по тому времени права не только противоречили теократическому характеру государства, но, очевидно, казались Мустафе Решид-паше угрожающими целостности Османской империи. В конкретной исторической обстановке того времени, когда вспыхивали частые национальные восстания в европейских провинциях, Мустафа Решид считал необходимым ограничивать любые возможности для получения ими автономного управления [17]. Если в 1839—1841 гг. он верил, что достижение принципа равенства в Османской империи возможно, то это объяснялось тем, что он не представлял себе в должной мере трех факторов: степени сопротивления реформам всех слоев мусульманского населения; форм, в которые выльется европейское вмешательство, и объема впоследствии обнаружившихся притязаний христианского населения. Равенство, как его понимал Мустафа Решид, не удовлетворило христианское население. Оно требовало не только осуществления прав, обещанных Гюльханейским хаттом 1839 г., но и дополнительных, с которыми Мустафа Решид не хотел соглашаться.

В национальной политике Мустафы Решид-паши соединились две взаимоисключающие тенденции, направленные, по его мнению, к единой цели внутренней консолидации многонационального государства: намерение улучшить положение христианского населения и в то же время ограничить его требования тесными рамками статуса второсортных подданных султана. «Танзиматские реформы, несомненно, содержали в себе прогрессивные тенденции, что нашло выражение в попытках турецкого правительства открыть новые и нормальные пути экономической и культурной жизни подвластных народов Османской империи в соответствии с их начавшимся капиталистическим развитием... Противоречивая сущность политики танзимата состояла в том, что она преследовала задачу путем очень незначительных уступок примирить покоренные народы с игом османских завоевателей»[18]. «Решид паша с самого начала понимал декларируемое им равенство весьма ограниченно и преследовал главным образом цель приостановить распад Османской империи»[19],— отмечает А. Д. Новичев.

Период идеалистических надежд Мустафы Решид-паши на быстрое достижение «равенства» в тех границах, которые он допускал, и на искреннее желание европейских держав оказать бескорыстную и достойную помощь Порте кончился у него так скоро, что упомянутые здесь документы 1839—1841 гг. не нашли заслуженной оценки в литературе. Напротив, в историографии широко распространено прямо противоположное мнение о том, что Мустафа Решид-паша провозгласил Гюльханейский хатт с целью предотвратить иностранное вмешательство и показать, что Порта может разрешить все внутренние проблемы своими силами[20].

Реформы танзимата, инициатором которых был Мустафа Решид-паша, при всей их прогрессивности предполагали, однако, «для христианских подданных Порты... увековечение их угнетения Турцией»[21].

[1] К. Маркс. Греческое восстание.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 10, с. 130.
[2] R. H. Davison. Turkey. Prentice-Hall, 1968, с. 78.
[3] Cevdet paşa. Tezâkir. 1—12. Ankara, 1953, № 10, с. 76—82.
[4] См., например: C. Bilsel. Tanzimatın haricî siyaseti.— Tanzimat. İstanbul, 1940, с. 22—23.
[5] См., например: R. Kaynar. Mustafa Reşit paşa ve Tanzimat. Ankara, 1954, с. 157 (донесение Мустафы Решид-паши из Парижа, 8 июля 1839 г.).
[6] E. Z. Karal. Osmanlı tarihi. Cilt 6. Ankara, 1961, с. 12.
[7] Ed. Engelhardt. La Turquie et le Tanzimat ou histoire des réformes. P., 1882, с. 49.
[8] R. Kaynar. Mustafa Reşit paşa ve Tanzimat, с. 588—590.
[9] Ed. Engelhardt. La Turquie et le Tanzimat..., с. 136—137; Cevdet paşa. Tezâkir. Ankara, 1960, № 13, с. 7.

[10] F. E. Bailey. British Policy and the Turkish Reform Movement. Cambridge, 1942, с. 271—276.

[11] N. Milev. Rechid pacha et la réforme ottomane.— Zeitschrift für Osteuropaische Geschichte. Bd 2. H. 3. B., 1912, с. 382—398.

[12] Там же, с. 389.

[13] Временная оккупация Дунайских княжеств во время русско-турецкой войны 1828—1829 гг. позволила русской администрации осуществить там целый ряд прогрессивных преобразований [см.: В. Я. Гросул. Реформы в Дунайских княжествах и Россия (20—30-е годы XIX века). М., 1966]. Именно их и имеет в виду Мустафа Решид-паша, говоря о привилегированности этих провинций. Сербия, как известно, пользовалась внутренним самоуправлением с 1830 г.

[14] Цит. по: N. Milev. Rechid pacha et la réforme ottomane, с. 387, 391.

[15] Там же, с. 397.

[16] Там же.

[17] Боязнь автономного управления в провинциях с немусульманским населением была чрезвычайно сильна и у младотурок (см.: Ю. А. Петросян. Младотурецкое движение. М., 1971, с. 260—262).

[18] Л. Н. Миле. Освободительное движение албанского народа против турецкого ига в период танзимата (30—70 гг. XIX в.). М., 1961, с. 16, 22.

[19] А. Д. Новичев. История Турции. Т. 3. Новое время. Ч. 2 (1839—1853). Л., 1973, с. 195.

[20] См. там же, с. 117; R. H. Davison. Turkey, с. 88.

[21] Ф. Энгельс. Что будет с Европейской Турцией? — К. Маркс и Ф. Энгельс. Изд. 2-е. Т. 9, с. 31.

М. С. Мейер

К ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ ТУРЦИИ ЭПОХИ ФЕОДАЛИЗМА[1]

На протяжении последних десятилетий изучение истории Турции шло очень интенсивно. Существенно расширилась источниковедческая база, изменилась тематика исследований, накоплен богатый материал по важнейшим проблемам экономической, социальной, политической и культурной жизни турецкого общества на различных этапах его существования. Появился и ряд сводных работ, авторы которых стремились обобщить итоги многочисленных исследований турецких и западных буржуазных ученых и историков-марксистов социалистических стран[2]. Знакомство с такими трудами, создавшимися, как правило, на основе университетских лекционных курсов, позволяет увидеть как принципиальные различия марксистской и буржуазной историографии, так и особенности концепций отдельных ученых. При всех своих расхождениях в оценке исторического прошлого Турции современные исследователи единодушны в одном: существующие общие схемы нуждаются в значительных коррективах. Серьезному пересмотру подвергаются, в частности, представления об истории Турции в средние века и новое время. Интерес к эпохе XI—XVIII вв. объясняется разными причинами, но прежде всего в ней ищут ответ на вопрос о причинах отсталости Турции. В данной работе делается попытка суммировать те взгляды, которые были высказаны туркологами за последние 20 лет по поводу тенденций развития Турции в указанное время, и изложить точку зрения автора статьи по этому вопросу.

Периодизация истории Турции уже давно обсуждается советскими учеными. Ей был посвящен доклад Е. А. Беляева в 1946 г.[3], о ней много писалось в связи с выходом в свет «Краткой истории Турции» А. Ф. Миллера[4]. Позднее этой проблеме было уделено особое внимание в «Истории Турции» А. Д. Новичева[5], в очерках истории Турции А. Ф. Миллера[6]. Авторы перечисленных работ придерживаются единых принципов периодизации, основанной на марксистско-ленинском учении об общественно-экономических формациях. Они рассматри-

вают историю Турции на протяжении XI—XVIII вв. как время складывания и развития феодальных отношений. Эту точку зрения разделяют и историки социалистических стран [7]. Большинство турецких и западных авторов либо полностью отвергают господство феодальных отношений в средневековой Турции, либо признают наличие «квазифеодальных» порядков. Они предпочитают говорить о «традиционном обществе». На смену эпохе традиционных институтов и соответствующего образа мышления приходит другая, отмечающаяся усилиями по «модернизации» страны. Ни в одной из таких работ нет четкого ответа на вопрос, почему традиционное общество не может быть феодальным. Обычно мнение историков-марксистов просто отвергается как «догматическое» [8].

Признание единых принципов периодизации не исключает расхождений среди советских туркологов по ряду частных вопросов: о хронологических рамках эпохи феодализма, по поводу характеристики отдельных этапов, определения специфических особенностей феодализма в Турции. Они вытекают из слабой разработанности ряда проблем социально-экономической истории, а также из-за недостаточно последовательной трактовки понятия «история страны».

Ограниченность подхода историков к понятию «страна» отметил еще Б. Ф. Поршнев. Он указывал, что чаще всего оно сближается либо с представлениями о народе, либо с представлениями о территории, определенной государственными границами, но ни то ни другое не тождественно первому термину. Поэтому, как считал Б. Ф. Поршнев, слово «страна» является в устах историков «завуалированным синонимом государства, и тот, кто пишет историю страны, в огромной степени разумеет под ней историю государства» [9]. Разумеется, подобный подход присущ прежде всего буржуазным историкам. Историки-марксисты опираются на глубокое и научно верное определение страны, отечества, данное В. И. Лениным в 1908 г. в ходе полемики с Эрве: «Отечество, т. е. данная политическая, культурная и социальная среда, является самым могущественным фактором в классовой борьбе пролетариата...». И далее: «Пролетариат не может относиться безразлично и равнодушно к политическим, социальным и культурным условиям своей борьбы, следовательно, ему не могут быть безразличны и судьбы его страны» [10]. На основе ленинского высказывания мы рассматриваем историю страны как процесс складывания и развития общественной среды, иначе говоря, как историю данного общества. Соответственно при периодизации истории страны необходимо учитывать как политические, так и социальные, культурные и этно-религиозные факторы.

К сожалению, при периодизации истории Турции часто учи-

тывались только политические факторы. Так, для Е. А. Беляева история Турции «начинается... с образования турецкого государства, т. е. с перехода турок из стадии варварства в стадию цивилизации»[11]. Исходным моментом, по его мнению, явилось образование Сельджукидского государства в Малой Азии в XI в. Это же событие принял в качестве начальной даты турецкой истории А. Д. Новичев[12]. А. Ф. Миллер считал, что изложение истории страны следует начинать не ранее 20-х годов XIV в., когда появились первые признаки османской государственности[13]. Суть разногласий, конечно, не в том, какое событие являлось исходным для турецкой истории. Вопрос стоит значительно шире: следует ли включать в нее целый исторический период — XI—XIII вв.

Традиционно изложение средневековой турецкой истории начиналось с момента возникновения Османского государства. Все, что предшествовало этому, принималось во внимание в лучшем случае как своеобразное предисловие к османской истории[14]. Однако в современных исследованиях все четче вырисовывается тенденция рассматривать доосманский период как составную часть истории страны[15]. Эту точку зрения изложили в своих работах Е. А. Беляев и А. Д. Новичев. Однако приведенная ими аргументация отнюдь не подтверждает их концепцию, поскольку Сельджукидский султанат, созданный переселившимися в Малую Азию тюрками-огузами, не может быть назван турецким государством. Это обстоятельство и имел в виду А. Ф. Миллер, отстаивая свою схему периодизации турецкой средневековой истории.

Разногласия по поводу начального этапа турецкой истории возникли из-за недостаточного внимания к проблеме этногенеза турок. Более внимательное рассмотрение истории формирования турецкой народности позволяет найти правильное решение спорного вопроса. Как отмечают современные исследователи[16], турецкий народ сложился из различных этнических компонентов, в его формировании наряду с тюркскими племенами важную роль сыграли местные анатолийские и позднее балканские народы — греки, армяне, курды, славяне. Важное значение для окончательного складывания турецкой народности имели события османской истории XIV—XV вв., но начальный толчок этому процессу дала массовая миграция огузо-туркменских племен на территорию Малой Азии со второй половины XI в. Очевидно, что изменение демографической ситуации в Анатолии стало исходным условием для зарождения турецкого общества. Поэтому доосманский период следует рассматривать как начальный период истории Турции, ее неотъемлемую составную часть.

Сложнее определить конечный рубеж эпохи феодализма. Е. А. Беляев считал, что «стадия разложения османского фео-

дализма, последняя стадия средневековья начинается при преемниках Сулеймана в конце XVI в. и охватывает два последующих столетия. Эпоха новой истории открывается в Турции с конца XVIII в...»[17]. Для А. Д. Новичева таким рубежом являются 80-е годы XVIII в. К этому времени турецкий феодализм, по его мнению, окончательно исчерпал свои возможности развития и стал сдерживать дальнейший прогресс общества[18]. Подробное объяснение базируется на более верной оценке происходивших событий и потому более приемлемо, хотя следует оговорить, что и в XIX в. феодальные отношения оставались господствующими. Видимо, следовало бы выделять в истории Турции отдельный переходный период, который, начинаясь на рубеже XVIII—XIX вв., завершался в конце XIX в. К его характеристике мы еще вернемся.

Принимая в целом хронологические рамки, предложенные Е. А. Беляевым, А. Д. Новичевым, трудно согласиться с их стремлением поставить знак равенства между эпохой феодализма и средневековьем. Подобное тождество, на наш взгляд, неправомерно. Если общество находится на уровне феодального развития, из этого еще не следует, что оно может существовать только в период средних веков. В ряде стран Азии и Африки феодальные отношения оставались господствующими до конца нового времени, а в некоторых — даже в новейшее время.

Предлагая определенную внутреннюю периодизацию истории Турции XI—XVIII вв., советские ученые исходят из эволюции феодальных отношений в данном обществе. Однако схемы, разработанные Е. А. Беляевым и А. Д. Новичевым, страдают некоторой упрощенностью. Они предполагают, в частности, непрерывность общественного прогресса: эволюция от патриархально-феодальных отношений к развитым была начата при Сельджукидах и продолжена в османский период. В этой связи хотелось бы напомнить слова В. И. Ленина, который, характеризуя «большие исторические эпохи», писал: «В каждой эпохе бывают и будут отдельные, частичные движения то вперед, то назад, бывают и будут различные уклонения от среднего типа и от среднего темпа движений»[19]. Важнейшая особенность развития феодализма на Ближнем и Среднем Востоке, в том числе и в Турции, заключается в том, что этот процесс может быть представлен движением по спирали, каждый виток которой означал и определенный регресс, возврат к прошлому, и определенный прогресс по сравнению с ранее достигнутым уровнем[20]. Подобный путь развития определяется рядом факторов, в том числе постоянным сосуществованием оседлых и кочевых обществ в рамках одного географического региона.

Роль кочевников, как необходимого условия жизни стран

Ближнего и Среднего Востока в эпоху феодализма, еще недостаточно изучена, хотя в последние годы эта тема привлекает пристальное внимание исследователей[21]. Однако уже сейчас можно говорить, что номады оказали серьезное влияние как на экономическую жизнь (ограничивая возможности экстенсивного земледелия), так и на социальное развитие (консервируя патриархально-феодальные отношения, кровнородственные связи) и политическую организацию общества (способствуя утверждению сильных централизованных держав-деспотий). Велико их влияние и на этнические процессы, ибо появление очередных волн кочевой миграции ускоряло возникновение новых этнических общностей и исчезновение старых. Ослабление центральной власти при наличии обширной кочевой периферии и продолжавшегося на протяжении всей эпохи переселения народов создавало благоприятные условия для завоевания данной страны другим государственным объединением или племенным союзом. В масштабах региона таких завоеваний было по крайней мере четыре — арабское, сельджукское, монгольское и турецкое. Каждое из них сопровождалось значительным увеличением кочевых элементов в обществе и усилением патриархально-феодального уклада. Лишь с началом широкого использования огнестрельного оружия на Ближнем Востоке (XV—XVI вв.) роль кочевых миграций в масштабах региона упала, но в рамках отдельных стран номады продолжали играть важную роль вплоть до XX в.

В истории Турции можно выделить две крупные волны переселений кочевников. Одна из них (в XI в.) положила начало тюркской колонизации Малой Азии. О ней уже было сказано раньше. Другая проходила в XIII в. и была тесно связана с монгольским нашествием[22]. Историки еще не оценили в должной мере ее значение. Между тем вторая волна миграции тюркских племен оказала решающее влияние на процесс образования турецкой народности, способствовала упадку Сельджукидов и возвышению Османского государства. С ней же связано определенное попятное движение в эволюции феодальных отношений в Турции. Как показали исследования некоторых советских и зарубежных ученых, османское общество в первой половине XIV в. находилось на крайне низкой «полуварварской» ступени развития[23]. Вряд ли можно согласиться с мнением А. Д. Новичева и некоторых других авторов, что к концу XIV—началу XV в. Турция перешла от ранней стадии развития феодальных отношений к развитой[24]. Складывающаяся в это время тимариотская система с ее жесткой регламентацией прав военных ленников также не подтверждает этой гипотезы[25]. Общий уровень социально-политической и культурной жизни при первых османских правителях в XIV в. представляется значитель-

но более низким, чем в Сельджукидском государстве в середине XIII в. Следовательно, можно считать, что вторая волна тюркских кочевников и последовавшее за ней монгольское нашествие, став причиной общественного регресса, положили начало второму витку в развитии страны.

Два цикла — сельджукидский и османский, на которые распадается эпоха феодализма, имеют и общие черты, и существенные различия. Общая черта аграрного строя Турции на протяжении XI—XVIII вв.— сосуществование двух систем земельной собственности, отражавших различное отношение к земле в кочевой и оседлой среде. Для одной из них было характерно господство государственных форм собственности на землю как на территорию с подвластным населением. В основе другой лежала собственность отдельных лиц на землю как условие производства. Таким образом, поземельные отношения развивались в виде двух параллельных процессов: на основе складывания системы условных пожалований с правом сбора налога и путем экспроприации владельческих прав крестьян на землю и превращения их в арендаторов-издольщиков. Соотношение этих систем на отдельных этапах менялось. Стадия раннего феодализма была отмечена усилением значения государственной собственности. В общественно-политической жизни эта тенденция связана с созданием централизованного государства с деспотической властью правителя. На стадии развитого феодализма возрастала роль уклада, базировавшегося на крупной частной собственности. Условные пожалования постепенно превращались в безусловные, землевладельца-налогосборщика вытеснял феодал, более заинтересованный в хозяйственной эксплуатации земли. В политической жизни общества усиливались центробежные тенденции, власть центрального правительства заметно ослабевала.

Описанная эволюция аграрных отношений и форм политической организации прослеживается в каждом из циклов феодальной истории Турции. Однако пределы ее осуществления неодинаковы. В сельджукидский период мы отмечаем лишь переход от раннего феодализма к развитому. Тенденции, присущие стадии зрелого феодального общества, не могли реализоваться полностью. Они были прерваны новым вторжением тюркских кочевников и монгольским нашествием. Соответственно в рамках этого цикла следует выделить две основные стадии. Первая из них начинается с массового переселения тюркских кочевников на территорию Малой Азии во второй половине XI в. и заканчивается объединением тюркского населения Анатолии под властью Сельджукидов на рубеже XII—XIII вв. Вторая стадия (XIII в.) отмечена переходом к развитым феодальным отношениям, свидетельством чего является постепенное

усиление крупного частного землевладения. В конце XIII в. на развалинах Конийского султаната появляется целый ряд независимых бейликов (княжеств), в их числе и Османский бейлик.

Османский цикл истории Турции изучен значительно лучше, чем сельджукидский. Однако и в рамках этого периода имеется немало спорных и неизученных явлений, что серьезно затрудняет выявление его особенностей. За последнюю четверть века турецкие и западные авторы предложили ряд модификаций прежней периодизации османской истории[26]. Почти все они по-прежнему были построены на основе политического развития страны. Их авторы, следуя схеме, предложенной в XVIII в. Д. Кантемиром, делят турецкую историю на периоды «возвышения» и «упадка» османской державы. Принципиально новый подход был предложен лишь К. Карпатом, который взял за основу периодизации социальные сдвиги, происходившие в османском обществе[27]. Его выводы несомненно заслуживают серьезного внимания, но предложенный автором критерий не может быть признан достаточным, к тому же К. Карпат учитывал изменения только в рядах правящей элиты.

Значительное расширение наших знаний о жизни турецкого общества в османскую эпоху требует определенного уточнения и существующих в советской литературе представлений об этом периоде. Сначала отметим ту особенность цикла, которая до сих пор не привлекала внимания историков: изменение в соотношении сил между оседлым населением и кочевниками в пользу первых[28]. Следовательно, по крайней мере на части территории страны появляются условия для завершения длительной эволюции феодальных отношений. По мере уменьшения воздействия кочевой периферии в турецком феодализме начинают выявляться черты, сближающие его с европейской моделью. На это обстоятельство обратили внимание еще основоположники марксизма. Так, Ф. Энгельс, опираясь на материалы XVIII—XIX вв., писал: «Только турки впервые ввели на Востоке в завоеванных ими странах нечто вроде помещичьего феодализма»[29]. Интересно, что некоторые турецкие историки, отрицающие феодальный характер османского общества в XIV—XVI вв., считают возможным говорить о «феодализации» Турции в XVIII в.[30].

История страны определяется не только совокупностью внутренних обстоятельств. В османскую эпоху выявилось опережающее развитие европейских государств. Вытекавшее из особенностей эволюции феодальных отношений, связанных также с переносом мировых торговых связей на океан и падением роли левантийской торговли, отставание Турции в дальнейшем само стало важным фактором, тормозившим прогресс страны. В частности, оно привело к изменению характера экономических от-

ношений с Западной Европой, к превращению Турции в поставщика сельскохозяйственной продукции и потребителя европейских промышленных изделий.

Отмеченные особенности османского цикла следует учитывать при его периодизации. В истории Турции этого времени хорошо различаются две основные фазы. Первая из них, характеризующаяся преобладанием раннефеодальных отношений, начинается с появления ряда «полуварварских» бейликов на территории Сельджукидского государства и завершается превращением Османского государства в крупнейшую державу своего времени в середине XVI в. Однако обнаруживающиеся одновременно первые признаки упадка военно-феодальной структуры империи позволяют говорить о наступлении второй фазы — зрелого феодализма. Этот период завершается на рубеже XVIII—XIX вв., когда становится ясным, что феодальные порядки не могут уже обеспечивать дальнейшего прогресса страны.

Эволюция общественных отношений лучше прослеживается, если каждую из фаз разделить на отдельные этапы. В рамках первого периода предлагается различать два этапа. Временным рубежом между ними можно считать середину XV в. Начальный этап отличается политической раздробленностью, в социально-экономической и культурной жизни княжеств еще очень сильны родо-племенные и патриархально-общинные традиции. Несмотря на ясно обозначившийся процесс оседания тюркских кочевников на землю, военные набеги с целью грабежа и захвата новых земель сохраняют для них первостепенное значение. Вместе с тем появление важнейших иститутов политической и религиозной власти, воспроизводивших соответствующие образцы арабо-мусульманского средневекового мира, способствовало укреплению феодальных порядков и усилению позиций правителей[31]. К середине XV в. османские султаны, подчинив своей власти остальные анатолийские бейлики, завершают процесс объединения турецкого общества в рамках единого государства.

Второй этап отмечен быстрым прогрессом османской державы. Военно-политические успехи ее правителей связаны с расширением социальной базы их власти за счет включения в правящий класс большого числа военных ленников (тимариотов) и дворцовых рабов (капыкулу). Консолидация класса феодалов сопровождалась превращением основной массы сельского населения в феодально-зависимое податное сословие (райя), чей статус при Мехмеде II Фатихе (1451—1481) и Селиме I Явузе (1512—1520) был закреплен соответствующим законодательством. В общественной жизни усилилось влияние исламских и византийских институтов, постепенно вытеснявших традиции тюркского общества. Меняется и характер завоеваний: грабительские

набеги отходят на второй план, уступая место борьбе за политическое господство в Европе и Азии [32].

В работах историков часто можно встретить утверждение, что складывание Османской империи во второй половине XV—первой половине XVI в. представляет высшую точку развития турецкого общества в докапиталистическую эпоху [33]. Однако если критерием оценки являются не военные успехи и территориальные захваты, а процессы, происходившие в области производства и общественных отношений, то вряд ли можно принять подобную точку зрения. Представляется более обоснованной точка зрения А. С. Тверитиновой, что в это время происходит переход к более высокой фазе социального развития [34].

В работах, посвященных турецкой истории со второй половины XVI до конца XVIII в., прежде всего отмечается падение военного и политического могущества Османской империи под влиянием разложения военно-ленной системы землевладения. Упадок империи некоторые авторы, в частности Е. А. Беляев, принимают за проявление кризиса османского феодализма [35]. Подобное мнение ошибочно. По сути дела, распад тимариотской системы означал складывание нового общественно-политического режима, соответствующего развитым феодальным отношениям.

Анализ процессов, происходивших в стране, и их воздействия на различные слои общества позволяет разделить и этот период на два этапа, рубежом между которыми являются последние десятилетия XVII в. В первом из них элементы нового выступали, как правило, в оболочке «классических» османских институтов и способствовали их внутреннему перерождению. Поэтому историки отличают обычно негативные моменты: малую эффективность военно-административной системы, падающую боеспособность феодального конного войска и янычарской пехоты, прекращение территориального расширения империи, сепаратизм местных пашей, оскудение тимариотов — наиболее массовой прослойки турецких феодалов, сосредоточение многих тимаров в руках дворцовой бюрократии, ухудшение материального положения крестьян и появление большого числа беглых райятов.

Сущность новых явлений более отчетливо проявляется на следующем этапе. Именно в это время первостепенную роль в жизни страны начинают играть крупные землевладельцы — аяны и деребеи [36]. Их возвышение свидетельствует о выделении внутри правящего класса новой прослойки, к представителям которой применимы слова К. Маркса: «Место старого эксплуататора, у которого эксплуатация носила более или менее патриархальный характер, так как являлась главным образом орудием политической власти, занимает грубый, жадный до денег выскочка» [37]. Об их склонности к хозяйственной эксплуатации

своих владений свидетельствует появление частнофеодальных поместий — чифтликов, а также связь аянов со сбытом сельскохозяйственной продукции через каналы внешней торговли. Широкое распространение получает издольщина как результат потери крестьянами их владельческих прав на землю и превращения в арендаторов. Сконцентрировав в своих руках значительную часть земельного фонда, установив контроль над сбором налогов и рекрутированием войска, аяны стали подлинными правителями в анатолийских и балканских провинциях. Сложившаяся в XVIII в. политическая ситуация отличалась изменением соотношения сил между центром и периферией в пользу последней и хронической нестабильностью, определявшейся постоянной враждой в среде аянов и деребеев[38]. Значительные территориальные потери являются выражением не только военной отсталости, но и прогрессирующего ослабления центральной власти.

Начинающийся на рубеже XVIII—XIX вв. период турецкой истории обычно именуется «эпохой реформ». Его можно было бы считать стадией позднего феодализма, когда в недрах разлагающегося феодального способа производства начинают складываться капиталистические отношения. Однако окончательные итоги «эпохи реформ» заставляют уточнить ее оценку. Включение Турции в складывавшуюся систему мирового капиталистического хозяйства в качестве источника сырья и рынка сбыта замедлило темпы и деформировало развитие страны. Крайне медленное зарождение капиталистического уклада способствовало консервации феодальных порядков, оказало угнетающее влияние на социальную, политическую и культурную жизнь, а в конечном итоге подготовило превращение Турции в полуколонию европейских держав.

Рассмотрение вопросов, затронутых в статье, показывает, что периодизация истории Турции в эпоху феодализма требует учета не только эволюции политической жизни, но и результатов социально-экономических, культурных и этнических процессов. Складывание и развитие феодализма в стране происходило под воздействием ряда постоянно действовавших и некоторых новых факторов. К числу первых можно отнести постоянное сосуществование кочевых и оседлых обществ, определяемое спецификой природных условий. Важную роль сыграли в обусловленные самим географическим положением Турции контакты между Западом и Востоком, способствовавшие синтезу социально-экономических и культурных институтов, присущих европейскому и азиатскому средневековью. Среди новых факторов, оказавших воздействие на судьбы страны в османскую эпоху, сле-

дует отметить опережающее развитие ведущих государств Европы.

Большое влияние на эволюцию феодальных отношений в Турции оказали миграция тюркских кочевых племен и полукочевого населения в XIII в. и последовавшее за ней монгольское нашествие. Они привели к временному регрессу в социальном развитии. Для того чтобы турецкое общество вновь вышло на стадию зрелого феодализма, потребовалось (при наличии чрезвычайно благоприятной среды) примерно 300 лет. За это время европейские страны ушли далеко вперед. Таким образом, отставание Турции определялось не столько медленным развитием производительных сил или консервативным мышлением, неспособным воспринимать технические новшества, сколько специфическим путем развития страны в эпоху феодализма.

[1] В основу статьи положен доклад, прочитанный на заседании Туркологического кабинета им. В. А. Гордлевского в ИВ АН СССР и Тюрко-монгольского кабинета Ленинградского отделения ИВ АН СССР.

[2] R. Mantran. Histoire de la Turquie. P., 1961; А. Д. Новичев. Турция. Краткая история. М., 1965; R. H. Davison. Turkey. N. Y., 1968; J. Reychman. Historia Turcji. Wroclaw, 1973; A. Mustafa Mehmed. Istoria turcilor. Bucuresti, 1976.

[3] Е. А. Беляев. Периодизация средневековой истории Турции.— «Известия АН СССР». Серия истории и философии. М., 1947, № 1, с. 85—88.

[4] См., в частности, рецензию А. С. Тверитиновой в «Ученых записках» ЛГУ, № 128. Серия востоковедч. наук, вып. 3, 1952, с. 221—229.

[5] А. Д. Новичев. История Турции. Т. 1. Эпоха феодализма (XI—XVIII вв.). Л., 1963.

[6] А. Ф. Миллер. Турция. Исторический очерк.— Советская Историческая Энциклопедия. Т. 14, с. 558—587; он же. Турция. Исторический очерк.— Большая Советская Энциклопедия. Изд. 3-е. Т. 27, с. 375—380.

[7] N. Filipović. Pogled na osmanski feodalizm (sa naročitom obzirom na agrarne odnose).— Godišnjak Istorijskog društva Bosne i Hercegovine. T. 6. Sarajevo, 1952, c. 5—146; K. Bastaić. Timarsko vlasništvo u feodalnom sistemu osmanlijske Turske (od XV do XVII st.). Zagreb, 1958; В. П. Мутафчиева. Аграрните отношения в Османската империя през XV—XVI вв. София, 1962.

[8] «Чтобы критиковать концепцию, которая рассматривает Османское государство как феодальный институт, а налоги, взимаемые правительством, согласно законам как несправедливую эксплуатацию народа, следовало бы воспроизвести всю критику, направленную против исторического материализма... Но вне всякого сомнения, исследования, углубленно изучающие определенный аспект реальной жизни, несмотря на их доктринерскую интерпретацию, обогащают наши знания, особенно наши знания о жизни народных масс» (H. Inalcik. L'Empire Ottoman.— Actes du premièr Congrés international des études balkaniques et Sud-Est europeènnes. Vol. 3. Histoire. Sofia, 1969, c. 98).

[9] Б. Ф. Поршнев. Мыслима ли история одной страны? — Историческая наука и некоторые проблемы современности. М., 1969, с. 307.

[10] В. И. Ленин. Воинствующий милитаризм и антимилитаристская тактика социал-демократии.— Полное собрание сочинений. Т. 17, с. 190.

[11] Е. А. Беляев. Периодизация средневековой истории Турции, с. 85.

[12] А. Д. Новичев. История Турции. Т. 1, с. 5.

[13] А. Ф. Миллер. Турция. Исторический очерк.— Советская историческая энциклопедия. Т. 14, с. 558.

[14] Таков подход к изложению турецкой истории в книгах Р. Мантрана и Р. Дэвисона. К истории Османской империи сведен раздел средневековой Турции (авторы М. С. Мейер и Н. А. Смирнов) в учебнике «История стран Азии и Африки в средние века». М., 1968.

[15] C. Cahen. Pre-Ottoman Turkey. L., 1968; S. Vrionis. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamization from Eleventh Through the Fifteenth Century. Berkeley, 1971.

[16] См.: Д. Е. Еремеев. Этногенез турок. М., 1971, с. 158—159; C. Cahen. Pre-Ottoman Turkey, c. 143—155. Иная точка зрения на этническую историю турок у румынского историка Мехмеда (A. Mustafa Mehmed. Istoria turcilor, c. 85—106).

[17] Е. А. Беляев. Периодизация средневековой истории Турции, с. 85—106.

[18] А. Д. Новичев. История Турции. Т. 1, с. 4.

[19] В. И. Ленин. Под чужим флагом.— Полное собрание сочинений. Т. 26, с. 142.

[20] См. подробнее: М. С. Мейер. Проблемы типологии феодализма на Ближнем Востоке.— Типология развитого феодализма в странах Востока. Тезисы докладов и сообщений. М., 1975, с. 3—6; А. П. Новосельцев, Т. В. Пашуто, Л. В. Черепнин. Пути развития феодализма. М., 1971, с. 122—125.

[21] См.: Д. Е. Еремеев. Юрюки (турецкие кочевники и полукочевники). М., 1969; М. С. Иванов. Племена фарса кашкайские, хамсе, кухгилуйе, мамасани. М., 1961; А. Д. Новичев. Турецкие кочевники XV—XVIII вв.— XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М., 1960; В. В. Трубецкой. Бахтиары. М., 1972; The Desert and the Sown. Nomads in the Wider Society. Berkeley, 1973; X. de Planhol. De la plaine Pamphylienne aux lacs Pisidiens. Nomadisme et la vie paysanne. P., 1958; C. A. O. van Nieuwenhuijze. Sociology of the Middle East. A Stocktaking and Interpretation. Leiden, 1971, c. 397—417; Cambridge History of Islam. P. 8. The Geographical Setting. Cambridge, 1972, c. 447—468; F. Sümer. Oğuzlar (Türkmenler). Tarihleri, boy teskilâtı, destanları. Ankara, 1967.

[22] О второй волне тюркской миграции в Малую Азию см.: Д. Е. Еремеев. Этногенез турок, с. 126—128; C. Cahen. Pre-Ottoman Turkey, c. 314—317.

[23] А. С. Тверитинова. Фальсификация истории средневековой Турции в кемалистской историографии.— «Византийский временник». Т. 7. М., 1953, с. 13—15; S. Vrionis. Nomadisation and Islamization in Minor Asia.— Dumbarton Oaks Papers». Wash., 1975, vol. 29, c. 43—71; Koyama Koichiro. Osman and the First Organization of the Ottoman Turks.— «To:ê:ra-kyxo». Tokio, vol. 50, № 3, c. 37—78 (резюме на англ. яз.).

[24] А. Д. Новичев. История Турции. Т. 1, с. 35.

[25] В. Мутафчиева. Аграрите отношения в Османската империя през XV—XVI в., с. 44—48.

[26] Характерным примером может служить схема, предложенная X. Иналджиком, который в рамках интересующего нас 500-летнего цикла выделяет пять этапов: 1) начальный (1300—1402); 2) период консолидации и реорганизации (1402—1481); 3) период усилий по созданию мировой империи (1481—1571); 4) кризис и борьба вокруг путей развития (1571—1699); 5) период поражений и признания европейского превосходства (1699—1826) (см.: K. H. Karpat. Structural Change, Historical Stages of Modernization and the Role of Social Groups in Turkish Politics.— Social Change and Politics in Turkey. A Structural Historical Analysis. Leiden, 1973, c. 28).

Р. Мантран выделяет три основных этапа: 1) время существования ана-

толийских княжеств и начало османов (1300—1402); 2) развитие и апогей Османской империи (1402 г.— вторая половина XVI в.); 3) упадок империи (вторая половина XVI — конец XVIII в.). Р. Дэвисон также указывает три этапа: 1) переходный — от степи к империи (до 1453 г.); 2) «золотой век» Османской империи (1453—1566); 3) упадок веры и государства (1566—1792).

[27] В рамках периода XIV—XVIII вв. К. Карпат предлагает выделить три этапа: 1) преобладание пограничных беев (XIV — середина XV в.); 2) существование централизованного квазифеодального государства (вторая половина XV — конец XVI в.); 3) провинциальная автономия и усиление аянов (конец XVI — конец XVIII в.).

[28] Эта тенденция проявилась главным образом в Румелии и Западной Анатолии. Обратное явление — наступление кочевников — отмечается в XVII—XVIII вв. для Центральной и Восточной Анатолии.

[29] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 20, с. 181. См. также замечания К. Маркса, посвященные Алжиру, в его конспекте книги М. М. Ковалевского (Из неопубликованных рукописей Карла Маркса.— «Проблемы востоковедения». М., 1959, т. 1, № 1, с. 3—9).

[30] H. Inalcik. L'Empire Ottoman, с. 99—102.

[31] Подробнее см.: S. Vrionis. Byzantine Legacy and Ottoman Forms. «Dumbarton Oaks Papers». Wash., 1969—70, vol. 23—24, с. 253—308.

[32] A. C. Hess. The Ottoman Conquest of Egipt (1517) and the Beginning of Sixteenth-Century World War.— «International Journal of Middle East Studies». L., 1973, vol. 4, № 1, с. 55—76.

[33] J. Perényi. Formation de l'Etat centralisé Ottoman aux XV—XVII s.— 3-me Congrès international d'études du Sud-East europèen. T. 2. Bucurest, 1974, с. 486; J. Reychman. Historia Turcji, с. 68.

[34] А. С. Тверитинова. Фальсификация истории средневековой Турции в кемалистской историографии, с. 21.

[35] Е. А. Беляев. Периодизация средневековой истории Турции, с. 89.

[36] Роль аянов и их позднейшей разновидности в Анатолии — деребеев лишь в последние годы стала предметом изучения (см.: A. Sučeska. Ajani. Sarajevo, 1964; D. Sadat. Rumeli Ayanlari: the Eighteenth Century.— «Journal of Modern History». Chicago, 1972, vol. 44, № 3, с. 346—363).

[37] К. Маркс. Капитал. Критика политической экономии. Т. 3.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 25. Ч. 2, с. 146.

[38] По мнению Д. Садата, ситуация на Балканах и в Анатолии была во многом схожа с положением в шляхетской Польше того времени (D. Sadat. Rumeli Ayanlari..., с. 358).

А. Д. Новичев

К ИСТОРИИ РАБСТВА В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ. СИСТЕМА ДЕВШИРМЕ

Османская империя в средние века, как известно, была военно-феодальным государством. Ее фундаментом была военноленная система (турецкое название — тимарная система, или сипахилык). Но в то же время в социально-экономической структуре империи значительное место занимал институт рабства. Однако число работ, посвященных этому институту, крайне ограниченно [1].

Перед исследователем, изучающим рабство в Османской империи, возникает вопрос о его источниках. История этой страны показывает, что главным источником рабства были солдаты и мирные жители, захваченные турками во время многочисленных войн и угнанные ими в Турцию. Следующим за ним по значению источником рабства, по нашему мнению, были христианские мальчики и юноши, подданные султана, набранные по системе девширме (тур. «собирание», «набор»).

Этим термином в султанских специальных законах и указах, а также в обиходе был назван принудительный набор мальчиков и юношей из немусульманских семей — подданных султана для удовлетворения военных и иных потребностей турецких правящих слоев. Об этих потребностях подробно будет сказано ниже. В Болгарии и Сербии этот набор называли «налогом кровью», в Греции — «налогом детьми». В ходу было и название «янычарский налог» [2].

Для удовлетворения каких же потребностей правящих кругов Османской империи был введен чудовищный налог девширме? В трудах, посвященных истории Турции, обычно на первое место выдвигается потребность в пополнении янычарского корпуса людьми, с детства воспитанными в духе беспредельной, слепой преданности султану и мусульманского фанатизма. Ряд авторов этим и ограничивается.

Однако некоторые видные историки Турции дали понятию «девширме» более широкое толкование. Так, немецкий турколог

И. Х. Мордтманн в начале XX в. определял девширме как «принудительный набор христианских детей с целью создать резерв для янычарского корпуса и для службы в султанских дворцах»[3]. Известный турецкий исследователь истории Турции, в том числе военной, проф. И. Х. Узунчаршылы высказал мнение, что закон о девширме преследовал две главные цели: удовлетворение потребности в солдатах янычарского корпуса и увеличение численности мусульманского населения на Балканах путем насильственной исламизации и туркизации значительной части христианской молодежи[4].

Современные марксисты — исследователи рассматриваемой проблемы указывают в качестве одной из главных целей стремление правящих кругов обеспечить себе даровую рабочую силу, потребность в которой росла в связи с усиливавшимся процессом феодализации в результате захвата турками огромных территорий на Балканах. Так, Ц. Георгиева пишет: «Введение „налога кровью“ было обусловлено сложным комплексом причин, явившихся результатом усиления процесса феодализации османского общества, вызванной им военной экспансией, формированием государственных институтов и относительной малочисленностью мусульманского населения в создаваемой империи... В сущности, „налог кровью“ был продолжением института рабства, существовавшего в мусульманском мире, измененным методом и средством приобретения рабов в соответствии с конкретной исторической обстановкой»[5].

Приведенная характеристика системы девширме кажется нам более полной и содержательной, чем те, которые даны названными выше авторами. Мы разделяем мнение, что эта система была частью института рабства, распространенного в Османской империи, а принудительно набранные по этой системе христианские мальчики и юноши (они также назывались девширме, мн. ч.— девширмелер) были рабами.

На основе анализа турецких и европейских источников, привлекая также высказывания специалистов, постараемся осветить следующие вопросы: как осуществлялся набор христианских рекрутов, какова была их судьба до зачисления в число кандидатов в янычары; как они использовались после зачисления; какова была судьба тех, которые не были зачислены?

Система девширме просуществовала в Османской империи свыше 250 лет[6]. Точная дата ее введения не установлена. По мнению одних авторов, это произошло при правлении султана Мурада II (1421—1444, 1446—1451)[7]. Другие, опираясь на европейские источники, уточняют дату и указывают, что система девширме стала применяться с 1438 г.[8]. Важным источником по этому вопросу, на который опираются европейские исследователи, является сочинение современника тех лет фран-

цисканского монаха Фр. Бартоломеуса де Жано «Epistolae de Grudelitate Turkarorum». В нем говорится, что во всех областях, городах и крепостях, подчиненных турецкому султану, «существует налог с мальчиков-христиан в размере одной десятой, который никогда ранее не взимался. Набирают их в возрасте 10—20 лет и делают из них специальных рабов и стражей и, что еще хуже, мусульман» [9].

До начала второй половины XV в. принудительный набор по системе девширме еще не стал регулярным и повсеместным. Такой характер он приобрел с первых лет царствования султана Мехмеда II Фатиха (1451—1481), завоевателя Константинополя [10]. Одновременно с набором по системе девширме продолжала действовать система пенчик, которой нами посвящена специальная статья [11]. Однако по мере распространения первой она все больше вытесняла вторую. В конце концов пенчик сохранился лишь в форме налога, который собственник рабов уплачивал государству. К середине XV в. прекратили свое существование и войска яйя и мюселлем. Впрочем, еще раньше они перестали играть роль боевой силы и использовались лишь для тыловых работ (на транспорте для нужд армии, строительстве крепостей и т. п.) [12].

Важное значение имеет вопрос, какую территорию и какое население Османской империи охватывала система девширме. Эта система не сразу была распространена на все владения Османской империи. Однако с самого начала и до конца она главным образом применялась в Румелии, т. е. в европейских областях империи: в Болгарии, Албании, Греции, на островах Архипелага, в Сербии, Боснии и Герцеговине, турецкой части Венгрии. С конца XV — начала XVI в. система девширме была распространена и на Анатолию. В XVII в. она применялась повсеместно.

Принудительный набор христианских мальчиков — девширме производился не только в селах, но и в городах. Иногда те или иные большие города на долгое или короткое время освобождались от налога девширме. В связи с этим по данному вопросу встречаются противоречивые сведения. Так, немецкий путешественник по Османской империи в середине XVI в. Г. Дерншвам сообщает, что от обязанности девширме были освобождены Стамбул, Галата, Триполи (Сирия) и Бурса. Другой немецкий путешественник, проезжавший по Турции в 1578 г., отмечает, что только Стамбул и Галата пользовались этой льготой. Однако на основании таких достоверных источников, как султанские указы, устанавливается, что девширме набирались в Бурсе, Кайсери, Трабзоне, Софии, во всех балканских городах и даже в Стамбуле. Но некоторые христианские (главным образом греческие) кварталы в Стамбуле, которые выпол-

няли различные виды трудовой повинности в султанских поместьях, садах, конюшнях, освобождались от налога детьми[13].

Византийский историк Халкокондил (Ханкондил), современник султана Мехмеда II, в своей «Истории происхождения и деяний турок и великого султана Мехмеда II» сообщает, что от налога девширме освобождались евреи и армяне, поскольку они занимались торговлей. Однако И. Х. Узунчаршылы опровергает сведения Халкокондила, касавшиеся армян. Опираясь на турецкие официальные источники, он показывает, что и на армян распространялся «налог кровью»[14]. Задолго до И. Х. Узунчаршылы, также на основании турецких источников, видный русский тюрколог В. Д. Смирнов утверждал то же самое[15].

От налога девширме освобождались те представители знати христианских народов Балкан, которые, пользуясь милостью султана за оказание ему услуги, получили тимары или какимлибо другим путем сумели подключиться к турецкому господствующему классу, хотя и сохранили свою религию[16].

Вместе с тем, руководствуясь своими классовыми интересами, султанские власти предписывали своим чиновникам-вербовщикам освобождать от налога девширме мальчиков и юношей, которых по тем или иным причинам властям невыгодно отрывать от их семей или от которых они не ожидали для себя никакой пользы. Об этом свидетельствует множество султанских указов, хранящихся в турецких архивах, часть которых И. Х. Узунчаршылы извлек и опубликовал[17].

Прежде всего было запрещено набирать слабых, уродливых, низкорослых и очень высоких (из последних предлагалось отобрать для подготовки слуг при дворце). Освобождались единственные сыновья в семье. Это объяснялось не гуманными соображениями султанских властей, а их материальными интересами. Ведь с уводом единственного продолжателя рода исчезала семья, следовательно, и налогоплательщик, к тому же христианин, который в будущем обязан поставлять султану сыновей по системе девширме. Запрещалось брать также женатых. И. Х. Узунчаршылы так объясняет этот запрет: женатые увеличивают население и соответственно резерв для девширме[18].

Особый интерес вызывает запрет набора некоторых категорий трудящихся: пастухов, ремесленников и их детей[19]. Отдельными султанскими указами освобождались от девширме в некоторых конкретных случаях рудокопы и крестьяне в поместьях султана и членов династии (хасах) и в созданных ими вакуфах. Приведем ряд примеров. В указе 1558 г. говорится, что от девширме были освобождены рабочие рудника в окрестностях Енипазара. Ссылаясь на старый указ, даровавший им эту льготу, шахтеры отказывались отдать своих сыновей чиновникам, производившим набор. Султан Сулейман II Кануни (1520—

1566) отменил упомянутую льготу и приказал чиновникам брать детей в соответствии с законом о девширме[20]. Однако в другом указе того же султана (в 1569 г.) было предложено освободить от налога девширме крестьян 23 деревень, выполнявших барщину в четырех рудниках в районе г. Шаркы Карахисара. Они были освобождены также от налогов джизье, испендже и др. Затем все эти льготы были отменены, а крестьяне по-прежнему обязаны были работать на рудниках в порядке барщины. Однако казне этой переменой был нанесен ущерб, и старые льготы указом 1569 г. были восстановлены[21].

В других указах говорится об освобождении от налога девширме (а также от чрезвычайных налогов) райятов предместья одного города в санджаке Сирем, занятых на ремонте моста (указ 1578 г.), о таких же льготах райятам санджака Бига, взятым в качестве гребцов на государственные суда (указ 1578 г.) и др.[22].

Как было сказано выше, в отдельных случаях от налога девширме освобождались райяты, работавшие в поместьях султана и членов династии или в учрежденных ими вакуфах. Так, указом кадиям хасов, принадлежавших матери султана Мурада III (1574—1595), было предписано освободить от налога приписанных к хасам христиан, так как эти хасы были превращены в вакуф с целью обеспечить строительство мечети в Скутари[23].

Количество аналогичных примеров можно было приумножить. Однако следует подчеркнуть, что в целом число христиан, освобожденных от «налога кровью», было незначительно. К тому же освобождение не было стабильным и нередко отменялось. А в январе 1621 г. был издан указ, которым было отменено освобождение от налога девширме райятов, работавших в шахтах и вакуфах. Местным властям предписывалось отобрать у них султанские указы, даровавшие райятам освобождение[24].

Как часто проводился набор девширме? На основании данных как турецких, так и европейских источников установлено, что в этом деле не было единой нормы. Султанские власти руководствовались прежде всего потребностями янычарского корпуса. Когда такая потребность возникала, янычарский командир — ага обращался к султану с просьбой издать указ (фирман) о наборе. Источники указывают разные периоды набора девширме. Однако чаще всего встречаются указания, что вначале набор проводился раз в семь лет, затем — раз в пять лет. В XVI в. набор участился и проводился раз в четыре, три года и даже ежегодно. Очевидно, учащение набора было связано с тем, что в XVI в. турки вели захватнические войны — на огромной территории от Вены на западе до Тебриза на востоке и Каира на юге. В XVII в., когда Турция стала переживать внутренний упадок и ее военная мощь ослабла, а ее европейские против-

ники все более развивались, о новых крупных завоеваниях не могло быть и речи. В это же время произошли крупные изменения в личном составе янычарского корпуса. Он стал все больше пополняться детьми самих янычар и турками. В связи с этим набор девширме стал проводиться реже — раз в семь лет [25].

Не было строгой регламентации и в вопросе о норме и возрасте рекрутов. На основании указов возраст набираемых мальчиков и юношей колебался в пределах 8—20 лет. Аналогичные данные содержатся и в европейских источниках. Однако имеются сведения, что брали и детей в возрасте 5—10 лет [26].

Что касается нормы, то она в разное время менялась. Одни источники сообщают, что брали каждого десятого мальчика [27], другие — каждого пятого [28]. По закону о наборе девширме первой половины XVI в. набору подлежал один мальчик с каждых сорока домов (т. е. семейств) [29]. Исследователи сходятся в мнении, что долгие годы господствовала норма — один мальчик из пяти. Однако монах Илья в составленном им описании жизни Георгия Ново-Софийского сообщает, что при Селиме I Явузе (1512—1520) брали двух сыновей из имевшихся трех и даже единственного сына [30].

Сколько же христианских сыновей отбирали турецкие власти при каждом наборе девширме, отрывали от родных мест и превращали в своих рабов и слуг? И на этот вопрос нельзя дать однозначного ответа. Все же на основании источников исследователи установили, что на первых порах после введения системы девширме число рекрутов не превышало 2—3 тыс. С годами оно возрастало и в XVI в. достигло 10—12 тыс. Но затем по причинам, о которых будет речь ниже, число рекрутов стало сокращаться. Уже в первой половине XVII в. оно упало до 6—7 тыс. человек [31].

Порядок набора регламентировался общими правилами, которые обычно включались в султанские указы о наборе (devşirme fermanı) и в инструкции чиновникам из среды янычарских командиров, уполномоченным осуществлять набор в определенных районах (эти уполномоченные назывались devşirme emini). Местным властям было запрещено вмешиваться в дела уполномоченных, но их обязывали оказывать последним помощь в случае сопротивления населения, укрывательства, дезертирства рекрутов и т. п. [32].

«Налог кровью», уже достаточно жестокий сам по себе, на практике становился намного тягостнее в результате злоупотреблений, допускавшихся уполномоченными центра и местными властями. Своими произвольными действиями они причиняли ущерб и правительству, поэтому оно вынуждено было реагировать на них и порой даже наказывать особенно злостных нарушителей. Об этом свидетельствуют султанские указы, часть

которых И. Х. Узунчаршылы извлек из турецких архивов и опубликовал. В указе кадию местности Ухри от ноября 1565 г. обвинялся во взяточничестве яябашы, направленный сюда для набора девширме. В другом указе, от января 1566 г., направленном двум кадиям, уполномоченный по набору обвинялся в том, что занимался вымогательством, облагал население незаконными поборами, вынуждал реайятов отдавать ему детей в возрасте 5—10 лет и др.[33].

О широко распространенном взяточничестве, вымогательстве и других видах произвола со стороны лиц, присланных для сбора девширме, сообщают и европейские источники. Так, Дерншвам пишет в своем «Дневнике»: «Если кто-либо из несчастных (отцов отбираемых детей.— *А. Н.*) умеет торговаться, он может тайно освободить или откупить своего сына, уплатив несколько сот аспр (акче.— *А. Н.*). Таким образом сборщики десятины тайно получают много денег». Здесь же Дерншвам отмечает, что отобранным у родителей детям было по 8—12 лет[34].

О том же сообщает и немецкий путешественник Стефан Герлах, побывавший в Османской империи в 1575—1578 гг., т. е. примерно через четверть века после Дерншвама. Он пишет в своем «Дневнике», что все христианские семьи обязаны привести на сборный пункт «всех своих сыновей, из которых турки забирают кого хотят, так что часто один отец теряет двух-трех сыновей, а другой — никого». И далее: «Богатые христиане выкупают своих детей»[35]. Места откупленных детей занимали сироты, беспризорные, цыгане, евреи, даже турки. Особенно крупные злоупотребления были в XVI в.[36].

Турецкие источники дают сведения и о такой форме злоупотреблений местных властей: они не исключали из реестров, где были записаны забранные мальчики, с которых уже взимался подушный налог с немусульман мужского пола (джизье), и продолжали его взыскивать с их отцов. Бывало, что угнанные мальчики уже стали янычарами, а местные власти продолжали требовать уплаты за них джизье[37].

Как отмечалось выше, злоупотребления сборщиков детей, которые часто совершались в сговоре с местными властями, наносили ущерб правительству. В изданных им по этому поводу указах, адресованных кадиям или другим представителям власти в провинции, эти злоупотребления осуждались, как «противоречащие шариату и закону» (hilaf-i, şer' ve kanun)[38]. Порта требовала от властей на местах не допускать нарушений законов, духовных и светских (канунов), а виновных препровождать в Стамбул. Однако большого успеха она не добилась. Сама система девширме, порочная и преступная по существу, была такова, что давала широкие возможности для злоупотреблений.

В связи с этим привлекает особое внимание одно сообщение Герлаха, которое почему-то выпало из поля зрения исследователей: «Многие люди в Константинополе ожидают возможности откупить у паши сбор в определенной местности десятины с христианских детей. Такие люди быстро богатеют, потому что иной христианин имеет лишь одного сына. Чтобы сохранить его, он отдает 60—70 дукатов»[39]. Примечательно, что Герлах пишет о многих людях, гонявшихся за правом сбора девширме. Следовательно, откуп в этой сфере был широко распространен во времена, когда Герлах был в Турции. Нет сомнения, что применение откупной системы способствовало усилению погони за христианскими детьми, превращенными по системе девширме в рабов. Очевидно также и то, что злоупотребления неизменно сопутствовали откупу.

Таким образом, в целом система девширме, создававшая большие возможности для всех представителей власти быстро нажиться, толкала их на то, чтобы набрать побольше христианских мальчиков, притом самых лучших и крепких, включая и малышей. По удачному выражению Мордтманна, эта система приняла характер «африканской погони за рабами»[40].

Разумеется, лишь небольшая часть христианских семейств имела возможность давать крупные взятки, чтобы выкупить своих детей. Подавляющее большинство христиан, стонавших под тяжелым турецким гнетом, жило в бедности и нищете. Между тем и они не хотели расстаться со своими детьми, отдать их в рабство своим угнетателям. Поэтому они прибегали к другим средствам борьбы против девширме — легальным и нелегальным. К легальным относилась прежде всего женитьба малолетних сыновей. Герлах пишет: «Мальчики 9 и 10 лет женятся, чтобы остаться свободными и не быть забранными»[41]. Женатых заносили в податные списки. Некоторые матери в отчаянии калечили своих сыновей, чтобы не потерять их совсем[42].

Наиболее часто родители прибегали к укрывательству своих сыновей, когда появлялись сборщики в сопровождении янычар. Их прятали в лесах, горах, пещерах, тайниках и т. д. О том, что христианские семьи часто прибегали к укрывательству, свидетельствуют как европейские, так и турецкие источники, например султанские указы, в которых местным властям предписывалось вести борьбу с укрывательством и наказывать виновных[43]. Власти с большим рвением выполняли приказ своего султана. Яркий пример жестокости, проявлявшейся ими в борьбе с укрывателями, привел архиепископ Марино Биди, побывавший в болгарских городах и селах в 1610—1611 гг. В докладе своей конгрегации он сообщил, что в 1610 г. в г. Чипровец, где находился в то время католический епископ Софии Петр Солинат, прятавший христианских детей от сборщиков девширме, прибы-

ли санджак-бей, кадий, известный своей жестокостью, другие видные лица и много турок. Санджак-бей поклялся убить прежде всего епископа, а затем всех пойманных христиан, а остальных лишить имущества. Турки уже начали готовить колы для расправы со своими жертвами, но народу, несмотря на бедность, удалось откупиться [44].

Было немало случаев сопротивления христианских семей набору девширме. Так, в 1580 г. в одном из районов (нахие) Герцеговинского санджака крестьяне с оружием в руках выступили против султанских чиновников, совершавших набор девширме. В указе управителю санджака предлагалось выловить подстрекателей и сослать их на каторгу на галеры [45]. В другом указе — кадию г. Сиса от 1564 г.— говорилось, что некоторые христианские семьи тайком вернули забранных у них сыновей, уже подвергнутых обряду исламизации, и совершили над ними в церкви обряд возвращения в лоно христианства. И на этот раз Порта требовала сурово наказать «виновных» [46].

В ряде указов Порта высказывала недовольство по поводу бегства рекрутов, притом уже после того, как они перешли под власть сборщиков. К примеру, в указе кадию г. Кайсери рассказывалось о бегстве рекрутов уже после того, как они попали в Стамбул и были обращены в мусульманство. Чтобы затруднить бегство, было приказано направлять рекрутов, набранных в Румелии, в Анатолию, и наоборот [47]. Предполагалось, что христианские мальчики, как правило не знавшие турецкого языка (знавших этот язык запрещалось набирать), будут стараться попасть домой, но по пути натолкнутся на трудно преодолимое для них препятствие — море, и поэтому их легко будет ловить. Однако, несмотря на подстерегавшие их опасности, многие рекруты убегали и, как это было в Сите и Кайсери, вновь становились христианами. Власти требовали от родителей беглецов возвратить детей обратно. За невыполнение этого приказа родителей жестоко наказывали и даже продавали в рабство [48].

Несмотря на жестокие репрессии, невыносимое рабское положение, в котором оказывались христианские пленники сборщиков девширме, пленники часто пытались бежать. Беглецами в большинстве случаев были юноши в возрасте 15—20 лет. «Каждый год кетхуды (янычарские офицеры.— *А. Н.*) в Анатолии и Румелии ловили этих девширме» [49]. Однако бегство не прекращалось. Об этом свидетельствуют многие указы султана местным властям [50].

Сказанное выше о системе девширме, о порядке взимания с христианского населения «налога кровью» с достаточной убедительностью показывает, что дети, вырванные по этой системе из родной среды, переходили из категории райятов в категорию рабов. Оказавшись во власти сборщиков, они тем самым ста-

новились рабами султана, рекруты полностью теряли свободу передвижения и почти совсем не могли действовать по своему желанию. Султанские власти распоряжались ими и были властны над их жизнью.

Рабское состояние рекрутов становится еще более очевидным после ознакомления с их судьбой после набора. По приказу сборщика — янычарского офицера согласно установленному порядку мальчиков стригли и облачали в своеобразное обмундирование — верхний халат из грубого сукна красного цвета, нижний халат желтого цвета и островерхий колпак (кюлах) того же цвета. Деньги на обмундирование власти собирали с христианского населения той местности, где производился набор девширме. Сбор назывался «хил'ат баха» (hil'at baha) — стоимость халата. Особенно характерно другое его название — кул акчеси (kul akçesi, дословно — рабские акче, т. е. рабский сбор). Его размер был равен 90—100 акче за каждого рекрута девширме. С годами, в связи с падением курса акче, размер «рабского сбора» увеличивался до 200, 300 и даже (в начале XVII в.) до 600 акче[51].

Рекрутов собирали в отряды — сюрю (sürü, дословно — стадо) численностью 100, 150, 200 человек (это число могло быть больше или меньше, оно зависело от расстояния между местом набора и сборным пунктом, каким больше других был Стамбул). Под строгим конвоем так называемых сюрюджю (sürücü — погонщик), которые должны были неослабно следить, чтобы никто из мальчиков не убежал, чтобы не было подмены и пр., рекруты следовали по установленному маршруту к месту сбора[52]. По сообщению Дерншвама, главными такими пунктами были Стамбул (он отдельно называет Галату), Эдирне, Бурса. Обращались с рекрутами, по его словам, как со скотом[53]. Европейскому путешественнику А. Вранчичу во время его проезда по болгарским землям встретилась толпа мальчиков-девширме. Как он пишет, все они были закованы в цепи и громко жаловались на свою судьбу[54].

На сборном пункте рекруты подвергались строгой проверке, соответствуют ли они требованиям закона о девширме с точки зрения их вероисповедания и физических качеств[55]. Как уже отмечалось, негодные отсеивались и отправлялись на работы. Признанные годными записывались в особый реестр или тетрадь — эшкаль дефтери (eşkal defteri — форменная тетрадь). Затем их заставляли, подняв указательный палец вверх, произнести догму веры ислама — келиме-и шехадет (kelime-i şehadet), а через несколько дней подвергали обрезанию (sünnet — сюннет)[56]. Этими насильственными обрядами завершался первый этап исламизации рекрутов. После этого рекруты-девширме заносились в списки так называемых аджеми-огланов

(acemi oğlan — необученный парень, слуга) [57] и считались кандидатами в янычары. Но таковыми они были условно, так как им предстояло пройти еще длинный путь испытаний в течение многих лет, и лишь меньшинство попадало в ряды янычар.

Проследим за судьбой рекрутов-девширме, не прошедших проверку, и тех из них, кто попал в списки аджеми-огланов. Для социальной характеристики системы девширме это имеет важное значение.

Набранных по системе девширме христианских детей было намного больше, чем требовалось для пополнения янычарского корпуса. По официальным данным, очаг аджеми-огланов в Стамбуле насчитывал на первых порах 3 тыс., а в середине XVI в., при султане Сулеймане Кануни,— около 4 тыс. Вместе с аджеми-огланами в Адрианополе (Эдирне) и Галлиполи их численность достигала 6 тыс. В конце XVI в. в столице было 8900 аджеми-огланов, а в начале XVII в., по одним данным — 9400, по другим — 12 тыс. В XVII в. в связи с пополнением янычарского корпуса сыновьями янычар и другими турками потребность в аджеми-огланах все более уменьшалась. В 1679 г. в стамбульском очаге их было 2738, в галлиполийском — 150, в 1706—1778 гг. число аджеми-огланов колебалось в пределах 1860—2380 человек [58].

Таким образом, наибольшее число аджеми-огланов приходилось на вторую половину XVI — начало XVII в. В то же время янычарский корпус насчитывал всего 12 тыс. человек. Ясно, что он не обновлялся полностью, чтобы поглотить почти такое же число аджеми-огланов. Правда, в конце XVI в., по официальному списочному составу, в корпусе значилось 48 тыс. человек. Однако к этому времени в нем уже числилось немало мнимых янычар. К тому же необходимо учесть и следующее обстоятельство. Янычарский корпус пополнялся один раз в семь лет. Янычары служили в нем до старости. Между тем в XVI в. набор девширме производился раз в три года и даже ежегодно.

Итак, очевидно, что число набранных по девширме намного превышало потребности янычарского корпуса в пополнении. В связи с этим исследователи, особенно из славянских и других народов Балканских стран, страдавших от бесчеловечной системы девширме, задают вопрос: «Какова была судьба миллионов христианских юношей, которых османские завоеватели оторвали от своих собственных подданных?» [59]. Ответ исследователей на этот вопрос единодушен: они использовались как даровая, рабская рабочая сила [60]. Турецкие, балканские, западноевропейские источники дают возможность установить, в каких отраслях хозяйства и других сферах применялся труд рекрутов-девширме.

Дерншвам сообщает: «Кроме султанских аджеми-огланов, ко-

торые носят высокие островерхие колпаки, такие же шапки носят тысячи парней, которые живут у турецких пашей, беев, ходжей, ремесленников и у всех, кто может купить себе хотя бы одного раба. Таких молодых людей, тайно похищенных, каждый день дарят и продают... Когда же хозяин попадает в нужду или с ним случается несчастье, он их продает где угодно и кому угодно»[61].

Немецкий турколог Мордтманн писал, что число набираемых христианских мальчиков-девширме колебалось в пределах от 2 тыс. до 12 тыс. Часть из них оставлялась при дворе, остальных передавали пашам, сановникам, ремесленникам, землевладельцам на 5 лет[62] (в отношении срока Мордтманн ссылается на трактат Кочибея Гемюрджинского, но, как увидим далее, этот срок был намного больше).

И. Х. Узунчаршылы, опираясь на изученные им неопубликованные архивные источники, пишет, что рекруты-девширме, за исключением оставленных при дворе, главный начальник янычар передавал начальникам янычар Анатолии и Румелии, которые предоставляли их на время туркам — жителям сел, а частично и городов для работы.

Больше всего христианские мальчики использовались в сельском хозяйстве. И. Х. Узунчаршылы отмечает, что их отдавали анатолийским крестьянам[63]. Начальники янычар не просто отдавали, а *продавали* своих христианских рекрутов на время за незначительную плату крестьянам и земледельцам для работы в их хозяйствах[64].

Французский путешественник Дарамон также сообщает, что, по его наблюдениям, христианских мальчиков, взятых по девширме, после отбора самых красивых для службы во дворе направляли земледельцам и пастухам Бурсы и Карамана, которые заставляли их обрабатывать поля, пасти скот и выполнять любые другие работы[65]. Плата, взимавшаяся с турок за предоставленных им почти даровых работников, поступала в пользу румелийского или анатолийского начальника, который какую-то ее часть передавал своим кятибам (секретарям). Эта плата свидетельствовала, что продаваемые туркам христианские юноши рассматривались как собственность султана. Об этом свидетельствует также и порядок, установленный законом, согласно которому все эти юноши находились в ведении главного начальника янычар и их начальников в названных двух провинциях. Последние осуществляли над ними свой контроль при посредстве особых чиновников — кетхуда[66].

Как видно из приведенных источников, большое число взятых по девширме христианских подростков и юношей использовалось в качестве рабов в турецких крестьянских хозяйствах. Именно здесь, оказавшись в тесном турецком окружении, эти

христианские дети туркизировались и исламизировались[67]. К этому и стремились турецкие верховные власти.

О широком применении в султанских хозяйствах рабского труда аджеми-огланов говорят указы султана, многие из которых благодаря проф. И. Х. Узунчаршылы стали достоянием науки. Приведем несколько примеров. Указ от января 1566 г. главному начальнику янычар предписывал направить в Стамбул 500 аджеми-огланов, в том числе 300 из султанских садов в районе Стамбула и Адрианополя[68]. В марте 1570 г. был послан указ направить 100 аджеми-огланов из числа находившихся в турецких семьях на строительство султанской мечети в Эдирне[69]. В 1571 г. аге янычар было приказано отправить также 100 огланов на работу в Топхане (артиллерийский арсенал). Еще одним указом того же года султан требовал отобрать из аджеми-огланов, живших в турецких семьях, всех плотников, конопатчиков и других, знающих ремесло, нужное для строительства судов, и направить их на султанскую верфь[70]. Здесь в это время строились военные суда, предназначенные для восстановления флота, разбитого в морской битве в Коринфском заливе при Лепанто 8 октября 1571 г. Указом 1572 г. главному начальнику янычар предписывалось направить для работы в султанских садах в районе Эдирне 54 аджеми-огланов из числа находившихся в турецких семьях для замены умерших и бежавших[71]. Указ 1578 г. предлагал направить 150 аджеми-огланов из турецких семей, которым они отданы, на работу в садах султана.

Аджеми-огланы, направленные в турецкие семьи, служили для султана резервом, из которого он удовлетворял свои потребности в дешевой рабочей силе. Так, указом от 1583 г. аге янычар было предложено послать для работы на судах, доставлявших дрова султанскому двору, 700 огланов. По указу от января 1586 г. ага был обязан направить 45 огланов на султанскую кухню и хлебопекарню; в другой раз султан потребовал от него отобрать физически крепких аджеми-огланов в возрасте 20—30 лет для работы в качестве каменотесов на султанских стройках[72].

Об использовании рабского труда христианских рекрутов-девширме в султанских садах и огородах пишет и Дерншвам. Он сообщает в своем «Дневнике», что тысячи этих рекрутов оставлялись в Стамбуле для работы в султанских садах. «Там они должны были работать как скот. Каждый получал по полтора акче в день, а также одежду и этим должен был довольствоваться»[73]. Рабский труд рекрутов применялся и в других султанских хозяйствах — овчарнях, пастбищах и т. п.[74].

Рабский труд рекрутов широко использовали в своих хозяйствах и крупные турецкие сановники, высшие командиры яны-

чарского войска и пр. Так, ага янычар и другие высшие офицеры направляли рекрутов в свои крупные лены-зеаметы, расположенные в районах Кютахьи, Афьона, Анкары, Балыкесира, Муглы[75]. По некоторым данным, рекрутов как рабов эксплуатировали владельцы собственных крупных земельных хозяйств— мюльков[76].

Большое применение рабский труд рекрутов-девширме находил в разного рода государственных мастерских, арсеналах, на строительстве и пр. Напомним, что в случае, если при проверке в Стамбуле в отряде (сюрю) рекрутов-девширме оказывались юноши, не соответствовавшие требованиям закона о девширме, то весь отряд в наказание направлялся на постоянную работу в Топхане, Джебехане (оружейный арсенал) и Терсане (верфь). Но все они, по свидетельству турецкого путешественника первой половины XVII в. Эвлия Челеби, считались слугами султана[77].

Рабский труд аджеми-огланов использовался не только на султанских промышленных предприятиях, но и ремесленниками. В султанских указах, опубликованных И. Х. Узунчаршылы, об этом нет сведений. Но существенные данные по этому вопросу сообщает Дерншвам. Вот что он пишет в своем «Дневнике»: «Когда какому-нибудь ремесленнику нужен слуга или помощник, он обращается с просьбой к аге аджеми-огланов — одному из их начальников — дать ему одного, двух или трех новых аджеми-огланов, т. е. обрезанных мальчиков, и платит ему по 25 акче за каждого, а тот записывает его имя и имена мальчиков. Последних предварительно одевают в длинный кафтан типа венгерского доломана, снабжают островерхой желтой шапкой. Этим аджеми-огланам предстоит много лет страдать у ремесленников, помогать им, изыскивать себе пропитание, и никто им не заплатит ничего, они получат лишь один раз на грубую одежду. Их питание состоит только из хлеба, плодов, ячменного супа и весьма редко — мяса. Наибольшая часть из них живет за счет милостыни, которую каждый день раздают в разных местах,— тарелки похлебки и кусочка овечьего мяса. Таких аджеми-огланов раздают повсюду также сипахиям, чаушам, крестьянам и каждому, кому подобные люди нужны для работы»[78].

Для характеристики положения аджеми-огланов большой интерес представляют дальнейшие сведения Дерншвама. Он рассказывает: «Тех аджеми-огланов, которые больше года находились у ремесленников и сами стали хорошими мастерами, зачисляли в янычары. Кто не хотел остаться при дворце и желал отделиться, мог повсюду заниматься своим ремеслом для своего пропитания, при этом он продолжал получать свое ежедневное жалованье от султана»[79].

Приведем еще одно высказывание Дерншвама: «Когда сул-

тан собирается в поход, те ремесленники-янычары, которые будут призваны, должны отправиться вместе с ним и работать в лагере в качестве султанских кузнецов, седельников, шорников, сапожников, портных, столяров, изготовителей повозок, мечей, луков, стрел и др.»[80].

Разумеется, при всем интересе, который вызывают сведения Дерншвама, их одних далеко не достаточно для широкого освещения положения аджеми-огланов у ремесленников. Для этого необходимо привлечь турецкие архивные источники (в частности, списки ремесленников, покупавших аджеми-огланов у их ага, и списки переданных им огланов; имена тех и других могли бы многое сказать об этническом, профессиональном составе обеих сторон, степени распространенности указанного явления и др.), балканские материалы, сообщения путешественников, вакфные документы и др.

После 5—8 лет работы[81] в турецких семьях, преимущественно сельских, аджеми-огланы в количестве, затребованном агой янычарского корпуса, притом самые старшие, направлялись в его распоряжение в Стамбул. Здесь их вновь подвергали медицинскому осмотру, проверяли насколько успешно они туркизировались и исламизировались, числятся ли они в эшкаль дефтери. Проверенных и признанных годными зачисляли в очаг аджеми-огланов (аджеми очагы), где они обучались военному делу, а также подвергались дальнейшей обработке в духе мусульманского фанатизма и слепой преданности султану.

Казалось, что на этом трудовая каторга аджеми-огланов как рабов в турецких семьях, куда они были проданы, кончалась. Однако в обобщенной форме И. Х. Узунчаршылы пишет: «Лица, зачисленные в очаг аджеми-огланов, после службы у турок... определяются на работу в янычарские казармы, на суда, строительство и разного рода другую работу, а часть их них для работы на длительный срок передавалась джемаатам артиллеристов, оружейников и других. Аджеми, предназначенные для работы в Топхане, должны были быть крупного сложения и сильными. Род работы, на которые посылались аджеми, отмечался в их личных метриках»[82].

Бóльшая часть аджеми-огланов, оставленных при дворе, была занята обслуживанием разных бытовых потребностей султанского двора, светских и духовных феодалов. Их можно рассматривать как домашних слуг.

Итак, на основании турецких и иных источников можно с полной уверенностью утверждать, что аджеми-огланы служили для султана и всей турецкой знати резервом даровой рабочей силы. Аджеми-огланы, как и все христианские подростки и юноши, набранные по системе девширме, были рабами или полурабами султана, его сановников, светских и духовных феодалов

и всех других, которые использовали их труд. В связи с этим встает вопрос о рабовладельческом укладе в Османской империи в средние века. Однако для ответа на него необходимо привлечь данные о рабском труде не только рекрутов-девширме, но и рабов всех других категорий, особенно пленных (военных и гражданских), захваченных и угнанных турецкими завоевателями. Именно эта категория составляла большинство рабов в Османской империи.

Коротко остановимся на положении домашних слуг при султанском дворе и у сановников. Они делились на две основные категории. Одни обслуживали дворец султана, дома членов династии, везиров и других крупных сановников, а также высших командиров янычарского корпуса; другие предназначались для работы по заданию командиров янычарских рот. В обязанности огланов первой категории входило и обслуживание благотворительных учреждений, культовых зданий и строений, построенных и опекаемых султаном и членами династии, мечетей, медресе, больниц, источников, мостов и др. Огланы из второй категории помимо заботы о казармах янычар (уборка и т. п., этим были заняты молодые огланы) работали в мастерских, обслуживавших потребности янычар, на кухнях и пр.

Работы, на которых применялся труд аджеми-огланов, были самыми разнообразными: выпечка хлеба и баранок, поварское дело, обслуживание кухонь, заготовка дров, воды и льда, приготовление йогурта, работа на бойне, в портновских мастерских, стирка белья и пр. Огланы были объединены в особые подразделения — джемааты по специальностям пекарей, поваров, мясников, водовозов, заготовителей дров и т. д. Во главе каждого джемаата стоял командир — янычарский офицер среднего звена — чорбаджи или яябашы. Специальность каждого оглана записывалась в его удостоверении [83].

Работа была тяжелой, рабочий день — длинным. Как пишет И. Х. Узунчаршылы, «аджеми, назначенные на определенную работу, утром под руководством своих чорбаджи начинали свои дела и вечером, снова вместе, возвращались в свои казармы. Очень молодые аджеми-огланы не могли выходить наружу, не имея во главе себя старых янычар» [84].

Из сказанного выше о судьбе аджеми-огланов, оставленных в Стамбуле после их возвращения из турецких семей, можно сделать следующие выводы:

1) далеко не все аджеми-огланы, вернувшиеся после многолетнего принудительного труда в турецких семьях и записанные в «очаг аджеми», становились воинами-янычарами; большинство из них использовалось как рабочая сила;

2) не всех огланов, используемых на работах, можно назвать домашними слугами. Пожалуй, большинство становилось

профессиональными рабочими — хлебопеками, кондитерами, поварами, портными, сапожниками, шорниками, моряками и др.;

3) труд этих огланов был принудительным, а сами они были рабами, в лучшем случае — полурабами.

С начала XVII в. система девширме стала применяться все реже, а число рекрутов уменьшилось. Причин, вызвавших эту перемену, было несколько. Прежде всего менялся этнический состав янычарского корпуса и его пополнения. Уже с конца XVI в. в корпус проникали сыновья янычар и мусульмане, в основном турки, из различных слоев народа. Детей янычар предварительно записывали в очаг аджеми-огланов. Их называли «кулоглу» (kuloğlu — дословно «сын раба»; однако в данном случае под словом «кул» следует понимать не раба в общепринятом смысле, а янычара. Напомним, что янычарское войско называлось «кулорду» — «войско рабов»). Существовало и другое название для сыновей янычар — аджеми-огланов — «оджакзаде» (ocakzade — дословно «сын очага», т. е. янычарского корпуса, другими словами, «сын янычара»).

Запись детей янычар в очаг аджеми-огланов ранее конца XVI в. не могла иметь места по той простой причине, что янычарам не разрешалось жениться. Такое разрешение они получили лишь во второй половине XVI в.[85].

Как было сказано выше, янычарский корпус стал пополняться и за счет турок (и шире — мусульман), ничего общего не имевших с янычарами. Аджеми-огланы из их среды назывались «кулкардеши» (kulkardeşi — дословно «брат раба», под которым понимался «янычар») или «ага чырагы» (aga çıragı — слуга [начальника янычарского корпуса]) [86].

Поскольку янычарский корпус стал пополняться турками и другими мусульманами, предварительно прошедшими испытание и обучение в очагах аджеми-огланов, потребность в рекрутах-девширме сокращалась.

Другая причина постепенного отмирания системы девширме состояла в следующем. В связи с началом упадка Османской империи в конце XVI в., который протекал на фоне растущей мощи европейских государств — ее противников, османская армия все более теряла свою былую боевую славу, в войнах стала терпеть поражения и несла большие потери. Они были особенно велики в регулярном войске — янычарском корпусе, все еще остававшемся тогда основной сухопутной силой султана. Поэтому Порта нуждалась в ускоренном пополнении корпуса. Между тем подготовка из христианских мальчиков и юношей солдат, преданных султану, полностью ассимилированных и воспитанных в духе мусульманского фанатизма, хорошо обученных военному делу, требовала много лет. Порта уже была вынуждена после краткой (годовой или даже шестимесячной) ускоренной подго-

товки включать случайно набранных рекрутов даже в янычарский корпус. Среди них были и эсиры — рабы, присланные султану в качестве подарка крымским ханом, беями Алжира и Туниса, командующим флотом и др. У Порты уже не было времени соблюдать установленный порядок направления рекрутов-девширме в турецкие семьи. Поэтому с начала XVII в. этот порядок прекратил свое существование.

Существенное значение имела и третья причина (одновременно экономическая и политическая) — жалобы тимариотов на то, что в результате насилия и гнета над крестьянами их земли обесценились, очевидно, потому, что крестьяне убегали, чтобы избавиться от него[87]. Нет сомнения, жалобы отражали недовольство тимариотов, крайне нежелательное для султана и Порты, особенно в наступившее для правящих кругов тяжелое время.

В результате воздействия трех названных, по-видимому основных, но не исчерпывающих, причин система девширме все более теряла свое значение как источник пополнения янычарского корпуса. Поэтому как таковая она перестала применяться. По данным турецких и европейских источников, это произошло в 30-е годы XVII в., при султане Мураде IV (1623—1640)[88]. Однако это не означало полного упразднения этой системы. Хотя и редко и нерегулярно, она продолжала действовать, но уже с главной целью обеспечить дворы султана, его династии и крупных сановников слугами-рабами[89]. Все же контингент слуг в указанные и более поздние годы XVII и XVIII вв. пополнялся за счет рабов, поступавших с Украины и из южных областей России, из Африки, от крымского хана, турецких захватчиков, вассальных правителей на северном африканском побережье в виде дара, а также рабов, купленных на невольничьих рынках. Окончательно и полностью система девширме прекратила свое существование, по утверждению И. Х. Узунчаршылы, во второй половине XVIII в. Что же касается очага аджеми-огланов, то он был ликвидирован одновременно с уничтожением янычарского корпуса в 1826 г.[90].

[1] Краткие историографические сведения по рассматриваемому вопросу содержатся в статьях: Г. Гълъбов. Един закон и други държавни документи по събирането на момчета за еничари.— Годишник на Софийския университет (ГСФ). Историко-филологически факултет. Т. 35. Кн. 6. София, 1939; Ц. Георгиева. Развитие и характер на кръвния данък в българските земи.— ГСФ. Философско-исторически факултет. Т. 61. Кн. 3. История. София, 1968. Подробная, преимущественно турецкая библиография содержится в труде проф. И. Х. Узунчаршылы (İ. H. Uzunçarşılı. Osmanlı devleti teşkilâtından kapukulu ocakları. 1. Ankara, 1943).

[2] Ц. Георгиева. Развитие и характер на кръвния данък..., с. 37; Г. Гълъбов. Един закон и други държавни документи..., с. 5, 15.

[3] J. H. Mordtmann. Dewshirme.— Enzyklopedie des Islams. Bd 1. Leiden — Leipzig, 1908, c. 992.

[4] İ. H. Uzunçarşılı. Osmanlı devletı teşkilâtından kapukulu ocakları, c. 13; он же. Devşirme.— İslâm Ansiklopedisi. Cilt 3. İstanbul, 1945, c. 563.

[5] Ц. Георгиева. Развитие и характер на кръвния данък..., с. 44.

[6] İ. H. Uzunçarşılı. Osmanlı devleti..., c. 14.

[7] İ. H. Uzunçarşılı. Devşirme, c. 563.

[8] J. H. Mordtmann. Dewshirme, c. 992; E. Werner. Häresie, Klassenkampf und religiöse Toleranz in einer islamisch-christlichen Kontäktzone: Bedr ed-din und Bürklüce Mustafa.— Zeitschrift dür Geschichts wissenschaft. XII. Jahrgang. 1964. H. 2, c. 257; Ц. Георгиева. Развитие и характер на кръвния данък..., с. 44—47.

[9] Цит. по: Ц. Георгиева. Развитие и характер на кръвния данък..., с. 45.

[10] Там же, с. 46.

[11] Сб. «Turcologia». Л., 1976, с. 315.

[12] İ. H. Uzunçarşılı. Osmanlı tarihi. 1. Ankara, 1947, c. 508.

[13] İ. H. Uzunçarşılı. Osmanlı devleti..., c. 14—20; J. H. Mordtmann. Devshirme, c. 992; Ц. Георгиева. Развитие и характер на кръвния данък..., с. 53—54. От налога детьми освобождались лица разных профессий, в которых остро нуждались правящие круги.

[14] İ. H. Uzunçarşılı. Osmanlı devleti..., c. 17.

[15] В. Д. Смирнов. Кучибей Гӧмюрджинский и другие османские писатели XVII века о причинах упадка Турции. СПб., 1873, с. 100. Об этом же: М. К. Залулян. «Девширме» в Османской империи по данным армянских и турецких источников.— «Ист-фил. журнал». Ереван, 1959, № 2—3, с. 247—256.

[16] Ц. Георгиева. Развитие и характер на кръвния данък..., с. 55, примеч. 104.

[17] İ. H. Uzunçarşılı. Osmanlı devleti..., c. 86—138.

[18] İ. H. Uzunçarşılı. Osmanlı devleti..., c. 16, 18.

[19] Там же, с. 18.

[20] Там же, с. 100.

[21] Там же, с. 110.

[22] Там же, с. 110, 113.

[23] Там же, с. 113—114.

[24] Там же, с. 99.

[25] Там же, с. 14; он же. Devşirme, c. 563; J. H. Mordtmann. Dewshirme, c. 992; Г. Гълъбов. Един закон и други държавни документи..., с. 15.

[26] Положението на българския народ под турско робство. София, 1953, с. 78. Упомянутый выше закон о девширме предписывал набирать подростков и юношей в возрасте 14—18 лет (Г. Гълъбов. Един закон и други държавни документи..., с. 25).

[27] Дневникът на Ханс Дерншвам за пътуването му до Цариград през 1553—1555 г. Превод от М. Кисилинчева. София, 1970, с. 82.

[28] J. H. Mordtmann. Dewshirme, c. 992.

[29] Г. Гълъбов. Един закон и други държавни документи..., с. 24.

[30] Положението на българския народ под турско робство, с. 78.

[31] İ. H. Uzunçarşılı. Osmanlı devleti..., c. 16; Г. Гълъбов. Един закон и други държавни документи..., с. 19.

[32] İ. H. Uzunçarşılı. Osmanlı devleti..., c. 97—98.

[33] Там же, с. 101—102.

[34] Дневникът на Ханс Дерншвам..., с. 82. Автор пишет, что брали каждого десятого мальчика.

[35] St. Gerlach. Tagebuch einer in der Türkei 6-Jährigen (1573—1578). Frankfurt a. M., 1674, c. 82.

[36] J. H. Mordtmann. Dewshirme, c. 992.

[37] İ. H. Uzunçarşılı. Osmanlı devleti..., c. 27, 28.
[38] Там же, с. 102.
[39] St. Gerlach. Tagebuch..., c. 306.
[40] J. H. Mordtmann. Dewshirme, c. 992.
[41] St. Gerlach. Tagebuch..., c. 306; Ц. Георгиева. Развитие и характер на кръвния данък..., с. 65.
[42] Ц. Георгиева. Развитие и характер на кръвния данък..., с. 65.
[43] Там же, с. 64—65; İ. H. Uzunçarşılı. Osmanlı devleti..., c. 105.
[44] Положението на българския народ под турско робство, с. 83.
[45] İ. H. Uzunçarşılı. Osmanlı devleti..., c. 21, 104.
[46] Г. Гълъбов. Един закон и други държавни документи..., с. 18.
[47] İ. H. Uzunçarşılı. Osmanlı devleti..., c. 26; он же. Devşirme, c. 565.
[48] Дневникът на Ханс Дерншвам..., с. 90.
[49] İ. H. Uzunçarşılı. Devşirme, c. 565.
[50] İ. H. Uzunçarşılı. Osmanlı devleti..., c. 125—128. См. указы кадию Енишехира 1560 г., бею и кадию Сиса 1564 г., бею Кайсери 1567 г., бею Карамана и кадиям этого эялета 1573 г., бейлербею Диярбакыра 1573 г., бею Анатолии 1581 г.
[51] Там же, с. 17—18. Автор ссылается на неопубликованный султанский указ о наборе девширме от декабря 1622 г. Цинизм султанских властей этим не ограничивался. Христианское население также должно было уплатить вознаграждение (ücret) чиновникам и их помощникам, проводившим набор (İ. H. Uzunçarşılı. Devşirme, c. 564; Дневникът на Ханс Дерншвам..., с. 82).
[52] İ. H. Uzunçarşılı. Osmanlı devleti..., c. 17.
[53] Дневникът на Ханс Дерншвам..., с. 82.
[54] Там же.
[55] До начала XVII в. Порта была очень взыскательна к составу девширме. Она иногда даже отказывалась от набора девширме на большой территории Малой Азии от Карамана до Эрзурума по той причине, что местные христиане смешались с турками, курдами и другими местными жителями. В более позднее время Порта уже не проявляла такой строгости (İ. H. Uzunçarşılı. Osmanlı devleti..., c. 20).
[56] İ. H. Uzunçarşılı. Devşirme, c. 565; Дневникът на Ханс Дерншвам..., с. 82.
[57] Türkçe sözlük. 5. baskı. Ankara, 1969. Турецко-болгарский словарь дает термину такое историческое толкование — «кандидат в янычары» (Турско-български речник. Изд. 2-е. София, 1962). Оно ближе к действительности, чем первое значение, но его следует понимать условно.
[58] İ. H. Uzunçarşılı. Osmanlı devleti..., c. 79—81.
[59] Ц. Георгиева. Развитие и характер на кръвния данък..., с. 56.
[60] В. П. Мутафчиева. Аграрните отношения в Османската империя през XV—XVI в. София, 1962, с. 153.
[61] Дневникът на Ханс Дерншвам..., с. 88.
[62] J. H. Mordtmann. Dewshirme..., c. 992.
[63] İ. H. Uzunçarşılı. Osmanlı tarihi. Cilt. 1, c. 509. Так поступали и с христианами-пленниками, которые направлялись султану по системе пенчик; он же. Osmanlı devleti..., c. 6—7.
[64] İ. H. Uzunçarşılı. Osmanlı devleti..., c. 29.
[65] Там же, с. 17, 26.
[66] Там же, с. 29.
[67] До этого они проходили лишь начальный этап исламизации.
[68] İ. H. Uzunçarşılı. Osmanlı devleti..., c. 16.
[69] Там же, с. 18.
[70] Там же, с. 119. По данным английского дипломата в Турции П. Рико, аджеми-огланов при дворе обучали различным ремеслам, после чего их ис-

пользовали в качестве рабочих разных специальностей — водопроводчиков, строителей, металлистов, судостроителей и пр. (P. Ricaut. Histoire de l'etat présent de l'empire ottoman. Trad. de l'anglais par Briot. 2 éd. P., 1670, с. 133, 593). Их даже посылали в провинцию для выполнения разных работ (Г. Гълъбов. Един закон и други държавни документи..., с. 20—21).

[71] I. H. Uzunçarşılı. Osmanlı devleti..., с. 129, 132.

[72] Там же, с. 121—124.

[73] Дневникът на Ханс Дерншвам..., с. 86.

[74] I. H. Uzunçarşılı. Osmanlı devleti..., с. 59.

[75] Там же, с. 24.

[76] В. П. Мутафчиева. Аграрните отношения..., с. 152—153.

[77] I. H. Uzunçarşılı. Osmanlı devleti..., с. 28.

[78] Дневникът на Ханс Дерншвам..., с. 86—87.

[79] Там же, с. 87.

[80] Там же.

[81] I. H. Uzunçarşılı. Osmanlı devleti..., с. 151. Наличие 30-летних аджеми-огланов показывает, что максимальный срок работы превышал 8 лет.

[82] Там же, с. 57. Аджеми-огланы, которые после возвращения из турецких семей были причислены к «аджеми очагы» и стали получать ежедневное жалованье (в размере одного акче в день), назывались «торба аджемилери» (torba acemileri) или «торба огланы» (torba oğlanı). Эти термины, по утверждению И. Х. Узунчаршылы, часто встречаются в реестрах (там же, с. 5, 38).

Торба — матерчатый мешок, куда писцы складывали свои дела, содержавшие записи за истекший месяц, обозначенный на торбе. В конце года все торбы за истекший год складывались в сундук, который сдавался в архив. В такого рода торбе хранились и реестры (дефтеры), в которых были записаны аджеми-огланы. Отсюда и произошло название аджеми-огланов (M. Z. Pakalın. Osmanlı deyimleri ve terimleri sözlüğü. 23. fasikül. İstanbul, 1954, с. 521).

[83] I. H. Uzunçarşılı. Osmanlı devleti..., с. 79, 81, 57, 234.

[84] Там же, с. 42.

[85] Более точное время не установлено. И. Х. Узунчаршылы, опираясь на архивные документы Порты, предполагает, что разрешение янычарам жениться было дано либо в последние годы царствования султана Сулеймана Кануни, либо при Селиме II (1566—1574) или даже при Мураде IV (1574—1595) (I. H. Uzunçarşılı. Osmanlı devleti..., с. 56; он же. Devşirme, с. 564; J. H. Mordtmann. Dewshirme, с. 992).

[86] I. H. Uzunçarşılı. Devşirme, с. 564; J. H. Mordtmann. Dewshirme, с. 992.

[87] I. H. Uzunçarşılı. Osmanlı devleti..., с. 61—68. Автор ссылается на труд английского коммерсанта Торнтона, прожившего в Турции 14 лет на рубеже XVIII и XIX вв. (Th. Thornton. État actuel de la Turquie. Vol. 2. P., 1812).

[88] Г. Гълъбов. Един закон и други държавни документи..., с. 15. По мнению И. Х. Узунчаршылы, это произошло во времена правления великих везиров Кёпрюлю (50—80-е годы XVII в.) и, по всей вероятности, постепенно (I. H. Uzunçarşılı. Osmanlı devleti..., с. 69).

[89] I. H. Uzunçarşılı. Osmanlı devleti..., с. 69. Ц. Георгиева, ссылаясь на европейские и турецкие источники, утверждает, что в Болгарии конец девширме наступил в 1705 г. (Ц. Георгиева. Развитие и характер на кръвния данък..., с. 48).

[90] I. H. Uzunçarşılı. Osmanlı devleti..., с. 70.

С. Ф. Орешкова

ТУРЕЦКИЙ ДОКУМЕНТ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в. О МЕЖДУНАРОДНОЙ СИТУАЦИИ В ЕВРОПЕ И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ЦЕЛЯХ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

Во внешнеполитической истории Османской империи начало нового этапа развития определяется Карловицкими мирными договорами 1699 г. Именно к этому времени, по выражению Ф. Энгельса, «наступательная сила турок была сломлена»[1]. Во внешней политике «единственно подлинно военной державы средневековья»[2] все чаще и чаще начинают проявляться выжидательная тактика, попытки играть на противоречиях между европейскими державами. Осуществление подобной политики требовало более детального, чем раньше, ознакомления с практикой европейской дипломатии, тем более что и в самой этой практике происходили существенные изменения.

Начало XVIII в., как известно, это период, когда вырабатывались принципы и методы дипломатии, характерные для новой истории. В этот переломный момент Османская империя, хотя еще, бесспорно, сохраняла самостоятельность в осуществлении своей внешней политики, однако все чаще оказывалась втянутой (если не совсем помимо своей воли, то по крайней мере глубже, чем это отвечало собственным целям страны) в орбиту широких международных планов европейской дипломатии, как, например, это было в 1709—1713 гг. В этих условиях в правящих кругах Османской империи, особенно соприкасавшихся с выработкой внешнеполитического курса, все сильнее и сильнее проявлялся интерес к европейским странам, их государственному устройству, принципам взаимоотношений друг с другом. Более частым стал обмен посольствами[3]. Широкое распространение получили посольские книги (сефарет-наме), которые в последние годы в советской туркологии плодотворно изучались Е. И. Маштаковой, к сожалению историков, лишь как жанровая форма турецкой литературы[4]. В плане идеологического воздействия на турецкое общество эти интересные источники пока

еще не были предметом внимания исследователей. В фундаментальном труде Ф. Р. Уната об османских послах и посольских книгах указано на существование 34 подобных документов, относящихся к XVIII в., 26 из них — о посольствах в европейские страны и 8 — в страны Азии и Африки[5]. Уже это соотношение позволяет сделать предположение, что главное внимание османской дипломатии этого времени было обращено в сторону Европы.

Знаменательным для этого времени является отправленное в 1720 г. Ахмедом III посольство во Францию Мехмеда Челеби Йермисекиза. Посольство пробыло во Франции четыре года и в отличие от многих других турецких посольств не ограничивалось лишь дипломатическими функциями, а знакомилось и с политическим устройством, общественной жизнью, экономическим развитием Франции. Это посольство можно рассматривать как прообраз постоянных посольств, учрежденных Османской империей, как известно, значительно позже[6]. Отчет о посольстве[7], представленный султану в 1724 г., по определению Э. З. Карала, «явился для османов первым окном, открывшимся на Запад»[8].

Говоря о месте, которое занимает Османская империя в международных отношениях начала XVIII в., необходимо отметить два момента. Первое: в военном отношении не только в XVI—XVII, но в XVIII в. Турция все еще была сильным и опасным противником европейских держав[9]. Сохраняла она свободу в дипломатической игре и выработке собственного политического курса. Поэтому хотелось бы обратить внимание на неправомерность применения термина «Восточный вопрос» к периоду начала XVIII в., что, к сожалению, встречается в некоторых последних работах советских историков — полонистов и русистов. Очевидно, это связано с некритическим переносом этого термина из европейской литературы, где он зачастую бытует в применении к очень широкому хронологическому периоду. Употребление термина «Восточный вопрос», как и всех подобных условных терминов, требует строгих дефиниций. Как известно, возник он (термин) в 20-х годах XIX в. и затем ретроспективно был распространен на более ранний период. Ф. Энгельс, отмечая, что «всякий раз, когда утихает на время революционный ураган, один и тот же вопрос непременно вновь всплывает на поверхность — это вечный „*восточный вопрос*“», определял его как «неисчерпаемый источник затруднений: как быть с Турцией?»[10]. В середине XIX в. проблема касалась главным образом территорий европейской Турции. Сейчас мы можем говорить более широко о Восточном вопросе как вопросе о нетурецких районах Османской империи того периода, когда судьба этих районов становится объектом не только внутренней турецкой, но и

международной политики. Термин «Восточный вопрос» несет определенную смысловую нагрузку, подразумевает несамостоятельность османского правительства в решении внутригосударственных конфликтов. Подобную ситуацию мы наблюдаем лишь со второй половины XVIII в., но ни в коей мере не в первой половине этого века.

Второй момент: Османская империя хотя и проявляла значительную активность в европейских делах, но в начале XVIII в. не сумела еще воспринять новые принципы, методы, практику европейской дипломатии, а потому, будучи слабо информированной и плохо разбираясь в международной ситуации, оказывалась орудием дипломатической борьбы европейских держав. Для подтверждения этого интересно проследить на конкретном примере практику выработки внешнеполитического курса Османской империи, степень и источники информированности турецких деятелей о международной обстановке. Такую возможность дает документ, хранящийся в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР (шифр В 2931). На существование этого документа впервые было обращено внимание в 1965 г. в «Описании тюркских рукописей Института народов Азии»[11], где указывалось, что ранее сочинение в каталогах других хранилищ не упоминалось и каких-либо сведений о нем авторы «Описания» не имеют. Действительно, этот документ до сих пор не был известен и не привлекал внимание исследователей. Название документа — «Мюбехаса-и Мысри ве Шами ве хюккюмет-и Баб-и Али мюсалаханаме». Предлагаю следующий перевод этого названия: «Дебаты, [происходившие] между Египтом, Сирией и правительством Высокой Порты [по вопросу] о мирном предложении». Речь идет о предложении Австрией посредничества при заключении мира в войне России с Османской империей (а не о договоре, как это сказано в «Описании»). Это объемистая рукопись — 66 листов рукописного текста, написанного четким насхом. Документ не датирован, автор его в тексте и названии не указан. Это одна из тех рукописей, которые поступили в ЛО ИВ АН СССР в 1934 г. в результате работы археографической экспедиции АН СССР в составе В. А. Заборова и С. Г. Вахидова на территории Татарской АССР.

В «Описании тюркских рукописей...» ошибочно указано, что сочинение «представляет собой отчет о совещании представителей Турции, Египта и Сирии по вопросам русско-турецких и австро-турецких отношений в период войны 1711—1713 гг., которую вела Россия в союзе с Австрией, Польшей и Венецией против Турции»[12]. О времени переписки сказано: не ранее 1126 г. (1714 г.)[13]. К сожалению, приходится отмечать ошибки исторического характера, имеющиеся в этом описании (война велась между Россией и Турцией, а не теми государствами, которые

указаны выше, даты войны — 1710—1711 гг., Прутский мир относится к 1711 г., а не 1713 г.). Сам же документ относится к более позднему периоду. Прочтение текста позволяет предположить, что данное сочинение могло быть написано не раньше осени 1736 г. и речь в нем идет не о 1711—1713 гг., а о военных действиях, начавшихся в 1735 г. между Россией и Турцией. В то время Османскую империю волновал вопрос о возможном вступлении в войну Австрии, поскольку она имела с Россией оборонительный союз, заключенный в 1726 г. Действенность этого союза была продемонстрирована в войне за польское наследство 1733—1735 гг., когда Россия оказала поддержку Австрии в военных действиях против французских войск. Именно об этих событиях говорится в сочинении: «в прошлом году московиты послали помощь немцам» (л. 10) и далее: «московская царица против французов помогла цесарю» (л. 23). Из текста явствует, что война между Россией и Османской империей уже была официально объявлена (л. 14), что, как известно, произошло в апреле 1736 г., и русскими был взят Азов (лето 1736 г.) (см. л. 15). Отмечается, что австрийский цесарь предложил свое посредничество в заключении мира между воюющими государствами (л. 19). Такое предложение действительно было сделано. В сентябре 1736 г. в письме великому везиру, которое цитирует турецкий историк И. Х. Узунчаршылы в своей «Османской истории», австрийское правительство сообщало, что вести посреднические переговоры уполномочивался австрийский посланник в Турции М. Тальман. Посланник был приглашен к великому везиру, находившемуся тогда при османской армии в Бабадаге, и передал ему послание австрийского императора, содержащее изложение претензий русских к османцам и предложение разрешить турецко-русский конфликт до наступления зимы; пожелание, чтобы Австрия и Османская империя всегда жили в мире; заверение, что заключенный между Австрией и Россией союз не направлен против какого-либо третьего государства [14]. В хронике того времени «Тарих-и Субхи» утверждается, что австрийский представитель предупреждал великого везира: «У нас дружба с османцами, однако поскольку Россия наш союзник в мире и войне, то, случись война, мы с ней должны воевать вместе. Если же османцы будут этим недовольны, то лучше обсудить вопрос о мире» [15]. Любопытно, что подобные формулировки об обязанности Австрии принять участие в турецко-русской войне встречаются и в нашем документе (см. лл. 10—10об.). Известно, что за принятие австрийского посредничества горячо ратовал кетхуда (помощник) великого везира Осман Халиса-эфенди. Условием соглашения с Россией османское правительство считало возвращение Азова. Для ведения переговоров с русскими на основании султанского хатт-и хумаюна была

назначена представительная делегация во главе с реис уль-кюттабом Мустафой-эфенди.

Однако переговоры эти не состоялись, так как австрийская сторона всячески откладывала их, а в июне 1737 г. неожиданно для османцев начала военные действия против Турции[16].

Исходя из изложенного выше, можно предположить, что документ, о котором идет речь, мог быть составлен в промежуток времени между предложением Австрии о посредничестве (сентябрь 1736 г.) и весной 1737 г., когда была назначена делегация, т. е. состоялось решение султанского правительства о принятии посредничества Австрии и начале мирных переговоров.

По форме сочинение представляет собой протокольную запись беседы трех лиц, о которых сказано, что они являются представителями «мусульманского государства, именуемого Египет», «христианского государства, именуемого Сирия», и Высокой Порты. В начале документа сообщается, что в настоящем году эти лица присутствовали на заседании, являющемся «воплощением правительственной мудрости». Речь шла об отношениях между различными государствами. По обычаю задавали вопросы и получали ответы, в результате чего установили нижеследующее (л. 1). Далее идет запись беседы. Разбирались вопросы, связанные с отношениями Высокого государства (Османской империи) с московитами и австрийцами.

Представители Египта и Порты высказывали удивление по поводу того, что московиты и немцы между собой заключили союз, как предполагали направленный против османцев, хотя у тех и других были мирные договоры с Османской империей (л. 2об.). Сложившуюся ситуацию объясняет сириец, заявлявший о себе как знатоке религии христианских народов и обычаев христианских государств (л. 3об.). Он утверждал, что «союзы между правителями христианских государств — это их обычай». Бывают ситуации, когда два государства, враждуя между собой, оба поддерживают дружеские отношения с третьим государством. А это третье может помогать обоим враждующим государствам одинаково (л. 4). Недоумение по этому поводу означает незнание «обычаев государств и политики владык» (л. 4об.). Далее следует бурная дискуссия, в которой представители Порты и Египта, приведя примеры сходных жизненных ситуаций между тремя лицами — Амром, Зейдом и Баксом, доказывали, что раз австрийский цесарь, имея дружбу с османцами, пошел на договор с Москвой, то это следует расценивать как враждебность по отношению к Османской империи (лл. 5—7).

Приведенные выше рассуждения исключительно любопытны и знаменательны. В практике османской внешней политики предшествующего периода не существовало каких-либо двусторон-

них союзов с другими государствами. Мы видели лишь договоры о мире либо так называемые капитуляции, т. е. по форме добровольно пожалованные тем или иным султаном привилегии иностранному государству, срок действия которых ограничивался периодом правления этого султана. Если же и заключались в той или иной форме соглашения о сотрудничестве (в это время обычно под сотрудничеством понималась военная помощь) с другими государствами, то в этом случае речь шла не о взаимных обязательствах государств, а об отношениях типа вассальных. Именно так они воспринимались османскими государственными деятелями, тем более что Османская империя как одна из могущественнейших держав того времени получала зачастую за предоставляемую помощь определенную дань, главным образом в денежной форме. В османских источниках в отдельные периоды как данники империи воспринимались Франция, Священная Римская империя, Польша и др. Сравнительно незадолго до составления исследуемого документа, в 1708 г., разъяснения по этому поводу давал переводчик великого дивана Александр Маврокордато русскому послу П. А. Толстому. В ответ на русский запрос о будто бы заключенном между Турцией и Карлом XII военном союзе А. Маврокордато отвечал, что подобные соглашения не практикуются османским правительством [17]. В нашем документе эта мысль подтверждается.

Далее, на совещании разбирались возможные варианты отношений между Османской империей и Австрией в ближайшем будущем. Сирийский представитель наметил три варианта: либо Австрия будет помогать России в войне, либо непосредственно начнет военные действия против османцев, либо попытается установить мир между Россией и Османской империей (л. 17).

Характерно, что, уточняя мысль сирийца, Порта особо отмечала, что в данном случае проблема не ограничивалась двумя вариантами — или мир, или война (л. 17), т. е. принималась во внимание возможность дипломатического решения конфликта. Все участники разговора подчеркивали, что «мир всегда предпочтительнее войны» (сириец — л. 18об.), османское государство «не должно отказываться от справедливого мира, и надо принять дружеское посредничество цесаря с большой благодарностью» (египтянин — л. 19об.), «мир — это хорошая и нужная вещь. Народ будет доволен» (Порта — л. 20об.). В то же время, особенно в высказываниях Египта, проскальзывали и характерные для предшествующего периода воинственные нотки: «Османское государство готово к войне и, естественно, тянется к ней» (л. 19об.), «мусульманские государства всегда побеждают», «разве не так кончались все походы, предпринимаемые против немцев, и разве это легенда, что немецкие цесари платили... деньги в казну нашего государства иногда под названием

джизье, а иногда в виде подарков» (л. 24об.). Однако общий вывод из всех рассуждений: «Умный человек без причины не выберет пути войны» (л. 26).

Участники беседы показали хорошее знание внутренних и международных проблем Священной Римской империи. Упоминаются события, связанные с поддержкой притязаний саксонского курфюрста Августа III на польский престол, война с Францией за польское наследство (л. 23), прагматическая санкция Карла VI и перспективы наследования австрийского престола (лл. 23, 26об., 29), разбираются вопросы родства царствующих домов Австрии и России (лл. 16—16об.), возможности привлечения недовольного австрийской властью населения Священной Римской империи на сторону османцев (л. 29об.).

Австрийский цесарь, по мнению османских деятелей, является в настоящее время «между христианами самым крупным государем» (л. 22об.), «его слова имеют вес для других владык» (л. 19). Поэтому, как считала Порта, стремление к миру австрийского императора вселяло надежду на успех переговоров с Россией (л. 21). Однако было известно, что Австрия проводила мобилизацию армии, и это, естественно, тревожило османских деятелей. Из других источников явствует, что французский посол в Османской империи маркиз де Вильнёв неоднократно сообщал турецкому правительству о военных приготовлениях австрийцев, но Осман Халиса расценил эти сообщения как желание Франции вовлечь Османскую империю в антиавстрийскую борьбу за польское наследство. Подобные намерения у французской дипломатии, разумеется, были. В нашем документе участники обсуждения пришли к выводу, совпадающему с мнением Османа Халисы, а именно: цесарь хочет мира с Турцией, подготовка же армии есть не что иное, как военная демонстрация, цель которой — устрашить Османскую империю и насильственно принудить ее к миру с Россией (лл. 26об.— 27об.). Войну же «из возможности превратить в действительность он [цесарь] не сочтет нужным» (л. 27), поскольку успех в войне для австрийцев весьма проблематичен (л. 27об.). В этих условиях военным приготовлениям Австрии не было придано большого значения. Как образно выразился представитель Египта, «пусть делает он [цесарь] что хочет, поет газели или кричит по-турецки, лишь бы он выбрал путь мира между двумя государствами» (лл. 27—27об.).

Итак, надежды на скорый мир представлялись собеседникам вполне реальными. Жизнь же показала, что дело обстояло совсем не так. Османские правительственные деятели явно преувеличивали заинтересованность европейских держав в поддержке Турции. Например, в дебатах придавалось чрезвычайно большое значение нейтралитету Османской империи в войне за поль-

ское наследство, прервать который Порту склоняла Франция (лл. 34—34об.).

Любопытно, что участники дебатов сознавали и подчеркивали, что Османская империя «находится в стороне от изменений, которые происходят в Европе» (л. 34об.). Отмечались очень небольшие доходы империи в сравнении с другими государствами мира (л. 35). Главным источником богатства страны участники дебатов считали транзитную торговлю. Представитель Сирии называл Османскую империю главной дорогой мира, соединяющей Восток и Запад, и красочно сравнивал ее с большим деревом, простиравшим свои ветви над всем миром. Однако, как отмечает он далее, обычай жизни таков, что тот, кто отдыхает и получает удовольствие под этим деревом, уходя, бросает в него камень, и с этим ничего нельзя поделать. Если бы все было правильно, то тогда не нужны были бы беспристрастные суды (махкеме-и инсаф), в которых сириец и египтянин устраивали бы дебаты, и не было бы нужды возражать против положений, выдвигаемых Портой (л. 35).

Значительное место в сочинении уделено отношениям Османской империи и России. Интересно, что договором, определявшим отношения этих двух стран, даже в 1736—1737 гг. признавался Прутский договор 1711 г., о котором собеседники неоднократно упоминали (лл. 13об., 14 и др.). Это, как нам представляется, еще раз подтверждает уже высказанную нами точку зрения[18], что именно Прутский договор отвечал действительным интересам Турции и мог служить основой для последующего развития мирных отношений двух соседних государств. Турецкие претензии последующего периода (1712—1713) были не действительными претензиями к России, а лишь военными демонстрациями, свидетельствующими об участии Османской империи в далеких от ее подлинных интересов планах франко-шведско-польской дипломатии.

Интересно свидетельство Сирии, что значительная вина за напряженность на русско-турецких границах последних 40 лет лежит на крымских татарах (л. 42об.). Египет в том же обвинял казаков и калмыков (л. 43). После детального разбора конфликтов последних 20 лет даже Порта, несмотря на первоначальную непримиримость в этом вопросе, вынуждена была в конце концов отказаться от одностороннего обвинения России и признать виновными обе стороны (л. 60об.).

Итак, перед нами турецкий документ первой половины XVIII в., в котором обсуждались проблемы внешней политики Османской империи в сложный для нее период международной ситуации. Необходимо было выяснить вопрос о том, останется ли Австрия нейтральной в войне России с Турцией и отвечает ли целям Османской империи австрийское посредничество в при-

мирении двух государств. Обсуждение привело турецких государственных деятелей к положительным ответам на эти вопросы, но оказалось, что это не отвечало действительному положению дел и осведомленность участников обсуждения в европейских международных отношениях была недостаточной.

Большой интерес вызывает то обстоятельство, что при обсуждении международных вопросов в качестве консультанта по европейским делам привлекался представитель христианской Сирии, поскольку, как говорил представитель Порты, он «хорошо знает качества христианских государей, души христианских народов, понимает сущность отношений немецкого и московского царей, а также в курсе последних событий, [происходивших] между Москвой и османцами» (л. 18). В противоположность сирийцу египтянин выступил как знаток мусульманского права и традиций. Самому же османскому правительству отводилась роль арбитра, сопоставлявшего точки зрения (лл. 18об., 31об.) и улаживавшего скандальные конфликты между собеседниками (л. 19). Такое обсуждение, по мнению участников, позволяло османскому правительству (Баб-и Али) «двумя глазами посмотреть на дело» (л. 31об.).

Вышеизложенный подход к решению международных проблем свидетельствует об определенных сдвигах в политических воззрениях и социальной психологии османских государственных деятелей, что было вызвано новыми проблемами, вставшими перед страной, и новым положением Османской империи в системе тогдашних международных отношений.

По форме подачи материала можно отметить нечто общее между разбираемым нами сочинением и известным в литературе документом 1718 г., поданным султану Ахмеду III и представляющим собой разговор между мусульманином и христианином о причинах военных неудач Османской империи[19]. Документ 1718 г. считается первым проектом реформ в османском государстве, положившим начало периоду так называемой вестернизации или модернизации[20]. Сходство по форме между этими двумя сочинениями очевидно, но в то же время, по нашему мнению, между ними есть и принципиальная разница. Проект 1718 г. имеет явный отпечаток влияния европейской дипломатии. В разбираемом документе сугубо деловой стиль обсуждения и острота споров по принципиальным вопросам позволяют предположить, что мы наблюдаем здесь настроения турецких правящих кругов и их собственные попытки разобраться в ситуации. В этом смысле показательно и привлечение представителя Сирии как консультанта и знатока христианских обычаев.

В рукописи сочинения не указаны имена участников совещания и их официальные должности. Какие-либо упоминания об

этом или других подобных совещаниях в османских правительственных кругах нам пока тоже не встречались. Потому мы оставляем открытым вопрос, является ли разбираемое сочинение действительным отчетом о состоявшихся дебатах либо литературным памфлетом на тему внешней политики своего времени. Подобные литературные произведения были, как известно, весьма распространены в то время. Бесспорно, однако, что обсуждаемые вопросы действительно стояли перед турецкими правящими кругами в 1736—1737 гг., а победившая в результате обсуждения точка зрения отражала существовавшие среди турецких государственных деятелей взгляды, которые и были воплощены в политике Порты в этот период. Кстати, и сочинение кончается фразой, что участники совещания передадут мнение, сложившееся в результате обсуждения, султанскому дивану (л. 66).

Содержание сочинения позволяет предположить, что мы имеем дело с подлинным документом того времени, поскольку позднее ошибка турецких правящих кругов в оценке международных событий была бы очевидной и распространение сведений о ней в изложенной выше форме было бы маловероятным.

Выявление подобных документов нам представляется полезным, поскольку они позволяют почувствовать дух времени, изменения в политической практике и настроениях турецких государственных деятелей, что знаменовало проникновение в страну веяний, характерных для нового периода истории. Внешняя политика — это та область, где эти новые веяния и явления начинают появляться прежде всего. При выработке внешнеполитического курса османская государственная машина вынуждена была раньше, чем в других сферах жизни, приобщаться к европейской практике нового времени.

Разбираемый нами документ представляет собой одну из ранних попыток такого рода. Он свидетельствует о недостаточной информированности Порты в европейских делах, явном преувеличении ею роли Османской империи в европейской политике и заинтересованности европейских держав в османской поддержке. Именно поэтому практическое воплощение в жизнь рекомендаций, выработанных в описанных выше дебатах, привело страну к внешнеполитической неудаче.

[1] Ф. Энгельс. Внешняя политика русского царизма.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 22, с. 17.

[2] К. Маркс. Хронологические выписки.— Архив Маркса—Энгельса. Т. 4, 1939, с. 189.

[3] E. L. Karal. Osmanlı tarihi. Cilt 5. Ankara, 1961, с. 55.

[4] Е. И. Маштакова. Сефаретнаме как жанровая форма турецкой литературы.— Тюркологический сборник, 1973. М., 1975, с. 214—222.

[5] См.: F. R. Unat. Osmanlı sefirleri ve sefaretnameleri. Ankara, 1968.

[6] См.: E. Kuran. Avrupa'da Osmanlı İkamet Elçiliklerinin Karuluşu. Ankara, 1968.

[7] См.: А. В. Витол. Из истории турецко-французских связей (посольство Йермисекиза Челеби Мехмед-эфенди во Францию в 1720—1721).— «Народы Азии и Африки». 1976, № 4, с. 00.

[8] E. Z. Karal. Osmanlı tarihi. Cilt 5, с. 56.

[9] В. Д. Королюк. Турецкая феодальная агрессия в страны Юго-Восточной и Центральной Европы и формирование многонациональной Дунайской монархии (XVI—XVII вв.).— Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма. Кишинев, 1973, с. 146.

[10] К. Маркс и Ф. Энгельс. Британская политика. — Дизраэли. — Эмигранты.— Мадзини в Лондоне.— Турция.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 9, с. 3—4.

[11] Описание тюркских рукописей Института народов Азии. Т. I. История. М., 1965, с. 190—191.

[12] Там же, с. 190.

[13] Там же, с. 191.

[14] İ. H. Uzunçarşılı. Osmanlı tarihi. Cilt 4. Kısım 1. Ankara, 1956, с. 256.

[15] Там же, с. 256.

[16] Там же, с. 256—258.

[17] Запись статейного списка от 13 января 1708 г.— ЦГАДА, ф. 89, 1708 г., д. 2, л. 38; см. также: Т. К. Крылова. Русская дипломатия на Босфоре в начале XVIII в. (1700—1709).— Исторические записки. Т. 65. М., 1959, с. 266.

[18] С. Ф. Орешкова. Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. М., 1971, с. 136, 138.

[19] F. R. Unat. Ahmed III devrinde ait bir islahat takriri.— Tarih vesikaları. Cilt 1. Sayı 2. Ankara, 1941, с. 107—121.

[20] T. L. Tunaya. Türkiyenin siyasî hayatında batilaşma hareketleri. İstanbul, 1960, с. 20; N. Berkes. The Development of Secularism in Turkey. Montreal, 1964, с. 30.

Ю. А. Петросян

ИДЕИ «ЕВРОПЕИЗАЦИИ» В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ ЭПОХИ НОВОГО ВРЕМЕНИ [1]

В последней четверти XVIII в. социально-экономический кризис Османской империи стал особенно ощутимым на фоне экономического и культурного прогресса Западной Европы. Все возраставшее отставание некогда могущественной страны стало настолько очевидным, что даже представители правящей верхушки империи, лица из непосредственного окружения турецких султанов начали искать пути выхода из кризиса. Осознанию необходимости реформ особенно способствовало знакомство турецких государственных деятелей с экономической, политической и культурной жизнью государств Западной Европы, в особенности Франции. Примечательны в этом отношении итоги первого турецкого посольства во Францию, которое известный современный турецкий историк Э. З. Карал не без оснований называет «первым окном, открывшимся на Запад» [2]. «Сефаретнаме», составленное в результате поездки во Францию главы посольства Йермисекиза Челеби Мехмед-эфенди, свидетельствует, что у его автора возникли идеи о возможности использования европейского опыта, в частности в военном деле. Ознакомление с постановкой военного дела, посещение ряда научных учреждений и промышленных заведений (мануфактур) Франции произвело на главу турецкого посольства весьма сильное впечатление [3]. Можно определенно говорить, что это посольство способствовало зарождению у некоторых наиболее дальновидных и сравнительно прогрессивно настроенных деятелей из феодально-бюрократической элиты Османской империи способности к критическому взгляду на положение своей страны. Так начинался сложный и мучительный процесс преодоления барьера предубежденности против всего европейского; возникали первые сомнения в безусловном превосходстве мусульманского Востока над христианской Европой. Поездка официальных турецких представителей

во Францию оказала, во всяком случае, положительное влияние на подготовку к началу книгопечатания на турецком языке.

Примечательно, что одним из трудов турецкого первопечатника Ибрагима Мутеферрика был изданный в 1732 г. трактат «Основы мудрости в устройстве народов», в котором обосновывалась необходимость использования европейского опыта для проведения ряда реформ в Османской империи[4]. Анализируя причины отставания своей страны от передовых для того времени европейских государств, Ибрагим Мутеферрика сделал, безусловно, важный шаг в расширении понятия «европеизация» применительно к нуждам Османской империи. Он говорил уже не только об использовании европейского военного опыта, но и о необходимости изучения государственных и культурных институтов европейских стран. Вместе с тем весьма существенным является и тот факт, что трактат Ибрагима Мутеферрика, опубликованный в 500 экземплярах, был первым опытом распространения в образованной прослойке турецкого общества идей о необходимости реформ с учетом европейского опыта.

Такого рода настроения постепенно накапливались в течение всего XVIII в. Они особенно усилились в связи с начавшимся во второй половине XVIII в. промышленным переворотом, в течение нескольких десятилетий охватившим крупнейшие европейские страны. Знакомство с опытом наиболее развитых европейских государств, их достижениями в различных областях экономики в немалой степени способствовало тому, что в среде турецких государственных деятелей начало формироваться убеждение в том, что у Османской империи есть лишь два выхода: «либо стать современным государством, либо погибнуть»[5]. Для тех, кто приходил к подобному выводу, вполне естественным было стремление к проведению реформ на европейский лад. Турецкий исследователь процесса «европеизации» Османской империи Т. З. Туная замечает, что для проведения политики «европеизации» в жизнь «необходимо было прежде всего признать превосходство Запада»[6]. Действительно, весь XVIII век был эпохой ломки традиционных для османских государственных деятелей представлений о превосходстве Востока над Западом, о преимуществах мусульманских социальных, правовых и культурных институтов. Лишь преодолев этот нелегкий барьер в своем сознании, отдельные прогрессивно настроенные представители турецкой феодальной бюрократии смогли подойти к выводу, что «европеизация» — путь к прогрессу Османской империи. Так началось проникновение идей «европеизации» в общественно-политическую жизнь этой страны.

В конце XVIII — первой половине XIX в. носителями этих идей были только отдельные представители правящей верхушки Османской империи. Для этого периода было характерным

стремление трактовать «европеизацию» Османской империи только как комплекс реформ, касавшихся военного дела и частично формы деятельности некоторых государственных ведомств. Одним из первых проявлений такого рода настроений можно признать докладную записку (ляйиха) великого везира Коджи Юсуф-паши султану Селиму III. В этой записке, представленной в числе ряда других докладных высших сановников империи по требованию Селима III в 1791 г., Коджа Юсуф-паша выступил с предложением создания нового войска, обученного по-европейски. Среди ближайших советников султана-реформатора Селима III было несколько крупных государственных деятелей, обращавших внимание на необходимость «европеизации» некоторых государственных институтов, в частности автор книги о «новой системе» (реформах Селима III) Махмуд Раиф-эфенди[7]. Последний был не только горячим сторонником военно-административных реформ на европейский лад, но и едва ли не первым среди османских сановников человеком, выступавшим за приобщение турок к европейской культуре. Немало ревностных сторонников «европеизации» Османской империи было среди ближайших сподвижников другого султана-реформатора — Махмуда II. Один из них, крупный военачальник Халиль-паша, зять Махмуда II, заявил султану в 1830 г.: «Если мы не пойдем по пути Европы, нам ничего не останется, как вернуться в Азию»[8]. Эту линию продолжили и развили прогрессивные деятели эпохи танзиматских реформ.

Таким образом, в XVIII — начале XIX в. идеи «европеизации» постепенно заняли определенное место в общественно-политической жизни Османской империи. На этом этапе они не получили, конечно, сколько-нибудь широкого распространения. Их обсуждение проходило в узком кругу прогрессивно настроенных представителей феодально-султанской бюрократии; оно не выходило за рамки проектов военно-административных реформ на европейский лад. Наиболее значительными практическими результатами изучения и заимствования европейского опыта в этот период стали первые военные учебные заведения, созданные в XVIII — начале XIX в., а также военные реформы, завершившиеся ликвидацией янычарского корпуса и созданием регулярной, по-европейски обученной и организованной армии[9].

Новым этапом в распространении идей «европеизации» и усиления их роли в общественно-политической жизни империи стал период танзиматских реформ (30—60-е годы XIX в.).

В воззрениях ряда видных деятелей танзимата «европеизация» перестает односторонне рассматриваться как важная военно-административная реформа. Появляются первые в Османской империи сочинения, которые пропагандировали достижения науки и культуры европейских государств («Европейский трак-

тат» Мустафы Сами и «Трактат о делах Европы» Садыка Рифата). Авторы этих трактатов выступают в качестве активных сторонников «европеизации» государственной жизни, культуры и быта Османской империи [10]. Особенно значительное место идеи «европеизации» занимали в воззрениях и деятельности вдохновителя танзиматских реформ Мустафы Решид-паши. А. Д. Новичев справедливо отмечает, что длительное пребывание Мустафы Решид-паши на постах турецкого посла в Париже и Лондоне привело его к твердому убеждению, что «только реформы, которые приблизят Турцию к нормам западноевропейской жизни, позволят ей преодолеть свой длительный политический и экономический кризис...» [11]. Весьма примечательна в этом отношении его докладная записка султану Махмуду II, составленная в 1837 г., после пребывания в Париже и Лондоне [12]. Эта ляйиха Мустафы Решид-паши свидетельствует, что ее автор был убежденным сторонником таких преобразований в системе государственного управления, экономике и культуре Османской империи, которые могли бы сделать ее страной, находившейся на уровне европейских норм жизни. Заслуживает особого внимания тот факт, что Решид-паша в этом документе не просто декларировал необходимость реформ, но и обращал внимание на развитие промышленного производства на основе европейского опыта. В частности, в записке Решид-паши говорилось о необходимости приглашения специалистов из Европы не только для нужд армии, но и в связи со строительством в Османской империи фабрик и заводов [13]. Как видно, наиболее радикально настроенные деятели танзимата существенно расширили диапазон понятия «европеизации» применительно к нуждам своей страны. Они толковали его уже как комплекс мер, направленных не только на видоизменение формы деятельности государственного аппарата и развитие военного дела на современной основе, но и на внедрение европейского опыта в экономическую и культурную жизнь страны.

В период танзимата идеи «европеизации» нашли свое материальное воплощение уже в более широкой сфере. Европейский опыт и влияние в немалой степени сказались в реорганизации органов государственного управления, дальнейшем развитии военного дела, становлении системы светского образования, первых шагах периодической печати, книгоиздательском деле [14]. Конечно, реальные практические итоги были весьма ограниченны, особенно в сфере культурной жизни, где противодействие феодально-клерикальной реакции всем этим новшествам было особенно ощутимым и результативным.

Принципиально новое звучание идеи «европеизации» приобрели в 50—60-х годах XIX в. в результате выхода на арену общественно-политической жизни страны новой социальной про-

слойки — феодальной по происхождению, но уже буржуазной по умонастроениям. Теперь идеи «европеизации» перестали быть достоянием крайне узкого круга реформаторов из числа высших сановников Османской империи. Они обсуждались уже сотнями по-европейски образованных людей и, что важнее всего, начали пропагандироваться через печать, в том числе через органы молодой турецкой частной прессы. Проблемы «европеизации» страны постепенно стали предметом общественного обсуждения. Более всего этому способствовала деятельность турецких писателей-просветителей 60—70-х годов XIX в. Один из наиболее выдающихся турецких просветителей, Ибрагим Шинаси, уже в первой турецкой частной газете, «Терджюман-и ахваль» («Толкователь событий»), энергично пропагандировал европейскую культуру. Его по праву считают первым выдающимся проповедником идей «европеизации» Османской империи. Ибрагим Шинаси высказывался за широкое использование европейского опыта и его применение в конкретных условиях Османской империи. Разумеется, как и все прочие турецкие сторонники «европеизации», он считал необходимым тщательно учитывать нормы жизни мусульманского общества и сложившиеся традиции. Но главным для него было внедрение достижений Европы во все сферы общественно-политической, экономической и культурной жизни страны. Оценивая эту сторону деятельности Ибрагима Шинаси, нельзя не согласиться с мнением турецкого исследователя Шерифа Мардина, что если до Ибрагима Шинаси идеи «европеизации» исходили от государственных деятелей, из правительственных кругов, то Шинаси стал «первым частным проповедником этих идей» [15]. К этому следует, однако, добавить, что если до Шинаси и его единомышленников-просветителей «европеизацию» рассматривали лишь как инструмент реорганизации некоторых государственных и правовых институтов, то турецкие просветители стремились к распространению в Османской империи достижений европейской науки и культуры и превращению этих достижений в инструмент коренной реорганизации государственного устройства, серьезных преобразований в экономической и культурной жизни своей страны. Довольно четко сформулировал эту позицию известный поэт-просветитель Абдулхак Хамид, который писал: «Главным путем к нашему прогрессу и развитию служит путь европейского развития» [16].

Распространением идей о необходимости изучения и заимствования европейского опыта для обеспечения экономического и культурного прогресса Османской империи весьма активно занимались «новые османы» — турецкие конституционалисты 60—70-х годов XIX в. Мысль о необходимости глубокого изучения и использования, с учетом конкретных особенностей Османской империи, всех важнейших достижений науки и культуры европей-

ских стран постоянно звучала в политической публицистике «новых османов». Даже Али Суави, наиболее ревностный среди «новых османов» защитник мусульманских традиций в общественной жизни, прямо говорил о необходимости использования накопленного Европой запаса знаний для обеспечения материального прогресса своей страны [17]. Намык Кемаль предлагал создать показательные хозяйства, исходя из достижений сельскохозяйственной науки в развитых европейских странах [18].

Значительным, качественно новым шагом в процессе распространения идей «европеизации» и их влияния на общественно-политическую жизнь Османской империи явились попытки идеологов турецких конституционалистов 60—70-х годов XIX в.— «новых османов» — перенести на турецкую почву идеи прогрессивных европейских мыслителей, в частности французских просветителей — Монтескьё, Руссо, Вольнея. Влияние идей этих выдающихся представителей европейского просветительства XVIII в. определенно ощущается в теоретических работах таких крупных идеологов «новых османов», как Намык Кемаль и Зия. Однако их отличало стремление не к простому копированию достижений европейской общественной мысли, а к синтезу традиционно-мусульманских и европейских буржуазно-либеральных идей и теорий в области государственного и общественного устройства [19]. И хотя идеологи «новых османов» не поднялись до создания самостоятельной теории государства и права, их работы и деятельность привели к распространению в среде турецкой интеллигенции европейских идей конституционной монархии и парламентаризма. Известно, что борьба турецких конституционалистов 60—70-х годов привела к провозглашению первой турецкой конституции (1876) и созыву первого турецкого парламента (1877—1878). В результате сторонники и пропагандисты идей «европеизации» Османской империи получили принципиально важный аргумент в подтверждение идей о возможности и необходимости коренного реформирования государственных институтов страны на европейский лад.

Идеологи младотурок конца XIX — начала XX в. в целом восприняли основные идейные концепции «новых османов», в том числе и в вопросах, связанных с борьбой за «европеизацию» общественной жизни и государственных институтов Османской империи. Они также пропагандировали общие идеи о необходимости изучения и использования накопленного развитыми европейскими странами опыта экономического и культурного развития. Однако в этот период наметилось новое расхождение между сторонниками использования европейского опыта. Если ранее споры шли в основном вокруг вопроса, как сочетать мусульманские правовые и культурные традиции с современными европейскими государственными и общественными институтами,

то в начале XX в. начались дискуссии о том, что должно стать содержанием «европеизации» в качестве инструмента экономического и культурного прогресса. Наиболее значительным проявлением этих разногласий в среде младотурок явились идейные расхождения между такими крупными их лидерами и идеологами, как Ахмед Риза и принц Сабахеддин. Ахмед Риза считал, что конституция и парламент сами по себе являются инструментами экономического и культурного прогресса; достаточно обеспечить действенное функционирование этих европейских институтов в Османской империи, чтобы гарантировать ее прогресс. Сабахеддин же утверждал, что конституционная реформа не сможет обеспечить прогресс страны до тех пор, пока в ее социальной структуре не произойдут коренные изменения [20]. Идейные разногласия в среде младотурок по вопросам «европеизации» определялись крайней пестротой социального состава движения. (Нелишне будет отметить, что эта важная и сложная проблема все еще ожидает своего исследователя.)

Говоря о приверженности «новых османов» и младотурок конца XIX — начала XX в. идеям «европеизации», необходимо иметь в виду и такой важный фактор, как постепенное превращение Османской империи в полуколонию иностранного капитала. В это время, когда полуколониальное положение страны стало очевидным, идеи «европеизации» часто звучали и обсуждались на фоне возраставших антиимпериалистических тенденций в идеологии сторонников «европеизации». Стремясь к изучению и использованию опыта экономического развития Европы, младотурки выступали против хозяйничанья европейских капиталистов в экономике страны, против экономической и политической зависимости Османской империи от европейских империалистических держав. После победы младотурецкой революции 1908 г. идеи «европеизации» обсуждались и пропагандировались различными идейными течениями и группами. Особенно значительную роль в этой пропаганде играли так называемые «западники» — довольно разношерстная по своему социальному составу группа турецкой интеллигенции. Идеологи этой группы в своих работах рассматривали Запад как своеобразный тип культуры, который имеет на данном этапе исторического развития несомненные преимущества перед культурой восточных народов, во всяком случае в развитии экономики и науки. «Западники» считали необходимым широкое заимствование научно-технических и экономических достижений западных держав и их внедрение в экономическую жизнь Османской империи.

Надо отметить, что определенное влияние Запада на процесс осуществления реформ в Османской империи в XIX — начале XX в. признавали не только «западники», но и представители других идейных течений — исламисты и тюркисты. Однако ха-

рактерной чертой публицистических работ «западников» было стремление представить «европеизацию» в качестве своеобразной панацеи от всех бед страны, важнейшего инструмента ее социального и культурного прогресса. Публицисты-«западники» вместе с тем по-разному оценивали значимость культуры Запада для Турции. Одни считали, что Турция должна заимствовать достижения западной культуры во всех областях жизни, другие утверждали, что Турция нуждается только в западном опыте в научно-технической области для обеспечения собственного экономического прогресса.

В качестве образца массовой пропаганды наиболее общих для «западников» идей может служить изданная в Стамбуле в 1913/14 г. книга Тюджар-заде Ибрагима Хильми «Европеизироваться», автор которой ставил своей задачей популяризацию идей «европеизации» Турции путем заимствования экономического и научно-технического опыта Западной Европы[21].

Ибрагим Хильми настойчиво убеждал читателя, что экономический и культурный прогресс Турции возможен при условии тщательного изучения и использования всех экономических и научно-технических достижений Европы. Он призывал изучать экономическую жизнь Европы и применять ее достижения с учетом конкретных особенностей Турции. В этом, говорил он, суть процесса «европеизации» нашей экономики. Вместе с тем Ибрагим Хильми обращал внимание на то, что простое заимствование методов ведения сельскохозяйственного и промышленного производства недостаточно для обеспечения прогресса. Он подчеркивал, что процесс «европеизации» должен затронуть сферу воспитания детей в семье и школе в духе воспитания деловой предприимчивости. Необходим также прогресс в изучении различных наук и иностранных языков. Ибрагим Хильми писал, наконец, что необходимо не только изучать новинки европейской техники, но и научиться разбираться, какова взаимосвязь политики и экономики в европейских странах, в чем состоит экономическая конкуренция различных стран и т. д.[22].

Книга Ибрагима Хильми — типичный образец пропаганды общих идей «европеизации» Турции. Публицисты-«западники» пропагандировали «вестернизацию в экономической жизни, считая ее противоядием от болезней, которые сделали нацию „больным человеком Европы“»[23]. Большинство турецких публицистов-«западников» той поры были очень далеки от понимания подлинных социально-экономических причин отсталости полуфеодального и полуколониального государства. Предлагаемые ими «рецепты» решения экономических проблем Османской империи носили предельно идеалистический характер. Вместе с тем стремление публицистов-«западников» привлечь внимание читателя к этим проблемам, пробудить в нем желание задумать-

ся над их решением, заставить его, в частности, пересмотреть некоторые из традиционных для турка-мусульманина воззрений на окружающий мир — все это в конкретных исторических условиях Турции начала XX в. имело определенный положительный смысл. Такие публицистические работы, рассчитанные на образованные слои турецкого общества той поры, способствовали дальнейшему формированию турецкой интеллигенции, распространению интереса к проблемам экономики и культуры.

Проблемам «европеизации» Османской империи в этот период немалое внимание уделяли и идеологи так называемых профессионалистов (меслекчи). Опираясь в основном на теоретические работы принца Сабахеддина [24], взгляды которого сформировались под влиянием известного французского социолога сионалистов», был довольно неопределенным. Идеологи «процесса «европеизации» не в заимствовании опыта Европы, а в полной перестройке общественной жизни Османской империи. Однако характер этой перестройки, в представлении «профессионалистов», был довольно неопределенным. Идеологи «профессионалистов» считали, что все «восточные» общества «конгломеративны» и обречены на гибель, а «западные» — «партикуляристские» — характеризуются активностью, в основе которой лежит частная инициатива. Поэтому «профессионалисты» и выступали с весьма неконкретной идеей превращения «конгломеративной» Османской империи в «партикуляристское» государство западного типа. Их идеи не имели сколько-нибудь заметного влияния на общественно-политическую жизнь Турции [25].

В 1911—1912 гг. на передний край идейной жизни турецкого общества стала выдвигаться концепция тюркизма в качестве идеологии турецкой национальной буржуазии. Идеологи тюркизма также остро ставили вопрос о необходимости овладения современными научными знаниями, модернизации экономики страны, развития промышленного производства на основе изучения и использования европейского опыта. Вместе с тем тюркисты считали, что подлинная модернизация Турции возможна только после ликвидации финансовой и экономической зависимости страны от европейских империалистических держав [26].

Таким образом, идеи «европеизации» заняли в общественно-политической жизни Османской империи XVIII — начала XX в. достаточно значительное место. На различных этапах рассматриваемого исторического периода менялись содержание понятия «европеизации», а также характер и приемы его пропаганды. В целом идеи «европеизации» сыграли определенную роль не только в «модернизации» государственных и правовых институтов империи, развития науки и культуры, но и в сложном процессе становления идеологии турецкой национальной буржуазии.

[1] Статья представляет собой текст доклада, прочитанного на международном симпозиуме в Гамбурге, организованном Международной ассоциацией по изучению Юго-Восточной Европы (март 1976 г.).

[2] E. Z. Karal. Tanzimattan evvel garplılaşma hareketi (1718—1839). — Tanzimat. İstanbul, 1940, с. 8.

[3] Relation de l'ambassade de Mehmet-Effendi à la cour de France en 1721. Ecrite par lui-même, et traduit du Turc. [Б. м.], 1757. Изучением этого интересного документа занимался аспирант ЛО ИВ АН СССР А. В. Витол.

[4] Подробнее о нем см.: А. Д. Желтяков. Печать в общественно-политической и культурной жизни Турции (1729—1908). М., 1972, с. 27—29.

[5] T. Z. Tunaya. Türkiyenin siyasî hayatında batılılaşma hareketleri. İstanbul, 1960, с. 19.

[6] T. Z. Tunaya. Türkiyenin siyasî hayatında..., с. 19.

[7] См.: А. Ф. Миллер. Мустафа Байрактар-паша. М.—Л., 1947, с. 75—76, 89—93.

[8] S. A. Antel. Tanzimat maarifi.— Tanzimat. İstanbul, 1940, с. 4.

[9] Подробнее см.: А. Д. Желтяков, Ю. А. Петросян. История просвещения в Турции (конец XVIII — начало XX века). М., 1965, с. 15—17; А. Д. Новичев. История Турции. [Т.] 2. Новое время. Ч. 1. Л., 1968, с. 134—150.

[10] N. Berkes. The Development of Secularism in Turkey. Montreal, 1964, с. 128—132.

[11] А. Д. Новичев. История Турции. [Т.] 3. Новое время. Ч. 2. Л., 1973, с. 110.

[12] Текст записки см.: R. Kaynar. Mustafa Reşid paşa ve Tanzimat. Ankara, 1954, с. 84—93. Текст этой записки, которую Р. Кайнар называет «одним из важнейших документов нашей истории эпохи танзимата», был обнаружен им среди материалов личного архива Мустафы Решид-паши; в момент издания работы Р. Кайнара хранился в его личной библиотеке (там же, с. 84). Перевод этого интересного и важного документа выполнен и подготовлен к печати научным сотрудником ЛО ИВ АН СССР Н. А. Дулиной.

[13] Там же, с. 91—92.

[14] Подробнее см.: А. Д. Желтяков, Ю. А. Петросян. История просвещения в Турции..., с. 23—62; А. Д. Новичев. История Турции. [Т.] 3. Новое время. Ч. 2, с. 127—188; А. Д. Желтяков. Печать в общественно-политической и культурной жизни Турции..., с. 48—89.

[15] Ş. Mardin. The Genesis of Young Ottoman Thought. Princeton, 1962, с. 256.

[16] Цит. по: Х. Кямилев. У истоков современной турецкой литературы (турецкие писатели-просветители второй половины XIX в.). М., 1967, с. 24.

[17] Ş. Mardin. The Genesis of Young Ottoman Thought, с. 369.

[18] E. Z. Karal. Osmanlı tarihi. Cilt 7. Ankara, 1956, с. 246.

[19] Подробнее см.: Ю. А. Петросян. Младотурецкое движение (вторая половина XIX — начало XX в.). М., 1971, с. 103—107.

[20] См. об этом: Ю. А. Петросян. Младотурецкое движение..., с. 256—259; C. Tanyol. Prens Sabahattin.— «Sosyoloji dergisi». İstanbul, 1949, № 4—5; C. Tütengil. Prens Sabahaddin (1877—1948).— Там же.

[21] Tüccar-zade Ibrahim Hilmi. Avrupalılaşmak. Der-i-saadet, 1332 (араб. шрифт).

[22] Там же, с. 95—97.

[23] N. Berkes. The Development of Secularism in Turkey, с. 394.

[24] Наиболее полное их изложение см.: Sabaheddin. Meslekimiz hakkında üçuncu ve son bir izah. İstanbul, 1327 (араб. шрифт).

[25] T. Z. Tunaya. Türkiyenin siyasî hayatında..., с. 92—95.

[26] Подробнее см.: Э. Ю. Гасанова. Идеология буржуазного национализма в Турции в период младотурок (1908—1914 гг.). Баку, 1966, с. 68—76.

М. Х. Сванидзе

ИЗУЧЕНИЕ В ГРУЗИИ ИСТОРИИ ТУРЦИИ ЗА 30 ЛЕТ (1945—1975)

Изучение истории Турции и грузино-турецких взаимоотношений имеет традиции, однако систематическое научное исследование началось после создания в Грузии научных востоковедческих центров. В 1945 г. в Тбилисском государственном университете открылся факультет востоковедения и была создана кафедра Ближнего Востока (заведующий проф. В. Н. Габашвили), сыгравшая важную роль в подготовке историков-востоковедов (по специальности арабские страны, Иран, Турция). Изучение истории Ближнего Востока, в частности Турции, приняло более интенсивный характер после открытия в 1960 г. Института востоковедения в системе АН Грузинской ССР. В двух отделах института — истории Ближнего Востока (заведующий чл.-кор. АН Груз. ССР проф. В. Н. Габашвили) и новой и новейшей истории Ближнего Востока (заведующий проф. О. И. Гигинейшвили) — ведется плодотворная научная работа по изучению истории Турции. Под руководством академика АН Груз. ССР С. С. Джикия в отделе турецкой филологии изучаются и подготавливаются к печати турецкие источники. Вопросы истории Турции и грузино-турецких взаимоотношений изучаются также в Институте истории им. И. А. Джавахишвили и Институте рукописей им. К. Кекелидзе АН Груз. ССР и в других научных учреждениях.

Исследование истории Турции ведется по трем главным направлениям: 1) публикация османских источников; 2) изучение грузино-турецких взаимоотношений; 3) история Турции.

1. Публикация османских источников

В архивах и книгохранилищах Грузии находится множество турецких документов, имеющих большое значение не только для изучения истории грузино-турецких взаимоотношений, но

и истории самой Турции. Большинство этих документов касается различных аспектов политических и экономических взаимоотношений Грузии и Турции в XVI—XIX вв. Над выявлением и публикацией этих материалов работают грузинские туркологи под руководством С. С. Джикия.

Наиболее значительный турецкий документальный источник, опубликованный С. С. Джикия,— «Пространный реестр Гюрджистанского вилайета»[1]. Он был составлен в 1595 г. турецкими чиновниками с целью взимания налогов с населения завоеванного в этот период Самцхе-Саатабаго (Юго-Западная Грузия). «Реестр» является первостепенным источником для изучения экономического состояния этой части Грузии, а также для определения внедренной здесь османской системы землевладения и землепользования, правил взимания налогов, взаимоотношения различных социальных слоев и т. д. Эта публикация «Реестра» получила широкий отклик и признание отечественных и зарубежных специалистов.

Для изучения отношений Турции с Картлийским царством во второй четверти XVIII в. выявлено и опубликовано много ценных турецких архивных документов. Среди них в первую очередь следует упомянуть фирман султана Ахмеда III (1703—1730), пожалованный Бакару Багратиони[2]. По этому фирману Ахмед III в 1723 г. пожаловал Тбилисский вилайет (Картли) в качестве юрдлука и оджаклыка Бакару Вахтанговичу, принявшему мусульманство и нареченному Ибрагимом. Этим актом султанское правительство стремилось использовать Бакара против его отца картлийского царя Вахтанга VI и тем самым ослабить борьбу антитурецких сил в Картли. В деле изучения политического положения Картлийского царства в упомянутую эпоху определенный интерес представляют письма турецкого султана к эриставам Картли, знатным грузинским князьям и азнаурам[3].

После завоевания Картли (1723) турки произвели перепись населения страны, составили реестр и начали внедрять османские формы землепользования и землевладения. В этой связи большой интерес представляют изданные С. С. Джикия турецкие документы. По султанскому фирману, пожалованному князю Гиви Амилахвари, даруется деревня Цхинвали по праву юрдлука и оджалыка в наследственное владение[4]. По двум другим фирманам (1727 и 1728 гг.) несколько деревень Картли были пожалованы османским чиновникам в качестве зеамета и тимара[5]. Привлекают внимание также турецкие юридические документы в Картли XVIII в.[6]. Эти документы свидетельствуют, что в период турецкой оккупации (1623—1632) в Картли были созданы три судебных кадийства: Тбилисское, Горийское и Триалетское. Опубликованные так называемые худжаты (решения)

османского шариатского суда за 1723—1732 гг. являются ценным материалом для изучения османского судопроизводства в ту эпоху.

Об отношении Турции и Западной Грузии архивные материалы опубликованы Ц. А. Абуладзе[7], С. С. Джикия и Н. Н. Шенгелия[8]. В этих документах содержатся ценные сведения, разъясняющие отдельные моменты взаимоотношений Соломона II с Османской империей.

Для изучения социально-экономического положения в Ахалцихском пашалыке (Юго-Западная Грузия) в период турецкого владычества имеется много турецких архивных документов. Часть из них опубликована[9]. Это султанские фирманы, пожалованные местным феодалам о земельных владениях: юрдлука и оджаклыка, хасса, зеамета, тимара и др. Анализ этих документов способствует всестороннему изучению форм землевладения и землепользования в Ахалцихском пашалыке. С. С. Джикия подготовил к печати «Книгу побед» («Нусрет-наме») Мустафы Али (издание основано на рукописи, хранящейся в Венской национальной библиотеке). В этом источнике содержатся сведения о походе Лала Мустафа-паши в Закавказье в 1578—1579 гг. Автор сочинения принимал участие в этом походе и был свидетелем описываемых им событий.

Ц. А. Абуладзе издала «Книгу завоевания Тбилиси» Гурджи заде[10] (публикация основана на двух рукописях Британского национального музея и Стамбульской мечети Сулеймание). В «Книге» описаны захват турками Тбилиси в 1723 г. и первые годы их владычества в Картли. Автор — очевидец этих событий. Ц. А. Абуладзе подготовляет также к изданию турецкие фирманы, находящиеся в архивах и книгохранилищах Грузии. В архивах Болгарии К. Л. Мешвелиани обнаружил большое количество турецких документов и материалов о Грузии[11]. Эти материалы разрабатываются и готовятся к публикации.

Помимо публикаций архивных материалов у нас переводятся также изданные турецкие источники, содержащие сведения о Грузии. За последнее время в Турции и на Балканах большое внимание уделяется публикации законоположений вилайетов Османской империи («Канун-наме»), где имеется обильный материал для изучения ряда вопросов социально-экономической истории, в частности аграрных отношений в странах, входивших в состав Османской империи. К изданному С. С. Джикия «Пространному реестру Гюрджистанского вилайета» предпослано «Канун-наме Гюрджистана», датируемое 1595 г. Н. Н. Шенгелия перевел на грузинский язык «Канун-наме Гюрджистана 1572/3 г.» и «Сущность закона эйалета Ганджи 1727 г.»[12],— оба документа взяты из публикации О. Л. Баркана. М. Х. Сванидзе перевел «Канун-наме Ахалцихской ливы 1595 г.» и его фрагменты, от-

носящиеся к 1595 и 1621 гг.[13], и «Канун-наме ливы Басиан 1579 г.»[14], изданные Х. Тунджер. Ц. А. Абуладзе издала «Канун-наме Арзрумского вилайета 1592 г.»[15] из фонда Института рукописей АН Груз. ССР.

Для изучения взаимоотношений Турции и грузинских царств и княжеств весьма важные документы имеются в сборнике Феридун-бея («Муншаати ал-селатин»). Часть этих документов переведена и издана: грамота Мурада IV, пожалованная Г. Саакадзе[16], копия августейшего договора, данная султаном Мурадом III царю Картли Симону I[17], копия письма великого везира Мехмеда Соколу, посланного царю Кахети Левану[18], копия письма великого везира Мехмеда Кёпрюлю к Дадиани[19] и др.[20].

В турецких нарративных источниках содержится обильный материал о Грузии, заслуживающий внимательного изучения. Турецкие историки описывают военно-политические события, эпизоды сражений и т. д. Эти сведения, почерпнутые из сочинений турецких историков XVI—XVIII в.—Мустафы Селяники[21], Ибрахима Печеви[22], Мустафы Наимы[23], Солак-заде[24], Мунеджим-баши[25], Челеби-заде[26], Ахмеда Васифа[27], переведены на грузинский язык и изданы. В «Книге путешествия Эвлия Челеби» представлен богатый и разносторонний материал о Грузии и Кавказе. В 1640—1648 гг. Эвлия Челеби дважды побывал в Грузии и в других странах Закавказья. Об этом он рассказал в своем сочинении. Им собран обильный и ценный материал вообще о Грузии, в частности об Ахалцихском пашалыке. Отдельные фрагменты этого сочинения переведены на грузинский язык С. С. Джикия[28], Д. Гудиашвили[29], второй том «Книги путешествия Эвлия Челеби» полностью перевел Г. В. Путуридзе[30].

Грузинские историки-туркологи большое внимание уделяют выявлению турецких источников, проливающих свет на историю Грузии. В этой связи ценную монографию опубликовал Н. Н. Шенгелия. В ней собраны сведения турецких источников XV—XIX вв.[31] о Грузии, и в большинстве случаев их данные сопоставлены с грузинскими источниками. О турецких и европейских источниках по истории грузино-турецких отношений на рубеже XVI—XVII вв. говорится в статье М. Х. Сванидзе[32].

2. Изучение грузино-турецких взаимоотношений

Грузино-турецкие взаимоотношения издавна привлекали внимание грузинских историков. Парсадан Горгиджанидзе (конец XVII — начало XVIII в.) был первым грузинским историком, использовавшим турецкие источники. Большая заслуга в изучении грузино-турецких отношений принадлежит Вахушти Багратиони (XVIII в.). К сожалению, в течение долгого времени в грузинской историографии не нашлось последователей. Исклю-

чением является Д. З. Бакрадзе (70—80-е годы XIX в.), который продолжил эту традицию и создал много ценных трудов. В XIX — начале XX в. появились многочисленные статьи и очерки, посвященные грузино-турецким взаимоотношениям. Однако они носили публицистический характер; примечательно, что эта литература появлялась в связи с русско-турецкими войнами.

Новый этап в исследовании грузино-турецких отношений начался после создания в Грузии востоковедческих центров. Исследование охватывает две основные проблемы: 1) грузино-турецкие политические отношения; захват Турцией Юго-Западной Грузии и создание там Ахалцихского пашалыка; 2) социально-экономическое положение Ахалцихского пашалыка в период турецкого господства.

В XV—XVII вв., в результате турецкой экспансии в Европе и на Ближнем Востоке, были предприняты шаги для создания антитурецкой коалиции, в которой активное участие принимали грузинские дипломаты. Этот вопрос исследован в работе В. Н. Габашвили [33]. Грузино-турецкие отношения в XVI—XVII вв. изучены в монографии М. Х. Сванидзе [34]. В ней на основе анализа восточных и европейских источников исследованы формы грузино-турецких политических отношений в указанные века, походы турецких войск в Грузию, сопротивление местного населения туркам, различные средства борьбы: война, партизанское движение, восстания и др. Рассмотрены дипломатические и мирные переговоры, неоднократные посольства грузин в Стамбул, условия и значения мирных договоров и соглашений, заключенных с Турцией. Вопросы грузино-турецких отношений исследованы на фоне международного положения на Ближнем Востоке.

В XVI—XVII вв. между Турцией и Ираном велись войны за господство на Ближнем Востоке. В ходе турецко-персидских войн, дипломатических переговоров и заключения мирных договоров остро стоял «грузинский вопрос». В этой связи интересные работы опубликовали В. Н. Габашвили [35], В. Г. Чочиев [36], М. Х. Сванидзе [37]. В сочинениях известного турецкого географа-историка XVII в. Кятиба Челеби содержится немало сведений о Грузии. Их изучением занимается Г. Г. Аласания [38].

Процесс завоевания Турцией Юго-Западной Грузии (Самцхе-Саатабаго) и история создания здесь Ахалцихского пашалыка прослежена в трудах Г. К. Тивадзе и М. Х. Сванидзе [39]. В деле изучения политической и социально-экономической истории Самцхе-Саатабаго большое значение имеет «Пространный реестр вилайета Гюрджистан». Этот документ в различных аспектах изучили В. Н. Габашвили, Г. К. Тивадзе, Н. Н. Шенгелия, М. Х. Сванидзе [40]. После завоевания Самцхе-Саатабаго и создания там Ахалцихского пашалыка турки начали уничтожать гру-

зинские феодальные устои и насаждать свою систему землевладения и землепользования. Это не было однократным актом, процесс протекал в течение веков, и поэтому формы землевладения в Ахалцихском пашалыке характеризовались рядом особенностей. Эти вопросы исследованы в работах А. Б. Авалиани и М. Х. Сванидзе[41]. В работах Г. К. Тивадзе и Ш. В. Ломсадзе[42] изучено социально-политическое состояние Южной Грузии (Самцхе-Джавахети) во второй половине XVIII в. и первой половине XIX в. Для разработки некоторых вопросов взаимоотношения Грузии с Турцией определенный интерес представляет нумизматический материал, хранящийся в Государственном музее Грузии. Этой теме посвящена диссертация М. Г. Антадзе «Обращение турецких монет в Грузии в XV—XVIII вв.».

Выдающийся грузинский историк, чл.-кор. Российской Академии наук Д. З. Бакрадзе положил начало исследованию форм османского землевладения в Грузии. Следует отметить, что в 1888 г. он из стамбульского Дефтер-хане Хакани привез копии документов, имеющих важное значение в разработке проблемы землевладения в Южной Грузии в период османского господства[43]. На основе анализа многочисленных восточных и западных источников О. И. Гигинейшвили исследует значение грузинского вопроса во внешней политике Турции в последней четверти XVIII в.[44]. Ему же принадлежит статья «Вопросы истории Грузии в современной турецкой историографии»[45].

3. История Турции

Всестороннее изучение истории Турции и Грузии фактически началось с 50-х годов. Наши историки исследуют вопросы политической и социально-экономической истории Турции.

Вопросы политической истории средневековой Турции освещены в статьях Г. В. Путуридзе «Возникновение Османского государства», «Захватнические войны Турции XIV—XVI вв.», «Турция на рубеже XVI—XVII вв.»[46]; социальное движение и крестьянские восстания в Турции XVI—XVII вв.— в работах Г. К. Тивадзе и Г. В. Путуридзе[47]. Османская военно-ленная система и формы землевладения изучены в статьях Г. К. Тивадзе и Г. В. Путуридзе[48], налоги и налоговая система Турции — Н. Н. Шенгелия, Г. В. Путуридзе[49].

Успешно разрабатывается история средневековых городов (социальные движения, городская жизнь, ремесленные организации, торговля) Ближнего Востока, и в частности Турции (В. Н. Габашвили, Д. А. Гудиашвили[50]).

Вопросы административной структуры Османской империи и провинциальное управление изучены М. Х. Сванидзе[51]. Общеизвестно важное значение социально-политических трактатов

«Рисале» для изучения социально-экономического положения Турции. «Рисале» Кочи-бея и Аини Али проанализированы в работах Г. Г. Аласания и Г. В. Путуридзе[52].

Проблемы новой и новейшей истории Турции плодотворно изучает О. И. Гигинейшвили, опубликовавший ряд ценных исследований и статей. О. И. Гигинейшвили разрабатывает вопросы внутренней и внешней политики Турции в конце XVIII в. В центре внимания исследователя — взаимоотношения Турции с Россией, Ираном и Францией[53]. Широкую известность получила монография О. И. Гигинейшвили, в которой рассмотрены условия, породившие пантюркизм, и этапы его развития[54]. Выявлены специфические черты, присущие Турции, обусловившие превращение тюркизма в руководящую идеологию Османской империи. В книге большое внимание уделено внешней политике Турции. О. И. Гигинейшвили изучил также вопросы идеологии турецкого общества в XIX—XX вв.[55]. В статьях, опубликованных в научных журналах, О. И. Гигинейшвили затрагивает вопросы внешней политики Турции до и во время первой мировой войны, придавая особое значение кавказской политике младотурок[56].

Изучению северо-восточных вилайетов Турции посвящена монография проф. Д. С. Завриева[57]. Аграрные отношения и положение крестьян в восточных вилайетах Турции после второй мировой войны исследует Н. Комахидзе. На эту тему им опубликована монография и ряд статей[58]. Турция и «Общий рынок» является предметом исследования М. О. Палавандишвили. Н. И. Босташвили опубликовала «Библиографию Турции»[59]. Здесь собрана литература исторического характера о Турции, изданная на грузинском языке. Она же изучает грузинские источники по новой и новейшей истории Турции.

Из этого краткого обзора видно, что после создания в Грузии востоковедческих центров развернулась плодотворная научная работа в деле всестороннего изучения истории Турции и тем самым грузинские ученые вносят посильную лепту в развитие советской туркологии.

[1] Пространный реестр Гюрджистанского вилайета. Турецкий текст издал, перевел на грузинский язык и комментариями снабдил С. С. Джикия. Кн. 1. Турецкий текст. Тб., 1947; кн. 2. Перевод. Тб., 1941; кн. 3. Исследование: 1. Описание рукописи; 2. Заметки по географии и топонимике текста. Тб., 1958 (на груз. яз.).

[2] С. С. Джикия. Фирман султана Ахмеда III Бакару Багратиони.— Грузинское источниковедение. Т. 3. Тб., 1971, с. 278—282 (на груз. яз.). (Во всех опубликованных турецких документах имеется турецкий текст и фотокопии оригинала.)

[3] С. С. Джикия. Два турецких документа XVIII в.— Труды ТГУ. Т. 99. Серия востоковедения. Кн. 3. 1962, с. 153—172 (на груз. яз.); Ц. А. Абуладзе. Два фирмана Давиду-Тархану.— «Филологические разыскания». Т. 2.

1973, с. 215—265 (на груз. яз.); она же. Три турецких фирмана.— «Восточная филология». Т. 3. Тб., 1973, с. 294—305 (на груз. яз.).

[4] С. С. Джикия. Турецкий документ относительно Цхинвали.— Труды ТГУ. Т. 116. Серия востоковедения. Кн. 5. 1965, с. 243—247 (на груз. яз.).

[5] С. С. Джикия. Два турецких документа XVIII в.; он же. Мацевани и Атени в турецких документах.— «Восточная филология». Т. 2, 1972, с. 210—216 (на груз. яз.).

[6] С. С. Джикия. Османские юридические документы в Картли в первой половине XVIII в.— «Восточная филология». Т. 1. 1969, с. 164—189 (на груз. яз.); он же. Турецкий судебный документ XVIII в.— Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник 1969. М., 1972, с. 142—144 (на груз. яз.).

[7] Ц. А. Абуладзе. Четыре турецких документа об имеретинском царе Соломоне II.— Труды ТГУ. Т. 121. Серия востоковедения. Кн. 6. 1967, с. 165—185 (на груз. яз.); она же. Письма трапезундского паши Сейд Сулеймана к Соломону II.— Мравалтави. Историко-филологические разыскания. Т. 1. Тб., 1971, с. 402—406 (на груз. яз.).

[8] С. С. Джикия, Н. Н. Шенгелия. Эпизод взаимоотношений Соломона II с Турцией.— «Мацне» [Вестник] АН Груз. ССР. 1963, № 1 (на груз. яз.).

[9] С. С. Джикия. Турецкий документ XVIII века об Окрос-цихе.— Труды ТГУ. Серия востоковедения. Кн. 2. 1966, с. 181—185 (на груз. яз.); Ц. А. Абуладзе. Два турецких фирмана.— Мравалтави... Т. 1, с. 393—401 (на груз. яз.).

[10] Гурджи заде. Книга завоевания Тбилиси. Турецкий текст с грузинским переводом издала, введением и примечаниями снабдила Ц. А. Абуладзе. Тб., 1975 (на груз. яз.).

[11] К. Л. Мешвелиани. Османские документальные источники по истории Грузии в архивах Болгарии.— Труды ТГУ. Т. 127. 1968, с. 413—421 (на груз. яз.).

[12] Н. Н. Шенгелия. Османские документальные источники по истории стран Закавказья.— Кавказско-ближневосточный сборник. Т. 2. Тб., 1962, с. 219—229 (на груз. яз.).

[13] М. Х. Сванидзе. Законоположения Ахалцихской ливы.— Очерки по истории социально-экономической истории Ближнего Востока. Тб., 1968, с. 149—175.

[14] М. Х. Сванидзе. Законоположение 1579 г. ливы Басиани.— Восточные источники по истории Грузии. Тб., 1976 (на груз. яз.).

[15] Ц. А. Абуладзе. Канун-наме Арзрумского вилайета 1592 г.— «Вестник Ин-та рукописей им. К. Кекелидзе АН Груз. ССР». Т. 3. Тб., 1961, с. 59—85.

[16] С. С. Джикия. Фирман турецкого султана к Моурави (Г. Саакадзе).— «Изв. Ин-та языка, истории и материальной культуры им. акад. Н. Я. Марра». Т. 12. Тб., 1942, с. 233—242.

[17] М. Х. Сванидзе, С. С. Джикия. Из истории взаимоотношений Грузии с Турцией 1588—1590 гг.— «Мацне». 1966, № 6, с. 223—236.

[18] В. Г. Чочиев. Из истории внешней политики Кахетинского царства в 60-е годы XVI в.— Труды ТГУ. Т. 118. Серия востоковедения. Кн. 6. 1967, с. 243—259.

[19] С. С. Джикия. Эпизод из политической истории Одиши.— Вопросы истории народов Кавказа. Тб., 1966, с. 294—298.

[20] Б. Г. Чочиев. Отклик на Марткопское восстание 1625 г. в Османской империи (по данным письма султана Мурада IV).— Грузинское источниковедение. Т. 3, с. 242—247 (на груз. яз., резюме на рус. яз.); он же. Документ по истории агрессивной политики Турции и Ирана.— Труды Сталинирского гос. пед. ин-та. Т. 5. Сталинири, с. 251—259.

[21] Г. В. Путуридзе. Мустафа Селяники о Грузии.— Труды ТГУ. Т. 91. Серия востоковедения. Кн. 2. 1960, с. 255—277.

[22] С. С. Джикия. Ибрахим Печеви о Грузии.— «Изв. Ин-та языка, истории и материальной культуры им. Н. Я. Марра». Т. 5—6. 1940, с. 369—389; он же. Сведения Ибрахима Печеви о Грузии и Кавказе. Турецкий текст с грузинским переводом, введением и примечаниями. Тб., 1964, с. 139—164 (на груз. яз.).

[23] С. С. Джикия. Эпизод из истории Грузии XVI в. (разъяснение одного сведения М. Наима).— Материалы по истории Грузии и Кавказа. Т. 31. Тб., 1954, с. 53—58; он же. Сведения о жизнедеятельности Диди Моурави (Г. Саакадзе) в Турции.— «Изв. Ин-та языка, истории и материальной культуры им. Н. Я. Марра». Т. 13. 1942, с. 207—217; Н. Н. Шенгелия. Сведения турецкого историка Мустафы Наима о Георгии Саакадзе.— Материалы по истории Грузии и Кавказа. Т. 33. Тб., 1960, с. 253—264.

[24] Н. Н. Шенгелия. Солак-заде о Грузии.— Грузинское источниковедение. Т. 4. Тб., 1973, с. 56—64 (на груз. яз.).

[25] Н. Н. Шенгелия. Сведения Мунеджим-баши о походе Лала Мустафы паши в Закавказье.— Грузинское источниковедение. Т. 2. Тб., 1968, с. 133—152.

[26] Н. Н. Шенгелия. Османский историк Челеби-заде о завоевании крепостей Тбилиси и Гори.— Восточная филология. Т. 3, 1973, с. 321—331.

[27] Н. Н. Шенгелия. Сведения османского историка Ахмеда Васифа о Грузии.— Грузинское источниковедение. Т. 3.

[28] С. С. Джикия. Эвлия Челеби о лазах и лазском языке.— Иберийско-кавказское языкознание. Т. 6. Тб., 1954, с. 243—256.

[29] Д. Гудиашвили. Сведения Эвлия Челеби о бедестанах Стамбула.— Очерки из истории ближневосточных городов. Т. 2. Тб., 1970, с. 336—362.

[30] Книга путешествия Эвлия Челеби. Т. 2. Пер. с тур., исследованием и комментариями снабдил Г. В. Путуридзе. Вып. 1. Тб., 1971; вып. 2. Исследование и комментарии. Тб., 1973; он же. Сведения Эвлия Челеби о Тбилиси.— 1500-летие г. Тбилиси. Тб., 1958, с. 39—47.

[31] Н. Н. Шенгелия. Османские источники истории Грузии XV—XIX вв. Тб., 1974 (на груз. яз., резюме на рус. и англ. яз.).

[32] Труды Батумского гос. пед. ин-та. Т. 6. 1958, с. 40—50.

[33] В. Н. Габашвили. Из истории грузинской дипломатии (Грузия и антиосманские коалиции XVI—XVII вв.).— Материалы по истории Грузии и Кавказа. Вып. 31. Тб., 1934, с. 39—128 (на груз. яз., резюме на рус. яз.).

[34] М. Х. Сванидзе. Из истории грузино-турецких отношений в XVI—XVII вв. Тб., 1971, с. 362 (на груз. яз., резюме на рус. и франц. яз.).

[35] В. Н. Габашвили. Общественные классы феодальной Грузии и классовая борьба в период господства Ирана и Турции.— Очерки по истории Ближнего Востока (эпоха феодализма). Тб., 1957, с. 377—401 (на груз. яз.).

[36] См. работы В. Г. Чочиева: Ирано-турецкий мирный договор 1639 г. и Грузия.— Там же, с. 355—377 (на груз. яз.); О датировке нашествия Шах-Тамаза на Грузию и турецко-персидское перемирие.— Труды Сталинирского пед. ин-та. Т. 7. 1959, с. 95—100; Ирано-турецкое перемирие 1554 г.— Восточная филология. Т. 3, с. 314—321 (на груз. яз., резюме на рус. яз.); Мирные договоры между Ираном и Турцией 1736—1746 гг.— Труды ТГУ. Т. 99. 1962. Серия востоковедения. Кн. 3, с. 271—305 (на груз. яз., резюме на рус. яз.).

[37] См. работы М. Х. Сванидзе: Страница из истории грузино-турецких взаимоотношений.— «Цискари». Тб., 1964, № 3 (на груз. яз.); Грузинка-дипломат.— «Цискари». 1965, № 3 (на груз. яз.); Поход Мустафы Лала паши в Закавказье в 1578 г.— Труды ТГУ. Т. 116, 1965. Серия востоковедения. Кн. 5, с. 353—400 (на груз. яз., резюме на рус. яз.); К уточнению некоторых дат взаимоотношений Симона I с Турцией.— Вопросы истории феодальной Грузии. Т. 36, с. 76—80 (на груз. яз.).

[38] См. работы Г. Г. Аласания: Некоторые вопросы истории Грузии в

свете сведений Кятиба Челеби.— «Мацне». Серия истории, археологии, этнографии и истории искусства. Тб., 1973, № 2, с. 111—129 (на груз. яз.); «Джихан-нума» Кятиба Челеби и его сведения о Грузии.— Грузинское источниковедение. Т. 4, с. 65—78 (на груз. яз., резюме на рус. яз.); Грузия на карте «Джихан-нума».— «Мацне». 1971, № 2, с. 98—107 (на груз. яз., резюме на рус. яз.).

[39] Г. К. Тивадзе. Политическое положение Самцхе-Саатабаго XVI в.— «Мнатоби». 1947, № 10, с. 122—163 (на груз. яз.); М. Х. Сванидзе. Из истории борьбы Южной Грузии (Самцхе-Саатабаго) против турецких захватчиков в последней трети XVI в.— Труды гос. музея Аджарской АССР. Т. 2. Батуми, 1957, с. 70—80 (на груз. яз., резюме на рус. яз.); он же. Из истории создания Чилдырского (Ахалцихского) пашалыка.— «Вестник отд. обществ. наук АН Груз.ССР». 1964, № 37, с. 70—84 (на груз. яз., резюме на рус. яз.).

[40] В. Н. Габашвили. «Пространный реестр Гюрджистанского вилайета».— Феодальный строй Грузии XVI—XVII вв. Тб., 1958, с. 326—345 (на груз. яз.); Г. К. Тивадзе. Самцхе-Саатабаго по «Пространному реестру Гюрджистанского вилайета».— Мнатоби». 1946, № 8, с. 117—144 (на груз. яз.); Н. Н. Шенгелия. Турецкие налоги и повинности по «Пространному реестру Гюрджистанского вилайета».— Труды ТГУ. Т. 91. Серия востоковедения. Кн. 2. с. 219—1234 (на груз. яз., резюме на рус. яз.); М. Х. Сванидзе. Административное деление и социально-экономическое положение Самцхе-Саатабаго по «Пространному реестру вилайета Гюрджистан».— Труды ТГУ. Т. 121. Серия востоковедения. Кн. 7. 1967, с. 291—308 (на груз. яз., резюме на рус. яз.).

[41] А. Б. Авалиани. Формы землевладения в Аджарии (перед освобождением от турецкого господства в 40—70-х годах XIX в.). Батуми, 1960, с. 144 (на груз. яз.); М. Х. Сванидзе. О юрдлуках и оджалыках как одной из форм землевладения в Османской империи (на примере Чилдырского пашалыка). Первый конгресс балканских исследований. Сообщения советской делегации. М., 1966 (резюме на франц. яз.); он же. Вопросы землевладения в Османской империи на примере Ахалцихского (Чилдырского) пашалыка. Доклады и сообщения советской делегации. III Международный съезд по изучению стран Европы. М., 1974.

[42] Г. К. Тивадзе. Политическое положение Самцхе-Саатабаго в начале XIX в. (Глава из книги «Самцхе-Саатабаго в последний период турецкого господства»).— «Мнатоби». 1945, № 11—12, с. 141—158 (на груз. яз.); Ш. В. Ломсадзе. Самцхе-Джавахети. Тб., 1975 (на груз. яз.).

[43] М. Х. Сванидзе. Д. З. Бакрадзе в Стамбуле 1888 г.— Восточная филология. Т. 3, с. 34—41 (на груз. яз., резюме на рус. яз.).

[44] О. И. Гигинейшвили. Грузия во внешней политике Турции в последней четверти XVIII в.— Труды ТГУ. Т. 73. 1959, с. 215—230 (на груз. яз.).

[45] «Цискари». Тб., 1958, № 1, с. 110—116 (на груз. яз.).

[46] Очерки по истории Ближнего Востока (эпоха феодализма). Тб., 1957, с. 245—286 (на груз. яз.).

[47] Г. К. Тивадзе. Турецкое дервишество и крестьянские восстания в XVI в. (рассмотрение некоторых дополнительных вопросов). Тб., 1946, с. 369 (на груз. яз.); Г. В. Путуридзе. Социальное движение в Турции.— Очерки по истории Ближнего Востока (эпоха феодализма), с. 272—276.

[48] Г. К. Тивадзе. Тимариотская система землевладения как основа военно-феодальных отношений в Оттоманской империи.— Труды ТГУ. Т. 63. 1956, с. 93—122 (на груз. яз.); Г. В. Путуридзе. Турецкое феодальное землевладение.— Очерки по истории Ближнего Востока (эпоха феодализма), с. 250—255.

[49] Н. Н. Шенгелия. Труды Ин-та истории. Т. 6. Ч. 2. 1962, с. 124—155 (на груз. яз., резюме на рус. яз.); Г. В. Путуридзе. Очерки по истории Ближнего Востока (эпоха феодализма), с. 255—260.

[50] В. Н. Габашвили. Турецкие города, ремесла, торговля.— Очерки по истории Ближнего Востока (эпоха феодализма), с. 266—272; он же. Социальные движения в ближневосточных городах.— Очерки по истории городов

Ближнего Востока. Т. 1. Тб., 1966 (на груз. яз.); Д. А. Гудиашвили. Ремесленные организации городов Турции по «Сеяхат-наме» («Книга путешествия») Эвлия Челеби.— Труды Всесоюзной научной конференции аспирантов и молодых научных работников. М., 1975.

[51] М. Х. Сванидзе. Административная структура Османской империи и провинциальное управление в XVI в.— Вопросы истории Ближнего Востока. Тб., 1963, с. 89—108 (на груз. яз., резюме на рус. и англ. яз.).

[52] Г. Г. Аласания. «Рисале» Аини Али как источник для изучения аграрных отношений.— Грузинское источниковедение. Т. 3, с. 113—161; Г. В. Путуридзе. «Рисале» Кочи-бея как источник по социально-экономической истории Турции. Тб., 1953 (канд. дисс.).

[53] См. работы О. И. Гигинейшвили: О внутреннем положении Османской империи после заключения мира в Кючук Каинардже.— Вопросы истории Ближнего Востока. Тб., 1963, с. 31—64 (на груз. яз., резюме на рус. и англ. яз.); Некоторые вопросы истории Турции 70-х годов XVIII в.— Вопросы новой и новейшей истории стран Ближнего Востока. Тб., 1967, с. 162—183 (на груз. яз., резюме на рус. и англ. яз.); Некоторые вопросы внешней политики Турции в конце XVIII в.— «Краткие сообщения Ин-та востоковедения АН СССР», № 73, 1963; Турция и Ага-Махммад-хан.— Вопросы новой и новейшей истории Ближнего Востока. Тб., 1975, с. 145—180 (на груз. яз.).

[54] О. И. Гигинейшвили. Пантюркизм и внешняя политика Османской империи. Тб., 1963 (на груз. яз.).

[55] О. И. Гигинейшвили. Из истории идеологии турецкого общества XIX—XX вв.— Восточный сборник (Ин-та истории). Т. I. Тб., 1966, с. 207—236 (на груз. яз., резюме на рус. и англ. яз.).

[56] См. работы О. И. Гигинейшвили: Кавказский фронт и некоторые вопросы внешней политики Турции в период первой мировой войны.— Труды ТГУ. Т. 91, 1960, с. 385—411 (на груз. яз.); Кавказская политика младотурок.— Октябрьская революция и страны Ближнего Востока. Тб., 1967, с. 125—349 (на груз. яз.).

[57] Д. С. Завриев. К новейшей истории северо-восточных вилайетов Турции. Тб., 1947.

[58] См. работы Н. В. Комахидзе: Сельское хозяйство и положение крестьянства Восточной Турции после второй мировой войны. Тб., 1965 (на груз. яз.); О некоторых типах сельскохозяйственных рабочих в современной Турции.— Сельскохозяйственные рабочие в странах Азии и Африки. М., 1969; Эшкиалык как форма крестьянского движения.— Октябрьская революция и страны Ближнего и Среднего Востока. Тб., 1967, с. 48—81.

[59] Н. И. Босташвили. Библиография Турции. Тб., 1971 (на груз. яз.).

Т. И. Султанов

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТЮРКСКОЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ПЕРЕВОДНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Тюркские переводные сочинения средневековья еще не стали объектом всестороннего рассмотрения, и нерешенных вопросов, связанных с памятниками переводной литературы, достаточно много. Что и как переводили? Чем вызывался интерес к тем или иным типам сочинений, равно как и к отдельным произведениям? Остаются невыясненными: культурно-исторические причины развития переводной литературы в тот или иной период; связь переводных произведений с общими проблемами эпохи; идейная значимость и роль переводной литературы в истории письменной культуры; отношение переводов к своим оригиналам, равно как особенности и степень сходства разных переводов, восходящих к одному оригиналу. Немало проблем связано с деятельностью и самих переводчиков. Ответ на эти вопросы может быть дан лишь после того, как средневековая переводная литература будет подробно изучена в своем составе, в своих функциях и каждый жанр этого типа памятников станет предметом основательного историко-литературного и источниковедческого исследования.

В настоящей работе мы касаемся некоторых проблем переводной литературы, избрав материалом изучения переводные исторические сочинения тюркского фонда рукописного отдела ИВ АН СССР. Эти сочинения указаны в таблице, которая включает название, язык, время и место перевода сочинений и написания их оригиналов.

В последней графе даются ссылки на каталоги, где содержатся описания соответствующих рукописей. Названия сочинений перечислены в хронологическом порядке их перевода.

Возникновение переводной исторической литературы на тюркских языках сами переводчики склонны связывать с тем обстоятельством, что арабский и персидский языки старых хроник перестали быть понятны большинству читателей, тем самым

ТАБ

№№	Переводные сочинения		
	Название и шифр ЛО ИВ АН СССР	Время и место перевода	Язык
I	II	III	IV
1	Таварих-и Табари тарджамаси D 208, B 2461, C 530, D 103, B 1927	XIV—XVI вв. Турция	тур.
2	Тарджама-и футухат аш-Шам C 529	XIV—XVII вв. Турция	тур.
3	Махбуб-и кулуб ал-арифин C 567	1530—1532 гг. Турция	тур.
4	Нузхат ат-талиб B 778	1603—1617 гг. Турция	тур.
5	Дарбанд-нама B 764	Не позднее 1687/88 г. Северный Кавказ	азерб.
6	Тарих-и Хазаначи D 72	1706/07 г. Восточный Туркестан	уйг.
7	Тарих-и Хаванд-шах тарджамаси D 137	1737 г. Восточный Туркестан	уйг.
8	Тарджама-и раузат ас-сафа D 102, D 136	1845—1851 гг. Средняя Азия	узб.
9	Тарджама-и мукаддима-и Ибн Халдун C 528	Первая половина XVIII в. Турция	тур.
10	Тарих-и Рашиди Тарджамаси C 570	1747 г. Восточный Туркестан	уйг.
11	То же C 569	Конец XVIII в. Восточный Туркестан	уйг.
12	То же D 120, D 121, D 122, D 138, D 192	1836/37 г. Восточный Туркестан	уйг.
13	Тарих-и джахангушай-и Надири C 533	1750/51 г. Турция	тур.
14	Мамлакат-и русийанин ахвал-лари на таварихлари B 780	1814 г. Оренбург	тат.
15	Дурра-и надира D 125	1850 г. Хива	узб.

ЛИЦА

Оригинал			Каталоги
Название	Время и место написания	Язык	
V	VI	VII	VIII
Тарих-и Табари (Балами)	963/64 г. Иран	перс.	ОТР, 1, № 1—5; ОПТР, № 208—214; Стори, 1, № 235
Футух аш-Шам	VIII—IX вв.	араб.	ОТР, 1, № 148; Михайлова, № 1
Бахджат ат-таварих	1456/57 г. Турция	перс.	ОТР, 1, № 7; ОПТР, № 246; Стори, 1, № 259
Умдат ат-рагиб ва нузхат ат-талиб	Начало XVII в.	араб.	ОТР, 1, № 147
Дарбанд-нама	?	перс.	ОТР, 1, № 123; ОПТР, № 507; Стори, 2, № 1157
Раузат ули-л-албаб фи таварих ал-акабир ва-л-ансаб (Тарих-и Банакати)	1317/18 г. Иран	перс.	ОТР, 1, № 22; ОПТР, № 229—230; Стори, 1, № 243
Раузат ас-сафа фи сират ал-анбийа ва-л-мулук ва-л-хулафа	Не позднее 1498 г. Средняя Азия	перс.	ОТР, 1, № 23 ОПТР, № 248—284; Стори, 1, № 260
»	»	»	ОТР, 1, № 28
Унван ал-ибар ва диван ал-мубтада ва-л-хабар фи аййам ал-араб ва-л-аджам ва-л-барбар ва ман асарахум мин зави-с-султан ал-акбар	1375—1378 гг. Алжир	араб.	ОТР, 1, 24
Тарих-и Рашиди	1541/46 г. Кашмир	перс.	ОТР, 1, № 87; ОПТР, № 465—468;
»	»	»	ОТР, 1, № 93
»	»	»	ОТР, 1, № 88—92
Тарих-и Надири (или Тарих-и джахангушай-и Надири)	Не ранее 1749/50 г. Иран	перс.	ОТР, 1, № 156; ОПТР, № 350—361; Стори, 2, № 775
Летосчислительное изображение российской истории	1814 г. Казань	рус.	ОТР, 2, № 5
Дурра-и надира	Середина XVIII в. Иран	перс.	ОТР, 1, № 157; Стори, 2, № 775 (2)

№№	Переводные сочинения		
	Название и шифр ЛО ИВ АН СССР	Время и место перевода	Язык
I	II	III	IV
16	Мунтахаб ат-таварих D 90, D 225	Середина XIX в. Средняя Азия	узб.
17	Тарджама-и раузат ас-сафа-и Насири D 119	1860 г. Хива	узб.
18	Таварих ал-кибар С 464	XIX в. Средняя Азия	узб.

Примечание: Во избежание разнобоя названия в обеих частях таблицы приводятся по соответствующим каталогам: Л. В. Дмитриева, А. М. Мугинов, С. Н. Муратов. Описание тюркских рукописей Института народов Азии. Вып. 1. История. М., 1965 (сокр.— ОТР, 1); Л. В. Дмитриева, С. Н. Муратов. Описание тюркских рукописей Института востоковедения. Вып. 2. История, акты, библиография, энциклопедии, географии,

возникла необходимость их перевода и переделки на тюркские языки. Такая мотивировка перевода характерна для многих рассматриваемых нами сочинений. Приведем несколько примеров.

Турецкий переводчик «Таварих-и Табари» в предисловии к переводу пишет, что эта книга первоначально была написана на арабском языке, и была доступна немногим. Затем ее перевели на персидский язык; при этом были утрачены многие достоинства оригинала. Поскольку на территории Турции персидский язык малоупотребителен, то некий Ахмад-паша пожелал, чтобы она была переведена на тюрки, с тем чтобы ее смогли прочесть и воспользоваться назиданиями и наставлениями этой книги те, кто слаб в арабском и персидском языках [1].

По словам анонимного переводчика «Тарих-и Банакати», эмир Амин Хазаначи из Яркенда предложил ему перевести эту книгу на тюрки, чтобы она «была доступна всем тюркам». Хотя он не находил в себе способностей, достойных этого занятия, но все же взялся за перевод и завершил его в 1118 (1706/07) г., и книге дал название «Тарих-и Хазаначи» [2].

Интересно по своему содержанию предисловие Мухаммада Ниаза [3]. Сановные вельможи Яркенда, пишет он, не раз говорили мне, что край этот принадлежит к области Моголистана и являлся местопребыванием ханов. Жизненные обстоятельства ханов от времени Чингиза до пресечения ханской династии в

Продолжение

Оригинал			Каталоги
Название	Время и место написания	Язык	
V	VI	VII	VIII
Мунтахаб ат-таварих	1843 г. Средняя Азия	перс.	ОТР, 1, № 30—31; Стори, 2, № 1054
Раузат ас-сафа-и Насири	До 1860 г. Иран	перс.	ОТР, 1, № 158; Стори, 1, № 350
Тарих-и Мир Сайийд Шараф Раким (или Тарих-и Ракими)	XVII в. Средняя Азия	перс.	ОТР, 1, № 113; Стори, 2, № 998

календари. М., 1975 (сокр.— ОТР, 2); А. И. Михайлова. Каталог арабских рукописей Института народов Азии Академии наук СССР. Вып. 3. История. М., 1965; Ч. А. Стори. Персидская литература. Биобиблиографический обзор. В трех частях. М., 1972; Н. Д. Миклухо-Маклай. Описание персидских и таджикских рукописей Института востоковедения. Вып. 3. Исторические сочинения. М., 1975 (сокр.— ОПТР).

Моголистане неизвестны. Неизвестно также, сколько правителей царствовало в этом вилайете, каковы были установленные порядки, как они соблюдались и когда перестали действовать. «Вот если бы ты добыл книжку, где излагалась история правления ханов, или нашел достойного доверия сказителя, который поведал бы об этих событиях, с тем чтобы имена могольских ханов не исчезли в здешнем мире и их жизненные обстоятельства не остались в забвении».

О том, имелись ли в местных книгохранилищах списки «Тарих-и Рашиди» Мирзы Хайдара Дуглата, никто определенными сведениями не располагал. Случайно, однако, нашелся список этого труда, и Мухаммад Ниаз, прочитав его, обнаружил, что эта книга целиком посвящена могольским ханам и Моголистану. Книга была потрепана, с перебитыми листами и почти непригодна к использованию. По прошествии времени, когда Мухаммад Ниаз попал по его словам, на службу к правителю Хотана Мухаммаду Азиз-вангу, ему удалось отыскать в дворцовой библиотеке («китабхане-и а'ли») еще один список «Тарих-и Рашиди», отличавшийся от ранее им обнаруженного прекрасным исполнением и сохранностью. Поскольку «Тарих-и Рашиди» написана на фарси, продолжает он, то не каждый мог ею пользоваться, уразуметь ее содержание, и потому она оставалась безвестной. Тогда же, в 1253 (1837/38) г., Мухаммад Азиз-ванг предложил ему перевести «Тарих-и Рашиди» на тюрки,

чтобы сделать ее содержание доступным многим, а также чтобы люди поминали инициатора перевода и переводчика добрыми словами и провозглашали за них молитву благожелательства [4].

Инициаторами перевода выступали, как правило, представители высших кругов светской иерархии; в числе лиц, причастных к переводам, оказывались государи и великие везиры [5], местные правители и провинциальные вельможи [6]. Иногда заказчиками перевода являлись люди духовного сословия [7]. В одних случаях перевод осуществлялся прямо по указанию или инициативе высокопоставленных покровителей, в других — переводчики сами посвящали им свои труды [8]. Некоторые переводчики приводят обоснования своим посвящениям. Так, например, в конце предисловия уйгурский переводчик Мухаммад Ниаз пишет, что он, подобно Мирзе Хайдару Дуглату, посвятившему свой труд Абд ар-Рашид-хану, свой перевод «Тарих-и Рашиди» посвящает Мухаммаду Азиз-вангу и что делает это на основании следующих трех причин: (1) персидский оригинал этой книги был обнаружен и стал известным в его время; (2) перевод был сделан согласно его высочайшему повелению; (3) он остается преданным роду Мавлана Джамал ад-Дина, о котором говорится в «Тарих-и Рашиди» [9].

Из требований, предъявляемых к переводчикам их покровителями-заказчиками, особенно интересно требование переводить на «чистый» тюркский язык, избегая трудных для понимания арабских и персидских выражений, равно как слов «монгольского или калмакского» происхождения [10]. Требование это, естественно усложнявшее поручение [11], исполнялось ими не всегда охотно, и заказчику иногда приходилось прибегать к повторному настоянию [12]. В конце концов после «колебаний и размышлений» они все же принимались за «большое дело» перевода, ибо, как выражается один переводчик персидского сочинения, «не исполнять повеление государей — величайшая ошибка, а подчиниться ему — величайшая выгода» [13].

Нам неизвестно, в чем именно выражалась в каждом отдельном случае эта «величайшая выгода». Нам известны только две формы поощрения переводческого труда: (1) денежное вознаграждение и выдвижение переводчика на должность. Турецкий литератор Махмуд Деде преподнес султану Мураду III (1574—1595) свой перевод нескольких разделов «Савакиб ал-манакиб» Абд ал-Ваххаби Хамадани. Султан, просмотрев перевод, разрешил выделить ему какую-то сумму денег и повелел продолжить перевод оставшихся разделов персидского оригинала, что Махмуд Деде и осуществил в 998 (1589/90) г.[14]. (2) Мухаммад Риза-мираб, по прозванию Агахи, в предисловии к переводу своих разделов «Дурра-и надира»

сообщает, что над переводом этого сочинения на тюрки трудился Мухаммад Назар, но в связи с «назначением его на высокую должность» («улуг хизмет») Абул-Гази Мухаммад-Аминхан повелел ему (Агахи) довести работу до конца [15].

Естественно полагать, что сами покровители-заказчики были и первыми читателями переводных сочинений. Однако книги при благоприятных условиях имеют долгую, многовековую судьбу и переживают своих обладателей. Поэтому для более полного выявления круга читателей, в среде которых обращались памятники переводной литературы, важное значение имеют владельческие записи на рукописях. К сожалению, записи эти, представляющие сами по себе большую культурно-историческую ценность и доставляющие разнообразный материал для характеристики многих сторон истории рукописной книги, довольно редки. Из немногих владельческих записей и отметок, которыми мы располагаем, видно, что владельцами-читателями переводных сочинений в разное время оказывались, например, вельможа, приближенный к наместнику турецкого султана, и служители мечети [16], кази г. Измира [17], оренбургский имам и дети, обучавшиеся тюркской грамоте и языку [18].

В предисловии (послесловии) к переводу или отдельных местах рукописи (в конце «дафтара», раздела или списка) мы находим обычное для восточных авторов упоминание собственного (фамильного) имени или литературного псевдонима переводчика. В большинстве случаев оказывается, что переводы выполнялись профессиональными писателями, чаще придворными или близкими ко двору историками [19], одинаково свободно владевшими тремя основными языками мусульманской книжности. Историками-профессионалами были, например, турецкие переводчики Мухаммад Сахиб Пири-заде и Ахмад-чавуш (№ 9), кашгарец Мухаммад Садык (№ 11), приближенный ко двору хивинских ханов Мухаммад Риза-мираб, по прозванию Агахи (№ 15, 17), и др. Нередко с именем переводчика приводится и его тахаллус (литературный псевдоним, обычно принимаемый поэтами) (№ 7, 8, 18), из чего можно заключить, что отдельные переводы выполнялись уже известными поэтами.

Над переводом каждого отдельного сочинения, как правило, трудился один переводчик, но в то же время нередки случаи, когда над переводом одновременно работала группа переводчиков, например, из 2—6 человек [20]. О масштабах переводческой деятельности, развернувшейся в эпоху позднего средневековья в тюркских странах, можно судить по следующему факту. В 1725 г. по повелению турецкого султана Ахмеда III было создано под руководством великого везира «научное общество» в составе 45 членов, которые занимались переводами

арабо- и персоязычных исторических сочинений на турецкий язык. Имена членов этого своеобразного придворного общества переводчиков, состоявшего исключительно из историков-профессионалов, приводятся у Челеби-заде Асыма при описании событий, происходивших в Турции в 1138 (1725) г.[21].

Любопытно отметить, что отдельным переводчикам было присуще сознание интеллектуальной избранности, тем более сильное в местностях, где знание арабского и персидского языков было привилегией немногих: например, Мухаммад Авваби Акташи, из местности Эндери, в предисловии к своему переводу «Дарбанд-нама» открыто заявляет, что если бы не необходимость считаться с уровнем развития читателей, то он мог бы писать более красноречиво, т. е., в частности, с большим числом арабских и персидских выражений[22]. В еще более резкой форме противопоставляет себя читателям восточнотуркестанский переводчик и поэт Мир Фазил: «Жители Моголистана — аджемы» (букв. «варвар, неараб»[23]), пишет он, и им недоступны риторические обороты сочинения Хаванд-шаха (Хондемира). Поэтому он в угоду читателям упростил утонченный стиль оригинала[24].

В связи с профессиональным составом переводчиков важное значение получают вопросы теории и техники перевода. Не входя в подробности, отметим лишь, что в отличие от современных переводчиков литературных памятников мусульманские переводчики средневековья далеко не во всем стремились точно воспроизводить подлинник[25], а главное внимание обращали на то, чтобы сделать содержание оригинала интересным и даже занимательным для своих читателей[26]. При сверке с оригиналом часто оказывается, что перевод не только не точен или сильно искажен, но содержит порой, особенно в добавлениях переводчика, неверные сведения или неточную дату и т. п.[27].

Тем самым переводчик выступал как бы литературным соперником автора, творчески перерабатывая текст, приспосабливая перевод к вкусам своего времени, интересам того или иного правителя, сановника или феодальной группировки. К результатам такой деятельности переводчиков относятся, с одной стороны, сокращение, видимо, утерявших свое значение частей оригинала[28], с другой — дополнение оригинала интерполяциями и пояснениями; иногда, как это, например, было с переводом «Тарих-и Рашиди» Мирзы Хайдара Дуглата[29], добавления и продолжение подлинника до времени самого переводчика.

Творческая инициатива переводчиков сказывалась не только в сокращении переводимого текста или в добавлениях, но и в значительной стилистической переработке оригинала[30], которая, конечно, зависела во многом от личного мастерства и

одаренности каждого переводчика; и справедливо жалуется средневековый исследователь «Худай-нама» ал-Кисравий, заявляя: «Я просмотрел книгу, именуемую Худай-Намэ,— это та книга, которая, будучи переведена с персидского языка на арабский, была названа летописью царей персидских — и неоднократно просматривал списки этой книги и исследовал их самым основательным образом и нашел, что они до такой степени разнятся между собою, что и двух списков между собою согласных я добыть не мог. Это произошло от затруднительности дела для тех, кто переводил эту книгу с одного языка на другой»[31]. Эти слова с полным основанием можно переадресовать и к различным тюркским переводам одного и того же памятника.

Предисловия (послесловия) часто оканчиваются словами обращения к читателю, в которых переводчики оценивают свое писательское дарование или качество своего перевода. В первом случае преобладают свойственные средневековым писателям традиционные формулы самоумаления[32], а во втором — обращения содержат, как правило, «илтимас» — «просьбу», «мольбу» о прощении за несовершенство перевода и призыв исправить допущенные ошибки[33]. В качестве характерного примера здесь можно привести обращение переводчика Мухаммада Ниаза к своим читателям: «Все ошибки и погрешности, которые допустил ничтожный при переводе этой книги, пусть милостиво простят, пером исправления поправят и пусть не сделают сего немощного мишенью упрека, не бросят камень порицания, но простят и помянут в молитве благожелательства». На том же листе он предупреждает своих читателей: «Те, кто будут обращаться к этому списку рукописи, пусть помянут душу несчастного в фатихе и, если имели место изъян и недостаток, всепрощающе примирятся. Амин»[34].

В заключение выскажем следующие соображения относительно вопросов, поставленных в начале настоящей статьи.

Появление и последующее развитие тюркской переводной исторической литературы по времени совпадает с возникновением и политической стабилизацией собственно тюркских государственных образований, началом проявления в интеллектуальной сфере признаков общетюркского этнического самосознания и острого интереса к своему историческому прошлому, что может быть зафиксировано уже для XV в.; это совпадает также с появлением и развитием тюркской оригинальной историографии, что и должно было иметь место во второй половине XV — начале XVI в. Тюркские переводы исторических сочинений более раннего времени были эпизодичны, случайны и не связаны с указанными явлениями.

Это параллельное развитие оригинальной и переводной ли-

тературы не позволяет считать, что переводы играли преобладающую роль в становлении языка тюркских исторических жанров. Роль эта не могла быть важной уже потому, что переводы расходились в незначительном числе списков, о чем свидетельствуют случаи, когда одно и то же сочинение переводилось несколько раз в разных регионах (№ 1, 7, 13) или даже в одном и том же регионе (№ 1, 2, 10—12).

При изучении состава переводной письменности можно выделить по меньшей мере две причины, определявшие выбор оригинала: 1) нужды и запросы местного культурного развития; 2) исторически возникший интерес самих тюрок к письменно зафиксированным генеалогиям тюрко-монгольских племен и династий. Следует учитывать также стремление к осознанию в новых условиях места и значения тюркских племен и народностей во всемирно-историческом процессе, как это трактовалось иноязычными историческими источниками, стремление, вызванное к жизни властной потребностью создания собственной историографии, составной частью которой и явились переводы.

Переводы иноязычных исторических сочинений, таким образом, знакомили тюрок, с одной стороны, с их собственной историей и историческим прошлым, страны, где они установили к тому времени свою династию, а с другой — обогащаясь знаниями о прошлых эпохах, устанавливали генеалогическую и историческую связь прошедшего и настоящего и создавали тем самым преемственность идей и культурно-исторических традиций.

Богатейшей книжной сокровищницей, из которой тюркоязычные авторы черпали свои все новые и новые произведения, была арабо- и персоязычная историческая литература; при этом персоязычная литература в ряде случаев выполняла роль посредника между арабоязычной литературой классического периода и позднесредневековой тюркской литературой.

Формы освоения арабо- и персоязычной литературы были разнообразными — от текстуального, хотя почти всегда неточного, перевода целых сочинений до перевода-обработки отдельных частей и фрагментов оригинала, обладавших, с точки зрения переводчиков (заказчиков), своим собственным значением.

Социальный состав заказчиков переводных сочинений был разнородным, но с очевидным преобладанием лиц, занимавших высокое общественное положение.

Читательская аудитория также была социально разнородной, но в ней преобладающее большинство составляли, видимо, люди среднего сословия, о чем свидетельствуют как авторские мотивировки побудительных причин переводов — сделать иноязычное сочинение доступным «всем тюркам» и т. п., так

и жалобы самих переводчиков на недостаточное развитие читателей.

Весьма трудоемкая и требующая особой подготовки переводческая работа выполнялась, как правило, профессиональными писателями — историками и поэтами, но лиц, для которых перевод являлся бы единственным видом литературного творчества или общественной деятельности, видимо, не было.

Настоящие выводы сделаны, как это видно, на основании рукописей из собрания ЛО ИВ АН СССР. Изучение материалов других рукописных коллекций со временем уточнит, а может, даже существенно изменит многие из этих предварительных наблюдений.

[1] Таварих-и Табари тарджамаси, D 208, л. 1б.

[2] Тарих-и Хазаначи, D 72, л. 1б—2а.

[3] Тарих-и Рашиди тарджамаси, D 120, л. 6а—11а.

[4] Любопытно отметить, что ни сановным особам Яркенда и Хотана, ни самому переводчику Мухаммаду Ниазу не было известно, как это видно из приведенного рассказа, что в том же Восточном Туркестане до 1253 г. х. «Тарих-и Рашиди» переводилась на «тюрки» по меньшей мере дважды: неизвестным переводчиком в 1160 (1747) г., «соответствующему году овцы», и Мухаммадом Садыком Кашгари, вероятно, в конце XVIII в. (Тарих-и Рашиди тарджамаси, С 570, л. 270б; С 569, с. 7—9). Впрочем, и Мухаммад Садык ни слова не говорит о своем предшественнике.

[5] Тарджама-и раузат ас-сафа-и Насири, D 119, л. 388б; ОТР, 1, № 28.

[6] Дарбанд-нама, В 764, л. 1б—2а; Тарих-и Рашиди тарджамаси, С 569, с. 9; D 120, л. 7б, 10б; Таварих-и Табари тарджамаси, D 208, л. 1б; Тарих-и Хаванд-шах тарджамаси, D 137, л. 388а.

[7] Мунтахаб ат-таварих, D 90, л. 1б.

[8] Нузхат ат-талиб. В 778, л. 1б; Дурра-и надира, D 125, л. 67а.

[9] Тарих-и Рашиди тарджамаси, D 120, л. 10б—11а.

[10] Дарбанд-нама, В 764, л. 2а; Тарих-и Рашиди, D 120, л. 10а; В. В. Бартольд. К вопросу о происхождении *Дербенд-нâме.*— Сочинения. Т. 8, М., 1973, с. 475.

[11] См. Тарих-и Рашиди тарджамаси, D 120, л. 10а.

[12] В. В. Бартольд. К вопросу о происхождении *Дербенд-нâме*, с. 475.

[13] См.: В. А. Жуковский. Описание рукописей Учебного отделения восточных языков при Азиатском департаменте министерства иностранных дел.— Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник, 1971. М., 1974, с. 486.

[14] İstanbul kıtaplıkları. Tarih-coğrafya yazmaları katalogları. Fasikül VI. İstanbul, 1946, № 300, с. 470—479.

[15] Дурра-и надира, D 125, л. 67а.

[16] Таварих-и Табари тарджамаси, D 208, л. 1а.

[17] Тарджама-и мукаддима-и Ибн Халдун, С 528, л. 1а.

[18] Таварих-и Табари тарджамаси, D 103, л. 001.

[19] Основные биографические данные о тюркоязычных писателях средневековья приведены в соответствующих каталогах, а более подробные сведения — у Брусалы и Хофмана: Mehmet Tahir Brusalı. Osmanlı müellifleri. Cilt 1—3. İstanbul, 1333—1343 (1915—1925) (араб. шрифт); H. F. Hofman. Turkish Literature. A Biobibliographical Survey. Sect III. P. 1. Vol. 1—6. Utrecht, 1969.

[20] Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР. Т. 1. Таш., 1952, № 5, с. 16—17; № 10, с. 18 (СВР).

[21] Tarih-i Çelebitade. İstanbul, 1153 ([1740/41] (араб. шрифт).

[22] Дарбанд-нама, В 764, л. 2а; В. В. Бартольд. К вопросу о происхождении *Дербенд-нāме*, с. 475.

[23] Ягелло. Полный персидско-арабско-русский словарь. Т. 2. Таш., 1910, с. 1025.

[24] Тарих-и Хаванд-шах тарджамаси, D 137, л. 388а.

[25] См.: Тарих-и Рашиди тарджамаси, D 120, л. 9б—10а. Здесь переводчик Мухаммад Ниаз описывает приемы своей работы.

[26] См.: В. Д. Смирнов. Турецкие легенды о Святой Софии, о других византийских древностях. СПб., 1898 (особенно с. 13, где дается характеристика так называемому «восточному переводу»).

[27] В качестве примера можно указать здесь на «Канун-нама» Али Акбара. Сочинение это было написано на персидском языке около 1516 г. и в конце XVI в. переведено на турецкий язык. Сверка турецкого перевода с оригиналом, осуществленная в 30-х годах XX в. П. Кале, показала, что перевод не точен, даже искажен; «помимо этого он содержит несколько добавленных переводчиком по недоразумению дат, которые вызывали неясности относительно хронологии памятника» (см.: И. Ю. Крачковский. Арабская географическая литература.— Избранные сочинения. Т. 4. М.—Л., 1957, с. 522—524).

[28] См.: Мунтахаб ат-таварих, D 90, л. 1б; Дарбанд-нама, В 764.

[29] Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР. Т. 7. Таш., 1964, № 5014, с. 25—29.

[30] См.: Тарих-и Рашиди тарджамаси, D 121, л. 146б; Тарих-и Хаванд-шах тарджамаси, D 137, л. 388а. Здесь содержатся высказывания переводчиков по этому поводу.

[31] Цит. по: В. Розен. К вопросу об арабских переводах Худай-Намэ.— Восточные заметки. СПб., 1895, с. 186—187.

[32] Тарих-и Рашиди тарджамаси, D 120, л. 9а; D 121, л. 146б; Тарих-и Хаваначи, D 72, л. 1б—2а.

[33] Тарих-и Рашиди тарджамаси, С 569, с. 10, D 120, л. 9а—10а; D 121, л. 146б; Тарджама-и раузат ас-сафа-и Насири, D 119, л. 388б.

[34] Тарих-и Рашиди тарджамаси, D 192, л. 71а.

М. Н. Тодорова

СОСТАВ ПРАВЯЩЕЙ ЭЛИТЫ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕРИОД РЕФОРМ (1826—1878)

Уничтожение корпуса янычар в 1826 г. положило начало эпохе реформ в различных сферах общественно-экономической жизни Османской империи. Эта эпоха продолжалась более полувека и закончилась роспуском первого османского парламента (4 февраля 1878 г.) и установлением диктатуры султана Абдул Хамида II. Безусловно, эпоха реформ Махмуда II и последовавший за ней период так называемых реформ танзимата после 1839 г. образуют единое целое не только в отношении программы реформ, но и в отношении состава политических деятелей, находившихся у власти в Османской империи.

Изучение лиц, формировавших правящую элиту империи, имеет первостепенное значение для уяснения характера, охвата, судьбы движения за реформы. Что представляла собой правящая элита и кто входил в ее число?

7 января 1834 г. был опубликован султанский указ о классификации чиновников Порты [1]. Этим было положено начало серии реформ в центральном административном аппарате в период 1834—1839 гг., которые имели своей целью приближение формы управления к европейской.

Действительно, необходимость создания единого правительства чувствовалась давно и весьма ощутимо. До 1834 г. в Турции господствовала традиционная система управления. Во главе административной верхушки стоял султан вместе со своими ближайшими советниками в светской и духовной областях — великим везиром (садразам) и шейх-уль-исламом. Структура Высшего совета (Divan-i hümayun) и в особенности везирского дивана, или Порты (Divan-i asafi, Babialî), свидетельствовала об отсутствии определенного и четкого разграничения функций отдельных частей аппарата власти. Существовало, например, три независимых друг от друга казначейства. Военное ведомство после 1826 г. было независимо от Порты и действовало со-

вершенно самостоятельно и т. д.[2]. Это отсутствие согласованности особенно ярко проявилось после 1826 г., когда проведение реформы нуждалось в ясном, целенаправленном и координированном руководстве.

По указу 1834 г. все должности входили в четыре категории. Первая из них охватывала посты министров внутренних дел, финансов и иностранных дел. Должность великого везира выходила за рамки этой классификации. Остальные министерские посты, а также другие административные должности были охвачены другими тремя категориями (соответственно 16,15 и 11 постов).

Настоящий анализ правящей элиты исследует кроме великого везира высших административных лиц первой категории — министра внутренних дел[3], министра финансов[4] и министра иностранных дел[5]. В него вошли два высших военных поста — сераскера[6] и капудан-паши[7], которые по значению фигурируют среди первых лиц государства[8]. Настоящий анализ не охватывает представителей духовного управления — щейх-уль-ислама и его непосредственных подчиненных. Основное внимание уделено составу светской элиты, которая фактически стояла во главе реформ в 1826—1878 гг.

Настоящая работа основана на сохранившихся биографических данных о личностях, занимавших вышеуказанные посты. Они почерпнуты автором главным образом из четырехтомного биографического словаря Турции, а также из других энциклопедий и отдельных сочинений[9].

В рассматриваемый период всего 95 человек занимали шесть указанных постов. Имеющиеся данные позволяют построить ряды однотипных сведений по нескольким показателям — возраст, место рождения, социальное происхождение, образование и т. д.

Для вычисления среднего возраста, при котором разные лица вступали в должность, берется возраст при первом их назначении. Имеющиеся данные (см. таблицу) указывают на следующий средний возраст для отдельных постов: великий везир — 50 лет, сераскер — 48, министр внутренних дел — 51, министр иностранных дел — 41,5, капудан-паша — 50,5, министр финансов — 44 года[10]. Таким образом, средний возраст лиц, занимавших шесть важнейших постов в государстве, равнялся 47,5 года.

Простое сравнение, например, с главными фигурами английской политики того же периода — премьер-министром и министром иностранных дел — указывает на меньший возраст турецких высших государственных деятелей, хотя разница не слишком значительная. Для английских премьер-министров средний возраст был равен 58 годам, а для министров иностранных

Распределение постов

Показатели	Должность					
	великий везир	сераскер	министр внутренних дел[а]	министр иностранных дел	капудан-паша	министр финансов
Всего лиц	21	21	13	20	30	30
Занимали должность (раз)	43	44	14	41	50	53
Средний возраст	50	48	51	41,5	50,5	44
не указан средний возраст	1	8	6	5	12	22
Социальное происхождение						
не указано	1	7	4	3	13	15
высшие чиновники	1	2	3	8	5	4
улемы	4	1	3	3	—	3
военное сословие	4	3	1	—	4	—
провинциальная знать	5	3	—	2	5	—
знатное происхождение	1	1	—	2	—	4
мелкие административные должности	1	—	1	1	—	—
неадминистративные должности	2	3	1	1	2	3
рабы	2	1	—	—	1	1
Место рождения						
не указано	2	7	4	—	7	15
Стамбул	12	8	4	14	12	10
провинция	7	6	5	6	11	5
Образование						
не указано	2	3	2	1	4	10
без специального	2	3	—	—	4	—
традиционное[б]	3	5	2	—	5	1
различные канцелярии	8	1	8	15[д]	4[ж]	19
специальные учебные заведения	4[в]	6[в]	1	1[е]	10[з]	—
в Европе	2	3[г]		3	3	—
Побывавшие в Европе	8	5	1	14	8	5

[а] С 1839 по 1869 г. должность министра внутренних дел исполнялась великим везиром. В таблице нашли отражение только данные о лицах, занимавших эту должность с 1826 по 1839 и с 1869 по 1878 г.

[б] Традиционное образование — во дворце и в религиозных заведениях.

[в] Двое учились также в мечети и в медресе.

[г] Один учился также во дворце.

[д] Двое посещали также медресе.

[е] Учился также в мечети.

[ж] Один имел и европейское образование.

[з] Один из них учился в медресе, другой — в Европе.

дел — 45. Вместе с тем, если сравнить возраст при назначении на должность отдельных лиц, то бросается в глаза молодость политических деятелей Османской империи. Так, трем главным деятелям танзимата — Мустафе Решид-паше, Фуад-паше и Али-паше, когда они стали министрами иностранных дел, бы-

ло соответственно 37, 37 и 31 год, а при назначении их великими везирами — 46, 48, 37 лет. Риза-паше было 32 года, когда он занял пост сераскера. Самой влиятельной политической фигуре викторианской Англии в тот период — Пальмерстону было 46 лет, когда он возглавил министерство иностранных дел, и 71 год, когда он был назначен премьер-министром. Абэрдин стал министром иностранных дел в возрасте 44 лет, а премьер-министром — в 68 лет.

Сравнивая данные по другому показателю — частоте перемещения с должности на должность, можно сделать определенный вывод об относительной мобильности высших государственных должностей в Османской империи и Англии. За исследуемый период в Османской империи 21 великий везир сменился на этом посту 43 раза, 20 министров иностранных дел — 41 раз, 21 сераскер — 44 раза и т. д. В Англии за тот же период пост премьер-министра, который занимали 13 человек, переходил 20 раз, пост министра иностранных дел (11 человек) — также 20 раз.

Что касается турецких государственных деятелей, это означает, что в среднем каждый из них занимал должность не более года. Нельзя, однако, сразу делать вывод об относительной нестабильности в политической жизни и об отсутствии преемственности в результате кратковременности занятия должности.

На примере великих везиров видно, что только трое из них (Рауф-паша, Али-паша и Решид-паша) держали в своих руках управление страной в течение доброй половины изучаемого периода — 26,5 года. Многие занимали свой пост только раз, и то лишь несколько месяцев. Хамди-паша, например, был великим везиром менее месяца, а Салих Хасан-паша продержался на должности капудан-паши всего три дня. Однако существуют примеры длительного правления. Так, Хюсрев-паша был сераскером в течение 10 лет.

По существу, только несколько лиц определяли характер политической жизни Османской империи. Вполне можно принять вошедшие в употребление такие понятия, как «эпоха Решида» или последовавшая за ней «эпоха Али и Фуада».

При этом не следует придавать большого значения традиции этих постов, ибо в разные периоды определяющим фактором сказывался не сам пост, а личность, которая его занимала. Так, главной фигурой в правительстве после 1839 г. стал министр иностранных дел Мустафа Решид-паша, самой влиятельной личностью в кабинете министров после 1842 г. был сераскер Риза-паша, а в течение четверти столетия Али-паша и Фуад-паша последовательно сменяли друг друга на посту министра иностранных дел.

Имеющиеся данные обнаруживают следующую картину о социальном происхождении 95 государственных деятелей, занимавших крупные посты в данный период. 17 из них принадлежали к сословию высших государственных чиновников. Среди них: два сына Мустафы Решид-паши, сын египетского паши Ибрахима, сын багдадского вали Махмуд Недим-паша, 5 сыновей разных пашей и т. д. Из числа улемов (т. е. лиц ученого сословия) вышло 6 человек. Отцы двух были кади, один (отец Фуад-паши) — известный поэт, один являлся шейхом, а дедушка одного был летописцем, историком. Шестеро были сыновьями офицеров довольно высоких чинов (1 кулагасы, 2 чавушбаши, 1 топчубаши и т. д.). Все они, за исключением одного, являлись представителями столичного офицерства. К провинциальной знати принадлежало 6 человек (отец одного был аяном г. Ловеч), трое обозначены в источниках просто как знатные (eşraf), один — выходцем из известного рода из Бурсы. Отцы 7 министров названы только по именам, шесть из них были эфенди, а один — ага. Следует отметить, что титул «эфенди» давался как светским лицам, так и офицерам, вплоть до майора (binbaşi). Отец великого везира Хамди-паши был управляющим (kâhya) великого везира Хюсрев-паши. Интересно происхождение Ахмеда Вефик-паши, дед которого был евреем, принявшим ислам и служившим переводчиком в диване, а отец — Рухиддин-эфенди — был дипломатом в Париже.

В итоге 44 человека (около 46%) принадлежало к высшим сословиям. Следует отметить, что этот процент для трех высших должностей (великого везира, министра иностранных дел и сераскера) гораздо выше — почти 60. Все эти лица, по удачному выражению Абдулхаджа в его статье, посвященной вопросу изменений в комплектовании османского правящего класса в конце XVII в., были так называемыми beyzadeler [11].

Четверо из перечисленных были сыновьями людей, занимавших сравнительно маленькие административные должности. Среди них — Мустафа Решид-паша, отец которого был ruznamçeci (мелкий чиновник фиска).

13 человек совершенно не были связаны своим происхождением с управленческим аппаратом. Здесь встречаются лавочник базара Мысырчарши в Стамбуле — отец Али-паши (последний всегда был объектом насмешек в связи со своим низким происхождением), лодочник, садовник, мелкий торговец. Сыновья этих людей с малых лет воспитывались во дворце и оттуда начинали свою административную карьеру. Кроме них встречаются два ремесленника и два торговца (один из них — член гильдии продавцов воска). Трое (два великих везира и один министр финансов) были рабами. Таким был, например, Хюсрев-паша, выросший во дворце. О двоих указано лишь, что

они были воспитаны в окружении Хюсрев-паши, но подразумевается, что они были его рабами (köle).

По доступным данным, не удалось установить социального происхождения 34 человек (36%). Указаны только имена отцов двух из них, двое — выходцы из татарских семей, один — из семьи грузинских эмигрантов, один является сыном еврея-мусульманина (dönme). Об остальных нет сведений.

Таким образом, всего пятеро из 95 человек вышли из традиционного для первых веков существования Османской империи источника пополнения государственной элиты — султанского двора. Трое других, хотя и имели карьеру, сходную с выходцами из капыкулу, были воспитаны уже не в султанском дворце, а у везира. На это указывает Абулхадж как на новое явление в жизни Османской империи в конце XVII в.[12].

В своей статье о становлении карьеры османской бюрократии с середины XVII до середины XVIII в. Шиндер выводит постоянную и растущую тенденцию изменения традиционных путей формирования элиты с выходом на первый план родственных связей или покровительства[13]. Как видно из вышеизложенных данных, в XIX в. это была не просто преобладающая тенденция, а правило[14].

Интересный результат получается при распределении лиц по месту рождения. Отсутствуют соответствующие данные о 29 человеках (30%). 29 лиц приехали из провинции. В Стамбуле родились 23 человека. Пятеро родились в провинции, но переехали в столицу в раннем детстве и там получили образование. Хотя место рождения остальных девяти точно не указано, они являются сыновьями высших дворцовых сановников. Таким образом, всего 37 человек (40%) связаны своим происхождением со столицей. Начало этого процесса можно также найти в середине XVIII в.[15].

При анализе танзимата обычно подчеркивается ряд объективных и субъективных причин, обусловивших недостаточно широкое и глубокое развертывание реформ: отсутствие широкой социальной базы, растущая зависимость экономики Османской империи от иностранного капитала, оппозиция реформам со стороны различных общественных слоев и т. д. Личности реформаторов затрагиваются преимущественно в связи с их программой, со степенью их радикальности, консервативности и т. д. Между тем упускается из виду простой факт — уровень подготовленности, компетентности правящей элиты Османской империи.

Какое образование получила правящая прослойка Османской империи? Была ли она специально обучена для политического руководства своей страной?

Нет данных об образовании 18 человек, 6 человек не имели специальной подготовки. Все они с молодости начали военную карьеру.

Традиционное образование получили 10 человек. Среди них 6 прошли обучение во дворце, а двое — в окружении везиров. Двое посещали медресе. Еще 5 человек проходили подготовку во дворце, в медресе или в мечетях, но, поскольку они были обучены и в других заведениях, эти лица включены в соответствующие категории. Одним из них был Фуад-паша, который кроме образования при мечети окончил военно-медицинское училище.

Большинство — 40 человек (42%) — прошло специальное обучение для государственных чиновников в различных канцеляриях. В этих канцеляриях были подготовлены 8 из 19 великих везиров, о которых имеются данные об образовании, 19 из указанных 20 министров финансов, 8 из известных 11 министров внутренних дел, 15 из 19 министров иностранных дел. Из канцелярии дивана (Divan-i hümayun kalemi) вышло 4 великих везира и 8 министров иностранных дел, среди них Али-паша и Мидхат-паша. В канцелярии великого везира (Sedaret mektudi kalemi) учились 2 великих везира, 3 министра иностранных дел, 5 министров финансов. Здесь обучались Мустафа Решид-паша и Махмед Садык Рифат-паша. 7 министров финансов получили специальную подготовку в канцелярии министерства финансов (Meliye kalemi).

Первые попытки организации светского образования в Османской империи коснулись прежде всего подготовки военных кадров. До 1826 г., когда было открыто военно-медицинское училище (Tıbbhane), существовали всего два военных учебных заведения со светской программой обучения [16]. Особую роль сыграло созданное в 1834 г. общевойсковое училище (Mekteb-i harbiye), выпускники которого оказали заметное влияние на культурную жизнь Османской империи не только как военные деятели, но и как преподаватели в гражданских учебных заведениях [17]. Среди 95 лиц всего 15 получили образование в одной из военных школ. 10 капудан-пашей из 26, о которых имеются данные об образовании, получили подготовку в Mekteb-i harbiye, Tophane, Tersane, Deniz okulu.

Что касается подготовки гражданских кадров, то первая школа для подготовки гражданских чиновников, Школа просвещения Махмуда II (Mekteb-i maarif-i adliye), была открыта в 1834 г. В начале 40-х годов она имела около 200 учеников. Около 100 служащих повышали здесь свое образование [18]. Позже, в 1849 г., была организована специальная школа по подготовке чиновников (Darülmaarif) — так называемый колледж Валиде султан. Эта школа готовила кадры для централь-

ного государственного аппарата. Для подготовки чиновников провинциального аппарата в 1859 г. была открыта двухгодичная школа (Mekteb-i mülkiye). Надо отметить, что среди анализируемых нами 95 человек нет данных о том, что кто-либо из них окончил бы одно из указанных гражданских учебных заведений.

Наконец, известно, что во время правления Махмуда II (1808—1839) им были отправлены на учебу в Европу около 150 человек[19]. Среди интересующих нас лиц только семеро получили образование в Западной Европе.

Сведения о том, сколько из анализируемых лиц посещали Европу, нельзя считать исчерпывающими. Однако можно говорить о преобладании среди них будущих министров иностранных дел (14 из 20 министров провели более или менее длительный период в крупных европейских государствах).

Таким образом, почти все деятели Османской империи того периода получили максимальную подготовку, которую представляли им условия в империи. Однако надо отметить, что эта подготовка не отличалась существенно от той, которую получили предшествующие генерации политических деятелей Османской империи. Обучение в канцеляриях являлось фактически традиционным образованием для представителя бюрократии центрального аппарата.

Данные об образовании приводят к выводу, что по своей подготовке к политической деятельности правящая элита Османской империи в 1826—1878 гг. существенно не отличалась от предшествующей. Данные об образовании не позволяют обнаружить разницы и в обучении деятелей первого и второго периода танзимата. Поэтому, что касается по крайней мере высшей османской бюрократической элиты, трудно согласиться с мнением, что одной из причин оппозиционного отношения нового поколения под руководством Али-паши и Фуад-паши являлась его подготовка в светских учебных заведениях, созданных с конца правления Махмуда II[20].

Как уже было сказано, большинство лиц, занимавших шесть высших должностей, проходили специальную подготовку в различных канцеляриях. Если и имелись какие-нибудь нововведения в этом обучении, то они касались прежде всего изучения европейских языков. Тем самым осуществлялось более непосредственное соприкосновение с европейской культурой. В этом и заключалось значение созданного в 1821 г. переводческого бюро (Tercüme odası). Нельзя преувеличивать его роль как центра для подготовки руководящих деятелей Османской империи. Бюро переводчиков просто положило конец опосредованному контакту (через греков и представителей других народностей, служивших переводчиками) Высокой Порты с Ев-

ропой, создавая собственные, подготовленные в языковом отношении кадры.

Взгляды деятелей танзимата, программа реформ, сами реформы были делом людей, которые не были специально обучены для этого, но, сознавая необходимость перемен, старались сами нащупать их наиболее эффективные пути. Это были люди, подготовленные традиционными методами правления. Они имели в своем арсенале новые средства, обучаясь в процессе собственной административной практики.

Анализ состава правящей элиты Османской империи в период реформ (1826—1878), полученные результаты по ряду показателей (социальное происхождение, место рождения, образование) представляют в завершающей форме процесс изменений, который ведет свое начало со второй половины XVII в. Аналогичные исследования применительно к предшествующим периодам дали бы возможность установить обстоятельства формирования высшей правящей элиты по другим показателям, а также реально проследить развитие ряда связанных с этим тенденций. В связи с этим более четко выделились бы и характерные особенности реформенной эпохи. Такое исследование можно расширить, ставя объектом изучения весь аппарат государственного управления. Такой подход можно осуществить, используя данные четырехтомного биографического словаря Турции. Несмотря на сомнения относительно достоверности этих данных, в особенности хронологических, характер этих неточностей не имел бы существенного значения для окончательных результатов, тем более что цель состоит не в достижении педантической точности, а в выявлении ряда тенденций и направлений их развития.

[1] «Le Moniteur Ottoman», 17.I.1834, с. 1—2.

[2] О структуре управления до 1834 г. см.: А. Д. Новичев. История Турции. Т. 2. Новое время. Ч. 1. 1968, с. 241—243.

[3] До 1836 г. это sedaret kethüdasi, или просто kâhya bey. В 1836 г. было создано Umur-u mülkiye nezareti (министерство гражданских дел), а в 1837 г. его преобразовали в Umur-u dahiliye nezareti (министерство внутренних дел) во главе с dahiliye nazırı.

[4] После 1834 г. функции трех дефтердаров были сосредоточены в руках одного человека. С созданием Umur-u maliye nezareti (министерство финансов) в 1837 г. во главе финансового управления стал maliye nazırı.

[5] До создания в 1836 г. отдельного министерства (Umur-u hariciye nezareti) во главе с hariciye nazırı руководство иностранными делами находилось в руках reisülküttab.

[5] Сераскериат был организован в 1826 г. В 1836 г. при нем был создан военный совет (Dar-i şura-yi askeri).

[7] Kapudan (Kaptan) paşa, Kaptan-i Derya до 1867 г. После этого было создано министерство флота во главе с bahriye nazırı.

[8] А. Д. Новичев считает даже, что сераскера по значению занимаемой должности можно поставить рядом с великим везиром и шейх-уль-исламом (А. Д. Новичев. История Турции. Т. 2. Новое время. Ч. 1, с. 245).

[9] Sicilli osmanai yahut tezkereyi meşahiri osmaniye (Mehmed Süreya), 1308—1311 (араб. шрифт) [переиздано фотоспособом в Лондоне в 1971 г.]; J. A. Gövsa. Türk meşhurları ansiklopedisi. Resimlı türk ve dünya meşhurları ansiklopedişi. [İstanbul, 1962].

[10] В том случае, когда первое назначение на должность имело место ранее нижней границы рассматриваемого периода, для вычисления среднего возраста выбран возраст при втором назначении, как, например, в случае с Рауф-пашой, который занял пост великого везира впервые в 1814 г.

[11] Abou-El-Haj. The Ottoman Vezir and Paşa Households. 1683—1703; A Preliminary Report.— «Journal of the American Oriental Society». Vol. 94, № 4, Oct.—Dec. 1974, с. 440—441.

[12] Там же, с. 446.

[13] J. Shinder. Career Line Formation in the Ottoman Bureaucracy 1648—1750; A New Perspective.— «Journal of the Economic and Social History of the Orient». Vol. 16, Pt 2—3, с. 236.

[14] При анализе социального происхождения и других характеристик нашли свое отражение лишь общие результаты. О распределении отдельных постов в связи с разными показателями см. таблицу.

[15] J. Shinder. Career Line Formation..., с. 236.

[16] А. Д. Желтяков, Ю. А. Петросян. История просвещения в Турции. М., 1965, с. 16.

[17] Там же, с. 32.

[18] Там же, с. 22.

[19] E. Z. Karal. Osmanlı tarihi. Cilt 5. Nizam-i cedid ve Tanzimat devirleri, 1789—1856. 2 baskı. Ankara, 1961, с. 166.

[20] J. S. Shaw. The Central Legislative Councils in the Nineteenth Century Ottoman Reform Movement Before 1876. — «International Journal of Middle East Studies». Vol. 1, № 1, 1970, с. 63.

И. Л. Фадеева

АНГЛИЙСКАЯ ЭКСПАНСИЯ В ТУРЦИИ ПОСЛЕ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ В 50—60-е ГОДЫ XIX в.

Борьба европейских держав за экономические и политические позиции на Ближнем Востоке во второй половине XIX в. еще больше усилилась по сравнению с началом столетия в результате бурного развития капитализма в европейских странах после изобретения паровых машин. Ее углубили и некоторые политические обстоятельства, важнейшим из которых было политическое и торговое соперничество с Россией западноевропейских держав.

Россия, потерпевшая поражение в Крымской войне, ждала своего часа, чтобы добиться отмены ограничительных условий Парижского мирного договора 1856 г. Используя волнения в балканских провинциях Османской империи, она укрепляла свое влияние среди христианских народов. После Крымской войны российское правительство предприняло ряд дипломатических шагов для сближения с Францией [1]. Этому сближению способствовало и то обстоятельство, что Франция, несмотря на значительные жертвы в войне и роль ее армии, до некоторой степени утратила в конце 50-х годов свое влияние на Востоке из-за действий Англии и Австрии, перехвативших инициативу [2].

Опасаясь французской конкуренции на кратчайшем пути в Индию, кабинет Г. Д. Пальмерстона длительное время противодействовал проекту сооружения Суэцкого канала, предложенному Францией. Наряду с этим известную роль в сопротивлении Англии играла позиция крупных судовладельческих компаний, вложивших значительный капитал в сооружение баз и станций на пути вокруг Африки. Указанные компании опасались, что после открытия канала эти базы и станции потеряют свое значение [3].

Турция, формально оказавшаяся в коалиции стран-победительниц и вошедшая в «европейский концерт», испытывала та-

кие серьезные политические и экономические трудности, что во многих внешнеполитических и внутренних вопросах вынуждена была идти на уступки западным державам.

Финансовые проблемы были итогом многочисленных войн Османской империи, а также следствием отсталости ее феодальной экономики, не выдерживавшей натиска европейского капитала. Экономическая зависимость Турции от европейских держав влекла за собой политическую зависимость. Нарушение политического равновесия после поражения России в пользу западных держав облегчило им дальнейшую экспансию на Ближнем Востоке.

В результате Крымской войны больше всех выиграла Англия. Нанеся поражение России, которую она считала опасным врагом в этом районе, Англия упрочила свои позиции в Стамбуле. Английское правительство по-прежнему отстаивало целостность Османской империи, но теперь оно больше опиралось на поддержку Австрии, нежели Франции.

Приоритет в ближневосточных делах, которого Англия добивалась поддержкой султанского режима и упрочением власти Порты над христианскими и мусульманскими народами Османской империи, в 50—60-х годах оставался одной из важнейших задач кабинета Г. Пальмерстона. Неизменная заинтересованность Англии в сохранении статус-кво в Османской империи была обусловлена несколькими причинами, которые определяли британскую внешнюю политику в эти годы.

Одним из основных факторов английской политики была защита своих торговых интересов. В парламентской речи от 22 марта 1849 г. Г. Пальмерстон высказался за целостность Османской империи по экономическим и политическим мотивам. Он заявил, что верит в возможность значительного увеличения торговли с Турцией, если во владениях султана будут осуществлены некоторые внутренние реформы [4].

В рассматриваемый период Англия занимала первое место по ввозу в Турцию и в общем объеме ее торгового оборота [5]. С 1825 по 1853 г. экспорт английских товаров в Турцию возрос более чем на 7 млн. ф. ст., тогда как импорт — только на 1 млн. ф. ст. В 1825 г. экспорт из Турции в Англию преобладал над импортом [6].

Англия вывозила из Турции сельскохозяйственные продукты: шелк-сырец, хлопок, козью и овечью шерсть, виноград, инжир, опиум. Экспортировала хлопчатобумажные и шерстяные ткани, сахар, чай, железо и др. С 1850 по 1855 г. число предметов английского экспорта в Турцию возросло с 39 до 84. Такой рост экспорта в значительной мере был связан с нуждами Крымской войны [7].

Через территорию Османской империи проходил важнейший

для Англии транзитный путь в Иран, Афганистан, Среднюю и Центральную Азию.

Названные причины побуждали Англию поддерживать Османскую империю и как противовес России, с соперничеством которой она постоянно боролась. В донесении от 6 февраля 1863 г. министру иностранных дел А. М. Горчакову российский посол в Лондоне Ф. И. Бруннов писал: «С начала века английская политика на Востоке руководствуется чувством глубокого недоверия к России. Англия считает, что кабинет С.-Петербурга озабочен постоянным стремлением либо увеличить свои земли за счет Турции, либо расширить свое влияние на христианские народы, чтобы достичь расчленения Османской империи. Обеим этим тенденциям противится британский кабинет. Его жизненный интерес к этому обязывает. В его глазах Европейская Турция — барьер, отделяющий нас от Средиземноморья, а Азиатская Турция — щит, усиливающий безопасность английских владений в Индии. Это объясняет постоянство ее усилий, которые она нам противопоставляет всякий раз, когда она полагает, что ее прямым интересам угрожает наша враждебная позиция к Турции» [8].

Г. Пальмерстон надеялся, что реформы в Османской империи сделают ее более способной сопротивляться ее врагам и играть свою роль в балансе сил Восточной Европы. В письме к Понсонби в конце 1833 г. он писал: «Наша важнейшая цель — постараться поставить Порту в статус внутренней организации и убедить правительство улучшить армию, флот и финансы» [9].

Пальмерстон, будучи известным сторонником конституционализма в Европе, в отношении Османской империи рассчитывал на реформы сверху, которые осуществлялись бы властью султана. По мнению английского историка Г. Темперли, Пальмерстон верил, что просвещенный деспотизм лучше, чем парламентское правление, справится с беспорядками и злоупотреблениями в Турции того времени [10]. Более вероятно, что Пальмерстон понимал невозможность парламентского правления в Турции в тот период.

В 50—60-е годы турецкое правительство предоставило английским компаниям ряд концессий. Это было сделано в соответствии со ст. 25 высочайшего султанского указа (хатт-и-хумайюна) 1856 г., в которой говорилось о намерении турецкого правительства развивать дорожное строительство с целью улучшения коммуникаций в стране, для чего предполагалось привлечь иностранные капиталы [11].

Концессии были выданы на строительство железных дорог Измир — Айдын протяженностью 73 км и Кестендже — Чернавода — 66 км. Строительство первой железной дороги началось в 1856 г. и закончилось в 60-х годах, второй — началось в

1857 г. и продолжалось три года. В 60-х годах, в правление султана Абдул Азиза, было открыто сообщение еще на двух железнодорожных линиях: Измир — Касаба (93 км) и Варна — Рущук (220 км)[12].

Все эти железные дороги были предназначены для обслуживания английской торговли. Вместе с тем для западноевропейских держав они имели и стратегическое значение.

Строительство дорог имело первостепенное значение для развития турецкой промышленности, сельского хозяйства и торговли. Министры Порты Али-паша и Фуад-паша с 1860 г. стремились осуществить проекты обширной сети железных дорог, которые, пересекая из конца в конец Балканский полуостров, соединили бы Босфор и Дунай, тем самым открыв прямое сообщение между Стамбулом, Веной и Парижем[13].

Хотя турецкое правительство было заинтересовано в железнодорожном строительстве, но само не располагало для этого ни капиталами, ни опытом, ни специалистами. Условия же, на которых концессии предоставлялись иностранным компаниям, были в целом весьма обременительными для Турции, и без того оказавшейся в сильнейшей финансовой зависимости от Запада.

В 1858 г. турецкое правительство вело переговоры с английскими компаниями о концессиях на дренажные работы в Александреттском санджаке, на очистку побережья р. Марицы, на строительство дорог Бурса — Гемлик и сооружение дамбы от Трабзона до Эрзурума[14].

В этот период в планы Англии входила и финансовая поддержка Турции — разумеется, с гарантией максимальной выгоды. Во время Крымской войны турецкое правительство получило от Англии два займа: в 1854 г. — 3 млн. ф. ст. (6% годовых) и в 1855 г. — 5 млн. ф. ст. (4%). Займы предназначались на военные нужды[15].

В 1856 г. был опубликован правительственный указ об учреждении Османского банка, капитал которого всецело принадлежал англичанам. Центр его находился в Лондоне, отделения — в Стамбуле, Измире, Бейруте и Салониках. Банк был основан с целью предотвратить краткосрочные займы у банкиров Галаты, требовавших высоких процентов, что являлось бичом для турецких финансов[16].

4 февраля 1863 г. этот банк был переименован в Османский имперский банк. Теперь к участию в его деятельности были привлечены и французские капиталисты. Центр банка размещался в Стамбуле[17].

В 50—60-х годах было положено начало «оттоманскому долгу», который привел Турцию к банкротству и еще большей зависимости от западных держав.

Поддерживая территориальную целостность Османской империи, Англия в то же время не упускала из виду возможности ее распада. Поэтому, предоставляя займы султанскому правительству, она старалась не только поддержать империю, неуклонно приближавшуюся к кризису, но и воспользоваться в зависимости от будущих событий своим правом ипотечного кредитора, опиравшегося на материальные гарантии [18].

Ближневосточную стратегию Пальмерстона в Стамбуле с 1842 по 1858 г. (с небольшим перерывом) осуществлял Стрэтфорд де Рэдклиф (до 1853 г. он именовался Стрэтфорд Каннинг), известный своей непримиримостью к России, сыгравший не последнюю роль в непосредственном развязывании Крымской войны [19]. Турецкий историк А. Н. Курат также считает его инициатором Крымской войны [20].

Английский посол был настолько уверен в своем личном влиянии на султана Абдул Меджида I, что вмешивался в назначение министров Порты и пытался контролировать проведение реформ. В 1856 г. великий везир Али-паша, воспользовавшийся поддержкой французского посла, по настоянию лорда Стрэтфорда был смещен, а его место занял Решид-паша, лицо более угодное Стрэтфорду [21].

После Крымской войны Стрэтфорд де Рэдклиф предложил султану охрану типа преторианской гвардии, которая контролировалась бы британскими офицерами. Султан отверг это предложение [22].

Такая чрезмерная опека не могла не тяготить турок, поэтому они не без удовлетворения восприняли замену Рэдклифа Генри Бульвером в 1858 г. Об этом недвусмысленно высказывался Али-паша в секретном послании турецкому представителю в Лондоне Мусурусу: «Наша признательность вынуждена уступить место совершенно другим чувствам, когда мы думаем о зле, которое причинили Турции его (Стрэтфорда де Рэдклифа.— *И. Ф.*) административные теории, его принципы для возрождения империи, принципы, основывающиеся на полном незнании страны и ее жителей, наконец, его неоправданное вмешательство в министерские дела...

Чтобы резюмировать свою мысль, скажу, что наши сожаления и наши симпатии никогда не дойдут до того, чтобы заставить нас желать возвращения лорда Стрэтфорда в качестве посла...» [23].

Новый английский посол не менее ревностно, но на первых порах более осмотрительно охранял британские интересы в Стамбуле. Как и Рэдклиф, он был сторонником реформ в Турции. Бульвер тщательно изучал финансовое положение страны и старался понять проблемы ее экономики. Ему принадлежала инициатива созыва смешанной турецко-европейской комиссии

по осуществлению финансовых реформ, которые Бульвер считал делом первостепенной важности. Для стабилизации финансового положения Османской империи он предлагал всеобщую экономию, включая сокращение расходов султана и его окружения[24].

В своих донесениях министру иностранных дел Дж. Расселу Бульвер пишет о слабости центральной власти, которая не в состоянии бороться со злоупотреблениями и беспорядками в провинциях. Многие отрасли управления, такие, как финансы, армия и флот, средства связи, общественные работы и т. д., по его мнению, должны быть поставлены на европейскую основу достаточно быстро, чтобы предотвратить угрожающий Турции финансовый и политический кризис. Для этого он считал необходимым привлечь компетентных европейцев[25].

В своих донесениях Бульвер постоянно отмечает бедственное положение христианского населения Османской империи, указывает на необходимость выполнения всех пунктов хатт-и-хумаюна 1856 г., но лишь в исключительных случаях английское правительство активно действовало в этом направлении.

Резня христианского населения в Джедде (Хиджаз) в 1858 г., во время которой погибли французский консул и английский вице-консул, явилась поводом для английского вмешательства. Воспользовавшись этими событиями, Англия ввела свои корабли в Средиземное море и направила их к берегам Сирии. При этом английское правительство возлагало вину за беспорядки на местные власти, неспособные понять или выполнить приказы султана, «задуманные в духе гуманности»[26]

Однако, несмотря на такую позицию правительства, в эти годы происходят изменения в настроениях английской общественности. Английская пресса, считавшая прежде Турцию объектом русской агрессии, постепенно изменила свой тон. Газеты обвиняли султана в расточительстве финансовых ресурсов государства, в непомерных расходах на содержание гарема, на дотации членам султанской семьи и т. д. Одна из подобных статей заканчивалась следующим предостережением: «Если султан в кратчайший срок не последует добрым советам, то мы окажемся перед такой альтернативой: либо турецкое правительство кончит тем, что полностью разорит страну, либо народ свергнет правительство»[27].

В 1858 г. турецкое правительство сделало новый заем в Лондоне на сумму 5 млн. ф. ст. (6% годовых), который предназначался для частичного изъятия из обращения бумажных денег. Но восстания в Ливане и Сирии в 1858 г., а также военный конфликт с Черногорией привели к новым финансовым трудностям, так что количество бумажных денег пришлось увеличить[28].

Примечательно, что ценность бумаг, выпущенных по этому займу, колебалась из-за противодействия крупных греческих банкирских домов, обосновавшихся в Лондоне, Ливерпуле и Бирмингеме, влияние которых имело целью нанести ущерб операции в пользу турецкого правительства. Кабинет Пальмерстона разоблачил этот маневр и постарался восстановить финансовый кредит Порты, тем более что в Лондоне ожидали прибытия министра иностранных дел Турции Фуад-паши[29].

Как ни тяжелы были условия займов для Турции, но и на таких условиях получить их становилось все сложнее[30]. «Англия требовала гарантий, которые турецкое правительство не могло предоставить без существенного ущемления государственного престижа. С целью получения таких гарантий Англия настаивала на проведении в Османской империи административных и финансовых реформ под контролем западных держав.

Новые финансовые осложнения, вызвавшие волнения в столице и провинциях из-за роста цен, инфляции и разорения основной массы населения[31], турецкое правительство пыталось предотвратить путем нового иностранного займа. Решение вопроса затягивалось, так как представитель Франции в Стамбуле Лавалетт заявил на переговорах от имени своего правительства, что Франция будет обсуждать с Англией гарантию займа только при участии России. Последняя же отказалась поддержать какой бы то ни было заем для турецкого правительства, которое отказалось принять русский проект реформ[32].

Турция вновь обратилась к Англии с просьбой о займе. В ответ на обращение султанского правительства Бульвер 6 августа 1860 г. передал великому везиру Али-паше мемуар и план финансовых реформ, от принятия которых зависели дальнейшие переговоры об очередном займе. План содержал шесть пунктов[33]:

1. Чтобы упорядочение финансов, для которого предназначался очередной заем, было доведено до конца; при этом требовалось отказаться от системы краткосрочных ссуд.

2. Чтобы проценты на все неконсолидированные долги обеспечивались специальной гарантией.

3. Для обеспечения сумм на дополнительные проценты необходимо было вписать в бюджет новые ресурсы.

4. Чтобы леса и рудники, земля и другое общественное достояние были переданы под контроль смешанной европейско-турецкой комиссии, назначенной финансовой комиссией с целью извлечь из них по возможности лучшую часть в пользу государства в соответствии с проектом, который будет разработан и часть которого составит предоставленное иностранцам право покупать, арендовать и эксплуатировать государственную, а также всякую другую собственность при условии, что эта соб-

ственность останется подведомственной турецкой полиции и будет облагаться всеми налогами, которыми в подобном случае облагаются османские подданные.

В этом пункте не только содержалось требование о предоставлении иностранцам права владеть недвижимой собственностью в Османской империи, о котором речь пойдет дальше, но и предлагалось отдать национальные богатства страны под контроль западных государств.

В дополнение к этому пункту в проекте Бульвера говорилось, что вакфная собственность также должна быть включена в ресурсы бюджета.

5. Учредить Контрольный комитет, который был бы сформирован из европейцев и других лиц, османских подданных, но независимых, насколько это возможно, от любого дела и всякого влияния, которые могли бы воздействовать на их поведение.

В состав упомянутого Контрольного комитета должны войти англичанин и француз, полномочия комитета должны быть четко определены и достаточно обширны, чтобы удовлетворить тем обязанностям, которые он призван выполнять.

6. Укрепить министерство финансов способными людьми, имевшими специальные познания и опыт в данной сфере, приглашенными из Франции, Англии или Германии.

В заключение говорилось «о недопустимости превращать эту обширную территорию в ферму, которую эксплуатируют несколько пашей и их управляющие (кяхья); недопустимо также ее эксплуатировать только в пользу турецкой расы». При этом Бульвер считал необходимым сохранить господство турок над другими народами Османской империи, хотя тут же признавал, что империя разваливается и что без помощи европейцев невозможно организовать управление страной на удовлетворительных началах [34].

Ответ Али-паши был уклончивым. Соглашаясь с необходимостью некоторых предложенных Бульвером мер, он указывал, что результаты их могут быть получены в более или менее отдаленную эпоху, тогда как правительство не располагает средствами даже для уплаты жалованья чиновникам и для содержания армии [35]. Английское правительство уклонялось от предоставления займа, ссылаясь на беспорядок в управлении и финансах империи, что, по мнению Рассела, ставило под сомнение все гарантии займа [36].

По инициативе английского посла в Стамбуле предполагалось созвать в 1860 г. конференцию европейских держав (Англии, Франции, России, Пруссии, Австрии и Сардинии, последняя была приглашена Англией вопреки желанию России как держава, подписавшая Парижский договор 1856 г.) для обсуж-

дения английского проекта финансовых реформ. Конференция эта была сначала отложена на три месяца из-за возражений Франции, которая обусловливала свое участие в ней согласием Порты на активный контроль Европы. Порта не согласилась. Чтобы предотвратить дальнейшее вмешательство держав-гарантов во внутренние дела Османской империи, турецкое правительство направило в Румелию великого везира Кипризли Мехмед-пашу для расследования жалоб местного населения [37]. В феврале 1861 г. турецкое правительство передало султану для утверждения проект реформ, касавшихся налогов в сельской местности, провинциальной полиции и системы обязательных поставок сельскохозяйственных продуктов [38].

В апреле 1861 г. Порта разрабатывала свой собственный проект финансовых мероприятий, которые должны были привести к нормализации денежного обращения [39].

В 1860 г. банкирский дом Мире согласился предоставить османскому правительству заем на сумму 2 млн. ф. ст. из расчета 6% годовых. Из них Порта должна была получать меньше половины [40].

В 1861 г. умер султан Абдул Меджид I. Ему наследовал его брат Абдул Азиз, который высказывался за независимый курс во внешней и внутренней политике государства. В связи с этим английский кабинет занял выжидательную позицию [41].

Но сколько-нибудь существенных изменений в турецкой внешнеполитической ориентации не произошло. В 1862 г. Англия снова предоставила Турции заем в 8 млн. ф. ст. с целью изъятия из обращения бумажных денег и отправила в Стамбул официального уполномоченного для наблюдения за выполнением условий займа [42]. В 1863 г. был сделан в Англии заказ на строительство военных кораблей, так как флоту Абдул Азиз придавал очень большое значение [43].

В эти годы Англия начинает несколько пересматривать свою восточную политику. Хотя она продолжала, по выражению французского министра иностранных дел Дрюина де Ли, «окружать Османскую империю ревнивой заботливостью, британское правительство как будто бы несколько усомнилось в непогрешимости средств, к которым оно прибегало до сих пор» [44].

Национально-освободительное движение на Балканах, тенденции к независимости в Сирии, Ливане и других провинциях Османской империи доказывали невозможность сохранения ее территориальной целостности, которую Англия поддерживала почти столетие.

В середине 60-х годов в предвидении окончательного упадка Османской империи Англия пыталась найти опору своей восточной политики в Греции и вернуться отчасти к политическим

принципам премьер-министра 20-х годов Каннинга, поддерживавшего греков в борьбе за независимость против султанской власти. В этот период Пальмерстон начинает смотреть на Грецию как на аванпост, который Запад противопоставил бы со временем политике России на Востоке [45].

Британское правительство отказалось от протектората над Ионическими островами, которые были присоединены к Греции; одно время в Англии возымели идею посадить на греческий трон принца Альфреда, связанного с английским королевским домом.

Однако существовали препятствия этой новой политической линии. Они заключались в славяно-греческих разногласиях, достигших в 60-х годах особой остроты вследствие борьбы болгар за церковную независимость, что значительно снизило греческое влияние на Балканах. Кроме того, Англия все еще продолжала отстаивать статус-кво в Османской империи, по поводу чего Ф. И. Бруннов писал: «Пытаться защищать дело Турции, в то же время поощряя проявление национальных чувств в Греции,— задача трудновыполнимая и может произвести дурное впечатление в обеих странах» [46].

В середине 60-х годов усилилось англо-французское соперничество в Египте, что поставило Порту в затруднительное положение.

Французскому подданному Фердинанду Лессепсу удалось добиться от Порты разрешения на строительство канала, вопреки английским проискам в Стамбуле, угрозам и активному противодействию британского кабинета [47]. Однако по мере завершения строительных работ борьба за влияние в этом районе разгорелась с новой силой. Хедив Измаил, человек ловкий и умный, пытался извлечь пользу из европейского внимания к своей стране. Он прислушивался то к английскому послу Бульверу, то к французскому — Мустье, имея в виду добиться большей независимости от Порты [48].

По ряду других вопросов, в частности объединения Дунайских княжеств, Англия не проявляла прежней заинтересованности и склонна была в этот период к компромиссам с Францией [49].

Что касается национально-освободительного движения на Балканах, то в этом вопросе позиция Англии почти не изменилась. Она продолжала поддерживать Порту. Освобождение христианских народов балканских провинций Англия считала опасным и невыгодным для себя, так как опасалась усиления влияния России в этих районах [50].

Английская политика в 50—60-х годах на Ближнем Востоке не была однозначной и последовательной. Она содержала две противоположные тенденции, которые сосуществовали, попере-

менно усиливаясь. С 30-х годов XIX в. Англия стремилась к преобладающему влиянию в Османской империи. Обеспечивая себе дешевый источник сырья и рынок сбыта, она нанесла большой ущерб турецкой экономике, навязав ей в критических обстоятельствах торговый договор 1838 г.[51].

Английские дипломаты выступали против малейшей попытки турецких властей хоть как-то оградить интересы государства от посягательств иностранного капитала.

В начале 1860 г. по инициативе Али-паши и Фуад-паши был издан указ о введении налога на недвижимую собственность в Стамбуле. Суммы от этого налога должны были способствовать стабилизации финансового положения страны. Бульвер был организатором сильной оппозиции этому указу, так как англичане через подставных лиц и другими путями имели собственность в Стамбуле. В своей депеше Расселу он отмечал, что турецкое правительство издало этот указ, не согласовав его с представителями великих держав, что указ противоречит условиям капитуляций и договора 1838 г. Под сильным нажимом Англии и других государств этот указ был отменен и введен в действие только в 1874 г.[52].

Однако Англия была заинтересована в укреплении Османской империи, как об этом было сказано выше. Тот же Бульвер энергично хлопотал об административном и финансовом переустройстве страны на европейских началах, причем он не всегда действовал достаточно согласованно с министерством иностранных дел. Расселу приходилось подчас умерять его рвение[53].

При анализе неудач в танзиматских реформах необходимо учитывать и эту двойственность в политике Англии, бывшей в рассматриваемый период ближайшей союзницей и в известной мере опорой Османской империи.

Позиция турецкого правительства в эти годы также требует некоторого уточнения. На Парижском конгрессе в 1856 г. великий везир Али-паша, представлявший Турцию, под давлением великих держав был вынужден согласиться на включение в Парижский договор хатт-и-хумаюна 1856 г., что являлось прямым вмешательством держав в дела Османской империи. Но с этого же времени Али-паша начал борьбу против капитуляций, которую он и его сподвижник Фуад-паша вели в тяжелейших условиях иностранного нажима и постоянных нападок внутренней реакции, группировавшейся вокруг высшего мусульманского духовенства и ближайшего султанского окружения и не желавшей идти ни на какие уступки в соответствии с духом времени.

Западные державы давно добивались от турецкого правительства разрешения на владение недвижимостью в Османской

империи, что противоречило догмам шариата, запрещавшим «неверным» иметь недвижимость в мусульманской стране.

Статья 17 хатт-и-хумаюна 1856 г. предусматривала разрешение для иностранцев на покупку, продажу недвижимой собственности и владение ею по тем же законам и правилам, какие существовали для подданных Османской империи, но после того, как будут заключены соответствующие соглашения с иностранными державами. Таким образом, эта статья не предусматривала тех льгот, которые содержались в капитуляциях.

После заключения Парижского мира державы — участницы конгресса 1856 г. должны были собраться в Стамбуле для пересмотра капитуляционного режима [54]. Однако они не спешили с этим обещанием. Турецкое правительство также не торопилось предоставить иностранцам право владения недвижимой собственностью.

В октябре 1862 г. Али-паша в ответ на коллективную ноту держав о праве иностранцев иметь недвижимую собственность в Турции писал следующее: «Известно, каким было положение в Турции, когда возникли ее отношения с Европой. Несколько иностранных негоциантов, совершенно отделенных от остального населения, пребывали в некоторых местностях Востока. Они имели весьма незначительные отношения с местными жителями и занимались только оптовой торговлей. Османское правительство предоставило им преимущества, которые состояние общества, где они находились, обычаи и нравы того времени делали для них необходимыми; но все, что существовало тогда, уступило место совершенно другому положению вещей. Европа подверглась переменам. Турция теперь не та, чем она была тогда. Отношения между нею и Европой не те же самые. Итак, все изменилось, кроме устарелых капитуляций, на которые часто ссылаются, чтобы оправдать притязания, несовместимые с настоящим положением вещей и препятствующие правильному течению правительственной деятельности».

Указывая на преимущества, предоставляемые капитуляциями европейцам, как с юридической точки зрения, так и в отношении налогов, Али-паша заключал, что Порта не может предоставить права водворяться в пределах империи в качестве собственников населению, которое не подчинено ее власти.

Затем он добавлял: «Впрочем, необходимость и законность изменения капитуляций были торжественно признаны великими державами, подписавшими трактат 30 марта 1856 г., и засвидетельствованы в одном из протоколов Парижского конгресса. Таким образом, нижеподписавшийся считает своим долгом повторить еще раз, что императорское правительство всегда остается верным обещанию, высказанному им при заключении указанного трактата, заняться этим вопросом сейчас же, как толь-

ко законодательство относительно иностранных подданных в Турции подвергнется преобразованиям, способным удовлетворить требования настоящих обстоятельств»[55]. По его мнению, три следующих пункта должны составить основания для пересмотра капитуляций, к которому следует приступить:

1) полная уплата иностранцами, пребывающими в Турции, всех налогов и повинностей, которым подвергаются османские подданные;

2) пределы, в которых должна распространяться на них власть Высокой Порты;

3) преимущества, которые могут быть им предоставлены взамен обязанностей, которые на них будут возложены.

После длительных переговоров было выработано компромиссное решение, которое было зафиксировано в фирмане от 16 июня 1867 г. и в Протоколе 9 июня 1868 г., подписанном в Стамбуле великим везиром и французским послом. К этому протоколу вскоре присоединились Австро-Венгрия, Англия, Пруссия, Швеция, Бельгия, Дания, Испания и Португалия[56]. Турции не удалось полностью избавиться от капитуляций, но европейским державам пришлось согласиться с ограничением их действия по ряду пунктов.

Некоторое ограничение капитуляционного режима составляли те пункты Протокола 1868 г., которые в исключительных случаях отменяли неприкосновенность жилища иностранцев в отдаленных от местопребывания консулов районах, вводили право османского судопроизводства над иностранными подданными без присутствия консула или его уполномоченного, а также признавали за иностранцами право добровольно обращаться в турецкие суды, которым раньше они не обладали. Что касается иностранцев, владевших недвижимой собственностью в Турции, то они были обязаны подчиняться местным законам и распоряжениям о недвижимости[57].

Турецкому правительству не удалось существенным образом изменить торговую конвенцию 1838 г., нанесшую серьезный ущерб турецкой экономике.

В 1861 г. был подписан новый торговый договор с Францией, Англией, Бельгией, Италией, а в 1862 г.— с другими европейскими странами и США[58]. В новом торговом договоре признавалась свобода внутренней и внешней торговли, за исключением табака, соли, пороха, оружия и предметов военного снаряжения. По сравнению с договором 1838 г. экспортный портовый сбор со стоимости товаров был повышен с 9 до 12%, а таможенная пошлина — с 3 до 8% с ежегодным понижением на 1%, так что через 8 лет она была снижена до 1%. Транзитный сбор был установлен в размере 2%, через 8 лет он также был снижен до 1%. Товары, погруженные на французские торговые

суда, при проходе через Босфор и Дарданеллы не подлежали никакой оплате. Раньше это относилось к английским судам.

В целом договор не дал больших преимуществ турецкой торговле, но положил начало повышению экспортной пошлины.

В последующие годы новая восточная политика Англии приобретала все более завершенные контуры. После 1871 г. английское влияние в Стамбуле значительно падает. Многие англичане были уволены с турецкой службы. Были закрыты школы, учрежденные англичанами в Сирии. Эти и другие факты дали повод бывшему английскому консулу в Сирии Л. Фэрли писать о периоде правления Али-паши и Фуад-паши как о безвозвратно ушедшем «золотом веке» английского влияния в Османской империи и сетовать на «неблагодарность Турции по отношению к своему лучшему другу» [59]. При этом Фэрли умалчивает о причинах, побудивших Англию изменить свою политику в этом районе.

Американский историк Дженкс считает, что основания для изменения английского внешнеполитического курса частично заключались в обманутых надеждах на турецкое возрождение. «Дверь для узаконения частного предпринимательства,— пишет он,— не была открыта в Турции. Формальные перемены в управлении не изменили ее духа, а накопление материальных элементов военной и морской силы не сделало Турцию державой, о какой хлопотал лорд Стрэтфорд» [60].

Основная же причина заключалась в изменении торговых путей после завершения строительства Суэцкого канала, что могло открыть Франции дорогу к Индии и чего Англия постоянно опасалась. Для британских политиков и бизнесменов целостность Османской империи становилась задачей гораздо менее важной, чем непосредственный контроль над Египтом. В период правления кабинета Гладстона (1868—1874) Стамбул все более ускользал от влияния британского посла, в то время как британская активность в Каире набирала новую мощь.

При коротком пребывании у власти великого везира Недим-паши влияние российского посла Н. П. Игнатьева в Стамбуле было преобладающим. Однако не только русское влияние здесь усилилось в начале 70-х годов. Германия, используя слабость Франции, потерпевшей поражение во франко-прусской войне в 1871 г., и связи с Австрией, уверенно завоевывала позиции в Османской империи. Германское правительство начало предоставлять Порте кредиты, оказывало ей помощь в железнодорожном и городском строительстве, реорганизации армии. Это стремление занять ключевые позиции на Ближнем Востоке и на Балканах неизбежно должно было привести Германию к столкновению не только с западноевропейскими государствами, но впоследствии и с Россией.

Благодаря сильным позициям в турецкой экономике Англия все еще пыталась извлекать пользу из внешнеполитических затруднений Османской империи. Англичанам удалось дипломатическим путем значительно урезать те преимущества, которые могла бы получить Россия благодаря победам в русско-турецкой войне 1877—1878 гг., и к тому же захватить Кипр — важнейший стратегический пункт в Средиземноморье[61].

В 1875 г. английское правительство, возглавляемое Дизраэли, воспользовавшись финансовыми затруднениями египетского хедива, купило у него большую часть акций Суэцкого канала, опередив в этом Францию. С этого времени англичане начали определять политику компании Суэцкого канала, вскоре ввели войска в Порт-Саид и Суэц[62]. Таким образом Англия завершила свою политику «сохранения статус-кво» в Османской империи участием в дележе ее территорий.

Рассматривая последствия английской экспансии в Турции в середине XIX в. и отмечая все отрицательные стороны подобного англо-турецкого альянса, не следует упускать из виду, что Турция была одной из первых стран мусульманского Востока, которая пришла к необходимости реформ и более активного сотрудничества с Западом, попыталась осуществить некоторые реформы, не давшие больших результатов, но в известной мере способствовавшие дальнейшему развитию капиталистических элементов в экономике страны.

[1] Н. С. Киняпина. Внешняя политика России второй половины XIX в. М., 1974, с. 14—30.

[2] Архив внешней политики России (АВПР), ф. Канцелярия. Отчет министра иностранных дел за 1857 г., л. 15—15 об.

[3] Н. А. Ерофеев. Англо-французская борьба за Суэцкий канал (1854—1875).— Из истории общественных движений и международных отношений. М., 1957, с. 592.

[4] F. Baily. British Policy and the Turkish Reform Movement. L., 1942.

[5] Л. С. Семенов. Россия и Англия. Экономические отношения в середине XIX в. Л., 1975, с. 131.

[6] F. Baily. British Policy..., с. 74.

[7] Там же, с. 84.

[8] АВПР, ф. Канцелярия, д. 84, 1863, Бруннов — Горчакову, 25 января [6 февраля], л. 123—127об.

[9] C. Webster. The Foreign Policy of Palmerston. Vol. 2. L., 1951, с. 540.

[10] H. Temperley. British Policy in Turkey (1830—1914).— «The Cambridge Historical Journal». 1932, t. 4, № 1.

[11] Archives diplomatiques. Vol. 4. P., 1867, с. 1750. В Египте первая концессия на постройку железной дороги была выдана англичанам в 1849 г.

[12] E. Z. Karal. Osmanlı tarihi. Cilt 7. Ankara, 1956, с. 268—269.

[13] P. Imbert. La rénovation de l'Empire Ottoman. P., 1909, с. 82.

[14] Papers Relating to Administrative and Financial Reforms in Turkey. 1858—1861. L., 1861, Рэдклиф—Мэмсбери, 22 октября 1858, с. 12—13.

[15] D. Blaisdell. European Financial Control in the Ottoman Empire. N. Y., 1929, с. 22.

[16] E. Z. Karal. Osmanlı tarihi. Cilt 7, с. 234.
[17] Там же.
[18] АВПР, ф. Канцелярия, д. 17, 1857, Бруннов — Горчакову, 21 марта [2 апреля], л. 260—265. Имеется следующая помета Горчакова: «Вот почему надо иметь много денег, чтобы преуспеть в политике».
[19] Е. В. Тарле. Крымская война. Т. 1. М.—Л., 1950, с. 159, 164.
[20] A. N. Kurat. Türk-ingiliz münasebetlerine kısa bir bakış. Ankara, 1952, с. 22.
[21] АВПР, ф. Канцелярия. Отчет министра иностранных дел за 1856 г., л. 99.
[22] H. Temperley. British Policy in Turkey, с. 161.
[23] Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР), ф. 730, оп. 1, д. 804, 29 июля 1858 г., л. 1.
[24] Papers Relating to Administrative..., № 15, Бульвер—Пизани, 3 октября 1859 г., с. 22.
[25] Там же, № 9, Бульвер—Расселу, 26 июля 1859 г., с. 16.
[26] АВПР, ф. Канцелярия, д. 96, 1858, Бруннов—Горчакову, 8 [20] июля, л. 99.
[27] «The Times», 1858, 11 August.
[28] D. Blaisdell. European Financial Control..., с. 44.
[29] АВПР, ф. Канцелярия, д. 97, 1858, Бруннов—Горчакову, 29 августа [10 сентября], л. 123—124 об.
[30] Уровень процентов по займам с точки зрения их рыночной стоимости был завышен, а государственный кредит не являлся достаточным для обеспечения займов. Поэтому в качестве обеспечения их уплаты правительство предоставляло кредиторам отдельные статьи своих доходов. Первый заем был гарантирован египетской данью, второй — доходами с таможен Измира и Сирии, третий — доходами со стамбульских таможен.
[31] Cevdet Paşa. Tezakhir. 13—20. Ankara, 1960, с. 226—227.
[32] АВПР, ф. Канцелярия, Отчет министра иностранных дел за 1860 г., л. 100—104.
[33] Papers Relating to Administrative..., № 27, Бульвер — Али-паше, 6 августа 1860, с. 44—46.
[34] В данной статье не рассматриваются предложенные Бульвером реформы в административной сфере, в области юстиции, образования и др.
[35] Papers Relating to Administrative..., № 30, Али-паша — Бульверу. 1860 г. 28 августа, с. 50—51.
[36] Там же, № 32, Рассел — Бульверу, 1860, 18 октября, с. 53—54.
[37] АВПР, ф. Канцелярия, Отчет министра иностранных дел за 1860 г., л. 103—104.
[38] E. Engelhardt. La Turquie et le Tanzimat. P., 1882, с. 174.
[39] Papers Relating to Administrative..., № 60, с. 112—115.
[40] АВПР, ф. Канцелярия, Отчет министра иностранных дел за 1860 г., л. 123.
[41] АВПР, ф. Канцелярия, д. 89, 1861, Бруннов — Горчакову, 15 [27] июля, л. 150—151.
[42] АВПР, ф. Канцелярия, Отчет министра иностранных дел за 1862 г., л. 3—3об.
[43] АВПР, ф. Канцелярия, д. 86, 1863, Бруннов — Горчакову, 24 февраля [8 марта], л. 48.
[44] АВПР, ф. Канцелярия, д. 111, 1862, Будберг — Горчакову, 24 ноября [6 декабря], л. 281—282.
[45] АВПР, ф. Канцелярия, д. 84, 1863, Бруннов — Горчакову, 25 января [6 февраля], л. 125.
[46] Там же, л. 127об.
[47] Н. А. Ерофеев. Англо-французская борьба..., с. 599—600.

[48] Записки графа Н. П. Игнатьева (1864—1874).— «Журнал министерства иностранных дел». Кн. 1. СПб., 1914, с. 128—129.

[49] В. Н. Виноградов. Державы и объединение Дунайских княжеств. М., 1966, с. 10—11.

[50] АВПР, ф. Канцелярия. Отчет министра иностранных дел за 1860 г., л. 99.

[51] O. Köymen. The Advent and Consequences of Free Trade in the Ottoman Empire (XIX Century). — «Etudes balkaniques». Sofia, 1971, № 2, c. 48—55.

[52] Papers Relating to Administrative..., № 19, Бульвер — Расселу, 28 февраля 1860 г., с. 25—28.

[53] H. Temperley. British Policy in Turkey, c. 163—164. Темперли пишет, что Бульвер был замешан в заговоре против султана Абдул Меджида I в 1859 г. Однако материалы АВПР свидетельствуют об ошибочности этой версии.

[54] Archives diplomatiques. Vol. 2. P., 1863, c. 153.

[55] Там же, с. 152—154.

[56] Archives diplomatiques. Vol. 4. P., 1867, c. 1419—1422.

[57] Там же, с .1419.

[58] Archives diplomatiques. Vol. 4. P., 1861, c. 5—14.

[59] J. L. Farley. The Decline of Turkey. L., 1875, c. 7—11.

[60] L. H. Jenks. The Migration of British Capital to 1875. N. Y.—L., 1927, c. 311.

[61] Н. С. Киняпина. Внешняя политика России второй половины XIX в. М., 1974, с. 185.

[62] К. Б. Виноградов. Фердинанд Лессепс и строительство Суэцкого канала.— «Вопросы истории». 1969, № 11, с. 153—154.

Ф. Ш. Шабанов

О СВЕТСКИХ ПРАВОВЫХ НОРМАХ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ ПЕРИОДА РЕФОРМ XIX в.

Первые попытки ввести в правовую систему феодальной Османской империи элементы светского, буржуазного права относятся к периоду 30—50-х годов XIX в. Сама же идея необходимости перенимания Турцией западных правовых установлений зародилась еще в конце XVIII — начале XIX в. в среде крайне узкого круга первых турецких дипломатов — передовых в то время государственных деятелей. Пребывание турецких дипломатов в посольствах в Лондоне, Вене, Берлине, Париже, личное общение их с иностранцами, ознакомление с экономикой, культурой, общественно-политическим строем западных стран— все это укрепляло у них убеждение в превосходстве европейских установлений над турецкими.

В представляемых султану Селиму III докладных записках, посольских донесениях (сефарет-наме) [1] выдвигалась идея перестройки по западному образцу не только военной организации, но и экономики, финансовой системы, административных органов. На формирование прогрессивных идей в Османской империи значительное влияние оказало близкое знакомство отдельных представителей новочиновничьей турецкой интеллигенции с светскими принципами французской буржуазной революции, с доктриной «Естественного права», содержанием сочинений Руссо, Вольтера, Монтескьё.

Прогрессивные принципы французской буржуазной революции явились знаменем национально-освободительной борьбы балканских народов, веками порабощенных под османским игом. Но они не могли иметь сколько-нибудь существенного практического применения в деле перестройки правовой системы Османской империи. Замена религиозно-юридических установлений шариата светскими, буржуазными правовыми нормами означала бы подрыв экономического фундамента, социальной, политической и правовой основ феодально-монархиче-

ского режима Османской империи. Между тем вся политика Селима III была направлена именно на восстановление престижа монархии и ее правовой основы, на предотвращение дальнейшего распада Османской империи и централизацию государственной власти.

Светские, буржуазно-демократические идеи и принципы нашли свое дальнейшее развитие и стали частично вводиться в отдельные отрасли правовой системы Османской империи после ликвидации янычарского корпуса, ограничения влияния реакционных улемов и своеволия местных правителей, отмены тимарной системы (1834) и провозглашения первого акта танзимата — Гюльханейского хатт-и-шерифа (1839). Гюльханейский акт, провозгласивший ряд положений, направленных против феодальных привилегий и феодального произвола, был составлен Мустафой Решид-пашой, но отдельные его положения сформулировались и обсуждались в среде узкого круга молодых турецких дипломатов (Садыка Рифата, Мустафы Сами, Нури-эфенди, Мехмета Шекипа, Ибрахима Сарыма и др.), побывавших в посольствах в европейских странах и знакомых в той или иной степени с западной культурой, идеологией и экономикой, с идеями и принципами французской буржуазной революции.

Основные светские принципы были сформулированы в Гюльханейском акте в трех пунктах: 1) обеспечение всем подданным (без различия религии, национальности, общественного и служебного положения) неприкосновенности жизни, имущества, чести и достоинства; 2) правильное и регулярное распределение и взимание заранее определяемых государством податей и отмена системы откупов; 3) правильный призыв на военную службу и установление определенного срока ее продолжительности[2].

Основные положения Гюльханейского акта были несколько расширены и конкретизированы в фирмане 1856 г.[3]. Этот фирман, как и первый акт танзимата, лишь провозгласил реформы, а функции по реализации их путем разработки и обнародования с санкцией султана возлагались на Высший совет юридических установлений (Меджлис-и валаи Ахкям-и адлие), созданный еще при Махмуде II в 1837 г., а затем и на вновь созданный в 1853 г. Высший совет танзимата (Меджлис-и али танзимат).

Задача этих юридических советов была весьма ответственной и трудноосуществимой. Им вменялось в обязанность составление кодексов по отдельным отраслям права со светскими правовыми нормами, закреплявшими провозглашенные в основных актах танзимата буржуазно-демократические принципы свободы и равенства всех подданных Османской империи, неприкос-

новенность их личности, имущества и чести. Кодификация таких светских правовых норм в условиях безраздельного господства шариата и феодальных производственных отношений означала бы прежде всего нарушение основ «божественного закона», чего, разумеется, не могли допустить фанатики-улемы, консервативно и реакционно настроенная часть высшего чиновничества.

В таких случаях законодатель мог использовать нормы веками сложившегося в Османской империи обычного права. Ханифитская юриспруденция предоставляла главам мусульманского государства возможность издавать отдельные законы и прочие нормативные акты — не только в согласии с принципами шариата и фикха, но и на основе обычного права с учетом изменений в общественно-политическом строе страны. Такими законами являлись, например, уложения Мехмета Фатиха и Сулеймана Кануни, составленные применительно к условиям военно-ленной системы.

Движение за кодификацию по отдельным отраслям права фактически началось после обнародования Гюльханейского хатт-и-шерифа [4]. Первым кодексом был Уголовный закон (Джеза кануну), принятый 3 мая 1840 г., т. е. спустя 6 месяцев со дня провозглашения танзимата. Как видно из преамбулы этого закона, он был составлен в соответствии с положением Гюльханейского акта о «неприкосновенности жизни, имущества, чести всех подданных, их равенства перед законом». Так, в нем провозглашался светский принцип формального равенства всех перед законом, независимо от их принадлежности к тем или иным национальностям и вероисповеданиям. Закон подтверждал положение танзимата, что «ни публично, ни тайно, при помощи яда или другого способа не казнить преступника, прежде чем его вина не будет доказана и он не будет осужден по закону». «Никому не разрешается убивать кого бы то ни было; тот, кто нарушит этот закон, будь он хоть великий везир, сам будет осужден на смерть...» [5].

В Уголовном законе 1840 г. заметно сочетание шариатских норм с нормами светского права. В нем говорилось, что все процессы, которые могут повлечь за собой смертный приговор, если преступление совершено в столице, должны проходить в присутствии шейх-уль-ислама (т. е. главы шариатского судебного ведомства).

Светские правовые нормы получили дальнейшее развитие после обнародования фирмана о реформах 1856 г. в опубликованном 9 августа 1858 г. Уголовном уложении (Джезаканун-наме-и хумайюню). Оно было основано преимущественно на принципах западного уголовного права времен становления капитализма в странах Западной Европы, и прежде всего на

принципах французского Уголовного кодекса 1810 г. В основу Уголовного уложения положены, например, такие принципы наполеоновского кодекса, как принцип легальности (законности), выражавшийся в правиле: «нет преступления, нет наказания без указания о том в законе», принцип «формального равенства всех перед законом», «соответствие наказания тяжести преступления», всемерная охрана собственности (частной). Вместе с тем Уложение сохраняло ряд видов наказаний, санкционированных шариатом [например, «диет» (плата за убийство), «кысас» (возмездие)].

Уложение 1858 г., как и французский кодекс 1810 г., определял преступление как всякое деяние, направленное против государства, общественного порядка и отдельных личностей. Оно различало деяния умышленное и неумышленное, случайное и неосторожное. По степени тяжести и опасности для общественного спокойствия все виды преступления делились на три категории под своими названиями: а) «джинает» — тяжкие преступления; б) «джюнха» — менее тяжкие; в) «кабахат» — проступки. Наиболее тяжкие наказания применялись во многих случаях (за мятеж, массовое убийство, расхищение государственного имущества и казнокрадство, вооруженный грабеж, разбой и пр.) [6].

Уголовное уложение 1858 г. по сравнению с предыдущими законами представляло значительный шаг в развитии уголовного законодательства Османской империи. Оно вводило единую систему уголовного права взамен шариатских, местных установлений и обычаев, закрепляло, хотя и формально, одинаковую ответственность всех подданных империи перед уголовным законом. Однако Уголовное уложение как руководство для светских судебных и прочих карательных органов Османской империи имело такое же «практическое» значение, как и многие другие юридические акты танзимата: произвол, подкупы, злоупотребления, дискриминация в отношении немусульман в имперских судах при разборе уголовных дел были нередкими случаями и после введения в действие уложения 1858 г.

Светские, буржуазно-правовые принципы закреплялись в годы танзимата и в ряде других законов, принятых в основном по образцу западных законов или с заимствованием у них соответствующих положений. К таким законам относится Коммерческий кодекс 1850 г. (Тиджарет-и берие кануну) — закон о сухопутной торговле, почти скопированный с французского коммерческого закона. В 1864 г. принят Закон о морской торговле (Тиджарет-и бахрие кануну) с заимствованием норм из итальянских морских торговых кодексов (Сардинии, Сицилии), а также Бельгии, Испании, Пруссии. Но в основе его был французский закон.

В соответствии с Коммерческим кодексом и дополнением к нему (1860 г.) были созданы коммерческие суды под надзором министерства торговли. Для практического осуществления статей в коммерческих судах был принят в 1862 г. Процессуальный торговый устав (Усули мухакиме-и тиджарет низамнамеси) на основе французского кодекса.

Из всех отраслей права, действовавшего в период танзимата, наиболее сложным, запутанным и противоречивым по своему характеру и содержанию было гражданское право, в особенности такие существенные его отрасли, как обязательственное право, брачно-семейное, отчасти и наследственное право. Гражданские правоотношения, в том числе и договорные отношения между подданными Османской империи, регулировались исключительно на основе постановлений шариата, разработанных ханифитской юриспруденцией на арабском языке и размещенных в различных книгах фикх. Это создавало большие трудности в их использовании для практической надобности, а главное — поощряло злоупотребления шариатских судей при рассмотрении и решении тех или иных юридических казусов. Отсутствие в то время единого, научно разработанного, систематизированного, составленного на турецком языке кодекса законов гражданского права не могло не вызвать упреков со стороны европейских современников в адрес сторонников танзимата[7]. В соответствии с положениями танзимата нужно было внести изменения и в правовое положение подданных, в особенности христианских подданных Османской империи, на чем усердно настаивали европейские державы под видом «покровительства и защиты» интересов своих единоверцев.

Потребность в новом гражданском и гражданско-процессуальном законах обусловливалась не только теми изменениями, которые происходили в годы танзимата в области экономики и торговли, в земельных и договорных отношениях. Необходимость в разработке нового кодекса диктовалась общей политикой правительства по «европеизации» общества и правовой системы путем перенимания западных законов и перевода их на турецкий язык для применения на практике. Эту идею особенно отстаивал Али-паша. Мысль о модернизации мусульманского феодального гражданского права впервые зародилась у Али-паши в 1856 г. во время Парижской конференции; отчасти она была продиктована ему западными дипломатами — участниками конференции. Али-паша, выступая тогда на конференции, поставил вопрос об отмене капитуляций. Но на это ему ответили: «Ваши законы односторонние, составлены только для мусульман. Измените ваши законы, и мы тогда откажемся от капитуляции»[8].

В целесообразности введения в Османской империи единых

для мусульманского и немусульманского населения законов Али-паша убедился окончательно в 1867 г. во время подавления восстания на Крите. Он считал одной из причин восстания отсутствие юридических гражданских установлений. Так, в докладной, посланной с Крита на имя султана Абдул Азиза, Али-паша писал: «Стало необходимым перевести французский гражданский кодекс на турецкий язык с обязательным применением его в гражданских судах, как это было в Египте. Это не затронет шариатского закона, так как будет применяться в смешанных судах для разбора дел по имущественным спорам, сделкам...» [9].

Мнение о заимствовании французских гражданских законов поддерживалось узким кругом либеральных политических деятелей. Спорным являлся лишь вопрос об основах, характере и содержании предполагаемого кодекса. Пока шел оживленный спор по вопросу о содержании кодекса, Али-паша развивал свой тезис путем всестороннего изучения французского гражданского кодекса. В конце концов созданные специальная комиссия (под председательством Фуад-паши) затем и кодификационная комиссия (под председательством Ахмеда Джевдет-паши) сочли обоснованным мнение Джевдет-паши и других сторонников разработки нового кодекса на основе фикха путем перевода на турецкий язык основных положений ханифитской догмы со строгим соблюдением принципов шариата [10].

И такой кодекс появился в результате десятилетнего труда кодификационной комиссии. Но это был не полный гражданский кодекс, а изложение в основном постановлений фикха по юридическим сделкам. Этот кодекс (Меджелле-и Ахкям-и Адлие), подвергаясь дальнейшим изменениям и дополнениям, сохранял свое значение вплоть до принятия республиканского гражданского кодекса 1926 г.

Обнародование первого турецкого гражданского кодекса явилось все же важным событием в дореспубликанской Турции. Гражданский кодекс хотя и не выходил за пределы учения ханифитской юриспруденции, однако он содержал определенную постатейную систему изложения соответствующих норм мусульманского права с внесением в них некоторых изменений применительно к условиям танзимата.

Что касается идеи Али-паши о переводе французского кодекса 1810 г. на турецкий язык для использования в регулировании гражданско-правовых отношений между всеми подданными в Османской империи, то она в условиях феодально-теократического государства, каким являлась Османская империя, не могла быть претворена в жизнь. Еще в 1854 г., когда западные державы требовали от султанского правительства осуществления правового равенства немусульман с мусульманами

империи, К. Маркс писал: «Однако это либо ровно ничего не означает, либо означает предоставление политических и гражданских прав как мусульманам, так и христианам, безотносительно к тому, кто к какой религии принадлежит, и вообще независимо от всякой религии. Другими словами, это означает полное отделение государства от церкви, религии от политики. Но турецкое государство, как все восточные государства, имеет своей основой теснейшее переплетение и чуть ли не отождествление государства и церкви, политики и религии. Коран является для Турецкой империи и ее правителей одновременно источником веры и закона. Но возможно ли уравнять в правах перед кораном правоверного и гяура, мусульманина и райю? Это непременно означало бы на деле — заменить коран — новым гражданским кодексом, другими словами означало бы — разрушить структуру турецкого общества и создать на его развалинах новый порядок вещей» [11].

Полная перестройка правовой системы турецкого общества на светских началах стала возможной лишь после победы национально-освободительной борьбы турецкого народа против иностранных оккупантов и османского феодально-теократического режима, что нашло свое отражение в новых, республиканских кодексах — уголовном, уголовно-процессуальном, гражданском, гражданско-процессуальном,— принятых в период реформ 20-х годов XX в.

[1] См. подробнее: Tarihi Cevder. 1. tertip. Cilt 4 [Б. м., б. г.], с. 280—291; (араб. шрифт) А. Ф. Миллер. Мустафа-паша Байрактар. Оттоманская империя начала XIX в. М.—Л., 1947.

[2] См. «Düstur». 1. tertip. Cilt 1, с. 4—6.

[3] Там же, с. 7—13.

[4] Подробнее о кодификационном движении см.: Tanzimat. İstanbul, 1940, с. 139—209.

[5] «Düstur», с. 8.

[6] См.: T. Taner. Tanzimat devrinde ceza hukuku. İstanbul, 1940.

[7] См.: Cevdet paşa. Tezakîr. 1—12. Ankara, 1953, № 8, с. 62—63.

[8] См.: E. Z. Karal. Osmanlı tarihi. Cilt 7, с. 171.

[9] Там же.

[10] S. Ferit. Türk medeni hukuku. İstanbul, 1956, с. 31.

[11] К. Маркс. Греческое восстание.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 10, с. 130.

Н. Н. Шенгелия

ГРУЗИЯ И БЛИЖНИЙ ВОСТОК НА РУБЕЖЕ XII—XIII вв.

На рубеже XII—XIII вв. Грузия являлась сильнейшим государством Ближнего Востока. Она активно участвовала в международной политической жизни и проводила собственную внешнюю политику. Грузия имела тесные связи как с сельджукско-мусульманским миром, так и христианскими государствами, народами Кавказа.

Политический курс Грузии эпохи царицы Тамар (1184—1213) значительно отличался от внешней политики Давида Строителя (1089—1125) и Георгия III (1156—1184). По сообщению летописца Басили Эзосмодзгвари, Тамар в отличие от Давида Строителя не стремилась к полному подчинению завоеванных стран и включению их в состав «Дома своего» (т. е. Грузинского царства), а большей частью оставляла их опять прежним владельцам на условиях вассальной зависимости[1]. Между такими вассалами и крупными феодалами самой Грузии было много общего[2]. Грузинские феодалы в своем стремлении добиться полунезависимого положения достигли определенных успехов. Классовая и внутриклассовая борьба в Грузии определяла внешнюю политику царской власти, которая предпочитала оставлять покоренные земли их прежним правителям на условиях вассальных отношений, а не передавать грузинским феодалам, чтобы не способствовать еще большему их усилению.

Однако при царице Тамар нередко бывали случаи и непосредственного присоединения отвоеванных земель к Грузинскому царству. Так, были присоединены Ани, Бджни, Двин, Карс и другие армянские города. «Когда Тамар имела возможность непосредственно включить в состав [царства] тот или иной пункт, она никогда не отступала»[3]. Большое значение придавала царская власть Грузии и религиозному составу населения в покоренных областях. Территории, где преобладало христианство, непосредственно включались в состав Грузинского

царства, и там устанавливались те же формы государственного правления, что и в самой Грузии. В мусульманских районах сохранялись прежние порядки на условиях вассальной зависимости и выплаты дани.

Внешнюю политику Грузии определяли также и экономические факторы, в частности задача выхода и закрепления на важнейших торговых магистралях Кавказа и Ближнего Востока [4].

В эпоху царицы Тамар Грузия проводит активную внешнюю политику. Организуются систематические походы и набеги на соседние государства. По сообщению грузинского историка, грузины «первый поход совершили на страну Кари и Карнифори. Опустошили все до Басиана и возвратились с победой и с добычей» [5].

Однако и враждующие с Грузией мусульманские правители не сидели сложа руки. Пользуясь смутой, создавшейся в Грузии в результате упорной классовой и внутриклассовой борьбы в первые годы царствования Тамар, они не раз нападали на пограничные страны. «Войско тюрок из Арана и Гелакуни вторглось в страну Палакацио»,— сообщает летописец об одном из таких набегов [6]. С вторгшимися врагами сразился полководец Гамрекел Кахас-дзе, разбил их и обратил в бегство. Успешно было отбито и нападение на Южную Грузию, в котором участвовали владетели политических единиц Шама и Малой Азии.

Благодаря своей гибкой и сильной военной организации, а также разрозненности врагов грузины постепенно сумели овладеть инициативой и перейти в общее наступление против мусульманских княжеств. По предложению Эристава Асата Григолис-дзе они выступили в поход на Арран и опустошили земли между Гянджой и Байлаканом. Был покорен также ряд областей, расположенных от Ширвана до Спери и Басиани.

В 1192—1193 гг. в ознаменование рождения наследника престола Георгия Лаша грузинские войска совершили успешные походы на Барду и Эрзурум. Боевые действия велись также под Гянджой, Шамхором, в Хачане, на берегах Аракса и оз. Севан. Результаты этих походов тяжело сказывались на соседних мусульманских государствах. Из-за страха перед грузинами «в Гяндже и Берде перестали плакать малые дети и тюрки не могли кочевать на пастбищах у Иори и Куры»,— говорится в сочинении историка царицы Тамар [7].

Грузинские войска, окрыленные успехами, систематически вторгались в земли враждебно настроенных соседей и разоряли их. Во время одного из таких походов владетель Хорнабуджа Сагир Махатлис-дзе нанес жестокое поражение Юрию, первому мужу царицы Тамар, и его мусульманским союзникам, ко-

торые своими набегами опустошали окраинные области Восточной Грузии[8].

Одним из главных противников Грузии в рассматриваемый период было Азербайджанское государство Эльдегезидов. Под его властью находились южная часть Азербайджана, Арран, Нахичеван, а также западные области Ирана — Исфаган и Рей. Первоначально Эльдегезиды находились в зависимости от сельджукских султанов Ирана, но впоследствии обрели полную самостоятельность.

Эльдегезид Кызыл-Арслан (1187—1191) разбил иракского султана Тогрыла III (1176—1194) и лишил его власти. При нем пределы государства простирались от Грузии до центральных районов Ирана. После убийства Кызыл-Арслана в 1191 г. атабеком (главой государства) стал его племянник Абубекр, который, поссорившись со своими братьями, захватил их владения. Один из братьев, правитель Аррана и Гелакуни, Амирмиран, нашел убежище у ширваншаха Ахситана I, который принял его с почестями и сделал своим зятем[9]. Сам ширваншах являлся вассалом грузинского царя, и Амирмиран, вступив с ним в родство и союз, тем самым сблизился и с Грузией[10]. Абубекр, разумеется, остался недоволен таким оборотом дела. Около Байлакана он напал на отряды ширваншаха Ахситана I и Амирмирана и обратил их в бегство[11]. Разбитые Ахситан I и его зять были вынуждены обратиться за помощью к Грузии как к своей покровительнице. По сведениям арабского автора Хусейни, Амирмиран попросил у грузинского царского двора вооруженную помощь для низложения Абубекра, обещая отдать взамен любую из захваченных провинций[12].

Правящие круги Грузии были заинтересованы в ослаблении государства Эльдегезидов и поэтому решили вмешаться в дела Южного Азербайджана. За короткий срок грузинские войска были приведены в боевую готовность и совместно с дружинами Амирмирана и Ахситана I вторглись в Арран.

Абубекр, в свою очередь, тоже тщательно подготовился к предстоящей войне. Он заручился помощью багдадского халифа, который прислал ему свое знамя, значительную сумму денег и призвал всех мусульман к священной войне против Грузии. Абубекр и его союзники, собрав громадную армию, двинулись навстречу своим врагам.

Встреча противников произошла в 1195 г. около г. Шамхора[13]. После долгого и кровопролитного сражения грузины одержали полную победу. С трудом избежавший плена, Абубекр скрылся в сторону Байлакана, его армия была разбита и рассеяна. В числе прочих трофеев в руки грузин попало и священное для мусульман знамя халифа, которое царица Тамар пожертвовала хахульскому монастырю[14]. Покоренные Шамхор

и Гянджа были переданы Амирмирану на условиях вассальной зависимости.

Победа у Шамхора доказала военное превосходство Грузии над ее противниками. Стало ясно, что грузинские войска «способны были дать достойный отпор объединенным силам магометан»[15].

Несмотря на тяжелое поражение, Абубекр не оставлял попыток вернуть Гянджу. Вскоре он смог организовать убийство Амирмирана и овладел городом. Потеря Гянджи была временным поражением Грузинского царства. Чтобы взять реванш и наказать Абубекра, грузины усилили военный нажим на его владения. Давид Сослан стал готовиться к большому походу на Гянджу, а Иване Мхаргрдзели с небольшими силами был послан в Армению, где, нанеся поражение мусульманам, присоединил к Грузии Гелакуни и Амберд (1196 г.).

После возвращения Иване Мхаргрдзели из похода Давид Сослан с основными силами двинулся на Гянджу. По дороге к нему присоединился Ширван-шах со своим войском. Они осадили город, но взять его не смогли из-за упорного сопротивления его защитников во главе с сыном Абубекра. Затем грузины напали на Нахичеван, где находился сам атабек. Тот вынужден был бежать в Тебриз, но грузинские отряды вскоре появились и около Тебриза. Абубекр был поставлен в тяжелое положение. Его владения систематически опустошались войсками царицы Тамар. По сообщению Хусейни, грузины захватывали крепости, грабили города, положили дань на Нахичеван и Байлакан[16]. Военное превосходство Грузии было настолько очевидным, что Абубекр, не так давно ее грозный противник, совершенно пал духом. Он даже приказал ничего не сообщать ему о том, что творили грузины в его государстве[17].

В результате систематических походов на юг на рубеже XII—XIII вв. под властью Грузинского царства оказались многие важные в стратегическом и политическо-экономическом отношении города. Так, в 1199 г. окончательно был присоединен Ани, в 1201 г.— Бджни, а в 1203 г.— Двин.

Таким образом, длительная борьба с мусульманскими государствами за овладение этими богатыми торговыми городами и важными крепостями Северной Армении закончилась победой Грузии. Под контролем Грузинского царства оказались некоторые большие торговые пути Ближнего Востока, что сыграло немалую роль в дальнейшем экономическом развитии страны.

Военные и политические успехи Грузии на юго-востоке были очевидны, но грузинский царский двор был заинтересован также и в продвижении в районы, примыкавшие к Грузии с юго-запада (Карс, Эрзурум, Трапезунд). С этой стороны с Гру-

зией давно уже граничила не Византийская империя, а воинственные мусульманские государства, самым сильным из которых было государство Сельджукидов Малой Азии.

Попытки Грузинского царства распространить свое влияние на эти территории обязательно должны были привести к столкновению с Сельджукидами.

По сведениям грузинских источников, в то время, когда войска царицы Тамар были заняты борьбой с Эльдегезидами и их союзниками, племена малоазиатских турок систематически вторгались в юго-западные области Грузии (Тао, Артаани, Палакацио), захватывали здесь земли и поселялись на них. Для возвращения потерянных территорий царскому двору часто приходилось направлять туда войска.

В истории Грузии важный след оставила эпоха правления в государстве Сельджукидов Малой Азии Рукн ад-Дина Сулейман-шаха (1196—1204). По сведениям источников, при нем силы сельджуков намного возросли. Персидский летописец Махмуд Керимуддин Аксарайли пишет, что «с воцарением Рукн ад-Дина началась великая эра» [18]. По словам Басили Эзосмодзгвари, Рукн ад-Дин был «высочайший и величайший среди всех султанов, правивших в великой Греции, Азии и Каппадокии» [19]. Ибн Биби также особо подчеркивает, что никто из потомков султана Кылыдж-Арслана I не достигал такого могущества, какого достиг Рукн ад-Дин Сулейман-шах [20].

Взойдя на конийский престол, Рукн ад-Дин первоначально вновь присоединил к султанату отделившиеся при его отце провинции, а затем стал готовиться к большим завоеваниям. Его главным противником была Грузия, но первое время он скрывал свои истинные намерения и посылал царице Тамар послов с заверениями в дружбе и миролюбии [21].

Наконец, собрав все свои силы и заручившись поддержкой многих мусульманских владетелей, Рукн ад-Дин выступил из недавно завоеванного им Эрзурума и встал лагерем в окрестностях крепости Миджинкерт [22]. Отсюда он направил грузинскому царскому двору письмо, полное угроз и наглых требований.

В ответ на ультиматум султана по всей Грузии приступили к сбору войска. По плану командования предполагалось устроить внезапное нападение на лагерь сельджуков в Басианской долине. Этот замысел был удачно осуществлен. Уверенная в победе из-за своей многочисленности, сельджукская армия (по оценке современников, она насчитывала до 400 тыс. воинов) была атакована грузинами с двух сторон и наголову разбита. В руки победителей попала богатая добыча и много пленных, среди которых был и правитель Эрзинджана Бахрам-шах. Сам Рукн ад-Дин бежал в Эрзурум (1202 г.).

Победа в Басианской битве еще выше подняла международный авторитет Грузинского царства. После разгрома второй коалиции мусульманских правителей Грузия уже не имела серьезных противников на Ближнем Востоке. Соседские эмираты и султанаты один за другим становились ее данниками.

К началу XIII в. у правящих кругов Грузинского царства созрела идея создания в северных районах Малой Азии, где значительную часть населения составляли картвельские племена — чаны и лазы, христианского государства, которое оказывало бы Грузии постоянную поддержку в борьбе против сельджуков. Разгром Рукн ад-Дина в Басианской битве и особенно взятие Константинополя крестоносцами в 1204 г. позволили грузинскому царскому двору успешно осуществить этот замысел. По приказу царицы Тамар отряды имеров (западных грузин) вторглись в византийские владения на южном побережье Черного моря и без труда завоевали их. На этих территориях была основана Трапезундская империя, которая фактически составляла часть грузинской феодальной монархии и была ее опорой в Малой Азии.

В 1204—1206 гг. полководцы царицы Тамар действовали в Южной Армении против мусульманских эмиров. По сведениям Ибн аль-Асира и Абуль Фараджа, во время этих походов грузины взяли Арчеш и дошли до Хлата и Эрзурума[23], но были разбиты мусульманами и бежали.

Для восстановления престижа грузинские войска совершили еще один поход на Хлат, а также осадили и заставили сдаться Карс, который был присоединен к Грузии. Вместе с Карсом, пишет летописец Лаша-Георгия, в руки грузин попали «крепости Карнифоры и Psананда, а также крепости [расположенные] на берегу Рахси»[24].

Присоединение этого края имело большое политическое и экономическое значение для Грузии. Карс издавна являлся для турок-сельджуков опорным пунктом и плацдармом для нападений на страны Закавказья. Помимо этого город имел и большое экономическое значение, так как лежал на важном анийско-эрзурумском торговом пути и играл в экономике феодальной Грузии заметную роль.

С захватом Карса грузинами сельджуки потеряли важный опорный пункт в Закавказье, и их оборонительная линия отодвинулась еще дальше на юг. Царица Тамар не передала завоеванный город кому-либо из крупных феодалов, а подчинила непосредственно царской власти, поручив его защиту от турок одному из выдающихся грузинских полководцев — Иване Ахалцихели[25].

Таким образом, благодаря успешно проведенным военным кампаниям на рубеже XII—XIII вв. сельджуки были отброше-

ны далеко на юг и не могли больше угрожать грузинским землям. Однако значительная часть соседней Армении все еще находилась под их владычеством и жестоко страдала от тяжелого ига и опустошительных войн. Попытки армян избавиться от турецкого гнета всегда находили поддержку и помощь со стороны Грузии.

Например, по сведениям Ибн аль-Асира и Абуль Фараджа, когда в 1208—1209 гг. армяне, восставшие против мусульманских правителей, потерпели поражение, к ним на помощь пришли грузинские войска. Они с боем взяли Арчеш и двинулись к Хлату [26]. Правитель г. Неджма эд-Дин Аухад заперся в крепости, так как опасался, что, если он выступит из Хлата для сражения с грузинами, жители поднимут восстание и сдадут город [27].

Хлат, лежащий на важном ирано-левантийском торговом пути, привлекал взоры правителей и других соседних государств. Овладеть городом пытались малоазиатские сельджуки, азербайджанские атабеки, Айюбиды. Грузия, которая была не прочь взять под свой контроль ирано-левантийский торговый путь, вела с айюбидскими правителями упорную борьбу за овладение Хлатом. Борьба эта закончилась компромиссным 30-летним миром, по условиям которого город остался в руках мусульман.

После заключения мира с Айюбидами на некоторое время прекратились войны и настали сравнительно мирные дни. Однако вскоре опять вспыхнул конфликт, на этот раз с ардебильским султаном. Этот султан, собрав войска, совершил внезапный набег на Ани. Город подвергся страшному разорению. Тысячи анийцев были убиты, а остальные угнаны в плен. Царский двор Грузии решил наказать вероломного султана. Грузинские войска напали на Ардебиль, взяли его и казнили захваченного в плен султана.

Успех этого похода еще раз наглядно показал, что во всем Иране не было силы, которая могла бы противостоять грузинскому войску. Поэтому царский двор принял решение организовать небывалый до этого по дальности поход в глубь Ирана. По словам летописца, целью этого похода была демонстрация военной силы, «чтобы узнали все войска Востока силу и доблесть нашу» [28].

Первый иранский город, подвергшийся нападению грузин, был Маранд. Жители Маранда, попытавшиеся оказать сопротивление, были наголову разбиты и рассеяны. Затем войско двинулось к Тебризу. Тебризцы, напуганные разгромом Маранда, «сдали свой город без боя и откупились богатой данью» [29]. Оставив в Тебризе небольшой отряд, грузины направились к Миане, где тоже без боя разместили свой гарнизон и получили

выкуп. Следующий город — Зенджан им пришлось захватить штурмом, после чего город был предан разгрому. Двигаясь к востоку, грузины взяли также Казвин и Ром-гур (т. е. Хорасан) и достигли Гургана[30].

Успех похода был полный. Войска захватили богатую добычу и дошли до таких мест, где, по словам летописца, «до этого даже не слыхано было слово грузин»[31].

Победоносные походы грузинских войск на Ардебиль и в Иран в 1210—1211 гг.[32] еще выше подняли международный авторитет страны. Стало ясно, что Грузия являлась сильнейшей державой Ближнего Востока, а разрозненность мусульманских государств создавала реальные предпосылки для успешного осуществления экспансивных устремлений царского двора.

Таким образом, в результате активной внешней политики царицы Тамар к началу XIII в. в разных формах зависимости от Грузии находились Восточное Закавказье, Иранский Азербайджан, вся Армения, Юго-Восточное Причерноморье и часть Северного Кавказа[33].

Экспансионистские устремления грузинского царского двора систематически росли, и его внешнеполитический курс свидетельствовал, что Грузия старалась занять место Византии на Ближнем Востоке. Отныне Грузия выступала «в роли не только освободителя восточных стран, но и защитника западной культуры»[34]. Царская власть Грузии объявлялась исторической преемницей Александра Македонского и кесаря Августа. Поэтому грузинское царское знамя стали называть наряду с «горгасальским» и «давидовским» также «александровским» и «августовским»[35].

Итак, на рубеже XII—XIII вв. внешнеполитические связи Грузии со странами Ближнего Востока еще больше расширились. Автор «Истории и восхваления венценосцев» перечисляет те страны и народы, которые искали дружбы и покровительства Георгия III, отца Тамар[36]. Несмотря на некоторые преувеличения, что характерно почти для всех средневековых летописей, в «Истории и восхвалении венценосцев» хорошо видно, какие широкие политические связи имела Грузия во второй половине XII в. со странами Ближнего Востока и Европы. Эти связи еще более расширились и упрочились на рубеже XII—XIII вв.

[1] Басили Эзосмодзгвари. Жизнь царицы цариц Тамар.— Картлис цховреба (История Грузии). Грузинский текст. Т. 2. Подготовил к изданию по всем основным рукописям проф. С. Г. Каухчишвили. Тб., 1959, с. 147.

[2] Н. А. Бердзенишвили. Проявление классовой и внутриклассовой борьбы во внешнеполитических отношениях Грузии.— Вопросы истории Грузии. [Т.] 2. Тб., 1965, с. 42 (на груз. яз.).

[3] Дж. Степнадзе. О внешней политике Грузии в XII веке.— Исторический сборник. [Т.] 3. Тб., 1970, с. 49 (на груз. яз.).

[4] В. Н. Габашвили. Внешние торговые связи Грузии в XII веке. — Труды ТГУ. Т. 121. Серия востоковедения. VII. Тб., 1967, с. 203 (на груз. яз.).

[5] История и восхваление венценосцев.— Картлис цховреба. Т. 2, с. 38.

[6] Там же.

[7] Басили Эзосмодзгвари. Жизнь царицы цариц Тамар, с. 130.

[8] История и восхваление венценосцев, с. 61.

[9] Sadruddin Ebul-Hasan Ali Ibn Nasir Ibn Ali El Hüseyni. Ahbar üd Devlet is Selcukiye. Pencap Üniversitesi farsça profesörü Mühammed Ikbalin 1933-de Lahorda neşrettiği metinden tercüme eden Necati Lugal. Ankara, 1943, c. 130 (далее — Sadruddin).

[10] Там же. Противоположное мнение высказал азербайджанский ученый, акад. А. А. Али-заде, которого справедливо критиковал Н. Ш. Асатиани. См.: Н. Ш. Асатиани. Грузино-Ширванское политическое отношение в XII веке.— Труды ТГУ. Т. 125. Серия исторических наук. VI. Вопросы истории Грузии XII века. Тб., 1968, с. 7—54 (на груз. яз.).

[11] История и восхваление венценосцев, с. 61.

[12] Sadruddin, с. 130.

[13] А. Абдаладзе, опираясь на один армянский анонимный источник, предполагает, что сражение у Шамхора произошло в 1194 г. (см.: А. Абдаладзе. О дате Шамхорской битвы.— «Мацне». Серия истории, археологии, этнографии и истории искусства. Тб., 1971, № 1 (на груз. яз.).

[14] История и восхваление венценосцев, с. 74.

[15] И. А. Джавахишвили. История Грузинского народа. [Т.] 2. Тб., 1965, с. 271 (на груз. яз.).

[16] Sadruddin, с. 133.

[17] Там же.

[18] Selçuki devletleri tarihi, Aksaraylı Kerimeddin Mahmudun Müsameret alahyar adlı farsça tarihinin tercumesi. Türkçeye çeviren M. Nuri Gencosman, ön söz, notlar yazan F. N. Uzluk. Ankara, 1943, с. 128.

[19] Басили Эзосмодзгвари. Жизнь царицы цариц Тамар, с. 132.

[20] Anadolu Selçukı devleti tarihi, Ibni Bibinin farsça muhtasar selçuknamesinden türkçeye çeviren M. Nurı Gencosman. Notlar ilave eden F. N. Uzluk. Ankara, 1941, с. 34—35.

[21] История и восхваление венценосцев, с. 92.

[22] O. Turan. Selçuklular zamanında Türkiye. Istanbul, 1971, с. 253.

[23] Материалы по истории Азербайджана из Тарих-ал-Камиль Ибн-ал-Асира. Баку, 1940, с. 128; Gregory Abu'l Farac (Bar Hebraeus). Abu'l Farac tarihi. Cilt 2. Türkçeye çeviren Ömer Riza Dogrul. Ankara, 1950, с. 487.

[24] Летописец эпохи Лаша-Георгия.— Картлис цховреба. Т. 1, с. 365.

[25] История и восхваление венценосцев, с. 92.

[26] Материалы по истории Азербайджана..., с. 134; Gregory Abul Farac (Bar Hebraeus). Abu'l Farac tarihi. Cilt 2, с. 491.

[27] Gregory Abu'l Farac (Bar Hebraeus). Abu'l Farac tarihi. Cilt 2, с. 491.

[28] История и восхваление венценосцев, с. 92.

[29] Там же, с. 105—106.

[30] Там же, с. 107. О локализации и идентификации Ром-гура с Хорасаном см.: В. Н. Габашвили. «Ром-гури» в грузинских источниках.— «Мацне». Серия истории, археологии, этнографии и истории искусства. 1971, № 4, с. 124—130 (на груз. яз.).

[31] Летописец эпохи Лаша-Георгия, с. 369.

[32] По предположению Т. Натрошвили и Г. Джапаридзе, поход в Иран состоялся в 1209 г. [см.: Т. Натрошвили, Г. Джапаридзе. Об уточнении одной даты.— «Мацне». Серия языка и литературы, № 2, 1974, с. 158 (на груз. яз.)].

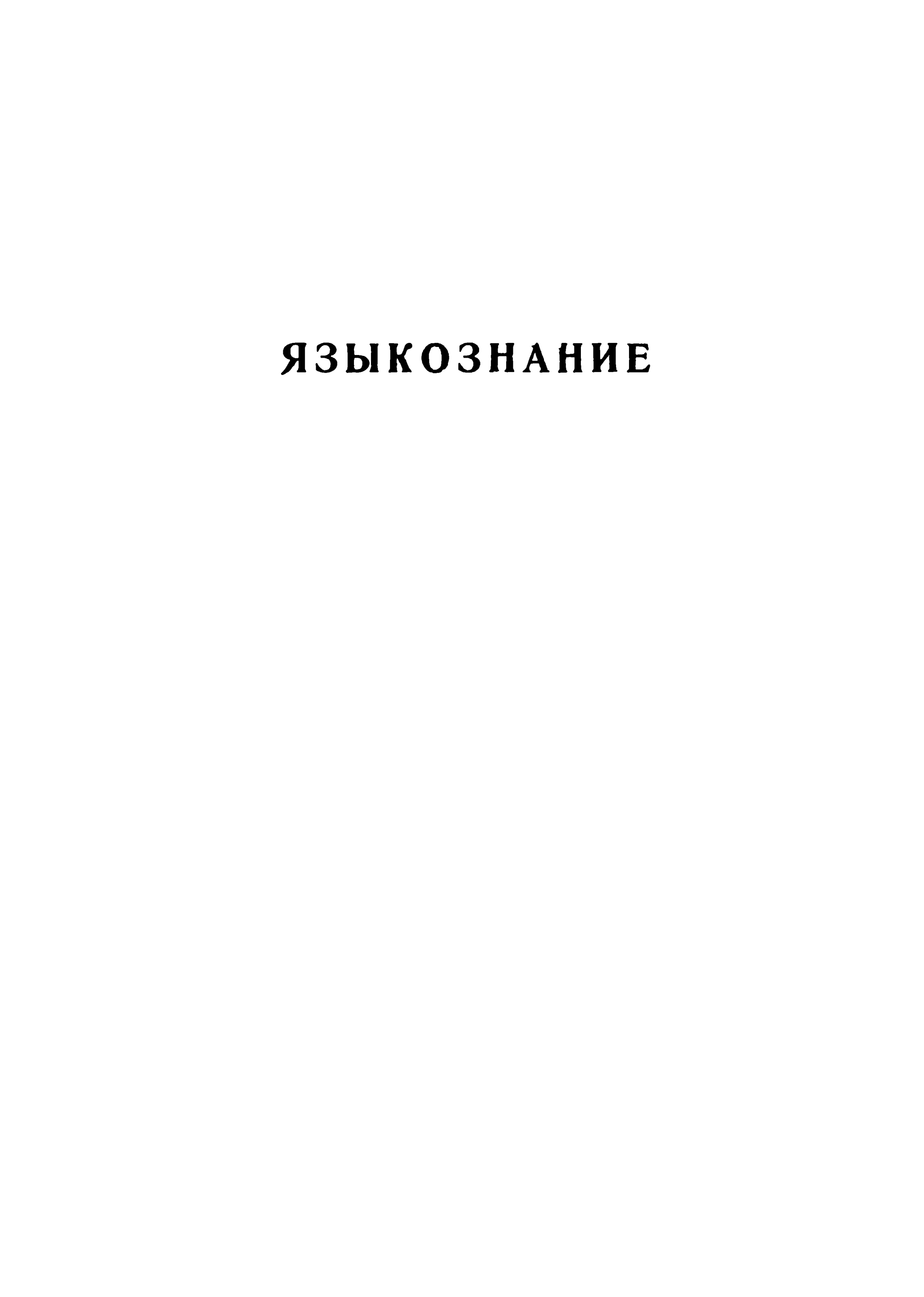
[33] История и восхваление венценосцев, с. 79—80; Басили Эзосмодзгвари. Жизнь царицы цариц Тамар, с. 123—124.

[34] Ш. Месхиа. Эпоха Шота Руставели (Внутренняя и внешняя политика Грузии в XII веке).— Сборник памяти Ш. Руставели. Тб., 1968, с. 20 (на груз. яз.).

[35] С. Н. Джанашиа. Грузинская феодальная монархия в XII веке.— История Грузии. [Т.] 1. Тб., 1948, с. 219 (на груз. яз.); Н. А. Бердзенишвили. Эпоха господства татар.— Вопросы истории Грузии. Кн. 3. Тб., 1966, с. 60 (на груз. яз.).

[36] История и восхваление венценосцев, с. 22—23.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

А. П. Векилов

О СКЛОНЕНИИ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ В ТУРЕЦКИХ ДИАЛЕКТАХ

В турецком языке, как и во многих других языках, личные, указательные и некоторые другие местоимения являются одной из древнейших частей речи. По определению К. Е. Майтинской, местоимения сложились «в эпоху, далеко предшествующую времени существования даже самых древних восстановленных языков-основ»[1]. Этим объясняется сохранение до наших дней архаичных признаков в склонении различных разрядов местоимений. Как известно, в современном турецком литературном языке эти архаичные особенности в склонении местоимений проявляются в исключениях из общего правила склонения существительных. Так, например, аффиксом родительного падежа личных местоимений 1-го лица единственного числа и 1-го лица множественного числа является *-im*, в то время как во всех прочих случаях этот аффикс имеет форму *-in*/*-nin* (в четырех фонетических вариантах), личные местоимения 1-го и 2-го лица единственного числа в дательном падеже вместо ожидаемого по схеме *bene, sene* имеют форму *bana, sana*, указательные местоимения в косвенных падежах имеют особую основу с носовым *n* и др.[2].

В турецких диалектах Малой Азии в склонении местоимений элементы архаизма по сравнению с современным литературным языком проявляются более широко. В речи носителей диалектов употребляется больше различных местоимений, чем в литературном языке. Кроме того, в диалектах местоимения имеют различные фонетические варианты, которые существенным образом отличаются от соответствующих местоимений нормативного языка. В падежной парадигме диалектные местоимения также отличаются от литературных. Отличия касаются и частоты употребления отдельных местоимений в диалектах.

Основной падеж. Наиболее распространенной в диалектах формой личного местоимения 1-го лица единственного числа является *ben* 'я', полностью совпадающая с соответст-

вующей формой литературного языка. Устойчивое употребление формы *ben* в диалектах поддерживается литературной нормой. Местоимение 1-го лица с начальным *b* из всех современных тюркских литературных языков сохранилось, как известно, только в турецком и гагаузском языках. В других современных тюркских литературных языках, за исключением чувашского (здесь это местоимение имеет форму *эпĕ*), местоимение 1-го лица единственного числа начинается сонорным смычно-носовым *m*[3]. С начальным *m* это местоимение в турецких диалектах употребляется редко, главным образом кочевыми, полукочевыми племенами, переселившимися в Турцию в основном из Азербайджана и ныне живущими в восточных районах Анатолии, в илях Эрзурум и Карс[4]. Местоимение с начальным *m* весьма редко употребляется и в западных диалектах турецкого языка. Причем один и тот же информант может употреблять обе формы[5]. Примечательно, что это явление характерно также и для староанатолийских письменных памятников, где зафиксированы обе формы[6]. Только позднее, примерно с XVII в., в литературном языке форма *ben* полностью вытеснила форму *men*.

Формы *bän* и *män* параллельно употреблялись и в древнейших памятниках тюркской письменности — в орхоно-енисейских памятниках, где они рассматриваются как диалектные признаки[7].

Существование двух форм личного местоимения 1-го лица единственного числа давно привлекало внимание тюркологов. Впервые, в конце прошлого столетия, этого вопроса коснулся В. В. Радлов, который писал: «Можно было бы предположить, что *män* и *bän* являются самостоятельными и дальнейшими образованиями более ранней формы *bä(bi)*, которой соответствовало местоимение 1-го лица единственного числа *bi* в тунгусском и монгольском языках. В таком случае формы *bän* и *män* развились самостоятельно из этой первичной формы, и впоследствии *bän* получила распространение в тех диалектах, которые не знали перехода *b>m*, вызванного последующим носовым согласным»[8].

Большинство тюркологов, занимавшихся проблемой местоимений в тюркских языках или затронувших этот вопрос в работах общего характера, разделяли и разделяют мнение В. В. Радлова о переходе *b>m* под влиянием конечного носового *n* и подкрепляют это высказывание дополнительными аргументами[9].

Так, В. А. Богородицкий в своей известной книге «Введение в татарское языкознание», которая вышла первым изданием в 1934 г., писал: «В вариации *м//б* первичным нужно признать согласный *б*, сменившийся на *м* под регрессивным ассимили-

рующим влиянием конечного носового; принять первичным носовой *м* нельзя потому, что тогда осталась бы непонятной замена его через неносовой *б* при наличности конечного носового»[10]. Убедительную аргументацию в пользу радловской гипотезы привел Н. К. Дмитриев в своей статье, посвященной истории аффиксов сказуемости. «...Местоимение *я*,— писал он,— соотносительно с местоимением *мы* так же, как местоимение *ты* соотносительно с местоимением *вы*. Поэтому *сэн*//*сен* 'ты' относится к *сиз* 'вы' так же, как х+*эн* (*ен*) относится к *биз* 'мы'. Очевидно, х=*бэн*//*бен*, поскольку слово 'мы' всюду засвидетельствовано в форме *биз* и нигде (как самостоятельное слово) не употребляется в форме *миз*. Таким образом, древнейший вариант личного местоимения 1-го лица единственного числа был, очевидно, *бэн*//*бен*»[11].

Косвенным доказательством перехода *b*>*m* в местоимении 1-го лица может служить также изменение начального *b* в указательном местоимении *bu* 'это'. В косвенных падежах это указательное местоимение имеет особую основу для склонения с носовым *n*: *bun*-. В турецких диалектах, равно как и во многих тюркских языках и их диалектах, при склонении *bu* начальный *b* переходит в *m* и парадигма имеет следующую форму: *munun, muna, munu, munda, mundan (munnan)*[12]. Здесь переход *b*>*m* нельзя объяснить не чем иным, кроме регрессивной ассимиляции под влиянием носового *n*.

Но существует и противоположная точка зрения. Г. Рамстедт[13], Б. Мункачи[14] и некоторые другие считают местоимение 1-го лица единственного числа с начальным *m* первичным. А. П. Поцелуевский, разделяющий это мнение, в известной работе о происхождении личных и указательных местоимений писал, что местоимение 1-го лица в подавляющем большинстве тюркских языков начинается с *m*, «причем в крымском, мариупольском и ногайском наречиях при начальном *б* в номинативе, в косвенных падежах снова появляется *м*... форма личного местоимения 1-го лица единственного числа с начальным *м* встречается уже в тюркских эпиграфических памятниках 8 века н. э.... Глагольное окончание 1-го лица единственного числа (несомненно, генетически восходящее к соответствующему личному местоимению) звучит все же не *б*, а *м*»[15] и, наконец, «чередование звуков *б* и *м* в Anlaut'е представляет собой заурядное явление в тюркских языках...»[16].

Эта аргументация А. П. Поцелуевского, кроме положения о том, что аффиксы глагольных форм 1-го лица единственного числа имеют не *б*, а *м*, не исключает возможности перехода первоначального *b*>*m* и не противоречит мнению В. В. Радлова и его сторонников. Что же касается глагольных аффиксов[17], то хотя их генетическую связь с личными местоимениями никто

из тюркологов под сомнение не ставит, однако интерпретация этого факта А. П. Поцелуевским представляется неприемлемой. Вероятнее всего, в этих аффиксах сохранились не начальные звуки личных местоимений, как предполагал А. П. Поцелуевский, а конечные, как об этом пишет А. Н. Кононов[18]. Восходящий к личному местоимению *ben* аффикс *-(y)ım* (в четырех вариантах) первоначально имел форму *-(y)ın* с вариантами. В таком виде этот аффикс встречается в памятниках староанатолийской письменности[19] и в современных турецких диалектах[20]. «В дальнейшем, вероятно под влиянием исторически преобладавшей губной огласовки, носовой сонорный *n*> губной носовой спирант *m*»[21].

Таким образом, мы можем форму местоимения 1-го лица единственного числа *bän//ben*, распространенную в турецких диалектах, считать древнейшим вариантом этого местоимения.

Может быть, не стоило бы здесь подробно излагать историю уже разрешенного вопроса, если бы азербайджанский диалектолог М. И. Исламов дважды — сначала в своей интересной и содержательной статье о личных местоимениях в диалектах азербайджанского языка[22], а позднее в автореферате докторской диссертации,— не согласившись с мнениями В. В. Радлова и Г. И. Рамстедта, не полемизируя с ними и их сторонниками, не выдвинул бы новой точки зрения: «считать обе формы древними»[23]. Аргументация М. И. Исламова, опирающаяся главным образом на чередование *б/м* в анлауте, к сожалению, не производит убедительного впечатления.

Гласный звук личного местоимения 1-го лица единственного числа в диалектах в основном падеже зарегистрирован в двух вариантах: а) узкий (закрытый) вариант негубного гласного переднего ряда, близкого по звучанию к русскому *э*,— *ben (men)* и б) широкий (открытый) вариант того же гласного, транскрибируемого обычно через *ä* (иногда ε или *ę*),— *bän* (*män*). Этот гласный в слове *ben* имеет и другие оттенки приведенных звуков. Например, А. Н. Кононов отмечает, что в позиции перед согласным *n* «широкий вариант фонемы *e* приобретает особенно широкий (открытый) характер»[24]. Наличие не только в диалектах, но и в литературном разговорном языке фактически двух качественно отличающихся друг от друга гласных с их оттенками в форме местоимения 1-го лица отмечается всеми исследователями фонетики турецкого языка[25].

Широкое распространение формы личного местоимения *ben//bän* в турецких диалектах привело к стабилизации варианта *ben* в турецком литературном языке; в свою очередь, форма *ben*, закрепленная в литературном языке, поддерживает эту форму в диалектах. Видимо, этим и объясняется сохранение ва-

рианта этой древнейшей формы в турецком языке и его диалектах и говорах.

В турецких диалектах Малой Азии встречаются случаи употребления местоимения 1-го лица единственного числа с начальным глухим *p*. Это явление было зарегистрировано А. Джафероглу у различных информантов в Трабзоне и его окрестностях. Примеры: *ōlum pen sā pi yer tārif edayim da sen parayi ora sakla* (иль Трабзон, K—DIAT, 175), лит. *oğlum ben sana bir yer tarif edeyim de sen parayı oraya sakla* 'Сын мой, я тебе одно место укажу, ты деньги там спрячь'; *pen hapısdan cälirim* (иль Трабзон, K—DIAT, 152), лит. *ben hapısten gelirim* 'Возвращаюсь из заключения'; *o parayı verurmusun pā?* (иль Трабзон, K — DIAT, 176), лит. *o parayı bana verir misin?* 'Дашь ли мне те деньги?'.

Оглушение начального *b* в тюркских языках — общеизвестное явление[26], оно широко распространено и в турецких диалектах[27]. Однако в местоимении 1-го лица это явление встречается редко.

Личное местоимение 2-го лица единственного числа в основном падеже в турецких диалектах в зависимости от качества гласного имеет два параллельных варианта, распространенных также в турецком разговорном языке,— *sen//sän* 'ты'. Варианты этого гласного полностью совпадают с соответствующими вариантами местоимения 1-го лица. В фонетическом отношении местоимение 2-го лица в основном падеже ничем не отличается от нормированной формы общенационального разговорного языка[28].

Личное местоимение 3-го лица единственного числа в диалектах в основном падеже встречается в двух вариантах: а) совпадающем с нормативной формой *o* и б) диалектальном *u*[29].

Как и во всех тюркских языках, личное местоимение 3-го лица одновременно является и указательным местоимением 'тот'. Примеры на употребление *u* 'он', 'она', 'оно': *u bizim gız ḡardaşımızın çocuğu olsa gerek* (иль Кастамону, AAT, 65) лит. *o bizim kız kardeşimizin çocuğu olsa gerek* 'Он, должно быть, сын нашей сестры'; *u genä dāmänä gidiyo* (иль Маниса, G—BAA, 21), лит. *o yine değirmene gidiyor* 'Он опять отправляется на мельницу'.

В такой же форме (*u*) местоимение 3-го л. единственного числа употребляется в современных узбекском и уйгурском литературных языках, в кубинском и бакинском диалектах азербайджанского языка.

В местоимениях 1-го и 2-го лица множественного числа *biz* и *siz* в диалектах зафиксированы случаи оглушения конечного *z*. При общей тенденции турецкого языка к оглушению ко-

нечных звонких согласных *z* тем не менее оглушается незначительно и редко. Однако конечный *z* после узких гласных оглушается достаточно ощутимо на слух[30]. Это оглушение особенно усиливается, когда последующее слово начинается с глухого согласного[31]. Примеры: *bis soŋura kövümüzä gidäm* (иль Денизли, G—BAA, 56), лит. *biz sonra köyümüze gidiyoruz* 'Потом мы отправляемся в свою деревню'; *bis säniŋ ġocaŋa dörtyüz nira vēdik* (иль Айдын, G — BAA, 62), лит. *biz senin kocana dört yüz lira verdik* 'Мы дали твоему мужу 400 лир'; *ēotuduŋuz-mu his? his nahalsıŋıs?* (иль Айдын, G—BAA, 79)[32], лит. *e oturdunuz mu siz? Siz ne haldasınız?* 'Ну разве вы посидели? Как вы себя чувствуете?'.

Местоимение 3-го лица множественного числа в основном падеже в форме *onlar* 'они', совпадающей с литературной формой, в диалектах встречается редко; чаще всего оно употребляется в форме, где под действием прогрессивной ассимиляции звук *l* аффикса множественного числа изменяется в *n*: *onnar benüm dilümden annar* (иль Трабзон, K—DIAT, 133), лит. *onlar benim dilimden anlar* 'Они понимают мой язык'; *gelin var, gız var, onnar yapar işi* (иль Невшехир, NYA, 196), лит. *gelin var, kız var, onlar yapar işi* 'Есть невеста, есть дочь, они и занимаются этим'; *unnā da «inşallah» dirlä* (иль Маниса, G—BAA, 3), лит. *onlar da «inşallah» derler* 'И они говорят: «Дай-то бог»'.

В последнем примере из Манисы в слове *unnā* 'они' выпадение конечного неустойчивого *r* привело к долготе гласного аффикса множественного числа.

Родительный падеж. В тюркских языках родительный падеж «выступает как форма имени существительного или местоимения, относимого к другому имени существительному как определение последнего»[33]. Функции родительного падежа в турецких диалектах полностью совпадают с функциями этого падежа во всех тюркских языках. Этот падеж в анатолийских диалектах, так же как в тюркских языках,— «единственный из падежей, не управляемый глаголами»[34]. В диалектах распространены различные фонетические варианты аффикса родительного падежа, генетически восходящие к единому древнему типу[35]. Однако форма родительного падежа личных местоимений имеет гораздо меньше этих вариантов, чем форма родительного падежа имен существительных.

Склонение личных местоимений в родительном падеже в диалектах в основном совпадает с нормами литературного языка. Как известно, морфема *-im* является аффиксом родительного падежа только для личных местоимений 1-го лица единственного числа *(ben)* и множественного числа *(biz)* — *benim,*

bizim. Во всех других случаях этот падеж образуется аффиксом *-in, -nin* (четырехвариантный аффикс для согласной и гласной основы).

Появление в родительном падеже аффикса с конечным *-m* (*benim, bizim*) объясняется влиянием аффикса принадлежности (*-im*) на аффикс родительного падежа. Причиной такого совмещения двух генетически разных аффиксов в одной форме является семантическая близость функции родительного падежа, выражающего «отношение принадлежности в самом широком значении этого слова» [36], с функцией категории принадлежности. Эта мысль, высказанная В. А. Богородицким еще в 1925 г.[37], ныне разделяется многими тюркологами. Примеры: *bänim adamı ğapınıŋ öŋüdän aldılā gitdilā* (иль Измир, G — BAA, 28), лит. *benim kocamı kapının önünden aldılar giltiler* 'Моего мужа возле дверей забрали, увели'; *mänim ōlan dı beş aydır näkdibi galmī* (иль Афьон-Карахисар, G—BAA, 44), лит. *benim oğlan da beş aydır mektebe gelmiyor* 'Мой сын пять месяцев в школу не ходит'; *menim ġızımı bir de dilne almıyacax* (иль Карс, DİAT, 97), лит. *benim kızımı* [*-ın adını*] *bir de diline almı yacak* 'Пусть он даже имя моей дочери забудет'; *çalışırıx amma, zor bizim geçimimiz, zor* (иль Невшехир, NYA, 143), лит. *çalışırız amma, zor bizim geçinmemiz, zor* 'Работаем, а жизнь наша тяжелая, тяжелая'.

В северо-восточном диалекте турецкого языка (причерноморская полоса от Самсуна до Ризе) личные местоимения 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа в родительном падеже употребляются соответственно в формах *benum, senun* и *bizüm, bizum, sizün, sizun*: *u benum sevdiceγum eller elinde ğaldi* (иль Трабзон, SLA, 178), лит. *o benim sevdiciğim eller elinde kaldı* 'Та моя возлюбленная осталась у чужих людей'; *ay benum kuzicuγum, elma versam yermisun?* (иль Ризе, SLA, 85) лит. *ay benim kuzucuğum, elma versem yer misin?* 'О моя миленькая, если дам тебе яблоко, съешь ли?'; *penum param var* (иль Трабзон, K — DİAT, 183), лит. *benim param var* 'У меня есть деньги'; *akşamdan geleceum, yarum, senun odana* (иль Трабзон, SLA, 188), лит. *akşamdan geleceğim, yarım senin odana* 'К вечеру, моя возлюбленная, приду к тебе'; *derinoba ġizlare bizüm evde gelindir* (иль Трабзон, SLA, 167), лит. *Derinova kızları bizim evde gelindir* 'Невесты в нашем доме — девушки из Деринова'; *baluklar sizün içün* (иль Трабзон, K — DİAT, 134), лит. *balıklar sizin için* 'Рыба для вас'.

Вопреки палатальной гармонии гласных, характерной для современного турецкого языка, в северо-восточном диалекте довольно часто наблюдается появление узких губных гласных *u*, *ü* в аффиксе родительного падежа, а также и в ряде других аффиксов после основ с негубными гласными.

Лабиализация различных аффиксов была широко распространена в староосманском языке[38]. Употребление аффиксов с узкими губными гласными при нелабиальных основах (в словах типа *sevketlü* 'величественный', *kudretlü* 'могущественный' и др.) проникло в турецкий литературный язык феодальной эпохи как особая форма высокого стиля и сохранилось до начала XX в. в языке официальных бумаг канцелярии султанского двора в Турции[39].

Аналогичное явление имеет место и в других средневековых письменных памятниках[40], а также и в современных азербайджанских диалектах[41].

В турецких диалектах спорадически встречается форма родительного падежа личных местоимений 1-го лица единственного и множественного числа с аффиксом *-in(-iŋ)*. Этот аффикс в огузской группе языков при местоимениях *ben* и *biz*, как правило, не употребляется, но он характерен для кыпчакской и карлукской групп языков. Примеры: *adımı sorarsaŋ, benin adım güleser* (иль Конья, TSMA, 4, 73), лит. *adımı sorur isen, benim adım Güleser* 'Если ты спрашиваешь мое имя, меня зовут Гюлесер'; *ötōn beniŋki bir ğunde ğurudu* (иль Невшехир, NYA, 119), лит. *ötende benimki bir günde kurudu* 'В прошлый раз мое высохло за один день'; *sen beyaniyoŋ mu biziŋkinä?* (иль Денизли, G—BAA, 72), лит. *sen begeniyor musun bizimkini?* 'Тебе нравятся наши?'; *bu biziŋ ķuçük bacıŋmiz* (иль Анкара, TSMA, 3, 36), лит. *bu bizim küçük kızkardeşimiz* 'Это — наша младшая сестра'.

Эти факты, зарегистрированные в западной части Анатолийского полуострова, хотя и встречаются не часто, но, безусловно, дают дополнительный материал, свидетельствующий о том, что в консолидации турецкого народа кроме огузских племен принимали участие и кыпчако-карлукские племена[42]. Кыпчакские элементы оставили более заметный след в азербайджанском языке и его диалектах[43].

В большинстве турецких диалектов на территории Анатолийского полуострова, особенно в диалектах восточных районов, сохранился древний носовой велярный звук *ŋ*[44]. Этот звук, зарегистрированный еще в орхоно-енисейских памятниках письменности, был широко представлен в староанатолийском языке. В старотурецкой (арабской) графике за этим звуком была закреплена буква «сагыр нун», которая сохранилась в графике вплоть до перехода на новый латинский алфавит. В современном турецком языке этот звук отсутствует. В большинстве случаев он уступил свое место сонорному смычному носовому *n*. А в диалектах *ŋ* проявляет себя очень широко: так, он представлен в различных вариантах аффикса родительного падежа, в некоторых других аффиксах и отдельных словах.

Историю изменения и исчезновения носового велярного *ŋ* можно проследить в турецких диалектах на примерах с формой родительного падежа личного местоимения 2-го лица единственного и множественного числа: *seniŋ gizıŋı istēr* (иль Карс, DİAT, 39), лит. *senin kızını istiyor* 'Твою дочь просит [в жены]'; *seniŋ kimi bi adamım* (иль Газиантеп, GA, 1, 349), лит. *senin gibi bir adamım* 'Я такой же человек, как и ты'; *seniŋ ğullarıŋ daγması harasındadı?* (иль Карс, DİAT, 133), лит. *senin kullarının damgası neresindedir?* 'Клеймо на твоих рабах на каком месте находится?'; *bu davşana siziŋ gücüŋüz çatmaz* (иль Карс, AAT, 130), лит. *bu tavşana sizin gücünüz çatmaz* 'Вам с этим зайцем не справиться'.

В приведенных примерах сохранилась древнейшая форма аффикса родительного падежа. Эта же форма употребляется в современном туркменском литературном языке [45] и в некоторых других тюркских языках.

В приводимых ниже примерах звук *ŋ* аффикса родительного падежа зафиксирован как состоящий из двух расчлененных звуков — *n+g: ōlum, sening bobaŋı şakirin bobası öldürmüş* (иль Чанкыры, AAT, 88), лит. *oğlum, senin babanı Şakirin babası öldürmüş* 'Сын мой, твоего отца убил отец Шакира'; *sening bumuydu maxsadıŋ?* (иль Чанкыры, AAT, 93), лит. *senin bu muydu maksedin?* 'Вот это и было твоей целью?'; *sizing aγıt deduŋuz bu türku* (иль Кастамону, AAT, 4), лит. *sizin ağıt dediğiniz bu türkü* 'Эта песня, которую вы называете плачем'. Такой вариант аффикса родительного падежа часто употребляется и при образовании родительного падежа имен существительных в турецких диалектах Кастамону и Чанкыры [46].

Кроме того, зафиксирован еще фонетический вариант аффикса родительного падежа местоимения 2-го лица единственного числа в форме *iy*. Этот вариант является результатом дальнейшего изменения исходной формы аффикса *-iŋ>-ing>-*ig>-iy*. Аффикс родительного падежа в форме *-ik* (в четырех вариантах) употребляется в айрумском говоре азербайджанского языка [47]. Примеры: *seniy yüzüy neden eyri?* (иль Кастамону, Бартын, BYA, 133), лит. *senin yüzün neden egri?* 'Почему твое лицо перекосилось?'; *seniy sevday* (иль Кастамону, Бартын, BYA, 140), лит. *senin sevdan* 'твоя любовь'.

Вариант аффикса родительного падежа со щелевым среднеязычным звонким *-y-* употребляется в Бартыне [48], Урфе [49] и их окрестностях. В диалектальной речи жителей Бартына и его окрестностей этот вариант вытеснил все другие варианты аффикса родительного падежа.

Диалектальная особенность родительного падежа личных местоимений 3-го лица единственного и множественного числа проявляется главным образом в употреблении архаичного ва-

рианта аффикса с велярным *-ŋ*: *heç onuŋ gibi vāmıdı?* (иль Измир, G — BAA, 29), лит. *hiç onun gibi var mıdır?* 'Разве есть [еще] подобный ему?'; *onuŋ yanında çalışdım* (иль Невшехир, NYA, 196), лит. *onun yanında çalıştım* 'работал при нем'; *bilmiyom unnaŋ lisannarına* (иль Маниса, G—BAA, 5), лит. *bilmiyorum onların lisanlarını* 'Я их языка не знаю'; *oŋlarıŋ yüz kişisini kesti* (иль Анкара, TSMA, 3, 34), лит. *onların yüz kişisini kesti* 'Сто человек из них он зарубил'.

Дательный падеж. Основной синтаксической функцией дательного падежа личных местоимений в турецких диалектах, как и в современном турецком литературном языке, является выражение направления действия. В нормативном языке дательный падеж личных местоимений образуется с помощью двухвариантного аффикса *-a//-e*, восходящего к общетюркской древней форме *-γa//-ge*. Употребление литературной формы аффикса дательного падежа в диалектах статистически преобладает. Варианты аффикса присоединяются к склоняемой основе согласно закону гармонии гласных. Исключением в этом отношении являются только два первых личных местоимения единственного числа — *ben* 'я' и *sen* 'ты', которые в дательном падеже и в литературном языке и в подавляющем большинстве случаев в диалектах имеют форму *bana, sana*. Подобное явление наблюдается во многих других тюркских языках [50] и их диалектах. Эта аномалия в парадигме склонения личных местоимений обратила на себя внимание многих тюркологов, и был сделан ряд попыток объяснить причину этого явления.

Обстоятельные критические обзоры гипотез по этому поводу приведены В. Котвичем в двух его книгах [51] и М. Рясяненом в его известной работе по морфологии тюркских языков [52]. Этого вопроса коснулся также Э. В. Севортян [53]. Он считает, что формы дательного падежа *bana, sana* появились в результате присоединения к местоимениям *ben (män), sen* аффикса дательно-направительного падежа *-γa (-ga)*, который вызвал регрессивную ассимиляцию, и таким образом возникла форма *bana, sana* (*ben//män+ga>beŋa>bana*) [54]. Это предположение в принципе примыкает к идее, высказанной В. А. Богородицким в 1934 г.[55]. Такой же точки зрения придерживается О. В. Захарова [56]. Уязвимость этой гипотезы заключается в том, что аффикс дательного (дательно-направительного) падежа с древнейших времен существовал в двух вариантах — для основ с гласными заднего ряда и с гласными переднего ряда: *-qa//-kä* (Габен) [57], *-қа/-кә*; *-ға/-гэ* (Насилов) [58], *-ға/-га* (Кондратьев) [59]. Следовательно, было бы естественно для местоимений

ben(män), sen(sän) избрать вариант аффикса с гласным переднего ряда — *-гä, -гэ*. Именно так обстоит дело в азербайджанском (**mängä>mäŋä>mänä; säŋä> sänä)*, алтайском (**menge>mege; sege)*, тувинском (*мэŋээ//мээ; сэŋээ//сээ)* языках и в некоторых диалектах тюркских языков, в том числе и в некоторых турецких диалектах.

Выбор аффикса дательного падежа *-ға(-γа)* для местоимений *ben (män), sen (sän)* при наличии более гармоничного варианта (*-кä, -гä, -гэ)* вызывает сомнение. В. А. Богородицкий, предвидя подобное возражение, высказал предположение, что «именно *-ға/-qа* являются первоначальным окончанием дательного падежа, и из них основным нужно признать *-ға»* [60]. В таком случае в живых или мертвых тюркских языках должно было бы сохраниться некоторое число форм, подобных *bana* и *sana*, где гласная основы была бы изменена под влиянием аффикса дательного падежа. Как известно, такими примерами мы не располагаем.

Автор большой статьи о местоимениях в тюркских языках Ф. Г. Исхаков в разделе, посвященном дательному падежу личных местоимений, выдвинул другую гипотезу. «Тот факт,— пишет он,— что в чувашском языке склоняемыми основами личных местоимений 1-го и 2-го лица единственного числа являются *ман-* и *сан-*, в турецком языке дательный падеж этих местоимений образуется также от *ban-* и *san-* (*bana* 'мне', *sana* 'тебе'), а во многих других тюркских языках основы форм дательного падежа этих двух местоимений представляют собой лишь измененные варианты приведенных выше *ман-* и *сан-* (ср. *маңа//мағa//мā* 'мне', *саңа//сағa//сā* в ряде тюркских языков), дает основание предположить о существовании некогда в тюркских языках личных местоимений 1-го и 2-го лица, звучащих *ман//сан»* [61]. Формы дательного падежа местоимений *maŋa//bana, saŋa//sana* с вариантами Ф. Г. Исхаков считает остаточными проявлениями некогда существовавших форм основного падежа *man, san*.

Если допустить эту точку зрения, то, во-первых, мы должны были бы непременно обнаружить достаточно устойчивые следы *ман, сан* и в других падежах кроме дательного. Тюркские языки, являющиеся языками агглютинативного строя, весьма бережно относятся к основе слова. Почти все словообразующие и словоизменяющие аффиксы подчиняются фонетической структуре основы, оставляя ее, как правило, неизменной. Так должно было происходить и в данном случае, *ман* и *сан* не должны были быть исключением в этом отношении. Однако эти предполагаемые формы местоимений в большинстве тюркских языков проявляются только в дательном падеже. Почему нигде не обнаружены формы *manda, mandan* и др.?

Во-вторых, каковы причины того, что из трех десятков живых тюркских языков только в одном чувашском, фонетика которого существенным образом отличается от фонетики других тюркских языков, сохранилась форма *ман-, сан-* в качестве основы для всех косвенных падежей, в то время как в этом же языке местоимения 1-го и 2-го лица единственного числа в основном падеже имеют особый фонетический облик (*эпӗ* 'я', *эсе* 'ты'), не встречающийся ни в одном из тюркских языков, ни в живых языках, ни в мертвых.

Все эти вопросы призывают к осторожности и ставят под сомнение категоричность гипотезы, выдвинутой Ф. Г. Исхаковым. Однако М. И. Исламов, обнаруживший в южных диалектах азербайджанского языка (Ордубадский, Физулинский и Зангеланский р-ны Азерб. ССР) местоимения 1-го и 2-го лица единственного числа в основном падеже в форме *ман, сан*[62], присоединился к предположению Ф. Г. Исхакова. Он считает, что обнаруженные им местоимения, встречающиеся в диалектах не только азербайджанского, но и других тюркских языков[63], решительно подтверждают правоту Ф. Г. Исхакова.

Факты, на которые М. И. Исламов обратил внимание, безусловно, представляют собой определенную научную ценность. Однако, на мой взгляд, они не рассеивают тех сомнений, которые были изложены выше по поводу гипотезы Ф. Г. Исхакова. Дело в том, что случаи употребления в ордубадском диалекте формы местоимения *ман* весьма ограниченны, а *сан* в опубликованных текстах вовсе не встречается[64]. Кроме того, и это главное, судя по всем примерам, переход *ä (ə)>a* в этом диалекте (в заимствованных словах, в слове *кəл>кал* 'приходи')[65] носит явно вторичный характер, и это наталкивает на мысль, не представляет ли собой *a* в местоимении *ман, сан* вторичное, т. е. более позднее, явление.

Как было сказано выше, в большинстве тюркских языков, кроме чувашского, склоняемая основа личных местоимений 1-го и 2-го лица единственного числа изменяется только в дательном падеже. Поэтому, возможно, следует в поисках причины этого явления обратить внимание именно на дательный падеж, особенно в диахроническом аспекте.

В турецких диалектах Анатолийского полуострова личные местоимения 1-го и 2-го лица единственного числа в дательном падеже имеют много вариантов, которые можно сгруппировать в пять подгрупп. К первой подгруппе относятся диалектальные формы, примыкающие к литературному варианту *bana, sana: baŋa//maŋa*, *baγa, bãa//mãa, bā//pā*; *saŋa*, *saγa, sãa, sā.* Вторая подгруппа охватывает диалектальные формы, приближающиеся к литературной форме азербайджанского языка,— *beŋe//meŋe*, *bene//mene, bänä//mänä; seŋe*, *sene, sänä*. К третьей подгруппе

относятся формы *biye, siye*, употребляющиеся в диалекте Урфы. В четвертой подгруппе представлены формы *behen, sehen*, встречающиеся в Карсском иле. И, наконец, в пятую подгруппу входят местоимения, по морфологическим признакам имеющие формант винительного падежа, но выполняющие в предложении функцию дательного *(beni//bäni, seni)*.

Формы дательного падежа местоимений, входящих в первую подгруппу, связаны между собой генетически и отражают различные изменения, которым подверглись эти местоимения в речи носителей турецких диалектов. Наиболее архаичными из них являются *baŋa//maŋa, saŋa*.

Велярный *ŋ* в этих местоимениях, а также в местоимении 3-го лица единственного числа в дательном падеже (*oŋa* 'ему'), как полагают многие тюркологи, восходит к древней форме аффикса дательного падежа *-qa//-kä*. Под назализирующим влиянием конечного *n* в перечисленных местоимениях начальный согласный аффикса преобразовался в велярный *ŋ*. Этому процессу активно содействовало и то, что начальный звук аффикса дательного падежа по способу образования и месту артикуляции очень близок к *ŋ* [66], и поэтому переход $n+q//k>ŋ$ был естественным [67].

Формы личных местоимений всех трех лиц единственного числа в дательном падеже с велярным *ŋ* встречаются и в памятниках древнетюркской письменности [68].

Примеры из турецких диалектов: *bunuŋ türkcesini baŋa söyle* (иль Конья, TSMA, 4, 77), лит. *bunun Türkçesini bana* 'Скажи мне, как это будет по-турецки'; *seni maŋa babam tafşırıfdı* (иль Карс, AAT, 98), лит. *seni bana babam emanet ediptir* 'Мой отец поручил тебя мне'; *al saŋa bi hekā da* (иль Афьон-Карахисар, G — BAA, 43), лит. *al sana bir hikâye daha* 'Вот тебе еще одна сказка'.

В текстах из района Ризе, опубликованных М. Рясяненом, местоимения *ben, sen* в дательном падеже встречаются в форме *baγa, saγa*. Аналогичные формы являются нормой для хакасского литературного языка [69]. Эта диалектальная турецкая форма близка по звучанию и к соответствующим формам ногайского и киргизского языков [70]. Образование подобных форм дательного падежа местоимений является результатом изменения в отдельных случаях велярного *ŋ* в заднеязычный щелевой γ [71]: *ver baγa bir şeftalı* (иль Ризе, SLA, 31), лит. *ver bana bir şeftalı* 'Дай мне один персик'; *altun takarum saγa, her birikatır nalı* (иль Ризе, SLA, 30), лит. *altun takarım sana, her biri — katır nalı* 'Надену на тебя золотые [украшения], каждое с подкову мула'.

К первой же подгруппе относятся местоимения, претерпевшие дальнейшие фонетические изменения рассмотренных выше

форм. В местоимениях *bãa//mãa, sãa* в результате выпадения или сильной редукции в интервокальной позиции носового *n* или велярного *ŋ* гласный основы приобретает носовой тембр и вместе с гласным аффикса составляет двувершинную долгую гласную: *bãa hökm et* (иль Чанкыры, AAT, 90), лит. *bana hü-küm et* 'Прикажи мне'; *o adam mãa dedi* (иль Карс, DİAT, 129), лит. *o adam bana dedi* 'Тот человек сказал мне'; *ben sãa dün zabax bi gulük vedim* (иль Чанкыры, AAT, 91), лит. *ben sana dün sabah bir hindi verdim* 'Вчера утром я дал тебе индюшку'.

Личные местоимения в дательном падеже с долгими гласными *bā//pā, sā* образовались скорее всего в результате выпадения заднеязычного щелевого (*baγa, saγa*) в позиции между двумя однотипными гласными: *getur bā bi hamsı çorbası* (иль Трабзон, K—DİAT, 133), лит. *getir bana bir hamsi çorbası* 'Подай мне суп из камсы'; *o parayı verurmusun pā?* (иль Трабзон, K — DİAT, 176), лит. *o parayı verir misin bana?* 'Дашь ли ты мне те деньги?'; *ōlum, kimiy gızını isdēsey sā ali-vōrum* (иль Бартын, BYA, 135), лит. *oğlum, kimin kızını istiyorsun sana alırım* 'Сын мой, на ком хочешь жениться, любую тебе сосватаю'.

Турецкие диалектальные формы местоимений 1-го и 2-го лица единственного числа в дательном падеже, отнесенные ко второй подгруппе, с некоторыми оговорками можно рассматривать как близкие к формам азербайджанского литературного языка. Основным признаком, сближающим эти местоимения, является сохранение их основы неизмененной в форме дательного падежа. Другим признаком общности является относительно частое употребление (в восточных районах Турции) *m* вместо *b* в начале местоимения 1-го лица. И, наконец, третий признак — наличие открытого *ä*, что является нормой для азербайджанского литературного языка. Впрочем, последнее явление, т. е. открытый *ä* в местоимениях *ben, sen*, часто встречается и в турецком разговорном языке в речи людей, владеющих литературным языком.

В этой же группе местоимений имеются формы, сохранившие в своем составе велярный *ŋ*: *meŋe gelersen mi?* (иль Карс, DİAT, 1, 5), лит. *bana varır mısın?* 'Выйдешь ли за меня замуж?'; *allahın verdinden beŋe de bıraxıllardı* (иль Карс, DİAT, 1, 115), лит. *allahın verdiğinden bana da bırakırlardı* 'И мне давали что бог пошлет'; *bir ġızım var onu da seŋe verim* (иль Карс, DİAT, 1, 98), лит. *bir kızım var onu da sana vereyim* 'У меня одна дочь, и ее тебе отдам'.

Здесь уместно упомянуть, что В. Котвич в свое время возражал А. Габэн по поводу происхождения форм местоимений 1-го и 2-го лица в дательном падеже—*baŋa, saŋa*. А. Габэн считала, что замена гласного *e//ä* в местоимениях *ben//bän*,

sen//*sän* на *a* происходит под влиянием *ŋ*, так же как велярные *q*, *γ*, вызывают передвижение назад соседних с ними гласных переднего ряда[72]. В. Котвич справедливо отметил, что «*ŋ* не обладает такой особенностью и выступает в окружении гласных как переднего ряда, так и заднего ряда, а суффиксы, имеющие в своем составе *q* и *γ*, имеют еще особые варианты с *k* и *g* для слов с передними гласными»[73].

Рассмотрим другие примеры второй подгруппы: *bakdı bänä, yaralı. «Kim yaraladı säni?» — dedi* (иль Маниса, G — BAA, 14), лит. *baktı bana, yaralı. «Kim yaraladı seni?» — dedi* 'Посмотрел на меня — ранен. «Кто ранил тебя?» — сказал'; *bu imzayı ben sene nerde verdim?* (иль Эрзурум, DIAT, 199), лит. *bu imzayı ben sana nerede verdim?* 'Где я дал тебе эту расписку?'.

В грамматическом очерке, посвященном диалекту Урфы, Кемаль Эдип пишет: «Дательный падеж 1-го и 2-го лица единственного числа имеет следующие формы: *biye, siye*»[74]. Эту же форму для диалекта Урфы приводит О. А. Аксой, сравнивая ее с местоимением в дательном падеже диалектов Килиса и Газиантепа[75].

Подобная форма дательного падежа, по свидетельству М. И. Исламова, встречается «в восточной группе диалектов и говоров азербайджанского языка»[76]. По фонетическому облику упомянутые формы близки к соответствующим формам некоторых говоров бакинского диалекта азербайджанского языка (*mäyä, säyä*)[77] и северного (тракайского) диалекта караимского языка (*maya, saya*)[78].

Появление во всех перечисленных формах местоимений щелевого среднеязычного *y* можно объяснить переходом *ŋ* (*n*) > *y*[79]. Подобный переход можно часто наблюдать в различных тюркских языках и диалектах как в основе слова (*köŋül'*>*köyül* 'сердце')[80], так и в аффиксах (*seniy kismetüydü* 'была твоей долей')[81]. Наряду с переходом *ŋ* (*n*) > *y* весьма возможен, как полагает М. И. Исламов, переход *ġ* > *y* (*mäğä, säğä*>*mäyä, säyä*)[82].

Формы дательного падежа местоимений в диалекте Урфы — *biye, siye* — являются дальнейшей трансформацией не зафиксированных в турецких диалектах форм **beye*, **seye*, но имеющихся в азербайджанских диалектах в форме *mäyä, säyä*. Переход *e*>*i* в местоимении диалекта Урфы объясняется двумя активно способствующими этому переходу факторами. Первый — позиционное изменение *e* под воздействием щелевого среднеязычного сонорного *y*. «Поскольку сонорный *y* по месту и условиям образования близок к *i*... т. е. к узкому негубному гласному»[83], он ассимилирует гласный *e*, и происходит переход *e*>*i*[84]. Примеров подобного перехода в турецком языке и его диалектах много: *gey-*>*giy-* 'одевать, надевать', *dinleyen*>*din-*

liyen- 'слушающий, слушавший' и др.[85]. Другим фактором, влияющим на переход *e>i*, является воздействие на *e* губно-губного *b* и переднеязычного *s*, что способствует еще большему передвижению его вперед. Следовательно, возникновение формы *biye, siye* можно представить так: *beŋe, seŋe >*beye, *seye>bi-ye, siye.*

В четвертую подгруппу входят местоимения 1-го и 2-го лица единственного числа, имеющие в дательном падеже форму *behen, sehen*. Они употребляются в речи полукочевого племени терекеме Карсского иля и местных оседлых жителей Карса. Примеры: *çoban, bu asbablarımı sehen verim, sen behen ġoyun kes, ġarnını behen ver, eti meti sehen* (иль Карс, DIAT, 149), лит. *çoban, bu espaplarımı sana vereyim, sen bana koyun kes, karnını bana ver, eti meti sana* 'Пастух, эту мою одежду я отдаю тебе, ты зарежь овцу для меня, желудок дай мне, а все остальное — себе'; *behen, şahzadem, ġirġ gün izin ver* (иль Карс, DIAT, 62), лит. *bana, şahzadem, kirk gün izin ver* 'Шахзаде мой, дай мне сорок дней сроку'.

Эта диалектальная форма дательного падежа личных местоимений 1-го и 2-го лица имеет аналоги в форме дательного падежа этих же местоимений в казахском литературном языке: *маған, саған*. Близость этих форм очевидна благодаря известному в тюркских языках переходу *ғ>х>h*[86]. Эти согласные очень близки между собой по месту артикуляции и отличаются друг от друга по звонкости и глухости.

Близкими к этим турецким диалектальным формам можно считать и формы *maha, saha*, употребляющиеся в говоре деревни Дашагыл Варташенского района Азерб. ССР[87]. Эта диалектальная форма отличается от турецкой и казахской всего лишь отсутствием конечного *н*.

Ф. Г. Исхаков по поводу казахских форм писал: «В дательном падеже... к склоняемым основам местоимений единственного числа [прибавляется] аффикс *-ған*, происхождение конечного *н* пока еще неизвестно (возможны, по-нашему, три варианта объяснений: 1) *-ған<*ғар*; 2) *оған* 'ему'<**онға*: *н* и *ғ* метатезы поменялись местами; 3) *оған* 'ему'<*оға<*оғар*)»[88].

Если действительно трудно объяснить происхождение *н*, то *ғ*, вероятнее всего, представляет собой не что иное, как результат перехода *ŋ>ғ*. Поэтому едва ли можно из *маған, саған* выделить *-ған* как аффикс. Этому препятствует еще и учет форм местоимений 1-го и 2-го лица единственного числа в дательном падеже в ногайском, киргизском (*мага, сага*) и хакасском (*маға, саға*) языках[89]. Состав последних местоимений показывает, что *ғ* не может относиться к аффиксу.

К неясным с точки зрения истории образования форм дательного падежа первых двух личных местоимений единствен-

ного числа следует добавить еще более загадочные формы в карсском диалекте: *behen, sehen.*

Местоимения 1-го и 2-го лица единственного числа, отнесенные к пятой подгруппе, рассматриваются ниже, в разделе, посвященном взаимоотношениям дательного и винительного падежей.

Форма дательного падежа местоимения 3-го лица единственного числа в диалектах имеет меньше расхождений с соответствующей формой в турецком литературном языке. В подавляющем большинстве случаев основой для склонения местоимения *o* 'он' в дательном падеже является *on-* или *oŋ-*. Но наряду с этим встречается и основа *o-*. Кроме того, как уже говорилось выше, местоимение 3-го лица единственного числа нередко встречается и в форме *u*, которая, в свою очередь, образует основу для склонения *un-*. Примеры: *una beş bin lirayı vermiş* (иль Орду, K — DİAT, 6), лит. *ona beş bin lirayı vermiş* 'Дал ему пять тысяч лир'; *oŋa sat* (иль Кастамону, AAT, 54), лит. *ona sat* 'продай ему'; *o āsı oŋa diyor ki...* (иль Кыршехир, TSMA, III, 108), лит. *o ağası ona diyor ki...* 'Тот хозяин говорит ему, что...'.

В трабзонском диалекте основой для образования дательного падежа часто служит *o-* без носового *n*: *«Sen kit»,— tedi oa* (иль Трабзон, K—DİAT, 172), лит. *«Sen git»,— dedi ona* '«Ты иди»,— сказал ему'; *at oa iki dene yiri hamsı* (иль Трабзон, K—DİAT, 133), лит. *at ona iki tâne iri hamsı* 'Кинь в нее [в кастрюлю] две крупные хамсы'.

Приведенная выше форма дательного падежа (*oa* 'ему, ей') отмечена также в муганском и шемахинском диалектах азербайджанского языка [90].

Личные местоимения 1-го и 2-го лица множественного числа в дательном падеже в турецких диалектах не имеют фонетических вариантов, отличающих их от литературного языка. И вместе с тем следует отметить, что в диалектах аффикс дательного падежа *-e* упомянутых местоимений нередко выступает в форме фонетического варианта этой фонемы — *-ä*. Как известно, такие формы, как *bizä* 'нам', *sizä* 'вам', не считаются нарушением орфоэпической нормы литературного языка.

Диалектальной основой для образования дательного падежа от местоимения 3-го лица множественного числа *onlar* 'они' является *onnar* (с ассимилированным l), реже *onnā* (с редуцированным или выпавшим *r*). При выпадении *r* гласный аффикса множественного числа *a* количественно изменяется — обретает долготу, например: *onnara öyle baxardı* (иль Кыршехир, TSMA, 3, 104), лит. *onlara öyle bakardı* 'Так смотрел на них'; *sakın onnara dokunma* (иль Бартын, BYA, 137), лит. *sakın anlara dokunma* 'Смотри не трогай их'.

Винительный падеж. Личные местоимения в винительном падеже в диалектах, как и в литературном языке, выступают в предложении в качестве прямого дополнения. Аффиксы винительного падежа личных местоимений являются также общими для диалектов и литературного языка: *-i, -ı, -u*. Между тем местоимения в винительном падеже имеют в диалектах некоторые особенности. Во-первых, это фонетические особенности, перешедшие на винительный падеж из основного падежа, который служит для винительного исходной формой. Во-вторых, это употребление местоимений, оформленных аффиксом дательного падежа, но выполняющих в предложении функции прямого дополнения, т. е. винительного падежа.

Фонетические особенности местоимений в винительном падеже связаны с исходными формами. Это: а) для местоимения 1-го лица единственного числа — глухое начало: *pen — peni* (иль Трабзон, K—DIAT, 175), сонорное начало и более широкий гласный: *män — mäni* (иль Айдын, G—BAA, 77), звонкое начало и широкий гласный: *bän — bänı* (иль Испарта, AD, 1, 64); б) для местоимения 2-го лица единственного числа — широкий гласный: *sän — säni* (иль Айдын, AD, 1, 79). Местоимения 1-го и 2-го лица множественного числа в винительном падеже диалектальных особенностей не имеют. Местоимение 3-го лица единственного числа в трабзонском диалекте часто употребляется с аффиксом винительного падежа *-i* вместо ожидаемого *-u* в нарушение гармонии гласных. Примеры: *oni o tān tebesine çıkarıy* (иль Трабзон, K—DIAT, 220), лит. *onu o dağın tepesine çıkarıyor* 'Поднимает его на вершину той горы'; *o sebepden görmedük oni* (иль Трабзон, K—DIAT, 134), лит. *o sebepten görmedik onu* 'По той причине мы его не видели'.

Нарушение гармонии гласных, особенно при склонении, было отмечено В. Писаревым, исследовавшим трабзонский диалект в начале XX в.[91].

Местоимение 3-го лица множественного числа во многих диалектах чаще всего употребляется с ассимилированным *l* аффикса множественного числа: *onnar — onnarı* (иль Конья, TSMA, 4, 14).

Что касается употребления личных местоимений, оформленных аффиксом дательного падежа, но выполняющих функцию прямого дополнения, то это явление следует связать с процессом взаимозаменяемости дательного и винительного падежей, характерным для диалектов западного и центрального районов Малой Азии и трабзонского диалекта[92]. Эта взаимозаменяемость проявляется в том, что склоняемое слово, несущее в предложении функцию дательного падежа, оформляется аффиксом винительного, и наоборот. Нечеткая дифференциация винительного и дательного падежей, распространенная в пара-

дигме имен существительных, таким образом частично распространяется и на личные местоимения. Примеры: *baŋa yalıŋıs... ġödu* (иль Айдын, AD, 1, 79), лит. *beni yalnız koydu* 'Оставил меня одного'; *alamadım ġız sene, ġismetim dēyildi (иль Гиресун,* K—DIAT, 121), лит. *alamadım kız seni, kismetim deyildi* 'Не смог жениться на тебе, девушка, не судьба'; *bän bu säfär sänä yicēn* (иль Айдын, Caferoğlu, TDAY—B, 1965, с. 18), лит. *ben bu defa seni yiyeceğim* 'На этот раз я тебя съем'; *ġızıŋ bubası ġabul idē una* (иль Маниса, G—BAA, 3), лит. *kızın babası kabul eder onu* 'Отец девушки принимает его'; *bizä çarmışla ... ben gäldim* (иль Кютахья, G—BAA, 34), лит. *bizi çağırmışlar ... ben geldim* 'Нас позвали ... я пришел'.

Подобное явление имеет место еще и в турецком диалекте Видина на севере Болгарии [93], в диалектах азербайджанского [94] и туркменского языков [95].

Явление обратного порядка — оформление дательного падежа аффиксом винительного — особенно часто встречается в р-не Денизли, с меньшей частотой оно зарегистрировано и в других районах юго-западной части Малой Азии. Примеры: *bäni bi ... bıçağ ... gätir* (иль Денизли, G—BAA, 71), лит. *bana bir ... bıçak ... getir* 'Привези мне нож'; *hanımım, säni nilär alen?* (иль Денизли, G — BAA, 71), лит. *hanımım, sana neler alayım?* 'Госпожа моя, что тебе купить?'; *āşam bizi gälimiŋ* (иль Денизли, G — BAA, 51), лит. *akşam bize geliniz* 'Вечером приходите к нам'; *ben sizi müsēde alırım* (иль Айдын, AD, 1, 79), лит. *ben size müsaade alırım* 'Я получу для вас разрешение'.

Исследователи турецких диалектов Т. Ковальский и А. Джафероглу склонны объяснять это явление причинами фонетического характера. По их мнению, суть этого явления заключается в том, что жители западных и центральных районов Малой Азии произносят аффикс винительного падежа *-i, -ı* со значительным опущением языка, в результате чего он звучит как *-ä(e), -a* и, следовательно, совпадает по звучанию с аффиксом дательного падежа [96]. Однако такое объяснение нельзя считать удовлетворительным. Дело в том, что нерасчлененность аффикса дательного и винительного падежей в чувашском литературном языке [97], а также распространенность взаимозаменяемости дательного и винительного падежей в различных диалектах других тюркских языков говорят о том, что это явление — не результат фонетической случайности, а остаточное проявление семантической недифференцированности функций дательного и винительного падежей. Что касается возможного нарушения коммуникации, то следует сказать, что ситуационный характер диалектальной речи, определенное значение глаголов и семантика падежей (прямое и косвенное дополнение) исключают нарушение взаимопонимания.

Местный падеж. Личные местоимения в местном падеже морфологических и синтаксических особенностей в диалектах не имеют. В тех случаях, когда склоняемой основой в местном падеже выступают местоимения 1-го и 2-го лица единственного числа с широким гласным *ä*, гласный звук аффикса, подчиняясь гармонии гласных, имеет аналогичное звучание: *bändä, sändä.* Аффикс *-dä* часто присоединяется и к местоимениям 1-го и 2-го лица множественного числа: *bizdä, sizdä.*

Исходный падеж. Особенности склонения личных местоимений в исходном падеже проявляются только в звуковом оформлении аффикса этого падежа. Аффикс исходного падежа при местоимениях всех трех лиц единственного числа наряду с литературными формами нередко встречается с назализованным *d* и звучит *-nan, -nen//-nän.* Причиной назализации, как было отмечено еще В. А. Богородицким, является ассимилирующее действие двух конечных носовых согласных — местоимения и аффикса исходного падежа[98]. Примеры: *telli bennén ... boş olsun* (иль Карс, DİAT, 160), лит. *Telli benden boşansın* 'Пусть Телли разводится со мной'; *allah sennén rāzı olsun* (иль Орду, К—DİAT, 6), лит. *Allah senden razı olsun* 'Да будет аллах тобой доволен'; *onnan geri çäkildim* (иль Балыкесир, AD, 1, 14), лит. *ondan geri çekildim* 'отошел от нее'.

Аффикс исходного падежа в форме *-nan, -nen* встречается во многих тюркских литературных языках, особенно в их диалектах.

Частичная взаимозаменяемость местного и исходного падежей имен существительных, зарегистрированная в турецких диалектах окрестностей Трабзона, Анкары, Малатьи и некоторых других районов[99], при склонении личных местоимений не наблюдается.

Перечисленные выше особенности склонения личных местоимений в диалектах представляют собой материал для изучения истории категории склонения в турецком языке.

СОКРАЩЕНИЯ

ЗВО — Записки восточного отделения
ИСГТЯ. 2 — Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. 2. Морфология. М., 1956.
СТ — «Советская тюркология». Баку.
AAT — A. Caferoğlu. Anadolu ağızlarından toplamalar. Kastamonü, Çankırı, Çorum, Amasya, Niğde ilbaylıkları ağızları, kalaycı argosu ve Geygelli yörüklerinin gizli dili. İstanbul, 1943.

AD. 1 — A. Caferoğlu. Anadolu dialektolojisi üzerine malzeme. 1. Balıkesir, Manisa, Afyon-Karahisar, Isparta, Aydın, Izmir, Burdur, Antalya, Muğla, Kütahya, Denizli vilâyetleri ağızları. Istanbul, 1940.
APAW — «Abhandlungen der K. Preussischen Akademie der Wissenschaften». Berlin.
BYA — Z. Korkmaz. Bartın ve yöresi ağızları üzerine.— TD. 1. 1964.
DIAT — A. Caferoğlu. Doğu illerimiz ağızlarından toplamalar. Kars, Erzurum, Çoruh ilbaylıkları ağızları. Istanbul, 1942.
EI — Encyclopedic de l'islâm.
GA. 1.— Ö. A. Aksoy. Gaziantep ağzı. 1. Istanbul, 1945.
G—BAA — Z. Korkmaz. Güney-Batı Anadolu ağızları. Ses bilgisi (fonetik). Ankara, 1956.
K—DIAT — A. Caferoğlu. Kuzey-Doğu illerimiz ağızlarından toplamalar. Ordu, Giresun, Trabzon, Rize ve yöresi ağızları. Istanbul, 1946.
KSz — «Kéleti Szemle (Revue orientale)». Budapest.
NYA — Z. Korkmaz. Nevşehir ve yöresi ağızları. 1. Ankara, 1963.
PhTF — «Philologiae Turcicae Fundamenta». Wiesbaden.
SLA — M. Räsänen. Eine Sammlung von Mani-Liedern aus Anatolien. Helsinki, 1926.
TD. 1 — «Türkoloji Dergisi». 1. 1964, Ankara.
TDAY-B — «Türk Dili Araştırmaları Yıllığı. Belleten». Ankara.
TDED — «Türk Dili ve Edebiyatı Dergisi». Istanbul.
TSMA. 3 — M. Räsänen. Türkische Sprachproben aus Mittel-Anatolien. 3. Ankara, Kaisari, Kırsehir, Cankırı, Afion Vil. Helsinki, 1936.
TSMA. 4 — Räsänen. Türkische Sprachproben aus Mittel-Anatolien. 4. Konya Vil. Helsinki, 1942.

[1] К. Е. Майтинская. Местоимения в языках разных систем. М., 1969, с. 39.

[2] См.: А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, с. 81—82.

[3] См.: Ф. Г. Исхаков. Местоимения.— ИСГТЯ. 2, с. 214—215.

[4] См.: A. Caferoğlu. Doğu illerimiz ağızlarından toplamalar. 1. Istanbul, 1942, с. XII—XIX.

[5] См.: Z. Korkmaz. Güney-Batı Anadolu ağızları. Ses bilgisi. Ankara, 1956. В этой книге опубликовано 100 страниц диалектальных текстов, записанных из уст 78 информантов — жителей Юго-Западной Анатолии. Только трое из них (тексты № 14, 17, 59) употребили в речи *män* параллельно с *bän*.

[6] M. Ergin. Türk dil bilgisi. Sofya, 1967, с. 252.

[7] См.: З. Б. Арагачи. Вопросы грамматики. — И. А. Батманов, З. Б. Арагачи, Г. Ф. Бабушкин. Современная и древняя енисеика. Фрунзе, 1962, с. 120.

[8] W. Radloff. Die Alttürkischen Inschriften der Mongolei. Neue Folge. SPb., 1897, с. 72.

[9] W. Bang. Vom Köktürkischen zum Osmanischen.— APAW. Berlin, 1917, с. 6; W. Kotvicz. Les pronoms dans les langues altaique. Krakow, 1936, с. 5; M. Mansuroğlu. Türkçede zemir çekimi.— TDED. 3. Istanbul, 1949, с. 511; И. А. Батманов. Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. Фрунзе, 1959, с. 70; А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, с. 172; А. М. Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970, с. 81—82 и др.

[10] В. А. Богородицкий. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. Изд. 2-е. Казань, 1953, с. 166.

[11] Н. К. Дмитриев. К истории аффиксов сказуемости.— ИСГТЯ. 2, с. 9—10. Об этом см.: он же. Фонетические закономерности начала и конца тюркского слова.— Там же, с. 271.

[12] См.: Ф. Г. Исхаков. Местоимения, с. 252—253; М. Ширəлиjев. Азəрбаjҹан диалектоложиjасынын əсаслары. Бакы, 1968, с. 188—189.

[13] G. J. Ramstedt. Über mongolische pronomina.— «Journal de la Société Finno-Ougrienne». 23. Helsinki, 1906, с. 2, 7.

[14] B. Munkacsi. [Рец. на:] W. Bang. Vom Köktürkischen zum Osmanischen. 1. Mitteilung. Über das türkische Interrogativpronomen.— APAW. Berlin, 1917—1919, с. 134—135; KSz. 18, 1918—1919, с. 124—142.

[15] А. П. Поцелуевский. Происхождение личных и указательных местоимений (Материалы к истории туркменского языка). Ашхабад, 1947, с. 13—14.

[16] Там же, с. 14.

[17] Имеются в виду, например, аффиксы двух категорий в турецком языке, с помощью которых образуются глагольные формы 1-го лица единственного числа: четырехвариантный *-(y)ım* и *-m*.

[18] См.: А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка, с. 222.

[19] См.: M. Ergin. Türk dil bilgisi, с. 269—270; M. Mansuroğlu. Das Altosmanische.— PhTF. 2, с. 172.

[20] См.: T. Kowalski. Dialectes turk-osmanlis.— EI. 4. 1934, § 60, а также: А. П. Векилов. Особенности настоящего первого времени в турецких диалектах Малой Азии.— «Филология и история тюркских народов. Тезисы докладов тюркологической конференции в Ленинграде». Л., 1967, с. 14.

[21] А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка, с. 222.

, [22] М. И. Исламов. Азəрбаjҹан дили диалект вə шивəлəриндə шəхс əвəзликлəри.— «Ученые записки Аз.ГУ. Серия языка и литературы». Баку, 1972, № 3, с. 54.

[23] М. И. Исламов. Местоимения в диалектах и говорах азербайджанского языка.— Автореф. докт. дисс. Баку, 1973, с. 7.

[24] А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка, с. 24.

[25] См.: Э. В. Севортян. Фонетика турецкого литературного языка. М., 1955, с. 23; А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка, с. 23—24.

[26] См., например: Н. З. Гаджиева. Глухое начало слова в тюркском праязыке.— СТ. 1973, № 4, с. 5.

[27] См.: A. Caferoğlu. Anadolu ağızlarında konson değişmeleri.— TDAY—B. 1963, с. 5.

[28] З. Коркмаз в диалектальных записях в иле Айдын (см. G—BAA, с. 63, тексты 59, 60) зарегистрировала у двух информантов субституцию *s>h* в местоимениях *sän* и *siz* соответственно *hän, his*. Хотя эти случаи и имеют свою аналогию в семье тюркских языков (башкирский язык), однако их единичность не дает основания рассматривать этот факт как характерную особенность айдынского диалекта.

[29] В анкарском диалекте в записях М. Рясянена (TSMA, 3, 26, 30, 34) встречаются единичные случаи употребления архаичной формы личного местоимения 3-го лица единственного числа *ан-* в качестве основы для косвенных падежей.

[30] См.: Э. В. Севортян. Фонетика турецкого литературного языка, с. 67.

[31] См.: A. Caferoğlu. Anadolu ağızlarında konson değişmeleri.— TDAY—B. 1963, с. 22; см. также: М. Рясянен. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955, с. 153—154.

[32] *О his* 'вы' см. выше, прим. 28.

[33] С. Н. Иванов. Родословное древо тюрок Абу-л-Гази хана. Грамматический очерк (Имя и глагол. Грамматические категории). Ташкент, 1969, с. 68.

[34] Там же, с. 68.

[35] См.: А. П. Векилов. Аффиксы падежей в анатолийско-турецких диалектах.— Вопросы тюркологии. К шестидесятилетию академика АН Азерб. ССР М. Ш. Ширалиева. Баку, 1971, с. 243—245.

[36] А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка, с. 78.

[37] В. А. Богородицкий. Эволюция окончаний родительного падежа в тюркских диалектах.— «Вестник научного общества татароведения». Казань, 1925, № 3, с. 14. Эта статья в качестве IX главы (с. 84—87) включена в сборник В. А. Богородицкого «Этюды по татарскому и тюркскому языкознанию». Казань, 1933.

[38] M. Mansuroğlu. Das Altosmanische, с. 163—164.

[39] См.: Э. В. Севортян. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М., 1966, с. 53, 256.

[40] См.: П. М. Мелиоранский. Араб филолог о турецком языке. СПб., 1900, с. XVIII—XIX.

[41] М. Ш. Ширəлиjев. Бакы диалети. Бакы, 1957, с. 36; Р. Э. Рустəмов. Губа диалекти. Бакы, 1961, с. 51—52.

[42] См.: Д. Е. Еремеев. Этногенез турок. М., 1971, с. 93—95.

[43] М. Ш. Ширалиев. Кыпчакские элементы в азербайджанском языке (На материале диалектов и говоров).— Исследования по грамматике и лексике тюркских языков. Ташкент, 1965, с. 5—17; Ə. Дəмирчизадə. Азəрбайҹан дилиндəки оғуз-кыпчат лисани үнсүрлəри.— «Труды Института языка АНАзССР». Т. 1. Баку, 1947, с. 3—14.

[44] См.: A. Caferoğlu. Eskişehir ağızları üzerine bir deneme.— TDED. 4. 1950, с. 28; М. Рясянен. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955, с. 169.

[45] См.: К. Атаев. Түркмен дилинде эелик дүшүм.— «Труды Института языка и литературы АН Туркм. ССР». Вып. 2. Ашхабад, 1957, с. 49—67.

[46] См.: А. П. Векилов. Аффиксы падежей в анатолийско-турецких диалектах, с. 244.

[47] См.: Б. П. Садыхов. Об одном древнем аффиксе родительного падежа в айрумском говоре азербайджанского языка.— СТ. 1974, № 4, с. 94—95.

[48] Z. Korkmaz. Bartın ve yöresi ağızları.— TD. 1. Ankara, 1964, с. 103—104.

[49] K. Edip Urfalı. Urfa ağzı. İstanbul, 1945, с. 36.

[50] См.: Ф. Г. Исхаков. Местоимения, с. 214—230; Э. В. Севортян. Категория падежа.— ИСГТЯ. 2, с. 48—50.

[51] См.: W. Kotwicz. Les pronoms dans les langues altaïques. Krakow, 1936, с. 31—33; он же. Исследование по алтайским языкам. М., 1962, с. 144—146.

[52] M. Räsänen. Materialen zur Morphologie der türkischen Sprachen. Helsinki, 1957, с. 14—15.

[53] Э. Э. Севортян. Категория падежа, с. 49—50.

[54] Там же, с. 50.

[55] В. А. Богородицкий. Введение в татарское языкознание, с. 156—157.

[56] О. В. Захарова. Дательно-направительный падеж в языке «Кудадгу билиг».— «Ученые записки филологического факультета Киргизского государственного университета». Вып. 3. Фрунзе, 1957, с. 73.

[57] A. von Gabain. Alttürkische Grammatik. Lpz., 1950, с. 87.

[58] В. М. Насилов. Язык орхоно-енисейских памятников. М., 1960, с. 27.

[59] В. Г. Кондратьев. Очерк грамматики древнетюркского языка. Л., 1970, с. 14.

[60] В. А. Богородицкий. Введение в татарское языкознание, с. 157.

[61] Ф. Г. Исхаков. Местоимения, с. 214.

[62] М. И. Исламов. Азəрбаjҹан дили диалект вə шивəлəриндə шəхс

өвәзликләри.— «Ученые записки Аз.ГУ. Серия язык и литература». 1972, № 3, с. 54—55; он же. Древние формы личных местоимений в диалектах и говорах азербайджанского языка.— СТ. 1972, № 3, с. 17—18, 23.

[63] Түркмен дилиниң диалектлериниң, очерки. Ашгабад, 1970, с. 255. 270; О. Шарипов. Папский говор узбекского языка.— Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1962, с. 15.

[64] Об ордубадском диалекте см.: Азәрбајчан дилинин Нахчыван групу диалект вә шивәләри. Бакы, 1962, с. 106. Диалектальные тексты, записанные из уст 10 информантов в Ордубадском р-не, занимают восемь страниц (279—286). В них 26 раз встречаются *мән* 'я', 6 раз *сән* 'ты' в различных падежах. Но ни разу не встречаются формы *ман* и *сан*. Правда, в разделе «Морфология» (автор К. Т. Рамазанов) приведены примеры, в которых *ман* употребляется в качестве основы для склонения в родительном и винительном падежах (с. 107—108). По говорам Физулинского и Зангеланского р-нов диалектальные тексты и исследования не опубликованы.

[65] Там же, с. 23.

[66] См.: А. Ахундов. Азәрбајчан дилинин фонемләр системи. Бакы, 1973, с. 189.

[67] В. М. Насилов. Язык орхоно-енисейских памятников. М., 1960, с. 27; В. Г. Кондратьев. Очерк грамматики древнетюркского языка, с. 13; Ф. Г. Исхаков. Местоимения, с. 218.

[68] A. von Gabain. Alttürkische Grammatik, с. 91.

[69] См. Ф. Г. Исхаков. Местоимения, с. 224.

[70] Там же, с. 218, 222.

[71] См.: S. Çağatay. Türkçede *n*~*ġ* sesine dair.— TDAY—B. 1954, с. 27; М. Рясянен. Материалы по исторической фонетике тюркских языков, с. 168—173.

[72] A. Gabain. Turkologie in Polen.— «Polski Biuletyn Orientalistyczny». 2. 1938, с. 55—59.

[73] В. Котвич. Исследование по алтайским языкам. М., 1962, с. 146.

[74] K. Edip Urdalı. Urfa ağzı. İstanbul, 1945, с. 35.

[75] Ö. A. Aksoy. Gaziantep ağzı. 1. İstanbul, 1945, с. 137.

[76] М. И. Исламов. Древние формы личных местоимений в диалектах и говорах азербайджанского языка.— СТ. 1972. 3, с. 26.

[77] М. Ш. Ширәлијев. Бакы диалекти. Икинчи чапы. Бакы, 1957, с. 77.

[78] O. Pritsak. Das Karaimische.— PhTF. 1, с. 333; К. М. Мусаев. Грамматика караимского языка. М., 1964, с. 216.

[79] См.: O. Pritsak. Das Karaimische, с. 329.

[80] См.: М. Рясянен. Материалы по исторической фонетике тюркских языков, с. 170—171.

[81] Z. Korkmaz. Bartın ve yöresi ağızları üzerine.— TD. 1. Ankara, 1964, с. 134.

[82] М. И. Исламов. Древние формы личных местоимений, с. 26.

[83] Э. В. Севортян. Фонетика турецкого литературного языка, с. 58—59.

[84] См. там же.

[85] См. там же, с. 50.

[86] См.: М. Рясянен. Материалы по исторической фонетике тюркских языков, с. 119, 131—133.

[87] А. А. Гусейнов. Говоры Варташенского района. Автореф. канд. дисс. М., 1952, с. 7.

[88] Ф. Г. Исхаков. Местоимения, с. 223.

[89] Там же, с. 218, 222, 224.

[90] См.: М. Ш. Ширәлијев. Азәрбајчан диалектоложијасынын әсаслары, с. 184—187.

[91] См.: В. Писарев. Несколько слов о Требизондском диалекте.— ЗВО. XIII. 1901, с. 175.

[92] Об этом см.: А. П. Векилов. О некоторых особенностях синтаксических функций падежей в турецких диалектах Малой Азии.— «Вопросы филологии стран Азии и Африки». Вып. 2. Л., 1973, с. 9—15.

[93] J. Németh. Die Türken von Vidin. Sprache, Folklore, Religion. Budapest, 1965, c. 94.

[94] М. Ширәлијев. Азәрбајҹан диалектолокијасынын әсаслары, с. 138—139.

[95] А. П. Поцелуевский. Диалекты туркменского языка. Ашхабад, 1936, с. 47.

[96] См.: Т. Kowalski. Dialectes turk-osmanlis.— EI. 4, § 9; А. Caferoğlu. Die anatolischen und rumelischen Dialecte.— PhTF. 1, c. 257.

[97] См.: А. И. Иванов. К вопросу о падежах в чувашском языке в связи с изучением специфики его.— «Записки Чувашского НИИ языка, литературы и истории». Вып. 8. Чебоксары, 1953, с. 182—185.

[98] См.: В. А. Богородицкий. Введение в татарское языкознание, с. 159—160.

[99] Об этом см.: А. П. Векилов. О некоторых особенностях синтаксических функций падежей, с. 13—14.

Э. А. Грунина

К ИСТОРИИ ФОРМ *NEČÄ* И *NEǯÄ* В ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Изучение отдельных языковых категорий в их историческом развитии ставит перед исследователем вопрос не только о том, как они формально и семантически изменялись, но и о том, как эти изменения отражались в литературном языке. Такие моменты развития литературного языка, как расхождение письменной и устной нормы, различие региональной базы в разные периоды развития литературного языка, вносят необходимые коррективы в наши представления о том или ином явлении. В данном сообщении мы ставим своей задачей в свете сказанного дополнить наши знания о соотношении форм *nečä* и *neǯä* на протяжении истории турецкого языка, используя данные и других языков юго-западной группы.

Зафиксированные в турецких памятниках формы نبه и نچه обычно сопоставляются с древнетюркской формой *nečä*.

Аффикс -*ča*/-*čä* принято возводить к самостоятельному слову *čaɣ* 'количество', 'количество времени', 'время'— точка зрения, выдвинутая в свое время О. Бётлингком[1]. Эта точка зрения нашла развитие в работах Ж. Дени, который отмечал, что отдельные слова, передающие идею количества (типа **čaŋ*, *deŋ*), становятся послелогами сравнения сначала по количеству, затем по качеству, перерастая потом в послелог со значением предела[2]. Г. Рамстедт сопоставлял -*ča* в образованиях типа *qač* 'сколько' (*qa*+*ča*), *bunča*, *anča* 'столько' и -*ča* в образованиях типа *taɣča* 'с гору (высотой)', связывая их с монгольским *čai*, корейским *čhai* в значении 'величина', 'объем', 'вышина'[3]. В. Котвич также выводил аффикс -*ča* из самостоятельного слова *čaɣ* 'время', 'единица времени' (тюрк., монг.), 'мера, единица чего-либо' (тюрк.) в результате выпадения конечного согласного[4]. В дальнейшем, по его мнению, аффикс -*ča*/-*čä* стал показателем общетюркского сравнительного (уравни-

тельного) падежа. Автор специальной работы о показателе *-ča/čä/-ǯa/-ǯä* в турецком языке З. Коркмаз отвергла этимологию *ča<čaɣ*[5]. Аффикс *-ča* она рассматривает как древний падежный показатель, лишь в позднюю эпоху давший начало словообразовательному аффиксу. В падежном аффиксе З. Коркмаз первоначальным считает значение равенства (по качеству и количеству), которое впоследствии переросло в значение предела. Большинство зарубежных исследователей рассматривают показатель *-ča/-čä* как форму уравнительного падежа (äquativ)[6]. Анализ точек зрения о происхождении аффикса *-ča/-čä*, а также сопоставление дополнительных данных из материалов различных памятников позволили Э. В. Севортяну в одной из своих работ по словообразованию прийти к выводу о том, что гипотеза О. Бётлингка о происхождении формы *-ča<čaq<čaɣ* сохраняет свое значение[7].

Ж. Дени, рассматривая турецкую форму *neǯä*, заметил, что ее не следует смешивать с формой *nečä*. Указывая на различие форм *nečä* и *neǯä*, Ж. Дени подчеркивал не столько различие их семантики, сколько их разную этимологию. По мнению Ж. Дени, происхождение *neǯä* следует связывать с формой *nečik//nečük* 'какой', 'каким образом'[8]. Точка зрения Ж. Дени была поддержана Г. Дуда[9]. В форме *nečik//nečük* некоторые исследователи видят составную форму, возникшую из *nečä+ök*[10]. В турецкой форме *neǯä~niǯä*, отмеченной в памятниках и дошедшей до нашего времени, большинство исследователей склонны видеть региональный вариант *nečä* (коррелят по звонкому согласному аффикса). Так, М. Эргин высказывает предположение, что форма *neǯä* возникла из *nä+čä* и уже после долгого употребления в форме *nečä* лишь в недавнее время превратилась в *neǯä*[11].

Форма *nečä* была отмечена в следующих памятниках и в следующих значениях:

др.-тюрк. *nečä* 'как много', 'как' (Gabain, 100), 'сколько' (Малов, 402); Atebet.: 'как много', 'сколько ни', 'как', 'зачем' в написании نيجه и نيچه (XLVI); МКу: نجا 'сколько'; Abu-H: نجا 'сколько' с указанием что, в туркменском نجا выступает в значении 'какой' (с. 163—164); Ettuhf.: نجا 'сколько' (57 в); İbn-Muk.: نجه 'сколько' (022); Тефсир: *nečä* 'сколько', 'как бы ни',' сколько бы ни' (229); Muh-n: نيجه 'как', 'сколько', 'сколько бы ни' (210—211); вост.-тюрк. *nečä* 'как много', 'многие' (Brockelman, § 17) и др.

Таким образом, для древнетюркского языка и для более

поздних памятников восточнотюркского ареала авторы исследований отмечают в *nečä* в основном количественное значение. Если допустить, что исторически в форме *nečä* не дифференцировались значения подобия (сравнения) по количеству и по качеству (хотя можно предположить, что второго значения в данной форме могло и не быть), то это происходило через противопоставление формам *nečük*, *netäg* и другим со значением «какой», «каким образом». Хотя памятники древнетюркского письма в *nečä* не выявляют значения подобия по признаку, оно обнаруживается в коррелятивных формах от указательных местоимений: *титčа* 'такой', *упčа* 'так' (Малов, 188). Если обратиться к данным современных тюркских языков, то обнаружим, что там, где эта форма имеется, она везде выступает лишь со значением количества ('сколько'), но не качества. Таким образом, можно предположить, что в большинстве тюркских языков для *nečä* общей тенденцией была семантическая однозначность формы.

Анатолийские памятники XIII—XIV вв. дают два графических варианта — نیجه и نیچه (или نجه и نچه), в которых исследователи видят в основном отражение неустойчивости орфографии. Отсюда и разные принципы транскрипции в отношении рассматриваемого явления. Например, М. Мансуроглу в своем критическом издании произведений Султана Веледа дает везде лишь одну транскрипцию: *nečä*, хотя в ряде использованных им рукописей мы находим одновременно как نجه, так и نچه. Напротив, А. Атеш в своем издании «Мевлида» транскрибирует указанные формы везде через *neǯä*. Итак, могут быть поставлены следующие вопросы: а) существовали ли на протяжении письменной истории турецкого языка формы *nečä* и *neǯä* как разные лексические единицы письменного языка, или реально существовала одна форма, получавшая разное выражение на письме в силу неустойчивости орфографии?; б) как соотносились между собою предполагаемые формы, какие изменения в их семантике можно проследить по отдельным периодам?

Гласный в формах نجه и نیجه на письме находил выражение через ی, иногда это была кесра نِیجه//نِیچه. Следует предположить, что здесь был полуузкий /ė/, который или остался таковым в некоторых диалектах современного турецкого языка [12], или дал /i/ в литературном языке: *niǯä*.

Для соотношения نیچه и نیجه основной интерес представляет глухой или звонкий характер аффрикаты. Как пока-

зывают новейшие исследования по фонологической интерпретации турецких памятников, написанных арабским письмом, употребление ج и چ (за исключением ауслаута) в основном носило мотивированный характер. Малоазиатские писцы использовали букву ج главным образом для передачи фонемы /ǯ/ и букву ج для передачи фонемы /č/ [13].

Дифференцировались ли формы *nečä* и *neǯä* в тех памятниках, где фонема /č/ в принципе получала графическое выражение?

Как уже отмечалось, в рукописях, использованных М. Мансуроглу для критического издания стихов Султана Веледа, встречается как نجه, так и نچه. Ср.:

Mustafa göktä netä yardy ajy,
Neǯä (M. M.— nečä) ajyrdy javuzlardan geji (S. V. 19)

Как Мустафа рассек в небе месяц,
Как отделил доброе от злого,

т. е. نجه выступает в значении «какой», «как».

В той же рукописи:

Ujquda gör ǯanyny, qanda gidär
Sinsüz anda ol nečä išlär edär (S. V. 21)

Взгляни на свою душу, во сне куда идет она,
Сколько дел совершает она тогда без тебя.

Существование двух графических вариантов прослеживается и по другим памятникам. Ср. в «Гариб-наме»:

Ol bilür neǯädügin alplyq dadyn (Garib-n, 423)
Он знает, каков вкус богатырства.

Qamusy neǯä gidär birlige (Garib-n, 421)
Как все они идут к единению...

Nečä joldaš aldylar (Garib-n, 417)
Сколько взяли товарищей.

В памятнике XIV в. «Калила и Димна» (в транслитерации А. Зайончковского, издавшего часть памятника) отмечены обе формы. Во всех случаях употребления *nečä* прослеживается лишь количественное значение «сколь много», «многие», «некоторые», в форме *neǯä* отмечается как качественное, так и количественное значения. Ср. *Čarx dönmäginüŋ pišesin budur: jigitläri qoǯa ejlär vä qoǯalary gör neǯä ejlär* (K.D. 80) 'Каково назначение (дело) колеса времени: юношей оно делает стариками, а стариков, смотри

каками'; *Görmäzmisin šol jaš oty qaty jeldän nežä sälämät qurtylur* (K.D. 84) 'Разве ты не видишь, как благополучно спасается эта молодая трава от сильного ветра'; ...*vä ögüt sözin neča qaty olursa sürmäk gäräk* (K.D. 64) 'И как бы (сколь бы) ни было горько слово совета, его следует предлагать'; *neča ašyq ava dutunmyšydy* (K.D. 87) 'Сколь много было влюбленных в нее'.

Определенную дифференциацию форм мы отмечаем и в рукописи памятника XIII в. «Юсуф и Зулейха» Шейяда Хамзы: *Sor anlara neča* (نيچه) *gündür gäläli* (Yus. Z. 90) 'Спроси их, сколько уже дней, как они пришли'; *Ja neča* (نيچه) *qardašsyz bir ejdüvüz* (Yus. Z. 91) 'И сколько вас братьев, скажите'.

Форма *neča* в этом памятнике выступает, как правило, с количественным значением «сколько», «как много»; форма *nežä*—со значением «какой», «как», но иногда и «сколько», «как много». Ср.: '*Ašyq idüm bän sava nežä* (نيجه) *zamān* (Yus. Z. 31) 'Сколько времени была влюблена в тебя'.

В известной степени эта же черта прослеживается и в памятниках XV—XVI вв. В хронике Нешри, в одной из рукописей которой передача /ǯ/ и /č/ находит достаточно отчетливое выражение, наблюдается определенная закономерность и в передаче интересующих нас форм. Значение «как много», «многие» передается в большинстве случаев через نيچه, значение «какой», «как» — через نيجه. Ср.: *Bir gün bu qyz burc kenaryna gelür ta ki türklä nežä ženg edärlär temāša edä* (Neş. Men. 1, 47) 'Однажды эта девушка выходит на край крепостного вала, чтобы посмотреть, как сражаются с турками...'; *Murād hāna bir neča baš gönderdilär* (Neş. Men. 1, 53) 'Послали Мурад хану несколько голов...'.

Следует отметить, что аффикс جه в образованиях типа تركجه не имел графических вариантов, а это подтверждает, что различение на письме نيجه и نيچه было не просто орфографическим разнобоем.

Разграничение форм по передаваемым значениям достаточно четко прослеживается в памятнике XV в. «Vesilet'u-n-necad» (Mevlid). Форма نيجه в этом памятнике постоянно выступает в значении качества, نيچه — количества. Ср.:

> *Işit emdi kim o fahr-ı kāināt*
> *Nežä xasta oldy vä buldy vefāt* (Mevlid, 20 b)
>
> Послушай теперь, как он, гордость мироздания,
> Заболел, как скончался.

Daγy ol nūr neǯä naql etdügini (Mevlid, 6 a)
Как он распространил то сияние

Nečä gözsüzläri gözlü qyldy ol
Nečä sözsüzläri sözlü qyldy ol (Mevlid, 14 a)

Сколько слепых он сделал зрячими,
сколько бессловесных — говорящими.

О наличии разных форм сообщал Г. Дуда в своем исследовании «Рассказов сорока везирей», хотя и отмечал, что в написании этих форм могло наблюдаться смешение[14]. Те же формы и их частое смешение на письме отмечает Х. Кисслинг для языка хроники Ашыкпашазаде[15].

Бергамалы Кадри разграничивает نجه 'какой' и نچه 'сколько.' Ср.: *Neǯädür desälär evṣāfdan nävaṣf üzrädür* (Kad., 74) 'Когда говорят *neǯä*, это значит, какой по качеству'; *Nečäjedür desälär bu da ginä ʻadeddän istifhāmdur, lākin qač aqčajadur demäkdür* (Kad., 74) 'Когда говорят *nečäje*, то это опять вопрос о числе, однако [это] значит «за сколько денег»'.

В этом смысле показательны и данные транскрипционных памятников: *niggie* 'как' и *necce* 'сколько'[16].

Мегизер дает обе формы, дифференцируя их по значению: *nycse* 'сколько', *nige* 'каким образом'[17].

О наличии двух форм достаточно определенно говорит Ф. Менинский в своем известном сочинении[18]. Ср.: *Niğe dür śimdy* (2, 13) 'Как он сейчас поживает?'; *ja syz niğe syn-yz* (2, 111) 'А как поживаете вы?'; *Nić́e kimse ćiok faideye taemae itmek ile...* (2, 151) 'Многие люди, жаждая большой выгоды...'.

Памятники XVII—XVIII вв. выявляют обе формы, однако наблюдается смешение значений: обе формы употребляются как в значении качества (не столь часто), так и в значении количества с явной утратой вопросительного характера местоимения. В том или ином памятнике предпочитается одна из указанных форм. Например, в «Cihānnüma» Кятиба Челеби (середина XVII в.) преобладает نچه. Ср.: *šer'dä istišqaq edär ki jaqyna muhālif šer' nečä olur* (Çel., 18) '...сомневаются в шариате и начинают вопрошать: как может быть шариат, противоречащий истине?'; *Hatt-ı istivādan šimāl ṭarafyna eqālimdä hāl nečä isä ǯenub ṭarafynda dahy ol mihvāl üzrädür* (Çel., 53) 'Каково положение в климатических поясах к северу от экватора, таково же положение в южной стороне'; *Jūnān kitāblarynda aŋa mensūb nečä hikājälär jazylmyšdur* (Çel., 76) 'В [древне]греческих книгах сколько рассказов написано о нем'.

Но тот же памятник дает и форму *neǯä*: *Tūfān-ı amm-*

dan sonra bu qadar sular neǯä oldy (Çel., 87) 'После потопа как получилось столько воды?'; *Neǯä jyllar* (Çel., 11) '... многие годы'.

Употребление نچه в памятниках XIII—XVI вв. в количественном значении и употребление نچه в некоторых памятниках XVII в. (например, у Кятиба Челеби) в качественном значении являются результатом графического неразличения نجه и نچه.

Итак, памятники XVII—XVIII вв. сохраняют обе формы, и обе продолжают быть нормой книжного языка, однако по сравнению с памятниками более ранних периодов различение значений в них ослабляется. Как мы видели выше, в памятниках более ранних периодов формы дифференцировались: форма количества — *nečä* и форма качества (преобладающее употребление) — *neǯä*, хотя последняя могла выступать и с количественным значением. В памятниках XVII—XVIII вв. обе формы сближаются в том смысле, что в обеих на первый план все больше начинает выступать значение «как много», «многие», хотя сказать, что качественное значение в *neǯä* утрачено полностью, все же нельзя. Следует думать, что к указанному времени этот процесс завершился в разговорном языке.

Для литературного языка XIX в. уже можно говорить об утрате формы *nečä* и о значительном сужении сферы употребления формы *neǯä*. Она еще встречается в значении «как много», вытеснив в литературном языке в этом смысле форму *nečä*, и очень редко выступает в значении «какой», «как». По данным «Le guide de la conversation en français et en turc» (Paris, 1839), *neǯä* можно обнаружить только во фразах типа *biraderiniz neǯädür*. Характерно, что во втором издании того же труда (1852) *neǯä* везде заменено на *nasyl*. В обоих изданиях форма *neǯä* изредка проходит в значении «как много», в котором она выступает и в современном языке.

Различение обеих форм отмечено в некоторых современных восточных и юго-восточных диалектах. Ср. формы *neča* и *neǯä*, выявляемые в диалектах Газиантепа О. Аксоем. *nečijä* (Aksoy, 140) 'за сколько'; *Turgut neǯoldu* (*niǯä oldu*) (Aksoy, 306—307) 'Что стало с Тургутом?'.

Итак, в отношении форм نچه и نجه по памятникам турецкого языка можно сделать следующие выводы:

1. На протяжении письменной истории турецкого языка существовали обе формы: *neǯä* ~ *niǯä* — как элемент, возникший в период кристаллизации собственно огузских

черт, и *nečä* — общетюркский элемент. Следовательно, относительная хронология этих форм различна.

2. В ранних памятниках уже отмечалась дифференциация: в *neǯä* — значение качества (на втором плане значение количества), в *nečä* — значение количества (качественное значение как будто не выявляется).

3. Для письменного периода (XV—XVI вв.) дифференциация форм сохраняется, хотя в целом их удельный вес начинает падать за счет развития вопросительных местоимений аналитического типа (*nä*+заимствованное слово). Вместе с тем следует предполагать, что *nečä* все больше становится формой книжной, корреспондируясь, с другой стороны, с той же формой в диалектах, в основном анатолийских. Из разговорного языка столичного ареала она постепенно вытесняется формой *neǯä*, которая принимает количественные значения, свойственные *nečä*. Это приводит к тому, что в памятниках XVII—XVIII вв. наблюдается разнобой в написании указанных форм, так как их разделение еще обусловливалось книжной традицией.

4. На фоне взаимодействия с другими вопросительными местоимениями и наречиями в *neǯä* происходит сужение значений; она утрачивает значение качества и становится лишь формой наречия со значением «как много», «многие». Таким образом завершается переход из сферы лексико-грамматической в сферу лексическую.

Как известно, формы *nečä* и *neǯä* как противопоставленные по значению в том смысле, о котором говорилось выше, отмечаются в современном азербайджанском языке. Этот процесс было бы заманчиво объяснить расщеплением единого аффикса (или семантическим расщеплением единой формы слова), однако здесь встречаются определенные трудности.

Как показывают памятники, в древнетюркском *nečä* выступало лишь со значением количества[19], а для значения подобия по образу или признаку выступала однозначная форма *netäg* при наличии группы единиц (*nečük*, *negü*, *negülük*, *nelük*), употреблявшихся в обстоятельственной функции со значением «как», «каким образом», «почему».

В кыпчакских языках, где сохранилось *nečük* (ср. тат. *ничәк*, башк. *нисәк*, кумык. *ничик*, в туркм. в составе *неneңничик*), оно выступает, как правило, в обстоятельственной функции. О возможности аналогичных форм выступать и в качестве прииментного определения (где господствующее положение в восточном ареале заняли формы от корня *qaj-*: *qaju*, *qajsy*, *qandaj*) говорит употребление *negü* в среднеазиатском Тефсире: *negü iškä käldiŋ* 'по како-

му делу пришел'[20]. Поэтому представляется правильной идея Ж. Дени о том, что юго-западную форму *neǯä* следует не отождествлять с *nečä*, но увязывать с формой *nečük*.

Аффикс *-čuq/-čük* как форма словоизменительная оставил следы в таких местоименных образованиях, как *qančuq* (МКу, I, 203), *nereǯük* (Кор.), совр. тур. *oraǯyq(ta)*, *šuraǯyq(ta)*, причем, если *qančuq* уже само по себе передавало значение направления, то в более поздних формах (типа тур. *nereǯüge*, *oraǯyqta* и др.) пространственное значение формы уточняется падежами, а сам аффикс приобрел значение подчеркнутого ограничения в пространстве. Это позволяет предположить, что плеонастический комплекс *-čuq/-čük* исторически выступал с пространственным значением (идея направления) как элемент падежной системы. Отсутствие такого значения в *nečük* было связано с историческим противопоставлением местоименных корней *nä* и *qaj*, которое исключало в первом конкретные пространственные значения (ср. в древнетюркском *näkä* 'почему, 'зачем', 'каким образом', но не 'куда').

Можно предположить существование варианта *nečäk* (ср. *näläk*, отмечаемое у Махмуда Кашгарского для «других тюрок»), что в период кристаллизации огузских черт, в том числе регулярности глухого/звонкого в аффиксе, могло дать *neǯäk*>*neǯä* 'как', 'каким образом', 'почему'. Редко отмечаемая в памятниках XIII—XIV вв. форма *nešä* в том же значении (но не 'сколько') была своеобразным звеном в дифференциации форм *nečä* и *neǯä*<*neǯäk* в огузском ареале.

Заметный позднекыпчакский слой в восточноогузском (соответственно в современных азербайджанском и туркменском) поддержал сохранение в нем общетюркской формы *nečä* и семантического противопоставления *näčä* 'сколько': *näǯä* 'какой', 'как'.

Гагаузский язык, оказавшийся на периферии огузского ареала, в процессе своей истории утратил форму *nečä* 'сколько', сохранив *neǯä* 'какой', 'как'.

В туркменском языке сохранилось противопоставление форм, однако в его кыпчакском варианте: *nečä—nečik*.

В турецком языке процесс взаимодействия двух форм, который шел на фоне сложения аналитических форм в области местоимений (ср. *nä+asyl>nasyl*, *nä qadar* и др.), привел к постепенному вытеснению *nečä* 'сколько', перемещению *neǯä* 'какой', 'как' на периферию лексико-грамматической системы местоимений и к его значительным семантическим трансформациям.

СОКРАЩЕНИЯ

ДТС — Древнетюркский словарь. Л., 1969.
Малов — С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951.
МКу — Маҳмуд Қошғарий. Девону луғотит турк. 1—3. Тошкент, 1960—1963.
Тефсир — А. К. Боровков. Лексика среднеазиатского Тефсира XII—XIII вв. М., 1963.
Abu-H — A. Caferoğlu. Abu-Hayyân. Kitâb al-Idrâk li-lisân al-Atrâk. İstanbul, 1931.
Aksoy — Ömer Asım Aksoy. Gaziantep ağzı. 1. İstanbul, 1945.
Atebet.— Reşid Rahmeti Arat, Atebetü'l-Hakayik. İstanbul, 1951.
Brockelman — C. Brockelman. Osttürkische Grammatik der islamischen Literatursprachen Mittelasiens. Leiden, 1954.
Çel.— Kātib Çelebi. «Cihānnüma». İstanbul, 1733.
Ettuhf.— Et-tuhfet-üz-zekiyye fil lûgat-it türkiyye, çeviren Besim Atalay. İstanbul, 1945.
Gabain — A. von Gabain. Alttürkische Grammatik. Lpz., 1950.
Garib-n — «Гариб-наме», по кн.: В. Д. Смирнов. Образцовые произведения османской литературы. СПб., 1903.
Ibn-Muk.— Ибн-Муханна, по кн.: П. М. Мелиоранский. Араб-филолог о турецком языке. СПб., 1901.
Kad.— Bergamalı Kadri. Müyessiret-ül-Ulûm. Yayınlayan Besim Atalay. İstanbul, 1946.
K. D.— A. Zajączkowski. Studja nad językiem staroosmańskim, 1. Wybrane ustępy z anatolijskotureckiego przekładu Kalili i Dimny. Kraków, 1934.
Kop.— A. Zajączkowski. Studja nad językiem staroosmańskim. 2. Wybrane rodziały z anatolijskotureckiego przekładu Koranu. Kraków, 1937.
Mevlid — Süleyman Çelebi. Vesilet'un-Necat. Mevlid. Ankara, 1954.
Muh-n — Хорезми. Мухаббат-наме. Издание текста, транскрипция, перевод и исследование Э. Н. Наджипа. М., 1961.
Neş. Men.— «Cihānnüma», die altosmanische Chronik des Mevlānā Meḥemmed Neschrī im Auftrage der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin nach Vorarbeiten von Theodor Menzel, hrsg. von Franz Taeschner. Bd 1—2. Lpz., 1951—1955.
S. V.— «Sultan Veled'in türkçe manzumeleri». Yayınlayan ve işleyen Mecdut Mansuroğlu. İstanbul, 1958.
PhTF — «Philologiae Turcicae Fundamenta». 1. Wiesbaden, 1959; 2. Wiesbaden, 1964.
Yus. Z.— Şeyyad Hamza. Yusuf ve Zeliha. Nakleden Dehri Dilçin. İstanbul, 1946.

[1] O. Böhtlingk. Über die Sprache der Jakuten. SPb., 1851.
[2] J. Deny. Grammaire de la langue turque. P., 1921, c. 930.
[3] Г. Рамстедт. Введение в алтайское языкознание. М., 1957, с. 52—53.
[4] В. Котвич. Исследование по алтайским языкам. М., 1962, с. 191—192.
[5] Z. Korkmaz. Türk dilinde -*ça* eki ve bu ek ile yapılan isim teşkilleri üzerine bir deneme.— TDA. 1958, c. 50—52, 61—63.
[6] См. соответствующие разделы в PhTF. Т. 1. 1959.
[7] Э. В. Севортян. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М., 1966, с. 102.
[8] J. Deny. Grammaire, c. 1100.
[9] H. Duda. Die Sprache der Qyrq Vezir-Erzählungen. Bd 1. Lpz., 1930, c. 52.

[10] Z. Korkmaz. Türk dilinde *-ça* eki, c. 53.
[11] M. Ergin. Türk dil bilgisi. İstanbul, 1962, c. 263.
[12] A. Caferoğlu. Güney-doğu illerimiz ağızlarından toplamalar. İstanbul, 1946, c. 299.
[13] В. Г. Гузев. Опыт фонологической интерпретации некоторых графических особенностей ленинградского списка «Сказания о Мелике Данышменде».— Тюркологический сборник. К 60-летию А. Н. Кононова. М., 1966, с. 39.
[14] H. Duda. Die Sprache der Qyrq Vezir-Erzählungen, c. 52, 58.
[15] H. Kissling. Die Sprache des Ašıkpašazade. Breslau, 1936, c. 21.
[16] A. Bombaci. La «Regola del parlare turche» di Filippe Argenti. Napoli, 1938.
[17] Megiser (Hieronymus). Institutionum linguae turcicae libri quator. Lpz., 1612, 11.
[18] F. Meninski. Institutiones linguae turcicae. T. 1—2. 1756.
[19] ДТС, с. 356.
[20] А. К. Боровков. Лексика среднеазиатского Тефсира XII—XIII вв. М., 1963, с. 228.

В. Г. Гузев

ПАРАДИГМА ФИНИТНЫХ ФОРМ ИМЕН КАК КАТЕГОРИЯ СКАЗУЕМОСТИ

(На материале староанатолийско-тюркского и турецкого языков)

Морфологическая категория сказуемости, присущая именным частям речи, выделяется не всеми тюркологами-языковедами[1], и уже поэтому вопрос о ней нуждается в разработке.

Существующее представление об именной категории сказуемости связывается с формами, образуемыми «вневременной связкой» или «аффиксами сказуемости» типа турецких форм:

talebe-yim	*talebe-yiz*
talebe-sin	*talebe-siniz*
talebe-dir	*talebe-dirler*

('я, ты, он (она) — учащийся; мы, вы, они — учащиеся').

Ограничение списка аффиксов, оформляющих именное сказуемое, только теми, которые содержатся в приведенных словоформах, связано с представлением о так называемом недостаточном глаголе. Широко распространено мнение, что образования типа *talebe idim* 'я был учащимся', *talebe imişsin* 'оказывается (или говорят, что), ты учащийся', *talebe iseniz* 'если вы учащийся', также являющиеся финитными и также способные выступать только в функции сказуемого, суть глагольные, поскольку элемент *i-* (восходящий к древнему глаголу *är-/er-/ir*[2]) в показателях *idi-, imiş-, ise-* представляет собой «недостаточный глагол».

В тюркском языкознании пока еще нет единства во взглядах на грамматический статус форм, в которых обнаруживается «недостаточный глагол», как нет и терминологического единства — наряду с упомянутым термином для обозначения интересующего нас элемента используются названия: «вспомо-

гательный глагол», «служебный глагол», «неправильный глагол»[3].

А. Ходжиев в цитируемой выше работе, анализируя пригодность каждого из этих терминов, наиболее подходящим признает термин «недостаточный глагол», поскольку он «позволяет дифференцировать глагол *э-* (на нашем материале *i-*.— *В. Г.*) от всех других глаголов, выражающих грамматические значения либо выполняющих иные вспомогательные функции»[4]. Но А. Ходжиев признает, что «глагол *э-* все-таки отличается от того, что в языкознании принято понимать под „недостаточным глаголом“». Это отличие заключается в отсутствии у первого самостоятельного значения.

То обстоятельство, что до сих пор не удалось выработать безупречного термина для обозначения элемента *i-*, свидетельствует, что его интерпретация продолжает нуждаться в дальнейшей разработке.

Прежде всего уместно поставить вопрос, корректно ли называть глаголом элемент, который не имеет самостоятельного значения. Ведь глаголы — слова, обозначающие действие, знаменательные, т. е. полнозначные слова. Ответ, разумеется, может быть только отрицательным. И недостаточный глагол должен быть полнозначным словом, обозначающим действие, но лишенным способности выступать во всех парадигматически возможных словоизменительных формах. Не случайно в качестве примеров недостаточных глаголов в европейских языках называются такие полнозначные глаголы, как французский *gésir*, английские *must, can*.

В самых древних тюркских письменных памятниках *är-* выступает как глагол со значением 'быть, являться, находиться, иметь место, быть в наличии'. Перед нами типичный глагол бытия. В нем еще отчетливо чувствуется знаменательное начало, которое можно усмотреть в таких примерах, как[5]: *jazynčsyzyn ärmäk čaxšapot* 'Заповедь быть безгрешным'; *xatunynta toγmyš körgäli säviglig üč oγlany ärti* 'Было [в значении: имелось] трое родившихся от ханши красивых, миловидных сыновей'.

О том, что этот глагол в принципе был некогда полнозначным, свидетельствует и наличие в древнетюркских языках однокоренных с ним и, видимо, происходящих от него семантически родственных имен существительных: *ärdük* 'бытование, бытие'; *ärig : ärig jir* 'место существования, место пребывания, остановка в (пути)'; *ärgü* 'жилище'[6].

Об этом же свидетельствует и само многообразие продуктивных форм, в которых он встречается в памятниках; он употреблялся не только в формах прошедших времен на *-dy* и *-miš* (*ärdi, ärmiš*), но и в форме настоящего-будущего на *-(A)r*

(утвердительная основа: *ärür*, отрицательная основа: *ärmäz*), в формах желательного и условного наклонений *(ärgäj, ärsär)*, в формах глагольных имен: *ärmäk, ärigli*[7].

В финитных формах глагол *är-* выступает:

1) как компонент составного именного сказуемого, т. е. в роли связки: *Budun boγzy toq ärti* (Тоньюкук) 'Горло народа было сытым'; *...bägläri jämä buduny jäma tüz ärmis* (Кюль-Тегин. Большая надпись) 'И их правители и народ были прямы (т. е. верны кагану)';

2) как компонент сложных глагольных временны́х форм: *Käjik jijü, tabysγan jijü olurur ärtimiz* (Тоньюкук) 'Мы жили (там), питаясь оленями и питаясь зайцами'; ... *anča olurur ärmis* (Кюль-Тегин. Большая надпись) 'Они так обитали (восседали)'.

От этого глагола образованы также показатели *ärinč* и *ärki*, выражающие модальное значение 'пожалуй, возможно' и входящие в состав сказуемого: *bujuruky jämä bilgä ärmis arinč, alp ärmis ärinč* (Кюль-Тегин. Большая надпись) 'И их «приказные» были мудры, были мужественны'; *adyn säwär amrakynyz bar ärki* 'У вас, вероятно, есть другая возлюбленная'[8].

Итак, в древнетюркских языках *är-*, с одной стороны, выступает как полнозначный глагол, с другой — имеет сферу служебно-грамматического функционирования: связка, компонент сложных глагольных времен, корневая часть показателей, имеющих модальное значение.

В староанатолийско-тюркском и тем более в современном турецком языке картина резко отличается от той, которую мы видим в древнетюркских памятниках.

В староанатолийско-тюркском языке реликт глагола *är-* в виде гласного *i* обнаруживается только в показателях: *idi, imiš, isä, ikän, idük-*.

Первые три или оформляют именные сказуемые, или используются для образования сложных глагольных именных форм: *jedi jašynda idi Jusūf näbi* (ЮЗ, 2) 'Пророку Юсуфу было семь лет'; *Kan olurdy ary su kāfirlärä cānlary olur idi andan kara* (СВ, II, 35) 'Чистая вода становилась для неверных кровью, их души становились от этого черными'; *gökčäk ögütlärüŋ var imiš* (М, 6б) 'оказывается, у тебя есть прекрасные советы'; *illā ol uslu dägülmiš* (М, 14а) 'Он, оказывается, неразумный'; *emdi išit bu sözi varsa cānuŋ* (ЮЗ, 2) 'Теперь послушай этот рассказ, если у тебя есть сердце';

Tāŋri nūryndan doludur cānlary
iki görmä, gözlü isäŋ, anlary (СВ, II, 117)

'Божественным светом полны их души,
если у тебя есть глаза, ты не должен их видеть
раздвоенными'.

Показатель *ikän* оформляет именные или глагольные (чаще всего глагольно-именные, т. е. образуемые при участии глагольных имен) обстоятельственно-временные формы: *Bän, ki aŋa āšyqvam, uslu ikän dälüväm* (СВ, III, 6) 'Я, влюбленный в нее,— безумец, оставаясь в здравом уме'; *cān verürkän gäj sakyn īmānuŋy* (СВ, II, 65) 'Отдавая душу, хорошенько сохрани свою веру'.

Надо отметить, что именно только в этих четырех показателях, и также в виде гласного *i*, древний глагол *är-* обнаруживается в современном турецком языке.

Разница между материалом современного турецкого языка и языка староанатолийско-тюркских памятников, по всей вероятности, сводится к тому, что в последних встречаются случаи использования показателя *idük-*[9]: *ägär bän böjläjidügin bilsäm bir gäzdän gälüridüm* (М, 6а) 'Если бы я знал, что это так, я тотчас же пришел бы'; *bildi kim ḥāl näjidügin* (или *näjdügin?*) (СМД, 207а) 'Он узнал, каково положение'.

Обращает внимание, что и здесь *i-* обнаруживается в форме, выражающей логический предикат (этим же семантическим свойством обладают и формы, о которых речь шла выше), и что образование *idük-* тоже может трактоваться как застывшее. Во всяком случае, его последующая судьба — практически полное исчезновение из употребления в современном турецком языке — подтверждает мысль об утрате элементом *i-* своей лексической природы.

Реликтовые явления способны, как известно, сохраняться в языке в течение многих веков. В «Русско-турецком словаре» (М., 1972) на с. 639 приводится выражение: *idüğü belirsiz bir herif* 'Он какая-то подозрительная личность'. Архаичность формы *idüğü* очевидна: в ней нарушена губная гармония. Не исключено, что в некоторой связи с былыми формами *idük-* и с процессом утраты элементом *i-* глагольной природы находится спорадически встречающееся в современном турецком языке и имеющее, по-видимому, диалектный характер использование формы на *-dik* с частицей *değil* (также для выражения логического предиката): *Biraz kendini toplıyarak, bu kadının ihtiyar ve çoktan ölmüş Mariya değildiğini anladı*[10] 'Придя немного в себя, он понял, что это не старая и давно умершая Мария'. Допустимо, что именно утрата элементом *i-* глагольной природы могла стать предпосылкой принципиальной возможности образования формы *değildik-*, выступающей в приведенном примере как антоним былой формы *idük*.

Подтверждением предложенной трактовки формы *idük-* на староанатолийско-тюркском и турецком материале могут служить, приводимые А. П. Поцелуевским туркменские примеры, в которых аффикс *-дык* присоединяется непосредственно к име-

нам[11]: *Махым Тахырың ашыкдыгыны аңлады* 'Махым поняла, что Тахир влюблен'; *Берик гел, нәдигин айдайин* 'Иди сюда, я скажу, что это такое'.

Уместно также сравнить форму *idük-* с узбекскими формами *экан* (<*эр*+*кан*) и *эканлик*, способными выступать как средство трансформации именных предложений в развернутые подлежащие или дополнения простых предложений[12]. Но если в узбекском языке названные формы продолжают сосуществовать с формой на *-ган* глагола *бўл-*, отличаясь от последних по значению, в турецком языке форма *idük-* практически полностью вытеснена формой на *-dik* глагола *olmak*.

Сравнение материала древнетюркских памятников, староанатолийско-тюркского и современного турецкого языков позволяет сделать вывод о том, что существовавший в древности глагол *är-* с течением времени утрачивал признаки полнозначного глагола, все больше и больше использовался для выполнения служебных грамматических функций и, сливаясь с рядом показателей в неделимое целое, подвергался фонетической трансформации. Конечным итогом этого процесса стала полная потеря им как лексической, так и морфологической самостоятельности. Само количество показателей, в которых он выделяется, сокращалось, и в современном турецком языке оно равно четырем (*idi, imiş, ise, iken*)[13].

Наблюдаемая еще в староанатолийско-тюркском языке способность элемента *i-* выпадать без ущерба для значения форм, образуемых с помощью рассматривавшихся показателей,— лишь одно из проявлений того, что этот элемент полностью утерял свою глагольную природу.

Продолжать именовать элемент *i-* «недостаточным глаголом» означает в свете сказанного смешивать диахронический и синхронический аспекты языка. Нельзя утверждать, что нечто есть глагол только на том основании, что это нечто было глаголом много веков тому назад. История языков знает немало примеров полного перерождения морфологических элементов, и в качестве наиболее тривиального примера можно назвать развитие морфологических показателей из лексически полноценных слов. В тюркских языках это, например, развитие личных аффиксов из личных местоимений, превращение свободных сочетаний деепричастных и финитных глагольных форм в сложновербальные конструкции и последующее перерождение последних в грамматические формы с модальным (как формы невозможности) или временны́м (как турецкое настоящее время данного момента) значением, развитие аффикса сказуемости 3-го лица *-dur* из причастно-финитной формы на *-(A)r* глагола *durmak* и др.

Отказ от представления о «недостаточном глаголе» *i-* и ло-

гически вытекающее из этого рассмотрение образований *idi, imiš, isä, ikän* в качестве цельных, неразложимых с точки зрения современного языкового состояния показателей неизбежно влекут за собой некоторый пересмотр грамматической схемы.

Прежде всего оказывается необходимым расширить границы именной категории сказуемости путем включения в состав конституирующих ее форм тех, которые образуются с помощью показателей *idi-, imiš-, isä-* и которые, несомненно, являются финитными [14]. Сопоставление же всех форм этой категории между собой поможет полнее выявить как то, что их объединяет, так и то, что обусловливает разделение категории на соответствующие подкатегории.

В основе предпринимаемой в настоящей работе попытки интерпретации всех финитных форм именных частей речи (т. е. имен существительных, прилагательных, наречий, числительных, местоимений и предикативов [15]) в качестве элементов, составляющих одну отдельную категорию, лежит представление, что морфологическая категория — это «ряды словоформ, объединенных категориальной функцией» [16].

В единый ряд именные финитные формы объединяются прежде всего общностью их синтаксической функции: в синтаксических конструкциях они всегда выступают только как сказуемые (см. примеры на с. 237).

Сравнивая между собой по смыслу именные финитные формы (для этого достаточно воспользоваться приведенными выше примерами: *ašyqvam* 'я влюбленный'; *dälüväm* 'я — безумец'; *doludur* '[они] — полны'; *jedi jašynda idi* '[он] был семи лет'; *var imiš* 'оказывается, есть [они]'; *gözlü isäŋ* букв. 'если ты — имеющий глаза'), необходимо отметить, что каждая из них передает нечто, о чем что-нибудь сообщается, т. е. выражает совершенно определенную форму мышления, имеющую субъектно-предикатную структуру: предмет мысли (субъект) — сообщение о предмете мысли (предикат). В логике эта форма мышления, как известно, называется суждением. Любая финитная форма предстает как морфологическое средство передачи субъектно-предикатной структуры мысли, или суждения.

Именные финитные формы представляют субъект каким-либо конкретным грамматическим лицом единственного или множественного числа, и в этом смысле они являются личными формами. Указание на лицо субъекта производится с помощью личных аффиксов, входящих в состав этих форм.

Содержание предиката раскрывается с помощью присвязочной части, т. е. того конкретного слова, которое выступает в финитной форме.

Представляется, что в отношении языка наиболее важной

стороной взаимосвязи терминов суждения следует считать не то, что они соотносятся как отдельное и всеобщее [17], а именно то, что в предикате содержится какое-либо сообщение о субъекте [18]. Эту сторону взаимоотношений членов суждения на первый план выдвигает коммуникативная функция языка. Распространенная точка зрения, согласно которой предикат есть знание о признаке или о свойстве предмета [19], требует от нас неоправданно расширенного толкования терминов «признак, свойство» в применении к языковой семантике. Целесообразно связывать выражение признаков с прилагательными, наречиями, принимая в то же время, что, например, имена существительные обозначают предметы, а местоимения посредством указания могут выражать и предметы и признаки. Поэтому, если в финитной форме выступает слово, обозначающее или указывающее на предмет [*täŋrivän* (СВ, I, 55) 'Я — бог'; *bänvänin dopragyla su* (КД, 9) 'Земля и вода есть я'], то с лингвистической точки зрения более оправданно говорить, что и здесь оно выражает предмет, который находится в тех или иных отношениях с субъектом.

Из сказанного следует, что «мыслительный акт предикации» должен пониматься не как акт обобщения, генерализации [20], а как такая интерпретация человеческим сознанием явлений внеязыковой реальности, которая облекается в субъектно-предикатную форму мысли, отливается в суждение [21].

Коль скоро суждение рассматривается в качестве содержательной стороны грамматического значения морфологической категории, необходимо определить позицию по вопросу об отношении суждений к повествовательным, вопросительным и повелительным предложениям. В этом вопросе представляется убедительной точка зрения, согласно которой следует отказаться от аристотелевского учения о суждении как о содержании повествовательного предложения, считать «существенным общим признаком» суждения, вопроса и побуждения «то, что они имеют одинаковое членение на соотносительные понятия субъекта и предиката», и рассматривать суждение как родовое понятие, включающее три вида — повествовательное, вопросительное и побудительное [22].

Однако нельзя не отметить, что само деление предложений на повествовательные, вопросительные и повелительные в принципе едва ли удачно, ибо повеление или побуждение традиционно считается модальностью, соответствующая глагольная категория, выражающая повеление, признается наклонением. Едва ли у повеления есть какая-либо сторона, объединяющая его с повествованием и вопросом и в то же время отрывающая его от других видов модальности.

Важно подчеркнуть, что характер взаимоотношений членов

суждения в значительной мере зависит от того, что отражает понятие, выступающее в качестве предиката. «Если предикативно выступает понятие, отражающее вещь или ее статическое качество, то оно в предложении оформляется именным предикатом... Если предикативно выступает понятие действия, процесса, динамического качества, то оно выражается глаголом или глагольной группой...»[23].

Отсюда следует, что финитные формы слов, входящих в состав именных частей речи, способны передавать в качестве смыслов некоторые отношения между элементами внеязыковой реальности, отличные от тех отношений, которые передают глагольные финитные формы[24], что связано с объективной природой этих элементов. Это хорошо видно, если мы берем «крайние» случаи типа турецких: *Ahmed askerdir* 'Ахмед — солдат' и *Ahmed çalışıyor* 'Ахмед работает'.

Анализируя конкретные примеры, можно составить некоторое представление о смыслах, выражаемых именными финитными формами. В примерах типа *siz kör siz* (СВ, XXIV, 4) 'Вы слепы' предмет, воспринятый как субъект, выступает носителем признака, представленного в качестве предиката. В примерах *cihāny, kim görür siz kamu oldur* (СВ, XXIV, 4) 'Весь мир, который вы видите, есть он' и *nävüz* (СВ, XVI, 1) 'То, чем мы являемся' устанавливается отношение тождества предметов. В примерах типа *sänüŋväm* (СВ, XXI, 9) 'Я — твой' находит выражение отношение принадлежности. В примере *kiši bu nūr ilä müsülmān dur* (СВ, I, 43) 'Человек, наделенный этим светом,— мусульманин' можно видеть включение предмета в некий класс предметов и т. д. Приведенные примеры показывают, что именной предикат выражает понятия, отражающие предметы, их признаки, состояния и т. д.

Разумеется, что предложения с именным сказуемым могут быть повествовательными (см. примеры) или вопросительными: *siz nä qavmsyz?* (СМД, 87а) 'Что вы за народ?'.

Для того чтобы выяснить, какие модальные значения способна выражать именная категория сказуемости, необходимо сопоставить ее различные формы.

Сопоставление форм *ašyqvam, körsiz* с формами, образованными с помощью показателей *imiš-* и *isä-* (*var imiš, varsa,* см. выше), убеждает в том, что первые указывают на прямое соответствие содержания высказывания внеязыковой реальности, т. е. передают изъявительную модальность; вторые выражают субъективную модальность, т. е. указание на то, что говорящий сообщает о факте, о котором он узнал от другого лица, или что сообщение является результатом неожиданного узнавания, внезапного умозаключения; третьи содержат указание на то, что сообщаемый в форме суждения факт является условием суще-

ствования, реализации какого-либо другого явления, т. е. выражают условную модальность.

Разграничение форм именной категории сказуемости, связанное с выражением ими модальностей, согласуется с тем, что модальность относят к числу обязательных признаков законченного высказывания, а также с тем, что модальность рассматривается как «общая семантическая категория, связанная условием констелляции с категорией предикативности»[25].

Сравнение форм типа *ašyqvam, kör siz* (см. выше) с формами, образованными с помощью показателя *idi-*: *sänmidüŋ* (М, 59а) 'Ты ли это был?'; *vardy* (см. выше), убеждает, что они выражают одну и ту же — изъявительную — модальность, но разные временные характеристики. Первые относят содержание предиката к настоящему времени, вторые — к прошедшему.

Итак, оказывается, что формы, конституирующие именную категорию сказуемости, распадаются на три группы в зависимости от их модального значения, а формы, выражающие изъявительную модальность, в свою очередь, делятся на формы настоящего времени и формы прошедшего времени.

Настоящее время изъявительной модальности в староанатолийско-тюркском языке передается формами, образуемыми с помощью личных аффиксов[26]:

	Единственное число	Множественное число
1-е л.	*-män* (Руми), *-vän vänin, -väm (СВ), -(j)in -(j)äm, -(j)im, -(j)üm*	*-vüz, -(j))üz*
2-е л.	*-sän, -sen (?) -sin*	*-siz*
3-е л.	*-durur, -dur*	*-durur(lar), -dur(lar)*

Прошедшее время изъявительной модальности выражается формами, образуемыми аффиксами:

	Единственное число	Множественное число
1-е л.	*(i)düm*	*-(i)dük*
2-е л.	*(i)düŋ*	*-(i)düŋüz*
3-е л.	*(i)di*	*-(i)di(ler)*

Формы субъективной модальности образуются с помощью показателя *(i)miš*+личный аффикс (в 1-м и 2-м лице тот же, что и в формах настоящего времени изъявительной модальности, в 3-м лице единственного числа — нулевая морфема, в 3-м лице множественного числа возможен аффикс *-lar*).

Формы условной модальности образуются с помощью показателей, имеющих в качестве общего компонента аффикс *(i)sä*;

	Единственное число	Множественное число
1-е л.	*(i)säm*	*(i)sävüz*
2-е л.	*(i)saŋ*	*(i)säŋüz*
3-е л.	*(i)sä*	*(i)sä(lär)*

Формы именной категории сказуемости современного турецкого языка незначительно отличаются от форм староанатолийско-тюркского языка.

Формы изъявительной модальности в современном турецком языке:

	Настоящее время		Прошедшее время	
	Единственное число	Множественное число	Единственное число	Множественное число
1-е л.	*-(y)im*	*-(y)iz*	*(i)dim*	*(i)dik*
2-е л.	*-sin*	*-siniz*	*(i)din*	*(i)diniz*
3-е л.	*-dir*	*-dir(ler)*	*(i)di*	*(i)di (ler)*

Формы субъективной модальности в современном турецком языке образуются с помощью *(i)miş*+личные аффиксы настоящего времени изъявительной модальности в 1-м и 2-м лице, нулевая морфема или *-lar* в 3-м лице.

Формы условной модальности в современном турецком языке:

	Единственное число	Множественное число
1-е л.	*(i)sem*	*(i)sek*
2-е л.	*(i)sen*	*(i)seniz*
3-е л.	*(i)se*	*(i)se(ler)* [2]

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что ни в староанатолийско-тюркском, ни в турецком языке сложные образования типа *(i)mišti* и *(i)säjdi*, по-видимому, не используются. Возможно, что это связано в первом случае с тем, что такое образование лишает форму ее модального значения, во втором — с тем, что функцию выражения нереального условия взял на себя глагол *olmak*. Иными словами, отсутствие образований типа *(i)säjdi*, вероятно, следствие тесного взаимодействия именной и глагольной категорий сказуемости, которое привело и к исчезновению формы *idük* (см. с. 238).

Именная и глагольная категории сказуемости функционируют в речи, дополняя друг друга. И там, где возможности именной категории сказуемости оказываются исчерпанными (в частности, для выражения тех модальных и временны́х значений, которых не имеет именная категория сказуемости), используются глаголы, способные выступать в роли связки и имеющие в таких случаях значение «быть» (*olmak, bulunmak* и др.): *Ahmed asker olsaydı* 'Если бы Ахмед был солдатом' и т. п.

В качестве присвязочной части именного сказуемого могут выступать не только слова именных частей речи, но и глагольные именные формы (имена действия, причастия, субстантивно-адъективные формы, деепричастия[27]), например: *üčüncüsi — axirät müzdinä ermäkdür* (КД, 1) 'Третье [к чему стремятся] — добиться вознаграждения в загробном мире'.

Однако если в роли присвязочной части выступают такие глагольные имена, как причастия на *-(A)r*, *-myš*, субстантивно-адъективные формы на *-(j)asy* и *-(j)acak*, деепричастие на *-(j)up*, то оказывается, что перед нами или сложившиеся глагольные временные формы, или формы, тяготеющие к системе времен индикатива: *Jalvarurvan täŋrijä dün ü gün* (СВ, II, 101) 'Молю бога день и ночь'; *bu masaly isitmišvän* (КД, 41) 'Я слышал эту сказку'; *anuŋ zijāny gerü mälikä dönäsidür* (КД, 57) 'Вред от этого обратится против царя'; *bilmäzüz ki här bir kiši nä edäcäkdür* (М, 46а) 'Мы не знаем, что сделает каждый в отдельности'; *göčmägä dutupdur jüzi kärvān* (Ч, 11) 'Караван приготовился тронуться в путь'.

Но даже сложившиеся временные формы обнаруживают связь с теми глагольно-именными формами, к которым они восходят, что проявляется, в частности, в том, что они способны образовывать отрицательную форму не только с помощью показателя *-ma*, но и с помощью слова *dägül*: *ol išdän durur dägüldür* (КД, 44) '[Они] не оставляют это дело'.

Известное положение о том, что глагольные временные формы изъявительного наклонения восходят к личным формам «причастий», в свете сказанного предстает в несколько ином аспекте: формы изъявительного наклонения развились из форм именной категории сказуемости глагольных имен (причастий, формы на *-(j)acak* и деепричастий).

Поскольку в тюркском языкознании в настоящее время отстаивается точка зрения, согласно которой сказуемое каждого предложения в тюркских языках по крайней мере исторически всегда имело в своем составе атрибутивную глагольную форму, выражавшую «универсальный динамический признак»[28], следует подчеркнуть, что само существование именной категории сказуемости свидетельствует, что предикат совсем не обязательно должен передаваться с помощью глагола и совсем не обязательно должен содержать «универсальный динамический признак». Да и староанатолийско-тюркские примеры типа *siz kör siz* (см. выше), в которых нет и следа никакого глагола, позволяют думать, что образование «имя + личное местоимение» в принципе могло быть в числе наиболее древних именных финитных форм.

Процесс утраты элементом *i-* и показателем *-dur(ur)* глагольной природы, о котором говорилось выше, тоже свидетель-

ствует о том, что сказуемое совсем не обязательно должно быть глагольным. Он также позволяет говорить, что позиции именной категории сказуемости в истории языка крепли, количество ее форм возросло.

Именная и глагольная категория сказуемости, которые, как отмечалось, функционально дополняют друг друга, представляют собой грамматические, морфологические средства выражения мысли в форме суждения, которая дополняется модальными и временными значениями.

Уместно отметить, что морфологические средства выражения суждения взаимодействуют в речи с лексическими средствами, т. е. с прямым называнием субъекта и предиката и организацией предикативной по своей структуре синтаксической конструкции типа турецкого *Ahmed asker* 'Ахмед — солдат', ср.: *alındä siz anuŋ* (СВ, XXIV, 7) 'Вы в его руках'. Предикат в таких случаях выражается не присвязочной частью финитной формы, а словом в нефинитной форме. А в предложении типа *vardy Kan'ānda bir särvär kiši* (ЮЗ, 2) 'Жил в Ханаане знатный человек' суждение выражено дважды: финитной формой предикатива *var* 'есть, имеется' и предикативной структурой синтаксической конструкции.

Из всего сказанного выше следует:

1. Необходимо отказаться от представления о недостаточном глаголе *i*-. Надо признать, что уже на синхронном срезе анатолийско-тюркского языка XIII—XV вв. можно говорить лишь об общем элементе — неустойчивом гласном *i*, который обнаруживается в показателях: *idi, imiš, isä, idük, ikän*. Перечисленные показатели целесообразно рассматривать как неделимые аналитические форманты.

2. Ряды синтетических и аналитических личных форм, в которых слова именных частей речи и глагольные имена выступают в функции сказуемого, составляют общий морфологический ряд — именную категорию сказуемости.

3. Именная категория сказуемости представляет собой (наряду с глагольной категорией сказуемости) морфологическое средство выражения субъектно-предикатной формы мышления (суждения), которая и составляет содержательно-семантическую сторону этой категории. В передаваемых ею суждениях в качестве предиката выступают понятия, отражающие предметы, признаки, обстоятельства.

4. Личные формы, конституирующие именную категорию сказуемости, распадаются на: 1) формы изъявительной модальности, которые, в свою очередь, делятся на формы, выражающие настоящее время (типа *kišivän, kišisän, kišidur(ur)* 'я, ты, он и т. д. человек'), и формы, выражающие прошедшее время (*kiši idüm, idüŋ, idi* 'я, ты, он и т. д. был человеком');

2) формы субъективной модальности (показатель *imiš*); 3) формы условной модальности (показатель *isä*).

5. Именная категория сказуемости тесно взаимодействует с аналогичной глагольной категорией, уступая место последней в тех случаях, когда необходимо выразить время или модальность, которые не могут быть выражены с помощью именного сказуемого.

6. Глагольные временные формы индикатива восходят в основном к формам именной категории сказуемости глагольных имен (причастий, субстантивно-адъективных форм, деепричастий).

7. Нельзя согласиться с утверждением, что сказуемое в тюркских языках обязательно имеет или имело в своем составе в прошлом глагольную форму, т. е. является или было глагольным. Образования типа *kiši män* могли быть в числе наиболее древних финитных форм.

СОКРАЩЕНИЯ

КД — Ķälila vä Dimna (Калила и Димна). Издание: A. Zajączkowski. Studja nad językiem staroosmańskim. 1. Wybrane ustępy z anatolijskotureckiego przekładu Ķalili i Dimny. Kraków, 1934.

М — Marzubānnāmä (Книга Марзбана). Издание: Z. Korkmaz. Sadru'd-dīn Şeyhoğlu, Marzubān-nāme tercümesi. Inceleme—Metin—Süzlük—Tıpkıbasım. Ankara, 1973.

Руми — тюркские строки и стихи в произведениях Джеляледдина Руми. Издание: M. Mansuroğlu. Calâladdīn Rūmī's türkische Verse.— UAJb. Bd 24, 3—4. Wiesbaden, 1952, с. 106—115.

СВ — тюркские стихи Султана Веледа. Издание: M. Mansuroğlu. Sultan Veled'in Türkçe manzumeleri. İstanbul, 1958.

СМД — Qyṣṣa-i Mälik Danişmänd (Сказание о Мелике Данышменде). Список хранится в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Датирован 1622 г. Представляет язык XIII—XIV вв.

Ч — Çarxnāmä (Поэма о превратностях судьбы). Издание: M. Mansuroğlu, Ahmed Fakih. Çarhname. Yayımlayan ve işleyen Mecdut Mansuroglu. İstanbul, 1956.

ЮЗ — Jūsuf ū Zulaixa (Юсуф и Зулейха). Издание: D. Dilçin. Şeyyad Hamza. Yusuf ve Zeliha. Nakl eden: Dehri Dilçin, İstanbul, 1946.

[1] Ср., например: Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, с. 51—54; А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, с. 387—389, § 774—776; он же. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, с. 349—350, § 457.

[2] См.: В. Котвич. Исследование по алтайским языкам. М., 1962, с. 279—282; Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М., 1974, с. 218—220.

[3] См.: А. Ходжиев. Недостаточный глагол в узбекском языке. Автореф. докт. дисс. Ташкент, 1968, с. 4—8.

[4] А. Ходжиев. Недостаточный глагол, с. 8.

[5] A. v. Gabain. Alttürkische Grammatik. 2. verbesserte Auflage. Lpz., 1950, с. 126.

[6] С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.—Л., 1951, с. 365; A. v. Gabain. Alttürkische Grammatik, с. 298.

[7] Ср.: Д. М. Насилов. К вопросу о перифрастических формах глагола в древнетюркских языках.— ВЯ. 1960, № 3, с. 93.

[8] A. v. Gabain. Alttürkische Grammatik, с. 157—158.

[9] См. также: XIII. yüzyıldan beri Türkiye Türkçesiyle yazılmış kitaplardan toplanan tanıklariyle tarama sözlüğü. III. E—İ. Ankara, 1967, с. 2012—2013.

[10] Yordan Yovkov. Seçilmiş hikâyeler. Sofya, 1960, с. 57.

[11] А. П. Поцелуевский. Избранные труды. Ашхабад, 1975, с. 236, § 153.

[12] С. Н. Иванов. Модальная связка *экан* и форма *эканлик* в узбекском языке.— «Ученые записки ЛГУ». Серия востоковедческих наук. 1958, № 256, вып. 7, с. 131—145.

[13] В современном узбекском языке насчитывается пять показателей с этим элементом: *эди, эмиш, эса, экан, эмас* (см.: А. Ходжиев. Недостаточный глагол, с. 8—46).

[14] Отказ от представления о «недостаточном глаголе» предопределяет пересмотр интерпретации показателя *ирүч!* в качестве деепричастного по крайней мере в сфере имен. Однако этот вопрос здесь не рассматривается, поскольку он выходит за рамки темы настоящей работы.

[15] О предикативах см.: Дж. С. Ахмедов. Предикативы в современном азербайджанском языке. Автореф. канд. дисс. Л., 1970.

[16] С. Д. Кацнельсон. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972, с. 27.

[17] См.: Г. В. Колшанский. Логика и структура языка. М., 1965, с. 77—95; Н. А. Баскаков. Историко-типологическая характеристика структуры тюркских языков. Словосочетание и предложение. М., 1975, с. 51—63 и сл.

[18] Ср.: Н. И. Кондаков. Логический словарь-справочник. 2-е исправленное и дополненное издание. М., 1976, с. 473, 574 (статьи: «предикат», «субъект», «суждение»).

[19] Ср., например, у П. В. Таванца: «Субъект есть знание о предмете суждения. Предикат есть знание о признаке предмета» (цит. по: Г. В. Колшанский. Логика и структура языка, с. 79, прим. 1).

[20] Н. А. Баскаков. Историко-типологическая характеристика структуры тюркских языков, с. 52 и сл.

[21] Ср. у Г. П. Мельникова: «...акт предикации вносит в сознание слушателя ту или иную степень изменения возбужденного образа» (Г. П. Мельников. Синтаксический строй тюркских языков с позиций системной лингвистики.— НАА. 1969, № 6, с. 109); ср. также: он же. Сущность предикации и способы ее языкового выражения.— Инвариантные синтаксические значения и структура предложения (Доклады на конференции по теоретическим проблемам синтаксиса). М., 1969, с. 116—125.

[22] Г. В. Колшанский. Логика и структура языка, с. 96 и сл.

[23] Г. В. Колшанский. Логика и структура языка, с. 145.

[24] Несомненно, что все глагольные финитные формы также объединяются в единую категорию сказуемости на основе того, что и они способны выступать только в роли сказуемого и выражают мысль в форме суждения. Однако анализ этой глагольной категории выходит за рамки настоящей статьи.

[25] Г. В. Колшанский. Логика и структура языка, с. 93—94.

[26] Здесь не рассматривается вопрос о том, в какой мере приводимые аффиксы подвергались действию гармонии гласных.

[27] См.: В. Г. Гузев. Система именных форм тюркского глагола как морфологическая категория.— Turcologica. К 70-летию акад. А. Н. Кононова. Л., 1976, с. 56—64.

[28] Н. А. Баскаков. Историко-типологическая характеристика структуры тюркских языков, с. 63—91 и сл.

Л. В. Дмитриева

РУКОПИСИ ТУРЕЦКИХ ОРИГИНАЛЬНЫХ И ПЕРЕВОДНЫХ РЕЛИГИОЗНО-ЭТИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЙ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКА XVI в.

В Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР есть несколько оригинальных и переводных с арабского и персидского языков турецких религиозно-этических сочинений XVI в., которые до сих пор интересовали тюркологов лишь как известные или редкие для рукописных собраний мира образцы отмеченной выше тематики.

Однако все они являются достойными изучения источниками турецкого языка XVI в., особенно оригинальные сочинения, хотя и переводы прекрасно передают лексическое богатство и грамматическое своеобразие турецкого языка указанного периода. Но в силу укоренившегося почти тематического подхода к выбору источников для изучения языка (предпочтение оказывается филологическим сочинениям, за которыми следуют исторические) религиозно-этические рукописные произведения редко вводятся в круг языковых источников.

Чтобы нарушить такую неоправданную традицию, мы приводим ниже аннотированный перечень рукописей турецких религиозно-этических сочинений XVI в. в собрании ЛО ИВ, являющемся одним из богатейших собраний тюркских рукописей по разнообразию представленных в нем тематических рубрик и количеству тюркских языков, воспроизводимых рукописями.

Перечень строится по хронологическому принципу, т. е. по датам составления сочинений или переводов. Надеемся, что он представит интерес и для тех, кто занимается описанием тюркских рукописей, так как приводимые в перечне рукописи собрания ЛО ИВ не подлежали еще специальному описанию. Лишь немногие из них упоминались в печатной литературе. По техническим причинам приводимые ниже названия, имена и т. д. даются не в транскрипции, а в обычном их написании.

1. «Ибрет-наме» («Книга примера») Мухаммеда ибн Османа ибн Али, известного под именем Ламии (ум. в 938/1531 г.). Этико-моралистическое сочинение в прозе и стихах, составленное в Бруссе в 932/1525 г. для султана Сулеймана I (годы правления: 926—974/1520—1566) в связи с завоеванием им Родоса и Венгрии.

Рукопись В 2399 содержит полный список сочинений с обычными, приводимыми в каталогах частями его: лл. 2б—19а — предисловие, в котором указаны название, автор, посвящение, дата написания и перечень глав сочинения; лл. 19а—42б — I глава (баб), 43а—145а — II глава. Первая глава разделена на 22 хикайята (выделены на лл. 19а, 21а, 22а, 22б, 27б, 28б, 30б, 31б, 33б, 37а, 38б, 39а, 40а, 41а, 42а, 42б), вторая — на 8 хикайятов (лл. 43б, 49б, 57б, 67б, 75б, 81а, 108б, 122б). Начало рукописи обычное, как в каталогах (л. 2б). Переписана в 1130/1717-18 г., видимо, в Турции переписчиком Хусейном ибн ас-Сейид Мухаммедом ибн Насл Абд ал-Кадиром. Приобретена В. Д. Смирновым в Стамбуле в 1911 г. и передана в Азиатский музей.

В рукописи 145 лл. (текст с л. 2б); кустоды. Лист: 19×12; текст: 14,5×6,5; строк на странице — 19. Восточная бумага. Текст писан черными чернилами, заглавия — красной краской. Переплет турецкий, картонный, с кожаным корешком.

Другие списки рассматриваемого сочинения описаны в каталогах: Pertsch, G. 195, № 232; Flügel, III, 301, № 1873; Ethé, 1191, № 2103.

2. «Имад ал-ислам» («Опора ислама») — турецкий перевод с пояснениями переводчика Абдаррахмана ибн Юсуфа ал-Аксараи персидского сочинения «Умдет ал-ислам» («Основы ислама») Абд ал-Азиза Фариси. Сочинение о догмах ислама с точки зрения ханифитского толка. По Хаджи Халифе, дата составления турецкого перевода заключена в стихотворной хронограмме в конце перевода — 950/1543-44 г. (т. IV, 256, № 8303). Однако эта хронограмма приводится только в одной из известных пока рукописей перевода (Eleischer, D. 23, № 163).

Турецкий перевод сохраняет построение персидского оригинала: предисловие, пять частей (китаб) сочинения, заключение. В предисловии ал-Аксараи, предшествующем предисловию сочинения, приведены: название и автор персидского оригинала, его источники — 60 произведений подобного же содержания мусульманских авторов — последователей ханифитского толка, указание на характер турецкого перевода.

Рукопись В 4137 содержит все части сочинения, но выделены названиями только три: лл. 6а, 119а, 207б. Судя по содержанию, в часть, выделенную на л. 6а, вошли две первые части перевода, а в часть, выделенную на л. 119а,— две сле-

дующие части. Части делятся на многочисленные разделы (фасл). На лл. 1б—2а — предисловие (мукаддима) переводчика, на лл. 2б—6а — авторское предисловие к сочинению. Начало (л. 1б) иное, отличающееся от обычного, приводимого в каталогах.

Судя по палеографическим данным, рукопись переписана в XVIII в., видимо, в Поволжье. Приобретена в 1938 г. у С. Алимова из Астрахани. В рукописи 301 л.; восточная полистная пагинация; кустоды. Лист: 21×17; текст: 16,5×12; строк на странице — 17. Русская бумага. Текст писан черной тушью, заглавия — красной краской. Кожаный гладкий переплет. Дефекты: нет конца в 1—2 лл., лакуна в один лист.

Другие списки данного перевода описаны в каталогах: Fleischer, D, 23, № 163; Pertsch, G, 62, № 61; Rieu, 12b; Ethé, 1254, № 2245. Перевод издан в Казани в 1882, 1897, 1900 гг.

Рукопись D 653 содержит список того же перевода, но без нескольких начальных строк. Внешне выделены только I и II части. Переписан список в 1183/1775-76 г., видимо, в Средней Азии переписчиком Худайманом ибн Юсуфом ал-Булгари. Коллекция, в составе которой поступила рукопись, неизвестна. Список занимает лл. 23б—207а; кустоды. Лист: 31×18; текст: 26,5×14,5; строк на странице — 28. Текст в рамке. Русская бумага. Текст писан черной тушью, заглавия и пояснительные к содержанию текста надписи на полях — красной краской. Арабские слова и фразы огласованы. Простой, русский, старый (но позже, чем переписана рукопись!) переплет, обклеенный материей, с кожаным корешком.

Рукопись C 891 на лл. 11а—17б содержит отрывок из перевода Аксараи: конец предисловия переводчика, авторское предисловие и начало первой части. Судя по палеографическим данным, список XVIII в., сделан в Турции. Коллекция неизвестна. Кустоды; лист: 21×15,5; текст: 16,5×11; строк на странице — 23. Бумага восточная. Текст писан черной тушью, заглавия — красной краской. Арабские слова огласованы. Переплета нет.

Рукопись D 38 (340в) воспроизводит небрежно выполненный список перевода, в котором нет конца (но список внешне закончен) в 35—40 лл. (нет $^3/_4$ последней части сочинения). Переписана рукопись в 1236/1820-21 г., вероятно, в Средней Азии переписчиком Булайи-баем. Коллекция В. В. Радлова, поступившая в Азиатский музей в 1890 г. В рукописи 147 лл. (текст с л. 2б); кустоды. Лист: 34,5×23; текст: 28,5×17,5; строк на странице — 27. Русская бумага. Текст писан черными чернилами. Поздняя европейская реставрация рукописи, при которой на новый картонный переплет с коленкоровым корешком наклеены крышки старого гладкого переплета из грубой кожи.

3. «Васийет-наме» («Книга завещания») Мухаммеда ибн Пир Али Биргали — известное турецкое религиозное сочинение, составленное в 970/1562-63 г. Приведенное название, автор, характер сочинения указаны в начале его текста.

Рукопись В 2275 (Nov. 1365) переписана в 1162/1748-49 г., вероятно, в Турции. Коллекция В. А. Иванова, приобретенная им в Бухарской области и переданная в Азиатский музей в 1915 г. Список занимает лл. 1б—57б рукописи; кустоды. Лист: 20×13,5; текст: 13,5×7; строк на странице — 11. Восточная бумага. Текст писан черными чернилами, отдельные слова и фразы выделены красным. Турецкий четкий, почти каллиграфический почерк. Весь текст огласован, в рамке. Переплета нет.

Другие списки сочинения описаны в каталогах: Fleischer, D, 8, № 59; Rieu, 7b; Ethé, 1255, № 2246.

Дефектный список сочинения содержит рукопись А 1311 на лл. 1а—26б; нет начала и конца, есть только середина примерно в 1/4 часть сочинения. Судя по палеографическим данным, рукопись переписана, очевидно, в начале XIX в. в Поволжье. Коллекция Археографической экспедиции АН СССР, приобретенная в Татарии и переданная в ИВ АН в 1934 г. Кустоды; лист: 18×11; текст: 12,5×7; строк на странице — 12. Русская бумага. Текст писан черными чернилами. Поздний картонный переплет с дерматиновыми корешком и углами.

Рукопись А 1174 на лл. 10б—125б содержит полный список сочинения. Судя по палеографическим данным, рукопись переписана, видимо, в начале XIX в. в Турции. Коллекция Археографической экспедиции 1934 г. Кустоды; лист: 19,5×13; текст: 12,5×7,5; строк на странице — 13. Европейская бумага, водяные знаки. Текст писан черными чернилами, отдельные слова и фразы выделены красными. Турецкий каллиграфический почерк. Весь текст огласован. Турецкий кожаный переплет с золотым тиснением.

4. «Фасаил ал-джихад» («Виды священной войны») — турецкий перевод арабского сочинения по мусульманской этике, называющегося в оригинале «Машари ал-ашвак ила масари ал-ушшак» («Промыслы сильных желаний в гибели любящих»?). Это название оригинала указано в предисловии переводчика (лл. 1б—7а описываемой рукописи), где приведено имя автора оригинала — Шемс ал-Миллет ад-Дин мевлана Ахмед ибн Ибрахим. Хаджи Халифа называет автора арабского оригинала иначе — Мухи ад-Дин Ахмед ибн Ибрахим ан-Нахас Димишки Шафаи, сообщая, что он умер в 814/1411-12 г.

Переводчик — известный турецкий поэт Бакы (933—1008/1526-27—1599-1600). Перевод сделан в 974/1566-67 г. для великого везира султана Селима II (974—982/1566—1574) — Мухаммед-паши Соколли (годы везирства: 972—987/1564-65—

1579-80). В предисловии автора дается перечень 33 глав сочинения с указанием их краткого содержания (лл. 6б—7а).

Перевод в рукописи С 233 (354а) сохраняет строение оригинала: 33 главы и авторское послесловие. Некоторые главы (баб) делятся на разделы (фасл): I глава (лл. 7а—25а), II (25б—49а), III (49б—51а), IV (51б—55а), V (55б—56б), VI (56б—59а), VII (59б—61б), VIII (62б—67б), IX (6а—74а), X (74б—78а), XI (78б—81а), XII (81а—84б), XIII (85а—91а), XIV (91б—93а), XV (93а—95а), XVI (95а—105а), XVII (105б—110а), XVIII (110б—111б), XIX (111б—113а), XX (113а—127а), XXI (127б—131а), XXIII (131а—132б), XXIV (132б—145а), XXV (145б—155б), XXVI (156а—167б), XXVII (168а—170а), XXVIII (170а—174б), XXIX (174б—192а), XXX (192б—199а), XXXI (199б—203а), XXXII (203б—242а), XXXIII (242б—261б), заключение автора (хатиме, 262а—284а), заключение переводчика (284б—285а), в котором он приводит свое имя (л. 284б). Начало (л. 1б) обычное, как и приводимое в каталогах.

На лл. 286б—313а переписчик в качестве приложения переписал целиком восемь глав другого сочинения — турецкого этико-моралистического сочинения «Гулдесте» («Минарет»), без указания названия и авторского предисловия. Вместо него переписчик дает свое предисловие, в котором сообщает, что это приложение к 30 главам приведенного выше перевода и состоит оно из восьми глав (баб). На самом деле в рукописи приложение содержит девять глав, но последняя глава выделена как 8-я, а не добавлена. В предисловии сохранено традиционное начало сочинения «Гулдесте» (л. 286б).

На полях многих листов перевода пояснения к содержанию и к отдельным словам цитируемых в тексте коранических сур, которые принадлежат, вероятно, переводчику.

Рукопись переписана в 1097/1685-86 г. в Константинополе переписчиком Сейид Махмудом ибн Сейид Османом ас-Сирузи. Рукопись получена Азиатским музеем в 1840 г. в дар от А. П. Бутенева, который купил ее в Турции в 1837 г.

В рукописи 313 лл.; кустоды. Лист: 24×13; текст: 17,5×7,5; строк на странице — 25. Восточная бумага. Текст писан черной тушью, главы, разделы выделены красной краской. Каллиграфический почерк. Художественный цветной унван, заставки, колофон. Кожаный переплет с тиснением.

Другие списки сочинения описаны в каталогах: Rieu, 118b; Fleischer, D, № 410; Flügel, II, 481.

5. Турецкий перевод арабского этико-нравоучительного сочинения «Ал-Минхадж ал-маслук фи сийасет ал-мулук» («Проторенный путь в политике царей»), автор которого Наджиб Абдаррахман ибн Наср ибн Абдаллах (умер в 632/1235 г.) поднес свое сочинение Саладину (ум. в 589/1193 г.). Перевод

сделан Мухаммедом Эмином в 992/1581 г., т. е. при султане Мураде III (982—1003/1574-95).

Строение сочинения по рукописи А 1421: лл. 1б—4а — вместо предисловия переводчика с указанием названия, автора оригинала, даты перевода, характера сочинения и перечнем глав, главы (баб) выделены на лл.: I (4а—5а), II (5б—7а), III (7б—12а), IV (12б—19а), V (19б—40а), VI (40а—63б), VII (64а—67а), VIII (67а—69а), IX (69а—72б), X (73а—91а), XI (91б—94а), XII (94а—98а), XIII (98а—99б), XIV (99б—102б), XV (102б—105а), XVI (105а—108б), XVII (109а—112а), XVIII (112б—113б), XIX (113б—114а), XX (114а—138а). Начало обычное (л. 1б), как приводимое в каталогах. На лл. 1б—2а — оглавление к сочинению. Судя по палеографическим данным, рукопись переписана в конце XVIII в., видимо, в Турции. На л. 3а — приписка владельца с его небольшой овальной печатью, на которой обозначено: «Ас-Сейид Мухаммед Атаалах». Коллекция Археографической экспедиции АН СССР, 1934.

Список занимает лл. 1б—138а рукописи; кустоды. Лист: 20×12,5; текст: 16×5; строк на странице — 25. Восточная бумага. Текст писан черными чернилами, главы выделены красными. Татарский дерматиновый переплет с грубым матерчатым корешком.

Другие списки сочинения описаны в каталогах: Flügel, III, 313. № 1887; Собрание, III, 126. № 2080 (дается дата перевода — 1192/1778 г., так как датированный Ташкентский список, по мнению составителей этого каталога, является автографом переводчика).

6. «Фусул ал-ашарет» («Десять разделов») шейха Ибн Исы ибн Мадж ад-Дина ал-Акхисари — известного турецкого богослова-мистика XVI в.

Представленное рукописью В 3682 сочинение Ибн Исы посвящено суфизму. Оно упомянуто у Хаджи Халифы (т. IV, 440, № 9093). Более известно в каталогах и в литературе его другое религиозно-мистическое сочинение — «Румуз ал-кунуз» («Символы сокровищ»), составленное в 965/1557 г.

Сочинение «Фусул ал-ашарет» состоит из 10 разделов (фаслов), что и отражено в его названии. Этим фаслам предшествует краткое авторское предисловие, в котором указаны название, автор сочинения, дан перечень разделов с кратким пояснением их содержания. Хаджи Халифа также упоминает, что в сочинении 10 разделов.

В рукописи выделены: краткое предисловие (л. 1б), фаслы — I (1б—5а), II (5а—10а), III (10а—28а), IV (28аб), (28б—33а), VI (33а—38а), VII (38а—54а), VIII (54а—59а), IX (59б—68а), X (68б—75а). На лл. 75аб, в конце, в тексте приводятся гадательные таблицы (цифры и буквы). К списку со-

чинения приписана переписчиком или переписана им с другой рукописи этого сочинения дополнительная, неавторская глава (баб) сходного с характером сочинения содержания. Она начинается с л. 77а.

Переписана рукопись не позже 1886 г., вероятно, в Поволжье. Коллекция Археографической экспедиции АН СССР 1934 г. Кустоды; лист: 21×16,5; текст: 14,5×10,5; строк на странице — 12. Русская бумага. Текст писан черными чернилами, фаслы выделены красными. Переплет картонный с кожаным корешком.

Полный, но без дополнительной, неавторской главы в конце, список сочинения Ибн Исы содержит рукопись В 2982 на лл. 130б—163а. В нем выделены: предисловие (130б), разделы (фаслы) — I (130б—132б); II (132б—136а), III (136а—138б), IV (139а—141а), V (141а—142б), VI (142б—143б), VII (143б—150а), VIII (150а—152а), IX (152б—154а), X (154б—161а), гадательные таблицы на лл. 161б—162б. Судя по палеографическим данным, рукопись переписана в конце XIX — начале XX в., видимо, в Поволжье. Коллекция Археологической экспедиции АН СССР 1934 г. Кустоды; лист: 21×16,5; текст: 17×13,5; строк на странице — 23. Русская бумага. Текст писан черными чернилами, фаслы выделены красными. Переплет картонный с кожаным корешком. Дефекты: на лл. 143б, 144а, 145аб частично нет текста.

Краткий конспект сочинения Ибн Исы, сделанный каким-то ученым-татарином, содержит рукопись В 3555 (14 лл., с текстом лл. 1б—7б). Конспект представляет собой преимущественно выписки из сочинения: из предисловия, из фаслов — IV, V, VIII, IX. Конспект не закончен. Судя по палеографическим данным, конспект составлен в начале XX в., видимо, в Астрахани. Коллекция Археографической экспедиции АН СССР 1934 г. Лист: 21,5×17,5; текст: 19×14,5; строк на странице — 15. Русская тетрадная бумага. Текст писан черными чернилами.

СОКРАЩЕНИЯ

Хаджи Халифа — Haji Khalfa. Lexicon bibliographicum et encyclopaedicum. Edidit. G. Flügel, I—8. Lpz.—L., 1835—1858.

Ethé — H. Ethé. Catalogue of the Persian, Turkish, Hindûstânî und Pushtû Manuscripts in the Bodleian library, 2. Ox., 1930.

Fleischer D.— H. O. Fleischer. Catalogus codicum manuscriptorum orientalium bibliothecae regiae Dresdensis. Lipsiae, 1831.

Flügel — G. Flügel. Die arabischen, persischen und türkischen Handschriften der Kaiserlich-Königlichen Hofbibliothek zu Wien. 1—3. Wien, 1865—1867.

Pertsch, G.— W. Pertsch. Die türkischen Handschriften der herzoglichen Bibliothek zu Gota. Wien, 1864.

Rieu — Ch. Rieu. Catalogue of the Turkish Manuscripts in the British Museum. L., 1888.

А. Н. Кононов

К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ТУРЕЦКОГО ПИСЬМЕННО-ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

В основе языка, который до провозглашения Турецкой Республики (29 октября 1923 г.) называли языком османским, по имени основателя Османской династии и империи Османа [1], или османско-турецким, а теперь именуют турецким, реже — анатолийско-турецким, Türkçe или Türkiye Türkçesi, лежат языки тюркских племен, в разное время появившихся на территории Малой Азии.

Главенствующим этническим элементом сельджукского войска, разбившего византийскую армию в битве при Малазгирте ~ Манцикерте (26 августа 1071 г.) и основавшего Конийский султанат, предтечу Османской империи, были огузы — коллективный этноним, объединявший 24 тюркских племени. В состав сельджукского войска и, следовательно, в число племен — подданных Конийского султаната кроме огузов входили также тюркские племена: кыпчаки, карлуки, агач-эри, канглы и т. п., которые принадлежали к двум другим группам тюркских языков: кыпчакской и карлукской.

Задолго до проникновения в восточную часть Малой Азии сельджукских армий (XI в.), т. е. «задолго до огузов началась тюркизация Малой Азии. Племена: калач, карлуки, канглы, кыпчаки давно „осваивали" туземное население страны» [2]. Проникновение тюркских племен в Малую Азию, начавшееся в конце IV в., шло как с востока, так и с запада [3].

В Анатолии рано появились различные группы огузов и печенегов, христиан и идолопоклонников, которых Византийская империя переводила из Румелии, чтобы поселить их на своих восточных границах [4].

В различных местах Анатолии еще до нашествия монголов (середина XIII в.) размещались монгольские племена, несшие при сельджуках пограничную службу; «из исторических источников известно, что тюрко-монгольские племена Samagar, Čaykazan, Barümbay, Alagöz играли даже в XIV в. весьма зна-

чительную роль в Центральной Анатолии. Монгольские элементы в массе тюркского большинства легко и быстро тюркизировались»[5].

Кыпчакско-карлукские этнические элементы в составе населения Малой Азии, которые, конечно, количественно заметно уступали огузам, получили в дальнейшем поддержку в новых приливах кыпчаков и карлуков. Таких приливов было по крайней мере два: монгольское нашествие на Малую Азию в XIII в. и завоевание Малой Азии Тимуром (Анкарская битва 1402 г.), в составе войск которого были и монголо-тюркские племена Средней и Центральной Азии.

Фонетико-грамматические и лексические элементы трех (огузской, кыпчакской, карлукской) групп тюркской семьи языков с преобладанием огузской основы явились базой малоазиатско- или анатолийско-тюркского языка, на которой возник и развился турецкий (османский) письменно-литературный язык.

Г. Вамбери (H. Vámbéry, 1831/1832—1913) в 1901 г. высказал предположение, согласно которому тюрки в Малой Азии появились до IV в., и привел в качестве подтверждения своей гипотезы свидетельства «староосманской» (по его терминологии) лексики и морфологии. На основании этих лексико-морфологических данных Г. Вамбери пришел к важному заключению: «Сами сельджуки, составляющие часть туркмен, как об этом свидетельствуют восточные источники, в диалектном отношении, по-видимому, растворились среди тюркских братьев, которых они там (в Малой Азии) застали, чем vice versa, потому что если бы это было не так, то староосманский язык должен был бы обнаруживать большее сходство с современным туркменским, чем с древнетюркским»[6].

Турецкий филолог М. Мансуроглу (1910—1960)[7] справедливо полагал, что пришедшие в Анатолию тюрки-сельджуки не являлись представителями старой тюркской культуры; верхние слои этих тюрок по приходе в Анатолию, не имея собственной письменной литературы, вынуждены были взять за образец арабскую и персидскую литературу. Упрочению позиций арабского и персидского языков способствовало также то обстоятельство, что арабский язык у всех мусульман был языком религии, науки, дипломатической переписки, а персидский язык издавна был языком поэзии и канцелярского делопроизводства. «Употребление в качестве письменно-литературного языка не своего, а чужого языка» — это широко распространенное явление, характерное «для эпохи феодализма, эпохи, предшествующей образованию национальных литературных языков»[8]: латинский — в Западной Европе, французский — в Англии, персидский и арабский — в странах «мусульманского» Востока,

17 Зак. 62

древнеболгарский — у южных и восточных славян, немецкий — в Чехии и Прибалтике, классический китайский — в Японии и Корее.

Новое движение из глубин Центральной Азии, известное под названием монгольского нашествия, захватило Русь, Закавказье (1225), Малую Азию (1243), Багдад (1258). Под ударами монголов пал Конийский султанат, распавшийся на ряд враждебных друг другу бейликов. Среди последних к концу XIII в. на западных границах, вблизи Изника (Никеи), обосновалось сильное огузское племя к а й ы, вождем которого после смерти Тогрул-бека стал его сын Осман-бек, родоначальник Османского эмирата, превратившегося позднее в Османскую империю, которая постепенно распространила свою власть на всю Анатолию, Закавказье, Балканы, Аравию, Абиссинию, Северную Африку, Крым, Северный Кавказ.

В момент зарождения османской государственности (конец XIII — начало XIV в.), которая складывалась, следуя «образу и подобию» Конийского султаната, единого тюркского письменно-литературного языка в Малой Азии не было, как его не было и во время господства здесь малоазиатских Сельджукидов. В диванах Конийского султаната официально-канцелярским языком, равно как и языком «светского» общения и поэзии, был язык персидский. Известна только одна попытка закрепить за тюркским языком положение официального, государственного языка: Караманоглу Мехмед-бей, везир лжесултана Сиявуша (Джимри), вождя повстанцев, захвативших Конию в 1277 г., издал указ, запрещающий употребление в диванах, присутственных местах, во дворце и даже в частной жизни какого-либо другого языка, кроме тюркского; этот указ был подкреплен казнью писцов, носителей традиций персидского делопроизводства [9]. Запрещение пользоваться персидским языком в частной жизни свидетельствует о широком его распространении среди верхних слов сельджукского общества.

Попытка Караманоглу Мехмед-бея упрочить таким образом положение тюркского языка в официальной жизни Малой Азии не имела (и не могла иметь по причине отсутствия в это время общего малоазиатско-тюркского письменного языка) сколько-нибудь заметного влияния на судьбы тюркского письменного языка.

В этой связи стоит вспомнить положение тюркского письменного языка в «большой» литературе Закавказья в XII в.: Ширваншах Ахсатан I, поручая Низами написать поэму о Лейле и Меджнуне, настоятельно требовал написать ее персидскими стихами, так как:

Нам неприличен тюркский твой язык,
Наш двор к простецким нравам не привык [10].

От времени господства Данышмендидов, правивших в юго-восточной части Малой Азии (1067—1180), не сохранилось ни одного произведения тюркской литературы, написанных в пределах этого государства. «Сказание о Мелике Данышменде», повествующее о днях и делах одного из Данышмендидов, датируется, судя по спискам этого сочинения, XIV—XVI вв.[11].

Литературные сочинения в Малой Азии, среди тюркоязычных ее обитателей, в конце XIII — начале XIV в. были известны на двух языках: персидском и тюркском. Поэтические произведения, писавшиеся на персидском языке и по персидским поэтическим канонам, обслуживали эстетические запросы двора конийских, позднее — османских султанов.

Крупнейшими представителями персоязычной суфийской поэзии в Малой Азии XIII в. были Джеляледдин Руми (1207—1273) и его сын Султан Велед (1226—1312), оказавшие впоследствии значительное влияние на развитие османской поэзии[12]. Тюркоязычная литература была представлена поэтами-суфиями и меддахами-рапсодами, которые, вращаясь в гуще простого народа, естественно, должны были с тюрками говорить по-тюркски. Джеляледдин Руми[13], стремясь донести свои морализаторские идеи до «людей базара» (ehl-i bazar), т. е. до простого люда, пытался писать стихи на местном тюркском языке, которым владел очень плохо[14].

С той же целью Султан Велед в свои поэтические сочинения «Ibtida-name» («Книга начал», 1291), «Rebab-name» («Книга ребаба», 1301), «Intiha-name» («Книга пределов», или «Диван»), написанные в основном на персидском языке, вставлял большие пассажи на двух самых распространенных языках Малой Азии того времени — на анатолийско-тюркском (всего 367 строк: «Ibtida-name» — 76 строк, «Rebab-name» — 162, «Divan» — 129) и греческом, хотя, по его собственному признанию, сделанному в «Книге ребаба», тюркский язык он знал плохо: *Тӯркчä бilcä idiм бäн aiдai-дiм ciзa/Ciplӓpi кiм тäңpiдäн дäгдi бiзä*[15] ‘Если бы я знал тюркский язык, я рассказал бы вам о тайнах, что от бога достались нам’.

Тюркские стихи Султана Веледа вошли в историю тюркоязычной литературы и языкознания под названием «Сельджукские стихи»[16]; этим термином обозначалась и подтверждалась принадлежность этих сочинений к памятникам анатолийско-малоазиатско-тюркского языка второй половины XIII в.— времени господства малоазиатских Сельджукидов.

Язык литературных произведений, созданных в Малой Азии в течение XIII—XV вв., следует именовать анатолийско-(малоазиатско-) тюркским языком. Ряд турецких лингвистов язык этого периода называют Eski Anadolu Türkçesi (староанатолийский тюркский язык)[17].

Профессор Стамбульского университета Ф. К. Тимурташ предлагал этот термин употреблять только для тюркского языка сельджукской эпохи (Selçuk devri Türkçesi)[18], с чем нельзя согласиться, так как собственно турецкий письменно-литературный язык сложился значительно позднее.

Двум важным вопросам — смене терминов, обозначавших в разные периоды турецкий язык, а также новым путям исследования истории турецкого языка — посвящена статья Ю. Немета[19].

Представителями поэзии XIII — первой половины XIV в. тюркской по языку (сохраняющей отчетливые связи со среднеазиатским тюркским языком), в Малой Азии были Шеййад (Шаййад) Хамза (XIII в.), Ахмед Факих (ум. ок. 1252 г.)[20], Ходжа Деххани (XIII в.)[21].

В XIII—XIV вв., т. е. в период монгольского нашествия и в эпоху Золотой Орды, в силу перемещения больших масс тюркоязычного населения на запад и последовавшего в результате этого смешения племен в письменно-литературной форме тюркского языка также произошло смешение фонетических, грамматических и лексических элементов, характерных для огузских, кыпчакских и карлукских языков. К числу сочинений, написанных на «смешанном» тюркском письменно-литературном языке, относятся: «Kıssa-i Yusuf» Али[22], «Şerhü-l-menar», «Behcetü'l-hadaik», «Marzuban-name tercümesi» и др.[23].

Этот «смешанный» язык характерен и для сочинений, написанных в XIII—XIV вв. в пределах Малой Азии; три последних из перечисленных выше произведений, имеющих самое непосредственное отношение к анатолийским памятникам письменности, представляют собою классический образец этого «смешанного» языка. Один из ранних османских филологов очень метко определил, что подобные сочинения «olga-bolga ibâretince yazmışlar»[24], т. е. написаны с использованием форм olga-bolga, под которыми разумелось смешанное употребление двух характерных для определенных групп тюркских языков вспомогательных глаголов — *ol-/bol-* 'делаться', 'становиться', с которыми, в свою очередь, связано применение определенных грамматических форм.

В конце XIII в. на поэтическом небосклоне Малой Азии взошли две звезды первой величины, появились два выдающихся поэта-суфия: Юнус Эмре (1240-41 — 1320)[25], родившийся в местечке вблизи Сиврихисара (область Болу), автор дидактической поэмы «Risalat al-Nushiyya» («Книга благих советов»), и Ашик-паша (1271-72—1332)[26], родом из г. Кыршехира, написавший знаменитый суфийский «Стоглав» — «Garib-name» («Книга чужака») и ряд других сочинений. Сочинения этих поэтов были написаны на языке, близком к народно-разговор-

ному языку анатолийских (малоазиатских) тюрок, сохранявшему основные фонетико-грамматические признаки среднеазиатско-тюркского языка (см. ниже), который был понятен «людям базара» — основной аудитории поэтов-суфиев.

С другой стороны, даже при желании писать на какой-то другой разновидности письменного тюркского языка, понятной разноплеменным анатолийским тюркам, они не могли, так как малоазиатского тюркского койне в ту пору не существовало, как его не было и значительно позднее.

Однако эти в большинстве своем малохудожественные стихи явились основой, на которой постепенно стало воздвигаться здание письменно-литературного анатолийско-(малоазиатско-) тюркского языка, предтечи турецкого (османского) литературного языка в двух его разновидностях — письменной и разговорной. По состоянию фактического и исследовательского материала в настоящее время можно восстановить с приблизительной точностью этапы формирования турецкого (османского) письменно-литературного языка, начало сложения которого относится к концу XV — началу XVI в.

На историю сложения письменно-литературного тюркского языка Малой Азии XIII—XIV вв. существенное влияние оказывал целый ряд экстралингвистических факторов, среди которых в первую очередь следует назвать господствующее положение во всей культурной жизни Малой Азии (а позднее в Османской империи) арабского и персидского языков.

Положение тюркского языка в «большой» литературе того времени предельно четко охарактеризовал Ашик-паша, написавший в упомянутой выше поэме следующие полные гнева строки [27]:

Ţürk diline kimsene bakmaz idi
Türklere hergiz göŋül akmaz [28] idi
Türk dahi bilmez idi ol dilleri
İnce yolı ol ulu menzilleri.

На тюркский язык никто не обращал внимания,
К тюркам [никто] никогда сердцем не склонялся,
А тюрки не знали тех языков (т. е. арабского
и персидского),
[Тех] изысканных троп, тех великих фигур [арабского
и персидского стихосложения].

С подобными справедливыми ламентациями выступали и другие поэты XIV и XV вв.— Ходжа Мес'уд, Синан-паша, Сарыджа Кемаль и др.[29].

В XIV — начале XV в. тюркская литература в Малой Азии была представлена рядом крупных поэтов: Ходжа Мес'уд ибн

Ахмед, переводчик на тюркский язык трех персидских сочинений — «Süheyl-ü Nevbahar», «Ferheng-name-i Sa'di», «Kalila ve Dimna»; Шейхоглу Мустафа, автор романтического месневи «Hurşid-name»; Ахмеди, сочинитель великолепной поэмы «İskander-name», и др.[30].

Безусловно, крупным поэтом второй половины XIV в., писавшим на тюркском языке, обнаруживающим очевидные связи с азербайджанским языком[31], был кадий, владетельный эмир и поэт-лирик Бурханеддин Сивасский (1344—1398). По мнению крупного тюрколога А. Дильачара, в языке «Дивана» Бурханеддина Сивасского, а равно и в «Книге деда моего Коркута» едва ли возможно увидеть особенности, присущие азербайджанскому языку, так как в это время нельзя было провести четкой грани между западноогузскими и азербайджанскими диалектами[32].

В течение XIII—XV вв. анатолийско-(малоазиатско-)письменный тюркский язык в своей графике базировался на практике староуйгурского письма, что выражалось в стремлении наиболее полно обозначать гласные, а также писать форманты отдельно от основы; в области фонетики и морфологии произведения поэтов этого периода обнаруживают отчетливые и глубокие связи со среднеазиатским тюркским письменно-литературным языком, а через него и с древнетюркским, что может быть иллюстрировано следующими фактами:

1) *men* вместо *ben* — личное местоимение;
2) *bar-, bir-* вместо *var-, ver-*;
3) *-van/-ven, -vam/-vem* — аффиксы сказуемости 1-го л. ед. ч.;
4) *-vuz/-vüz* — аффикс сказуемости 1-го л. мн. ч.;
5) *bol-* вместо *ol-* 'быть', 'делаться', 'становиться';
6) *-nı/-ni* вместо *-ı, -i* — аффикс винительного падежа;
7) *-gay/-gey, -gası/-gesi, -ısar/-iser* — аффиксы будущего времени;
8) *-n* — аффикс орудийного падежа;
9) *-dın/-din, -dan/-den* — аффиксы исходного падежа;
10) *-ra/-re* — аффикс направительного падежа;
11) *-kına/-kine* — уменьшительно-ласкательный аффикс;
12) *-gıl/-gil* — аффикс 2-го л. ед. ч. повелительного наклонения;
13) *-uban(ın)/-üben(in)* — аффикс деепричастия;
14) *-madın/-medin* — аффикс деепричастия;
15) *bular, şular, olar* вместо *bunlar, şunlar, onlar*;
16) *-sız, -süz* вместо *-sınız* — аффикс сказуемости 2-го л. мн. ч.;
17) *-mazız/meziz* вместо *-mayız/-meyiz* — аффикс отрицательной формы настояще-будущего времени;

18) *-am/-em* вместо *-ım, -um* — аффикс принадлежности 1-го л. ед. ч.;

19) *-man/-men* вместо *-mayın/-meyin* — отрицательная форма деепричастия;

20) *-(y)ın* вместо *-(y)ım* — аффикс сказуемости 1-го л. ед. ч.

21) *-durur/-dürür* наряду с *-dır/-tır* — аффикс сказуемости 3-го л. ед. ч.;

22) *-(y)ub/-(y)üb+dur(ur)/-dür(ür)* — настояще-длительное время, позднее вытесненное другими формами, и в частности формой *-maktadır/-mektedir*;

23) *-(y)ıcak/-(y)icek* вместо *-(y)ınca/-(y)ince* — аффикс деепричастия;

24) *bigi(n)* наряду с *gibi* — послелог;

25) *bile, birle* вместо *ile* — послелог;

26) *tek, -layın/-leyin* наряду с *gibi, bigi*;

27) *kim* вместо *ki*;

28) *-(y)a/-(y)e* — настояще-будущее время;

29) *-(e)rak/-(i)rek* [33] — аффикс уменьшительности, почти вышедший из употребления в последующее время.

В то же время анатолийско-(малоазиатско-)тюркский письменно-литературный язык XIII—XV вв. имеет свои отличительные фонетико-грамматические особенности, неизвестные среднеазиатскому тюркскому языку. К ним относятся, например: будущее причастие на *-acak/-ecek*, используемое в атрибутивной функции; два примера в «Çarhname»: *var-acak yir* (38); *gel-ecek nesne* (58) [34]. Эта форма получила развитие (как финитная форма) в XVI—XVII вв. (см. ниже).

В XIV в. в анатолийско-(малоазиатско)-тюркском языке приобретают широкое распространение формы, встречавшиеся в XIII в. лишь спорадически:

1) *-cuk/-çük, -cuğaz/-cüğez* — уменьшительно-ласкательные аффиксы;

2) *-(y)ası/-(y)esi* — аффикс будущего времени;

3) *daçı/-deçi* — «огузский» аффикс будущего времени;

В словарном запасе литературных памятников XIII—XV вв., написанных в Малой Азии, легко прослеживаются многочисленные пласты слов, общих со среднеазиатскими письменными памятниками [35].

Письменный анатолийско-(малоазиатско-)тюркский язык XIII—XV вв. являл собой причудливое сочетание среднеазиатского тюркского языка с огузо-кыпчакско-карлукскими диалектами Малой Азии. Строго выполняя социальный заказ — донести до сознания простого народа свои идеи, поэты-суфии широко пользовались формами народно-разговорной речи. Жанрово-стилистическая направленность их произведений облекалась из-за отсутствия общего письменно-литературного языка в фор-

му наиболее распространенных анатолийских диалектов, территориально близких к Конии, Сивасу и другим крупным городам восточной части Малой Азии.

Для того чтобы составить определенное мнение о состоянии письменно-литературного языка Малой Азии в XIV—XV вв., необходимо ознакомиться также с языком официально-канцелярского делопроизводства, отчетливое представление о котором дает сборник указов, грамот и других официальных документов XIV—XV вв. «Münşaat-i selâtin», подготовленный государственным секретарем Селима II Феридун-беем (ум. в 1583 г.). «Язык сохранившихся в сборнике Феридун-бея грамот времен первых оттоманских правителей,— писал В. Д. Смирнов,— представляет странную смесь персидской речи с турецкою»[36]. Еще более определенно высказывается о языке этих документов А. Е. Крымский: «...в тех османских грамотах, которые нам сохранены сборником „Мюншаат" Феридун-бея, персидско-арабский налет толстым-претолстым слоем заслоняет турецкую основу. И вот на этом-то смешанном, гибридном языке развилась и художественная литература при османах, когда они из номадов-воинов постепенно с XIV в. превратились в культурных горожан. Этот искусственный язык грамотеев, где на одно турецкое слово приходится два персидских и три арабских, продолжает оставаться литературной османской речью вплоть до настоящего времени, до XX в. Простому народу грамотейский язык плохо понятен»[37].

Этот сложный официально-канцелярский «язык», конечно, не мог быть выработан в течение относительно короткого времени самими турками-османами, а явился непосредственным продолжением традиций сельджукских канцелярий, перенесенных на османскую почву.

Наводнению письменно-литературного языка арабскими и персидскими заимствованиями способствовали также многочисленные переводы с этих языков. Исторические хроники в XIV — начале XV в. писались еще довольно простым языком; но этот вид литературы в силу своей специфичности имел наименьшее распространение и не мог оказать влияния ни на поэтический, ни на официально-канцелярский язык. Устная народная поэзия, бывшая достоянием простого народа; в «большую» литературу не допускалась и влияния на нее не имела.

В XV веке, начавшемся вторжением Тимура в Малую Азию и разгромом турок под Анкарою (1402), положение персоязычной литературы в Османской империи значительно упрочилось. С Тимуром в Малую Азию пришли не только воины, но и поэты, писавшие, конечно, на персидском языке и оказавшие сильное влияние на все дальнейшее развитие османской литературы. Султан Мехмед I Челеби (1042—1421), собиратель турецких зе-

мель после анкарского поражения, покровительствовал персидским поэтам. Усиление и углубление процесса феодализации, обогащение феодальной верхушки общества, резкая социальная дифференциация, особенно проявившаяся во времена Мехмеда II Завоевателя (1451—1481), повлекли за собой усугубление различия между языком масс и языком придворной знати. Литературой считалось только то, что было написано персом и на персидском языке. В этой связи весьма показательна судьба поэта Лаали, который, чтобы попасть на литературные беседы Мехмеда II, вынужден был скрывать свое турецкое происхождение и выдавать себя за перса, а когда обман обнаружился, он был с позором изгнан из дворца. Тогда Лаали написал сатиру, начинающуюся злыми, но правдивыми словами:

Коль хочешь иметь ты почетное место,
То должен арабом быть или же персом [38].

После завоевания Константинополя (1453) в связи с консолидацией османского государства на рубеже XV—XVI вв. начинается медленный и многотрудный процесс сложения турецко-османского письменно-литературного языка раннего периода.

«Золотым веком» османской художественной литературы (в ее поэтической форме — divan edebiyatı) считают XVI—XVII века — период кульминации могущества Османской империи, который совпадает с периодом кульминации отрыва письменно-литературного языка (во всех его жанровых проявлениях) от народно-разговорного языка [39]; этот процесс их раздельного существования продолжался до середины XIX в., т. е. весь донациональный период существования турецкого письменно-литературного языка.

В течение XVI—XVII вв. образовалось три уровня социального расслоения турецкого языка: fasıh Türkçe 'изящный турецкий язык' — язык «классической» литературы (divan edebiyatı), понятный узкому кругу эстетов, близко стоявших к непосредственному султанскому окружению и к высшей сановной — светской и духовной — аристократии; orta Türkçe 'средний турецкий язык' — язык, понятный образованным горожанам и служилой интеллигенции; kaba Türkçe 'грубый турецкий язык' — язык городских низов.

Письменно-литературный язык, обслуживающий носителей «среднего» и отчасти «грубого» уровня турецкого языка, был представлен устными сочинениями жанра «sazşairleri» [40]; на народно-разговорном языке этих двух уровней турецкого языка творили меддахи, актеры теневого театра «kara göz» и исполнители уличных представлений «orta oyunu».

Крестьяне говорили на территориальных диалектах, которые

по фонетике, грамматике и особенно лексике значительно отличались от этих трех уровней турецкого языка.

«Изящный» турецкий язык состоял из арабских и персидских заимствований, скрепленных турецкими вспомогательными глаголами. Причем заимствовалась не только лексика, но и синтаксические конструкции (например, персидский изафет), союзы и т. п. На этой основе в XVI—XVII вв. сложился искусственный арабско-персидско-османский письменно-литературный язык.

Глубокое различие между социальными диалектами проявляется в первую очередь в области лексики. Именно в словарном запасе с наибольшей ясностью, как известно, обнаруживаются классовые, идеологические расхождения. Куртуазный язык султанского окружения новые понятия и слова черпал из арабского и персидского языков.

О народно-разговорном языке горожан и городских низов XVI и последующих веков имеется очень мало сведений (они сохранились отчасти только в записях иностранцев-пленников, путешественников, чиновников и миссионеров: И. Шильтбергер, «Мюльбахский студент», Бартоломей Георгиевич, А. фон Харфф, Ф. Ардженти, П. делла Валле и др.[41]). Однако известно, что в конце XV — начале XVI в. наряду с литературой высокого стиля (divan edebiyatı) и творениями sazşairleri существовала «литература для народа», написанная простым языком, близким к языку «певцов саза»: это были героические поэмы (cenk hikâyeleri), религиозные повести (dinî menkibe, menâkipname), эпические сказы (destanî hikâye) [42], творцами и распространителями которых были дервиши, вынужденные облекать свои идеи в доступную для понимания широких масс форму.

Как протест против все возрастающего разрыва между «классовым жаргоном» султанского двора и народно-разговорным языком простого народа, представленного главным образом «грубым» уровнем турецкого языка, в конце XV — начале XVI в. зарождается движение за «простой турецкий язык» (Türkî-i basit).

В этом движении наиболее видными деятелями были Айдынлы Висали (конец XV в.), Татавлалы Махреми (ум. в 1535 г.) и Эдирнели Назми (ум. в 1554 г.?) [43]. Идеалом Татавлалы Махреми был такой турецкий язык, в котором не только словарный состав был бы турецким, но и все аллегории и сравнения соответствовали бы «вкусам турка и гению турецкого языка».

Эти попытки борьбы за приближение письменно-литературного языка к среднему уровню турецкого языка, как лишенные сколько-нибудь серьезной социально-экономической опоры, были обречены на провал.

Эпоха феодализма, как известно, характеризуется террито-

риальной разобщенностью, замкнутой экономикой и почти полной политической независимостью отдельных частей государственного организма. Эта особенность феодализма проявилась в Малой Азии, в которой долгое время, даже после образования османского государства, существовали мелкие княжества (beylik). Вплоть до конца XVIII в. крупные феодалы-деребеи (например, анатолийские деребеи, Чопаноглу, Кара Османоглу и боснийский феодал Омер Пазвандоглу) лишь номинально были подвластны Стамбулу, столице Османской империи.

При таких политических и экономических условиях говорить о каком-то общенародном турецком языке феодальной эпохи, конечно, не приходится. Арабско-персидско-османским письменно-литературным языком пользовались близко стоящие ко двору поэты, писатели, хроникеры. Язык провинциальной феодальной знати сохранял ярко выраженные местные особенности; анатолийскому феодалу язык придворного поэта (если он даже и не писал по-персидски) был почти так же непонятен, как и простому крестьянину.

По мере укрепления власти османов различие между письменно-литературным и народно-разговорным языком все более и более углублялось.

Стамбульский диалект — диалект столицы Османской империи, носителями которого были не только турки-османы, но и другие инонациональные подданные султана (греки, армяне, левантийцы, славяне, евреи) [44], довольно быстро приобрел в лексике (обилие заимствований из языков названных народов) и в фонетике (нарушение закона гармонии гласных: *hangi, hani, kardeş, elma, anne, akçe* и др.) черты отличные от анатолийских диалектов.

Стамбульский диалект, как диалект политического, экономического и культурного центра Османской империи, постепенно превратился в базисный диалект турецкого литературного и позднее — в XIX в. — турецкого национального языка докемалистского периода.

После перенесения столицы в Анкару (1923) стамбульский диалект постепенно утратил свое значение; его место заняли диалекты Центральной Анатолии.

Постепенно происходит закрепление в письменно-литературном языке новых морфологических форм: на рубеже XIV—XV вв. наряду с формантом настояще-будущего времени *-a/-e* все чаще встречается аффикс *-r*. Появление формы настоящего времени данного момента на *-yorur* датируется XV—XVI вв.[45]; в XVII в. отмечается употребление третьей формы настоящего времени — формы на *-makta/-mekte* [46], получившей, однако, свое особое развитие только в XX в.

В XVI—XVII вв.[47] форма будущего категорического време-

ни на *-(y)acak/-(y)ecek*, первые единичные случаи употребления которой отмечены в XIII—XIV вв., решительно вытесняет из письменно-литературного языка форму *-(y)ası/-(y)esi*, которая, однако, прочно закрепилась в народно-разговорном языке, продолжая в нем существовать и поныне [48]; в это же время выходят из употребления формы будущего на *-ısar/-iser, -daçı/-deçi*, характерные для восточноогузских письменных памятников.

Эти изменения в морфологическом строе турецкого письменно-литературного языка в XVI—XVII вв. свидетельствуют о постепенном его отрыве от традиций письменно-среднеазиатского тюркского языка и о решительном закреплении влияния западноогузского языкового элемента, носителями которого были соплеменники основателя Османского государства.

«Племя кайы, которое явилось ядром будущей империи, явилось, что весьма вероятно, фундаментом, на котором возник османский диалект [Вместе с тем] невозможно отделить это племя от других тюрок, обитавших в это же время на западных границах Анатолии» [49].

В фонетике современного турецкого литературного языка и его диалектах довольно часто наблюдается такое чередование гласных и согласных [50], происхождение большей части которых может быть объяснено только исторически обусловленным смешением различных тюркских диалектов, на основе которых возник фонетический строй современного турецкого литературного языка.

Современное распределение по турецким диалектам формантов настоящего времени данного момента является еще одним доказательством их смешанного происхождения: юго-западная и среднеанатолийская группа диалектов имеет форму *-yor*, восточная, северо-восточная и юго-восточная группа — *-yır/-yur*, румелийская группа — *-yer* [51]. Первая форма этого аффикса свойственна огузским языкам, вторая и третья — кыпчакско-карлукским; первая восходит к глаголам *yor-ur* ~ *yör-ür* 'он ходит', вторая и третья — к глагольному имени (причастию) *-gır/-gur, -gar/-ger*.

В XVI—XVII вв. наиболее ярко обозначилась тенденция писать турецкие слова так, чтобы они графически были похожи на слова арабские, т. е. без обозначения гласных, при слитном начертании аффиксов с основами [52].

Сложившаяся в Малой Азии и Восточной Фракии в конце XV — первой половине XVI в. турецкая этническая общность не имела прочных связей ни в языке, ни в экономике, ни в культуре [53]. Турецкий язык, как все свое, для турецкой феодальной верхушки не имел никакого значения, даже сам этноним «тӱрк» довольно скоро — после образования Османского эмирата — по-

лучил значение 'мужлан', 'невежда' и был закреплен за плебсом, а феодальная знать в интересах укрепления своей власти называла себя «османлы», т. е. 'принадлежащие [к дому] Османову'. В середине XIX в. деятели танзимата под именем «Millet-i Osmaniyye» объединяли всех подданных султана, и тем самым якобы «снимались» все национальные и религиозные проблемы [54].

У турецких крестьян вплоть до недавнего времени не было отчетливо выраженного национального самосознания, для них понятнее и ближе была принадлежность к религиозной — исламской — общине (cemaat-i islâm); в романе недавно умершего турецкого писателя Якуба Кадри Караосманоглу «Чужак» («Yaban») приехавший из Стамбула в анатолийскую деревню в начале 20-х годов текущего столетия интеллигент пытался уверить своего собеседника — крестьянина, что тот — турок и получил такой ответ: «Biz Türk değiliz ki, beyim.— Ya nesiniz? — Biz Islâmız, elhamdûlillah!» [55] ('Мы ведь не турки, сударь.— А кто же вы? — Мы мусульмане, хвала Аллаху!').

Необходимейшими условиями образования национального языка, под которым следует понимать такой письменно-литературный язык (в грамматически нормализованной форме), который сравнительно близок к разговорному языку господствующего класса, достигая иногда полной с ним унификации, являются разложение и ликвидация феодализма и развитие капитализма.

Образование национальных языков связано с возникновением буржуазного общества. Вместе с образованием наций возникает и национальный язык как общий язык нации, преодолевший феодальную раздробленность поместно-территориальных говоров средневековья. Происходит концентрация диалектов в единый национальный язык, обусловленный экономической и политической концентрацией [56].

Названные К. Марксом и Ф. Энгельсом условия, необходимые для образования национального языка, стали возникать в Турции только в 30-х годах XIX в. как результат национально-освободительного движения на Балканах в 1814—1829 гг., как следствие военных реформ и уничтожение янычарского корпуса Махмудом II в 1826 г. Реформы 30-х годов XIX в., выразившиеся в продолжении военных реформ, ликвидации военноленной системы, преобразовании государственной администрации, а также нововведения в области культуры и быта создали необходимые условия для формирования турецкой нации и турецкого национального языка [57].

Танзимат — реформы 40—50-х годов XIX в.— «был принципиально новым, этапным общественно-политическим явлением в истории Турции. С объективно-исторической точки зрения тан-

зимат отвечал возникшим потребностям буржуазного развития Турции и создавал для него более благоприятные условия» [58].

Для правильного понимания процесса сложения нации и образования национального языка чрезвычайно важны следующие положения В. И. Ленина. «Во всем мире,— писал В. И. Ленин,— эпоха окончательной победы капитализма над феодализмом была связана с национальными движениями. Экономическая основа этих движений состоит в том, что для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе (разрядка моя.— А. К.). Язык есть важнейшее средство человеческого общения; единство языка и беспрепятственное развитие есть одно из важнейших условий действительно свободного и широкого, соответствующего современному капитализму, торгового оборота, свободной и широкой группировки населения по всем отдельным классам, наконец — условие тесной связи рынка со всяким и каждым хозяином или хозяйчиком, продавцом и покупателем» [59].

В условиях Турции начала XIX в. «языком», закрепленным в литературе, оказался искусственный арабско-персидско-османский гибрид; народно-разговорный язык не имел своей письменно-литературной формы.

Известный лексикограф и литератор Шемсеттин Сами (1850—1904) в конце XIX в. так — гиперболизованно — охарактеризовал османский язык: «Bu nasıl dildir ki Arap'a söylesen anlamaz, Acem'e söylesen anlamaz, Türk'e söylesen anlamaz» [60]. («Что это за язык: арабу говоришь — не понимает, персу говоришь — не понимает, турку говоришь — не понимает»).

Нарождающейся турецкой буржуазии пришлось начинать с борьбы за приближение письменно-литературного языка к народно-разговорному языку. Первым таким шагом на пути развития турецкого письменно-литературного языка, приближающегося к народно-разговорному языку, явилась реорганизация народного просвещения: с 1839 г. во вновь учреждаемых школах — rüştiye — было введено преподавание турецкого языка. До этого времени турецкий язык в турецкой школе не преподавался. В это же время реорганизуются начальные школы, вновь открываются Учительский семинарий (1848), средние школы (1849, 1858), университет (1863), Медицинская школа (1867), Женский учительский семинарий (1870) [61].

Известный деятель танзимата и литератор Решид-паша (1800—1858), «которого можно считать родоначальником новой литературной школы в Турции» [62], и его преемники на по-

сту великого везира Али-паша (1814—1871) и Фуад-паша (1814—1869) много потрудились, чтобы «выработать легкий, упрощенный литературный язык, доступный пониманию не одних только избранных книжников»[63]; в своей практической государственной деятельности даже официально-канцелярскому стилю они стремились придать более доходчивый характер[64], но радикального влияния на дальнейшее развитие официального языка они оказать не смогли: традиции оказались сильнее[65]. Это были первые попытки упрощения языка, первые шаги по пути к концепции, известной позднее под названием «Dilde Türkçülük», входящей составной частью в общую программу турецкого национализма (Türkçülük). Под этим последним термином имелась в виду целая программа, движение за чисто турецкие установления, за противопоставление турецкого османскому, за стремление объединить под турецкой эгидой все тюркское. Борьба за создание турецкого официального и литературного языка, свободного от арабских и персидских лексических и синтаксических заимствований, явилась в этой концепции одной из ее составных частей. Türkçülük — это идеология пантуркизма.

Все турецкое — прежде синоним невежества, деревенщины — теперь в насущных целях нарождающейся буржуазии, в ее борьбе с инонациональной буржуазией превращается в знамя, вокруг которого объединялась молодая турецкая буржуазия.

В условиях начинающегося буржуазного развития, в эпоху складывающихся капиталистических отношений, родная старина, язык, бывшие при феодализме в загоне и пренебрежении, теперь ставятся в центр внимания.

В период победы капитализма над феодализмом, в процессе превращения народности в нацию язык народности поднимается на ступень языка национального, а буржуазия только приспосабливает его к своим интересам; одной из опор буржуазии в борьбе с уходящим феодализмом является национальный язык. Процесс превращения языка народности в язык нации есть длительный процесс постепенного развития, обогащения и совершенствования языка, длительный процесс отмирания элементов старого качества и накопления элементов нового качества.

Совершенно естественно, что в этих условиях народно-разговорный язык привлекает пристальное внимание, и взоры устремляются в первую очередь к народному творчеству — песням, пословицам и поговоркам. Во главе этого движения за изучение народно-разговорного языка с задачей использования его в своих целях становятся, что совершенно естественно, представители буржуазной интеллигенции — писатели, журналисты, филологи, литературоведы.

Писать литературные произведения языком, близким к разговорному, пытался еще Акиф-паша (1789—1848), не оказавший, однако, почти никакого влияния на дальнейшее развитие языка[66], так как в ту пору в Турции не было необходимых для этого условий.

В середине XIX в. создается турецкая буржуазная литературная школа: Шинаси, Зия, Намык Кемаль, объявившие борьбу старым литературным направлениям, старому письменно-литературному языку; их идеалом был «чистый турецкий язык» (safi türkçe), под которым должен был пониматься турецкий национальный литературный язык.

Во главе этого движения стоял «отец новой османской литературы» Ибрахим Шинаси (ум. в 1871 г.), идеалом которого был такой турецкий письменно-литературный язык, который бы «легко понимался всеми». С этой целью он неустанно изучает народно-разговорный язык, собирает пословицы и поговорки, составляет словарь. Шинаси в борьбе за «чистый турецкий язык» широко использовал первую частную турецкую газету — «Tercüman-i ahval» (1860—1866), в которой он сотрудничал в течение первого года ее существования. В 1861 г. он основал собственную газету «Tasvir-i efkâr», в числе сотрудников которой был Намык Кемаль.

Наиболее интересной фигурой среди общественных деятелей и литераторов второй половины XIX в. был Намык Кемаль (1840—1888), много сделавший для развития турецкой литературы, языка и пробуждения мысли в современной ему Турции.

Намык Кемаль боролся против искусственности турецкого письменно-литературного языка, указывая на непонятность его широким слоям населения, на непригодность арабского алфавита для турецкого языка, на нелепость слепого подражания арабским и персидским образцам в литературе при наличии богатейшей сокровищницы турецкого народного творчества. Намык Кемаль, продолжавший сам писать на традиционном османско-персидско-арабском языке, понимая необходимость приближения письменно-литературного языка к его народно-разговорной модификации, наметил конкретные пути создания «чистого турецкого языка» и турецкой по своим формам литературы: «Во-первых, совершенное кодифицирование и разъяснение грамматики турецкого языка; во-вторых, установление границ семантики слов в пределах общепринятого употребления[67]; в-третьих, упорядочение орфографии; в-четвертых, изменение и обновление словосочетаний и манеры изложения мыслей в соответствии с природой языка; в-пятых, освобождение языка от искусственных оборотов, наносящих вред естественной простоте выражения»[68].

Среди общественных деятелей этого периода весьма значи-

тельную роль в борьбе за «чистый турецкий язык» играл Зия-паша (1825—1880), резко высказывавшийся в своих статьях против подражания иноязычным литературным образцам и призывавший писателей и поэтов широко использовать в своих произведениях образцы турецкого народного творчества. Сам он в своих многочисленных литературных произведениях пользовался сравнительно простым языком.

Мнение Намыка Кемаля о необходимости бороться за упрощение турецкого языка разделяли известные общественные деятели и литераторы того времени — Али Суави, Ахмед Мидхат-паша, Шемсеттин Сами, Муаллим Наджи, Реджаизаде Экрем и др.; ряд газет пропагандировал эти же идеи[69].

Большинство названных выше литераторов решительно высказывались и за необходимость упорядочения правописания. С докладом на эту тему в Османском научном обществе (1862) выступил председатель общества Мюниф-паша; особое развитие идея необходимости совершенствования алфавита получила в докладе известного азербайджанского ученого и литератора Мирзы Фатхали Ахундова (1812—1878), который он прочитал на заседании названного общества[70]. Реализовать идею замены арабского алфавита латиницей удалось только в 1928 г.

Середина прошлого столетия знаменует собой начало истории современного турецкого языкознания в Турции. В 1851 г. в Стамбуле вышла в литографированном издании первая грамматика турецкого языка — «Kavaid-i Osmaniye» (Правила османского языка»); авторы ее Кечиджизаде Мехмед Фуад-эфенди (1815—1868) и Ахмед Джевдет-эфенди (1822—1895) при изложении грамматики турецкого языка неукоснительно следовали канонам арабской схоластической грамматики. По их определению, османский язык является «конгломератом, состоящим из трех языков — арабского, персидского и турецкого» (с. 3).

Во второй половине XIX в. в Турции появляется ряд крупных филологов: Ахмед Вефик-паша (1819—1890) — автор объемистого словаря «Lehçe-i Osmanî», сборника пословиц и поговорок и перевода на турецкий известного труда Абу-л-Гази «Родословная тюрок»; Сулейман-паша — военный и литератор, переводчик и автор турецкой грамматики «Sarf-i Türkî», списка «чисто» турецких мужских и женских имен «Esma-i Türkiye», всемирной истории «Tarih-i âlem», пособия по теории литературы и антологии «Mebani ül-inşa» и др.; Шемсеттин Сами — составитель словарей, литератор, автор ряда статей по языку, переводчик[71].

Последнее десятилетие XIX в. как следствие усиления тирании Абдул-Хамида характеризуется почти полным замиранием интеллектуальной жизни в Турции. Значительная часть писа-

телей, стремясь уйти от жизни, пытается найти забвение в «искусстве ради искусства»; не находя ничего радостного во внутренней жизни Турции, они устремляют свои взоры на Запад; они объединились вокруг журнала «Servet-i fünun» («Богатство знаний», осн. в 1891 г.), используя для пропаганды своих идей (западничество) старый язык, который они перегружали арабскими и персидскими заимствованиями. «Большинству произведений этих писателей присущи перегруженность синтаксиса, растянутые, статические описания и сравнения, отягощение стиля подчас весьма трудными для понимания метафорами и образами. Эти новые по содержанию образы, сравнения, новые понятия (в области социальной, научно-философской, литературной и т. д.) черпались из старого источника — арабского и персидского языков» [72].

«Серветифюнуновцы» считали, что простой язык нужен для простого народа, они же обращают свои произведения к ограниченному, но просвещенному слою населения. Их деятельность тормозила развитие «чистого турецкого языка», более того, «литературный язык снова ... глубокой пропастью был отделен от разговорного языка» [73].

«Серветифюнуновцам» противостояла немногочисленная группа активных пантуркистов: Велед Челеби, Неджиб Асым, Бурсалы Мехмед Тахир, Эмруллах и другие, продолжавшие традиции Шинаси — Кемаля.

В конце XIX в. как результат общего состояния общественной жизни в движении за «чистый турецкий язык» берут верх крайние пуристы, группировавшиеся вокруг печатного органа пантуркистов газеты «Ikdam» (осн. в 1893 г.), выдвинувшие лозунг «полного очищения турецкого языка от иноязычных заимствований». Кредо этого крайнего течения выражено в стихотворении Кемальпашазаде Саида:

Arabca istiyen urbana gitsin
Acemce istiyen Irana gitsin
Frengiler Frengistana gitsin
Ķi biz Türküz bize türkî gerek [74]

Тот, кто желает арабский язык, пусть идет к арабам,
Тот, кто желает персидский язык, пусть идет в Иран,
[Поклонники] франков пусть идут во Франкские земли,
Мы турки, нам нужен турецкий язык.

Позднее во главе этого движения, известного под названием «Tasfiyecilik» [75], стоял Раиф Мехмед Фуад, который считал, что все без исключения арабские и персидские заимствования должны быть заменены на соответствующие турецкие [76], а в случае надобности можно заимствовать слова из других языков тюркской системы, не останавливаясь даже перед искусствен-

ным словотворчеством[77]. «Вместо живого языка они создавали,— по выражению Зии Гёк Алпа,— турецкий эсперанто»[78].

В конце прошлого столетия в турецкую литературу вступают два лица, значение которых для создания «чистого турецкого языка» весьма значительно: прозаик Ахмед Хикмет (1870—1926) и поэт Мехмед Эмин (Юрдакул) (1869—1944).

В литературных произведениях Ахмеда Мидхада, Муаллима Наджи, Самипашизаде Сезаи, Ахмеда Хикмета, Мехмеда Эмина, в ученых трудах Ахмеда Вефика, Сюлеймана-паши, Шемсеттина Сами, в журналистике Али Суави, Кемальпашазаде Саида и многих других деятелей литературы и науки общенародный турецкий язык начинает закрепляться в литературе. Этот язык, как и следовало ожидать, был далек от идеала (safi türkçe) Ибрахима Шинаси. Но как сама литература (по своей направленности, по стилю, по сюжетам, по техническим приемам), так и язык этой литературы были в корне отличны от литературы и языка предшествующего периода и от языка «серветифюнуновцев».

Особенно остро встала проблема закрепления общенародного турецкого языка в литературе в период младотурецкой революции 1908 г. Стамбульская читающая публика предъявляет журналистам и писателям требование: «Пишите проще! Мы не в состоянии понять того, что вы пишете»[79].

24 декабря 1908 г. по инициативе Неджиба Асыма и Веледа Челеби создается Научное общество «Türk derneği» («Турецкое собрание»), поставившее себе задачей изучение истории, археологии, этнографии, литературы, языков тюркских народов. Вся эта обширная программа осталась благим пожеланием: тогдашняя Турция не располагала ни достаточными кадрами ученых, ни соответствующими условиями[80].

В литературе этого времени еще живы традиции «Servet-i fünun», но значение этого литературного объединения и его членов, никогда не имевших массовой аудитории, постепенно идет на убыль. Лишь некоторая эстетствующая часть молодых писателей еще придерживается идей «серветифюнуновцев», продолжает мечтать о «чистом» искусстве. Эти идеи продолжают жить в новом литературном обществе — «Fecr-i ati» («Грядущая заря»), возникшем после младотурецкой революции. По форме, духу, языку, стилю, идеологии это быстро распавшееся общество пыталось продолжать программу «Servet-i fünun».

Организатором и идеологом нового направления в литературе и языке во времена младотурецкой революции стал Зия Гёк Алп (1876—1924), идеолог пантуркизма, видный литератор, член Центрального комитета партии «Единение и прогресс».

Вместо «Fecr-i ati», этого далекого от жизни общества, не

отражавшего идеалов и устремлений турецкой буржуазии, в Салониках, где в то время находились руководящие органы партии «Единение и прогресс» и где поэтому жил и Зия Гёк Алп, создается литературная группа, издававшая с 1910 г. свой журнал «Genç kalemler» («Молодые перья»). В основе воззрений этой группы лежали идеи младотурок; в литературе, в языке, в истории они продолжали пантуркистскую линию. Эта группа, объединившая, пожалуй, лучшие литературные силы того времени — Али Джаниба, Омера Сейфеттина, Зии Гёк Алпа, Ака Гюндюза, Орхана Сейфи, Юсуфа Зии, Казима Нами, Эниса Бехича, Рефика Халида и других,— свою основную задачу видела в создании «нового языка» (yeni lisan) [81], в силу чего они вошли в историю литературы под названием «Yeni lisancılar», т. е. борцов за новый язык.

Их языковая программа была проста, они продолжали с новых позиций, в новых условиях линию Шинаси, выраженную в лозунге «За чистый турецкий язык». Для успешной деятельности этой группы почва была подготовлена Ахмедом Хикметом, Мехмедом Эмином и другими, а из их собственной среды вышли настоящие мастера, давшие образцы довольно простого и изящного турецкого языка; это прежде всего Омер Сейфеттин и Рефик Халид в прозе, Али Джаниб и Мехмед Али Тевфик в поэзии. Только теперь после длинного и тяжелого пути — от Решид-паши до Омера Сейфеттина — начинают отчетливо вырисовываться контуры национального турецкого литературного языка, подготовленного всем предшествующим историческим развитием Турции.

Однако среди турецких литераторов того времени не было и не могло быть единодушия во взглядах на судьбы и дальнейшее развитие турецкого письменно-литературного языка [82].

Последующий период в истории Турции (1912—1923) по известным причинам не благоприятствовал тому, чтобы «контуры» приобрели вид законченного здания.

Совершенно естественно, что национальный турецкий литературный язык в его письменной форме складывался на основе диалекта главного в те времена политического, экономического и культурного центра государства — Стамбула. По свидетельству такого крупного знатока вопроса, каким был Зия Гёк Алп, еще в 1921 г., когда он издал свое программное сочинение «Türkçülüğün esasları», в Стамбуле существовали две формы турецкого языка: 1) İstanbul lehçesi (стамбульский диалект), на котором говорят, но не пишут; 2) Osmanlı lisanı (османский язык), на котором пишут, но не говорят [83]. В связи с этим автор задает вопрос: «Какой же из этих языков будет нашим национальным языком» (millî lisanımız)? Принять в качестве такового Osmanlı lisanı, по мнению Зия Гёк Алпа, нельзя, так

как «язык, на котором пишут в Стамбуле, не является естественным языком, [это] искусственный язык, вроде эсперанто» («İstanbul'da yazılan lisan tabi bir dil değil, esperanto gibi sun'i bir dildir»[84]). Чтобы «создать» национальный язык, автор рекомендует писать так, как говорят в Стамбуле, взяв за основу произношение образованных стамбульских женщин («...bilhassa İstanbul hanımlarının konuştukları gibi yazmak»[85]).

В стихотворении «Язык» («Lisan»), датированном 2 апреля 1916 г., Зия Гёк Алп писал:

Güzel dil Türkçe bize,
Başka dil gece bize,
İstanbul konuşması
En saf, en ince bize[86]

Прекраснейший язык для нас язык турецкий,
[Любой] другой язык для нас [темен, как] ночь;
Стамбульский говор
Самый чистый, самый изящный для нас.

Далее, в этом же стихотворении дана программа практических действий, необходимых для разработки нового письменно-литературного языка:

Lisanda sayılır öz
Herkesin bildiği söz;
Ma'nası anlaşılan
Lûgate atmadan göz[87]

Главным в языке считается
Слово, понятное всем, [слово],
Значение которого понятно
Без обращения к словарю.

И далее:

Uydurma söz yapmayız
Yapma yola sapmayız[88]

Мы не будем создавать надуманных слов,
Мы не свернем на путь искусственного
[словотворчества].

Основываясь на высказанных выше программных установках, Зия Гёк Алп, идеолог кемалистского движения, выдвигает в названной выше книге одиннадцать принципов турецкого национализма (Lisanî Türkçülüğün umdeleri) в области языка, которые, по его мнению, должны быть положены в основу создания турецкого национального литературного языка.

1. Для того чтобы создать национальный язык, нужно отбросить османский язык (Osmanlı lisanı), словно его никогда и не было, и, приняв, как он есть, турецкий язык (Türk dili), являющийся основой народной литературы, писать так, как го-

ворят стамбульцы, в особенности как говорят образованные стамбульские женщины.

2. Отбросить арабские и персидские слова, у которых в народном языке есть турецкие синонимы, и сохранить в языке те из них, которые имеют различие хотя бы тончайших оттенков.

3. Преобразованные (в турецком языке) формы арабских и персидских слов, вошедших в народный язык и считающихся ошибочными (с точки зрения их арабского или персидского употребления), признать турецким и в орфографии этих слов придерживаться их нового произношения.

4. Не прибегать к «оживлению» старых, неупотребительных уже турецких слов, так как их место должны занять новые слова.

5. При поисках новых терминов следует обращаться к народному языку; в случае невозможности подыскать термин в народном языке можно создавать новые слова, используя турецкие словообразовательные аффиксы; при отсутствии такой возможности разрешается заимствовать арабские и персидские слова, но не словосочетания; в отдельных случаях разрешается заимствовать специальные слова и технические термины из иностранных (т. е. западноевропейских) языков.

6. Отменяя привилегии арабского и персидского языков, коими они располагают в турецком языке, не допускать в турецкий язык ни форм, ни аффиксов, ни синтаксических конструкций, заимствованных из этих языков.

7. Все слова, которые известны туркам и употребляются турками, являются турецкими...

8. Так как основой нового турецкого языка признается фонетика, морфология и лексика стамбульского диалекта, из других диалектов не могут заимствоваться ни лексика, ни грамматические формы...

9. По мере того как будут писаться труды по истории тюркской культуры, наименование старых тюркских учреждений и старые тюркские слова должны входить в турецкий язык. Но так как это термины, то не следует вводить их в жизнь и оживлять «окаменевшие» слова.

10. Слова являются не описанием выражаемых ими значений, но их знаками. Значение слова нельзя понять, зная только его морфологическое строение.

11. Опираясь на эти принципы, следует создать словарь и грамматику нового турецкого языка.

Дальнейшее развитие языковой политики кемалистов в силу ряда обстоятельств (острая идеологическая борьба), и в том числе в связи с перенесением столицы в Анкару (ориентация на анатолийские диалекты), пошло более сложным путем, чем предполагал Зия Гёк Алп.

После победы кемалистской революции (1919—1923) в целях политической борьбы особое внимание обращено на развитие собственной национальной культуры, и в первую очередь на развитие языка как на важнейшее средство воздействия на широкие народные массы, как на средство воспитания народа в духе буржуазно-националистической идеологии. С этой целью кемалисты проводят ряд мероприятий большого политического значения, инициатором, руководителем и пропагандистом которых был Кемаль Ататюрк.

Крупнейшим из этих мероприятий, проведенных в Турции, под непосредственным влиянием опыта тюркоязычных республик СССР, является замена в 1928 г. арабского алфавита латиницей [89].

Наряду с введением латиницы провозглашается борьба за демократизацию языка, т. е. за приближение его к народно-разговорному языку. В связи с перенесением политического центра страны в сердце Анатолии, в Анкару, стамбульское, несколько манерное произношение начинает вытесняться «демократическим», анкарским произношением, которое постоянно вырабатывалось на базе ближайших к Анкаре анатолийских диалектов.

Грамматические формы, которые еще недавно считались вульгарными, под влиянием народно-разговорного языка вводятся в письменно-литературный язык (ср., например, формы типа: *başlayor* ~ *başlıyor*). Проводники новой идеологии вопреки мнению Зия Гёк Алпа заявляют: «...и Стамбулу есть чему поучиться» (у Анатолии).

Следующим этапом языкового строительства в Турции является создание в 1932 г. Турецкого лингвистического общества («Türk dil kurumu», носившего до 1936 г. название «Türk dili tetkik cemiyeti» [90]).

Дальнейшее развитие языка в связи с общей политикой правящих кругов пошло по узконационалистическому пути. Выражением националистических устремлений кемалистов явилась такая языковая политика, которая повлекла за собой проявление крайнего пуризма, выразившегося в стремлении очистить турецкий литературный язык от всех арабских и персидских заимствований. История, как известно, повторяется, каждый раз, однако, в новом качестве. Когда пурификация, принявшая характер поголовного изгнания арабских и персидских заимствований из турецкого языка, зашла в тупик (1936 г.), для спасения идеи была призвана импортированная из Западной Европы «Güneş-Dil teorisi» (Солнечная лингвистическая теория), на основании которой все заимствования объявлялись тюркскими по своему происхождению [91].

После смерти Кемаля Ататюрка (10 ноября 1938 г.), вдохно-

вителя и непосредственного руководителя всей работы в области лингвистической и исторической науки в Турции, очищение турецкого языка становится более умеренным.

Новая лексика, разрабатываемая и вводимая в повседневную языковую практику (через школы, печать, радио, телевидение) усилиями членов «Турецкого лингвистического общества», хотя и встречает решительное возражение некоторой части турецкой интеллигенции, тем не менее основательно закрепляется в письменно-литературном языке.

Изменения в структуре современного национального турецкого литературного языка коснулись не только лексики, которая заметно пополнилась неологизмами, частью за счет диалектной лексики, частью за счет создания искусственным путем новых слов, частью за счет «оживления» старых слов, нередко заимствуемых из памятников тюркской письменности. Инвентарь морфологических средств словообразования современного турецкого литературного языка пополнился старыми, давно уже непродуктивными аффиксами, получившими «вторую жизнь»; к ним, например, относятся: *-l, -s-l*[92]; *-gil*; *-man/-men, -t*; *-nt-, -v, -y, -ç* и др.[93].

В турецком литературном языке последних трех десятилетий под воздействием народно-разговорного языка наблюдается тенденция к замене аналитических форм глагола, образуемых с помощью *etmek, olmak*, формами синтетическими, образуемыми с помощью аффиксов *-la/-le, -lan/-len, -laş/-leş*[94].

Одним из ярких примеров проникновения диалектальных форм в литературный язык является субстантивное употребление причастия на *-(y)an/-(y)en: on yıl bitende* (A. Nesin) 'Когда прошло десять лет...'; *Kapıların/bağlı kollarını açana kadar* (N. Hikmet) '[До тех пор] пока не откроются [настежь] связанные руки [створки] дверей'[95]; *Bu sözü söyleyene dek...* (A. Nesin) 'До того как он произнес эти слова...'; *Gece bitti ... Tan yelleri esende...* (C. A. Kansu) 'Ночь кончилась... Когда подул ветер раннего утра...'.

В синтаксисе современного турецкого литературного языка влияние народно-разговорного языка наиболее ярко проявляется в широком распространении (за последние примерно 40 лет) «Devrik cümle» (инверсированных предложений)[96], а также в разрушении конструкции изафета: *Sinasi sokak, Anadolu sigorta, Pamukbank* (ср. *Ziraat Bankası*), *toplumbilim, dilbilim, anlambilim* и др.[97].

На основании изложенного выше можно предложить следующую периодизацию основных этапов формирования турецкого письменно-литературного языка.

В процессе сложения, формирования и развития турецкого языка отчетливо выделяются два базисных периода:

I. Предыстория турецкого языка;

II. История турецкого языка[98].

I. Предыстория турецкого письменно-литературного языка хронологически четко определяется и документируется литературными памятниками, созданными в Малой Азии в течение XIII—XV вв., а потому письменный язык этого периода следует именовать, как сказано выше, анатолийско-(малоазиатско-) тюркским языком.

Анатолийско-(малоазиатско-)тюркский язык (XIII—XV вв.) — предшественник и основа турецкого языка — развивался в традициях среднеазиатско-тюркского письменно-литературного языка в сочетании с народно-разговорным языком тюрок Малой Азии.

II. История турецкого письменно-литературного языка прошла следующие этапы развития.

1. Раннетурецкий язык (конец XV—XVI в.), или раннеосманский период развития турецкого письменно-литературного языка, характеризуется усложнением анатолийско-тюркского языка, выразившимся в усложнении синтаксиса, постепенными изменениями в области морфологии и возросшим использованием арабской и персидской лексики.

2. Среднетурецкий язык (XVII — начало XIX в.), или среднеосманский период развития турецкого письменно-литературного языка, характеризуется крайним усложнением (в особенности в области синтаксиса и лексики, дальнейшее развитие морфологии) письменно-литературного языка, его полным отрывом от народно-разговорного языка и даже устно-литературного языка и превращением его в своеобразный «классовый жаргон».

3. Новотурецкий язык (середина XIX — начало XX в.), или новоосманский период развития турецкого письменно-литературного языка, характеризуется борьбой нарождающейся турецкой буржуазии за создание турецкого национального языка.

4. Новейший турецкий язык (с 30-х годов XX в.) — новейший период развития турецкого письменно-литературного языка характеризуется организованной в государственном масштабе борьбой за очищение и упрощение турецкого литературного языка, за приближение его к народно-разговорному языку. Этот период развития турецкого литературного языка наполнен рядом противоречивых устремлений, однако все они или почти все сходятся на том, что литературный язык должен быть по возможности близким к народно-разговорному языку[99].

СОКРАЩЕНИЯ

Адд — Автореферат докторской диссертации.
ВДШ МИД СССР — Высшая дипломатическая школа Министерства иностранных дел СССР.
ЗВОРАО — «Записки Восточного отделения Русского археологического общества». СПб.—Пг.
КС ИНА — «Краткие сообщения Института народов Азии». Москва.
KSz — «Keleti Szemle (Revue orientale)». Budapest.
PhTF — «Philologiae Turcicae Fundamenta». 1. Wiesbaden, 1959; 2. Wiesbaden, 1964.
TDAYB — Türk Dili Araştırmaları Yıllığı. Belleten. Ankara.
TDED — «Türk Dili ve Edebiyatı Dergisi. İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi». İstanbul.
UAJ — Ural-Altaische Jahrbücher». Wiesbaden.
TM — «Türkiyat Mecmuasi». İstanbul.

[1] О его подлинном имени см.: J. Deny (PhTF. 1, с. 182—185); N. A. Erzi. Osmanlı devletinin kurucusunun ismi meselesi.— TM, 7—8, с. 323—326.

[2] В. А. Гордлевский. Государство сельджукидов Малой Азии. — Избранные сочинения. Т. 1. М., 1960, с. 48; M. F. Köprülü. Les origines de l'empire ottoman. P., 1935, с. 50; Z. Korkmaz. Anadolu ağızlarının etnik yapı ile ilişki sorunu.— TDAYB. 1970, с. 21—32; немецкий перевод этой статьи см. там же, с. 33—46.

[3] Подробнее см.: Д. Е. Еремеев. Этногенез турок (происхождение и основные этапы этнической истории). М., 1971, с. 53—73; Р. А. Гусейнов. Тюркские этнические группы XI—XII вв. в Закавказье.— «Тюркологический сборник. 1972». М., 1973, с. 375—381.

[4] M. F. Köprülü. Les origines de l'empire ottoman, с. 50.

[5] Там же, с. 53.

[6] H. Vámbéry, Altosmanische Sprachstudien. Leiden, 1901, с. 30; В. Г. Гузев. Краткий обзор исследований по языку тюрков Малой Азии XIII—XVI вв.— «Тюркологический сборник. 1972». М., 1973, с. 73.

[7] M. Mansuroğlu. Anadolu'da Türk yazı dilinin başlaması ve gelişmesi.— TDED. 1951, 4, № 3, с. 215—229.

[8] В. В. Виноградов. Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития. М., 1967, с. 44.

[9] Encyclopédie de l'Islām. T. 4, с. 989; В. А. Гордлевский. Государство сельджукидов Малой Азии, с. 65.

[10] Е. Э. Бертельс. Низами. Серия «Жизнь замечательных людей». М., 1948, с. 142.

[11] В. С. Гарбузова. Сказание о Мелике Данышменде. Историко-филологическое исследование. М., 1959; В. Г. Гузев. Фонетика староанатолийского тюркского языка (по материалам Ленинградского списка «Сказания о Мелике Данышменде»). Автореф. канд. дисс. Л., 1966; Irène Mélikoff. La geste de Melik Dāniṣmend. Étude critique du Dāniṣmendnāme. T. 1. Introduction et tradiction. P., 1960; T. 2. Edition critique avec glossaire et index. P., 1960.

[12] О «неотразимом влиянии персидской суфийской поэзии Джеляледдина на турецкую» см.: А. Е. Крымский. История Турции и ее литературы. Т. 1. М., 1916, с. 258 и сл.

[13] См.: Н. Н. Мартинович. Новый сборник стихов Джеляледдина Руми и Султан-Веледа.— ЗВОРАО. Т. 24. Вып. 1—4. Пг., 1917, с. 205—232 (тюркские стихи Джеляледдина см. с. 210—217; тюркские стихи Султана Веледа см. с. 217—221); A. Gökpınarlı. Mevlâna Celâleddin hayatı, felsefesi, eserleri, eserlerinden seçmeler. İstanbul. 6, 1951; M. S. Yaltkaya. Mevlâna'daki

Türkçe kelimeler ve Türkçe şiirler.— TM. 4, 1938, c. 111—168; M. Serefeddin. Mevlâna'da Türkçe kelimeler ve Türkçe şiirler. İstanbul, 1934; см. также работы М. Мансуроглу (M. Mansuroğlu): Calâladdin Rūmi's türkische Verse.— UAY. 24, № 3—4, 1952, c. 106—115; Mevlâna Celâleddin Rūmi'de Türkçe beyit ve ibareler.— TDAYB. 1954, c. 207—220. См. также: «Oriens». Vol. 13—14. 1961, c. 342 и сл.

[14] M. Mansuroğlu. Anadolu'da Türk yazı dilinin başlamasi ve gelişmesi, c. 216.

[15] W. Radloff. Über alttürkische Dialekte. 1. Die seldschukische Verse im Rebâb-nâmeh.— «Mélanges Asiatiques». T. 10. Livraison 1. СПб., 1890, c. 73, бейт 91; см. также: M. Mansuroğlu. Sultan Veled'in Türkçe manzumeleri. İstanbul, 1958, бейт 97; Anadolu'da Türk yazı dilinin başlaması ve gelişmesi, c. 216, PhTF, 2, c. 459—460.

[16] W. Radloff. Über alttürkische Dialekte; C. Salemann. Noch einmal die seldschukischen Verse.— «Mélanges Asiatiques». T. 10. Livraison 2. СПб., 1894. Библиографию «сельджукских стихов» см.: А. Е. Крымский. История Турции, c. 262; S. Rymkiewicz. Gazele Sultana Veleda.— «Pzegląd Orientalistyczny». Warszawa, 1962, № 1, c. 3—17; работы М. Мансуроглу, упомянутые в прим. 15.

[17] M. Mansuroğlu. Das Altosmanische.— PhTF. 1, c. 161; M. Ergin. Türk dil bilgisi. İstanbul, 1962, c. 15; A. Dilâçar. Türk diline genel bir bakıc. Ankara, 1964, c. 137; Z. Korkmaz. Selçuklular çağı Türkçenin genel yapısı.— TDAYB. 1972, c. 17; A. Karamanlıoğlu. Türk dili nereden geliyor, nereye gidiyor. İstanbul, 1972, c. 82.

[18] См. работы Ф. К. Тимурташа (F. K. Timurtaş): Şeyhî be çağdaşlarının eserleri üzerinde gramer araştırmaları. 1. Sesbilgisi.— TDAYB. 1960, c. 96; 2. Şekilbilgisi.— TDAYB. 1961, c. 53—136; Küçük Eski Anadolu Türkçesi grameri — TM. 1973—1975. İstanbul, 1976, c. 331—368.

[19] Y. Németh. Osmanlı Türk dili tarihi araştırmalarının yeni yolları.— «VIII. Türk dil kurultayında okunan bilimsel bildiriler. 1957». Ankara, 1960, c. 1—14.

[20] Mansuroğlu. Ahmed Fakih. İstanbul, 1956; Z. Korkmaz. Selçuklular çağı Türkçenin genel yapısı, c. 59.

[21] См. работы М. Мансуроглу: Anadolu metinleri. XIII. asır. 1. Şeyyad Hamza. II. Dehhanî. III. İbtidaname.— TM. 7—8, c. 95—104. Anadolu Türkçesi. XIII. asır Şeyyad Hamza'ya ait üç manzume.— TDED. 1946, 1, № 3, c. 180—195; Anadolu'da Türk ve edebiaytının ilk mahsulleri.— Там же. T. 1, № 1, c. 9—17; Anadolu Türkçesi. XIII. asır Dehhanî ve manzumeleri. İstanbul, 1947; Anadolu Türkçesi. XIII. yüzyıl. Şeyyad Hamza'nın Doğu Türkçesi ile karışık bir manzumesi.— «Türk Dili». Seri 3, № 8—9. Ankara, 1947, c. 16—29; Anadolu'da Türk yazı dilinin başlaması ve gelişmesi.— TDED. 1951, IV, № 3, c. 216—229; Drei Gedichte Şayyad Hamza.— UAJ. Bd 26. 1954, c. 78—89. См. также: Z. Korkmaz. Sadru'd-din Şeyhoğlu. Marzubān-nāme tercümesi. Ankara, 1973, c. 57—66 (превосходная библиография). [Далее Z. Korkmaz].

[22] К. Броккельман, как известно, считал это сочинение старейшим предшественником османской литературы; А. Н. Самойлович называл его первым сочинением среднеазиатской туркменской литературы; А. Джефероглу определял это сочинение как западнотуркестанское ответвление общего среднеазиатско-тюркского литературного языка; Э. Н. Наджип представляет это сочинение как произведение хорезмско-огузского языка.

[23] Z. Korkmaz, c. 11—66. Z. Kleinmichel. Das Marzubanname.— «Altaistica». Jg. 18. H. 3. Berlin, 1969, c. 519—534; J. Németh. Zur Kenntnis der Mischsprachen (Das doppelte Sprachsystem des Osmanischen).— «Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricue», III. Budapest, 1953, c. 159—199; G. Doerfer. Das Vorosmanische (Die Entwicklung der oghusischen Sprachen von den Orchoninschriften biz zu Sultan Veled).— TDAYB. 1975—1976, c. 81—131.

[24] Z. Korkmaz, c. 17; Şinasi Tekin. 1343 tarihli bir eski Anadolu Türkçesi metni ve Türk dili tarihinde olga-bolga sorunu.— TDAYB. 1973—1974, c. 59—157.

[25] Р. М. Моллов. Юнус Эмре.— КСИНА. 60. 1962, с. 3—11; A. Gökpınarlı. Yunus Emre (Hayatı, sanatı, şiirleri). Beşinci basılış. İstanbul, 1963; он же. Yunus Emre. Risalat al-Nushiyya ve Divan. İstanbul, 1965; Z. Korkmaz. Yunus Emre ve Anadolu Türkçenin kuruluşundaki yeri.— «Türkoloji Dergisi». Ankara, 1973, 5, № 1, c. 13—19; Z. Korkmaz, c. 62—63; J. Ciopiński. Le traité de Bons conseils de Junus Emre. 1. Traduction et remarques.— «Folia Orientalia». T. 27. 1976, c. 117—140; M. T. Acaroğlu. Junus Emre için bir bibliografya denemesi.— «Kitap». Belleten № 4(28). Ekim. 1963, c. 8—10.

[26] В. С. Гарбузова. Поэты средневековой Турции. Л., 1963, с. 54—59.

[27] A. S. Levend. Türk dilinde gelişme ve sadeleşme evreleri. Üçüncü baskı. Ankara, 1972 [Далее A. S. Levend].

[28] Ср. у В. Д. Смирнова: açmazdı. См.: В. Д. Смирнов. Образцовые произведения османской литературы в извлечениях и отрывках. СПб., 1903, с. 431.

[29] M. Mansuroğlu. Anadolu'da Türk yazı dilinin başlaması ve gelişmesi, c. 216.

[30] Подробнее см.: W. Björkman. Die altosmanische Literatur.— PhTF. 2, c. 415—426.

[31] Мухаррем Эргин, посвятивший языку Бурханеддина специальную статью, подтверждает давно известное положение об азербайджанском по своим основным признакам языке произведений этого поэта (Muharrem Ergin. Kadı Burhaneddin divanı üzerinde bir gramer denemesi.— TDED. 1951, 4. № 3, c. 287).

[32] A. Dilâçar. Türk lehçelerinin meydana gelişinde genel temayüllerin koyulması ve körlenmesi.— TDAYB. 1957, c. 84—85.

[33] A. S. Levend, c. 47—51; M. Mansuroğlu. Das Altosmanische, c. 163—179; Z. Korkmaz, c. 19, 24—32.

[34] См.: M. Mansuroğlu. Anadolu'da Türk yazı dilinin başlaması ve gelişmesi, c. 220—229.

[35] Там же; G. Doerfer. Das Vorosmanische — TDAYB. 1975—1976, c. 110—131.

[36] В. Д. Смирнов. Очерк истории турецкой литературы. — Всеобщая история литературы. Под ред. В. Ф. Корша и А. Кирпичникова. Т. 4. СПб., 1892, с. 457.

[37] А. Е. Крымский. История Турции, с. 250.

[38] В. Д. Смирнов. Очерк истории турецкой литературы, с. 458.

[39] «Osmanlı İmparatorluğunun kurulduğu zamandan beri, saray, medrese, tekke ve yeniçeri ocağı türlü çevreler meydana gelmişti. Sarayla medrese klasik edebiyatın gelişmesini desteklerken tekke, kendine özgü edebiyatı meydana getiriyor, yeniçeri ocağı ise halk edebiyatını sürdürmeğe çalısıyordu. Tekke edebiyatı ile halk edebiyatının dili Türkçe idi. Klasik edebiyatın dili ise Arapça ve Farsçanın etkisi altında büsbütün başka bir yol güden yapma bir dildi. Bu dil, XIV yüzyıldan sonra konuşma dilinden büsbütün ayrıldı. O kadar ki, yalnız Türkçeyi değil, Arapça ve Farsçayı iyi bilenler bile onu doğru okumak ve kolayca anlamakta güçlük çektiler» (A. S. Levend, c. 12). («Начиная со времени создания Османской империи [в Турции] возникли различные [социальные] круги: [султанский] двор, медресе [мусульманские школы], текке [обители дервишей] и янычарский корпус. В то время как двор и медресе поддерживали развитие классической литературы, текке создавали для себя особую литературу, янычарский же корпус стремился поощрять народную литературу. Языком литературы текке и литературы для народа был турецкий язык. Языком же классической литературы был искусственный язык, развивающийся — под влиянием арабского и персидского языков — совершенно особым путем. Этот язык после XIV столетия совершенно отделился от разговорного языка.

Настолько [отделился], что даже хорошо знающие не только турецкий, но и арабский и персидский языки испытывали затруднения, [если желали] правильно читать и достаточно легко понимать [написанное] на этом языке»).

[40] M. F. Köprülüzade. XVI-ncı asır sonuna kadar Türk sazşairleri İstanbul, 1930.

[41] О них см.: А. Н. Кононов. Очерк истории изучения турецкого языка. Л., 1976, с. 9—15.

[42] См.: İz. Fahir. Eski Türk edebiyatında nesir. XIV. yüzyıldan XIX. yüzyıl ortasına kadar yazmalardan seçilmiş metinler. İstanbul, 1964.

[43] A. S. Levend, с. 76—79; Atsız. XVI-ncı asır şairlerinden Edirneli Nazmi'nin eseri ve bu eserin Türk dili ve kultur bakımından ehemmiyeti. İstanbul, 1934.

[44] Янычары целиком состояли из христиан. Об ассимиляции турками части местного населения Анатолии и Балкан см.: Д. Е. Еремеев. Этногенез турок, с. 142—149.

[45] Э. А. Грунина. Индикатив в турецком языке (в сравнительно-историческом освещении). Адд. М., 1975, с. 35.

[46] Там же, с. 37.

[47] Там же, с. 44.

[48] М. С. Михайлов. О форме на-*(у)-ası* в турецком языке.— Вопросы языка и литературы стран Востока. М., 1958, с. 141—155.

[49] M. F. Köprülü. Les origines de l'empire ottoman, с. 86.

[50] Э. В. Севортян. Фонетика турецкого литературного языка. М., 1953, с. 122—126.

[51] Э. А. Грунина. Индикатив в турецком языке, с. 37.

[52] См.: А. Н. Самойлович. Абу-с-Саттар кази. Книга рассказов о битвах текинцев. СПб., 1914, с. 011; A. S. Levend, с. 51—67; M. Mansuroğlu. Das Altosmanische, с. 162, § 21.

[53] Д. Е. Еремеев. Этногенез турок, с. 158.

[54] İsmail Habib. Tanzimattan beri. 1. Edebiyat Tarihi. Yeni ve kat'ı tabı. İstanbul, 1942, с. 211; A. S. Levend, с. 11.

[55] Y. K. Karaosmanoğlu. Yaban. İstanbul, 1942, с. 138.

[56] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 3, с. 427.

[57] А. Д. Новичев. История Турции. Т. 2. Новое время. Ч. 1 (1792—1839). Л., 1968, с. 99—179, 216—274; Д. Е. Еремеев. Этногенез турок, с. 160.

[58] А. Д. Новичев. История Турции. Т. 3. Новое время. Ч. 2. Изд. ЛГУ, 1973, с. 197—198.

[59] В. И. Ленин. О праве наций на самоопределение.— Полное собрание сочинений. Т. 25, с. 258—259.

[60] N. Kayabaşı. Dilde Atatürkçü çağdaşlaşma.— «Türk Dili». 1977, Nisan, № 307, с. 375.

[61] Подробнее см.: А. Д. Желтяков, Ю. А. Петросян. История просвещения в Турции (конец XVIII — начало XX века). М., 1, 1965.

[62] В. Д. Смирнов. Очерк истории турецкой литературы, с. 521.

[63] Там же, с. 521.

[64] См.: İsmail Habib. Tanzimattan beri, с. 23.

[65] İbrahim Necmi (Dilmen). Türk dilinin son elli yıllık değişmelerine bir bakış.— «Yeni Türk Mecmuası». İstanbul, 1933, № 11—14, с. 1064.

[66] İsmail Habib. Tanzimattan beri, с. 19, 211.

[67] Этот тезис выдвинут Н. Кемалем, видимо, в связи с тем, что многие современные ему и особенно более ранние писатели, как, например, историки Васыф (ум. в 1806 г.), Мехмед Эс'ад (ум. в 1848 г.) и др., довели высокопарность стиля до абсурда, занимаясь искусственным созданием новых слов из арабских корней.

[68] A. S. Levend, с. 114.

[69] Подробнее см.: A. S. Levend, с. 115—142.

[70] Там же, с. 156.

[71] Библиография турецких работ по грамматике и фонетике турецкого языка приведена в статье: A. Dilâçar. Gramer: tanımı, adı, kapsamı, türleri, yöntemi, eğitimdeki yeri ve tarihçesi.— TDAYB. 1971, c. 130—135, 138—143.

[72] Л. О. Алькаева. Творчество Халида Зии Ушаклыгиля. М., 1958, с. 31; A. S. Levend, с. 194—198.

[73] İsmail Habib. Tanzimattan beri, с. 195.

[74] Там же, с. 215.

[75] Некоторые данные о возникновении этого движения и точка зрения (весьма умеренная) на понимание задач движения изложены: Necib Asım. Tasfiyecilik.— «Türk Yurdu». VIII.

[76] Raif Mehmed Fuad. Türk dilini sadeleştirmek mes'elesi.— «Türk Yurdu». V—VI.

[77] Подробнее см.: K. Foy. Der Purismus bei den Osmanen.— «Mittheilungen des Seminars für orientalische Sprachen zu Berlin». 2. 1898, с. 20—55.

[78] История повторяется: эта практика получила небывалое распространение в Турции в 1934—1936 гг.

[79] İbrahim Necmi (Dilmen). Türk dilinin son elli yıllık değişmelerine bir bakış, с. 1068.

[80] О деятельности общества и содержании всех семи номеров органа этого общества, носившего то же название, см.: В. А. Гордлевский. Заметка о «Турецком собрании» в Константинополе.— Избранные сочинения. Т. 3. М., 1962, с. 287—298; A. S. Levend, с. 300—304; J. Germanus. Osmanische Puristen.— KSZ. T. 11. Budapest, 1910, с. 40—57.

[81] Так называлась статья, опубликованная в названном выше журнале, под которой вместо подписи стоял знак вопроса; однако известно, что эту статью написал Омер Сейфеттин. В последующих номерах журнала в качестве постоянной рубрики сохранилось название статьи Омера Сейфеттина. См.: A. S. Levend, с. 313—315; 330—336.

[82] Подробнее см.: A. S. Levend, с. 320—330.

[83] Ziya Gökalp. Türkçülüğün esasları. İstanbul, 1921, с. 97 (араб. шрифт).

[84] Там же, с. 98.

[85] Там же, с. 98.

[86] A. S. Levend, с. 332.

[87] Там же.

[88] Там же, с. 331—332.

[89] Türk dil kurumunun 40 yılı. Ankara, 1972, с. 31; A. S. Levend, с. 153—162.

[90] См.: Türk dil kurumunun 40 yılı; A. S. Levend, с. 406—526.

[91] Подробнее см.: A. S. Levend, с. 431—444; Е. Л. Гальперина. К вопросу об истории развития турецкого литературного языка. Период от 1928 до 1951 г.— ВДШ МИД СССР. 1952 (стеклограф. издание), с. 12—18.

[92] Этим аффиксам посвящена серия статей, см. сб. «Dilbilgisi sorunları. II». Ankara, 1972, с. 46—108.

[93] См.: Е. Л. Гальперина. К вопросу об истории развития турецкого литературного языка, с. 8 и сл.; Tahsin Banguoğlu. Türkçenin grameri. İstanbul, 1974, с. 158—204, 224—274.

[94] Tahsin Banguoğlu. Türkçenin grameri, с. 216—221.

[95] М. Лабенцка-Кехерова. К изучению языка поэтических произведений Назыма Хикмета.— «Folia Orientalia». Т. 3. Kraków, 1962, № 1—2, с. 216.

[96] Л. Н. Старостов. «Языковая революция» в современной Турции.— Проблемы изучения языковой ситуации и языковой вопрос в странах Азии и Северной Африки. М., 1970, с. 113—120; А. Н. Баскаков. Функциональная значимость инверсии в современном турецком предложении.— «Известия АН

СССР. Серия литературы и языка». 1972, № 4, с. 363—369; K. Acarlar. Devrik cümle.— «Dilbilgisi Sorunları». Ankara, 1972, № 2, с. 251—257.

[97] До недавнего времени подобные конструкции встречались преимущественно в топонимике: *Kadıköy, Topkapy* и т. п.; подробнее см.: С. С. Майзель. Изафет в турецком языке. М.—Л., 1957, с. 94—95.

[98] Ср.: Т. Грунін. Етапи розвитку турецької литературної мови.— «Мовознавство». Київ, 1935, № 3—4, с. 113—135.

[99] Сердечно благодарю В. С. Гарбузову, прочитавшую статью в рукописи и сделавшую ряд полезных замечаний.

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК
1976

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редакторы *Г. А. Давыдова, М. И. Штемпель*
Младший редактор *Л. А. Добродеева*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *Л. Ш. Береславская*
Корректор *Л. М. Кольцина*

ИБ № 13523

Сдано в набор 23/I 1978 г.
Подписано к печати 14/VII 1978 г. А-06521
Формат 60×90 1/16. Бум. № 1.
Печ. л. 18. Уч.-изд. л. 19,53. Тираж 1500 экз.
Изд. № 4212. Зак. № 62. Цена 3 р. 10 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, д. 12/1

3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

ИСПРАВЛЕНИЕ

На стр. 12, 1-я строка сверху, следует читать:
Один из лучших знатоков творчества Руми в Турции,

Зак. 664

3 р. 10 к.